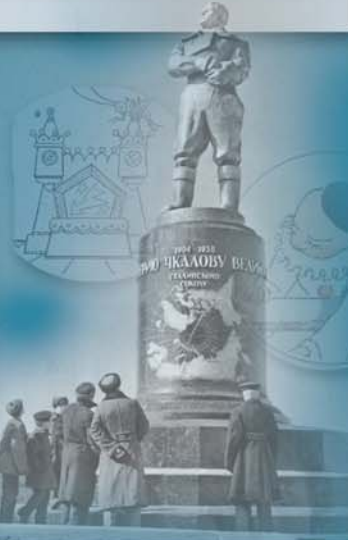

Кёльн • Париж • Москва • Берлин • Дюссельдорф • Санкт-Петербург • Брюссель

Интернациональный научный
альманах «Life sciences»
Самарский государственный
медицинский университет
Российско-немецкое
объединение культурологов
«Stadt-Land-Globalia» e.V.

Город и Время

том II
2012

Tea

H. 5)

Интернациональный научный альманах «Life sciences»
Самарский государственный медицинский университет
Российско-немецкое объединение культурологов
«Stadt – Land – Globalia» e.V.

Город ^и Время →

том II
2012

The city ^{and} time →

vol. II
2012

Проект № 12-13-63501 «Города – страна – Волга. Региональная культура и имидж города».
Печатается при финансовой поддержке РГНФ

УДК 60.546.21
ББК 394.014
Б91

Город и время: в 2 томах. Том 2. Интернациональный научный альманах «Life sciences», тематический выпуск 2012 г. Издание предпринято в рамках проекта «Города – страна – Волга. Региональная культура и имидж города».
Авторы проекта: Елена Бурлина, Лариса Иливицкая, Юлия Кузовенкова. – Самара: Самарское книжное издательство, 2012. – 242 с.

2012. – 207 с.

The City and time: in 2 volumes. Vol. 2. International scientific almanac «Life sciences», thematic release of 2012. The edition undertaken within the project «The Cities – the Country – Volga. Regional culture and image of the city».
The authors of the project: Elena Burlina, Larisa Ilivizkaja, Julia Kuzovenkova. – Samara: Samara book publishing house, 2012. – 242 p.

ISBN 978-5-91899-064-3

Альманах 2012 года «Город и время» посвящен гуманитарным проблемам. Образы волжского города Самары, других российских и зарубежных городов рассматриваются в разных контекстах: локальном и глобальном, историческом и современном. Авторы показывают трансформации образа города во времени и влияние городских имиджей на идентификацию человека.

УДК 60.546.21
ББК 394.014
Б91

Редакционная коллегия:

Г. Котельников (Самарский государственный медицинский университет, г. Самара)
М. Ягер (Университет Дуйсбург-Эссен, г. Эссен)
Г. Цепль-Кауфман (Институт изучения модерна на Рейне, Университет имени Г. Гейне, г. Дюссельдорф)
В. Майсис (директор театрального музея, г. Дюссельдорф)
Е. Бурлина (Самарский государственный медицинский университет, г. Самара; российско-немецкое объединение культурологов Globalia, г. Дюссельдорф, председатель ученого совета)
Н. Воронина (Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, г. Саранск; российско-немецкое объединение культурологов Globalia, г. Дюссельдорф, член ученого совета)
Т. Злотникова (Ярославский государственный педагогический университет, г. Ярославль)
Е. Шиллинг (Институт муниципального управления, Кёльн; российско-немецкое объединение культурологов Globalia, г. Дюссельдорф)

Авторы опубликованных статей несут полную ответственность
за содержание материалов.

ISBN 978-5-91899-064-3

© Авторы, 2012

Россия — типы и образы городов

Крупные города России: по материалам мониторинга

/Large cities of Russia: on monitoring materials/

Н.В. Зубаревич, доктор географических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, РФ

В статье крупнейшего российского специалиста в области социальной и политической географии и регионалистики представлены материалы мониторингов по городам Российской Федерации 2010 г. Автор указывает также на методологические принципы, по которым происходит сравнение городов, их группировка и, говоря языком философов и культурологов, типологизация объектов.

Ключевые слова: города, критерии уровня жизни и развития городов, 13 городов-миллионников, 23 полумиллионника, 27 городов от 200 до 500 тыс.

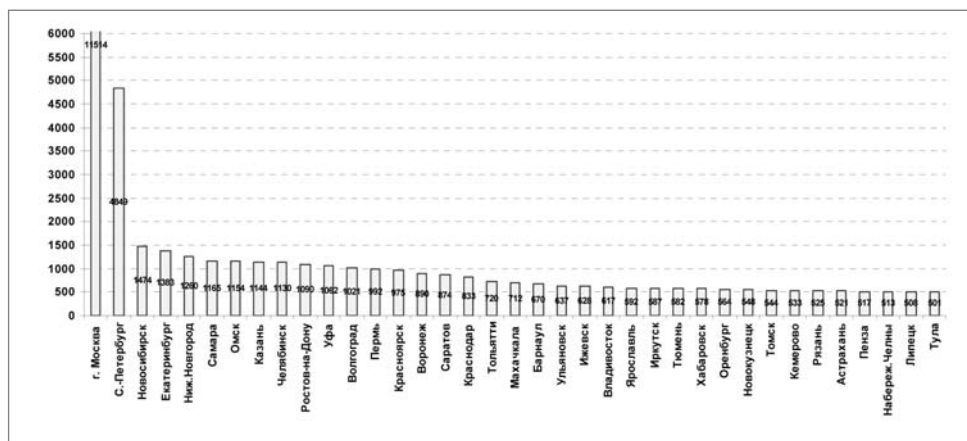
*N.V. Zubarevich, doctor of geographical sciences, professor
The Lomonosov Moscow State University
Moscow, RF*

In the article of the largest Russian expert in the field of social and political geography and region studies are presented the materials of monitorings on the cities of the Russian Federation in 2010. The author points also to methodological principles on which there is a comparison of the cities, their group and a tipologization of objects.

Keywords: cities, criteria of a standard of living and development of the cities, 13 cities of "million plus cities", 23 "half-million", 27 cities from 200 to 500 thousand.

Концентрация населения создает агломерационный эффект (эффект масштаба), позитивно влияющий на развитие городов. В 2012 г. в России насчитывалось 13 городов с населением свыше миллиона жителей. К 12 существующим добавился Красноярск путем расширения территории города и включения в его состав других населенных пунктов. Пермь перестала быть миллионником в 2003 г., но вернулась в их число весной 2012 г. благодаря изменению Росстатом методики оценки миграций (в миграционном притоке с 2011 г. стали учитывать временно прибывших на 9 и более месяцев). Еще 23 города имеют численность населения от 500 тыс. до миллиона (см. рисунок). Городов с населением от 200 до 500 тыс. чел. значительно больше – 57, из них Киров совсем недавно был полумиллионником.

Росстат не публикует статистические данные о миграции по городам, за исключением федеральных. Но вполне очевидно, что масштабы миграционного притока в Московскую агломерацию и в С.-Петербург на порядки выше, чем в региональные центры. Все региональные центры притягивают значительное количество мигрантов из своих регионов, но не все прибывшие регистрируются.

Рейтинг городов по численности населения на 2010 г. (города более 500 тыс. жителей)

Если сопоставить численность занятых на крупных и средних предприятиях и организациях и численность населения в трудоспособном возрасте, то самое высокое соотношение (69-75 %) имеют федеральные города и маленькие центры северных автономных округов – Салехард и Ханты-Мансийск. В большинстве крупных городов соотношение различается несущественно (около 50 %). Самые низкие значения имеют города в пределах крупных агломераций, значительная часть трудоспособного населения которых работает в Москве (Балашиха) или Нижнем Новгороде (Дзержинск), южные города с высокой неформальной занятостью и некоторые промышленные города. Для последних это обусловлено тем, что занятость на базовых для экономики города крупных предприятиях существенно сократилась, трудоспособное население либо перешло в малый бизнес, либо перебивается случайными заработками в неформальном секторе, либо стало трудовыми мигрантами.

Наиболее сильными проблемами на рынке труда в кризисный период, особенно в 2009 г., отличаются нестоличные промышленные машиностроительной или металлургической специализации (Набережные Челны, Рыбинск, Тольятти, Череповец, Комсомольск-на-Амуре, Нижний Тагил и др.), а также несколько региональных центров, также имеющих машиностроительную специализацию (Чебоксары, Курган, Ярославль, Вологда, Владимир и др.). За 2010 г. медленнее всего улучшилось положение на рынке труда двух машиностроительных городов – Рыбинска и Комсомольска-на-Амуре.

Уровень жизни населения крупных городов можно оценить только по заработной плате, другие показатели (душевые доходы, уровень бедности, обеспеченность автомобилями и др.) в муниципальной статистике отсутствуют. Все города можно разбить на три группы. Первая – северные города, города столичной агломерации и крупные региональные центры Урала и Сибири с повышенным уровнем заработной платы (номинальной и скорректированной) относительно средней по стране. Вторая и самая многочисленная – города со средними показателями (80-110 %). Третья – города с наиболее низкой заработной платой, даже скорректированной на стоимость жизни.

Проблема переполненности детских садов – общая для всех крупных городов, наиболее сильно переполнены детские сады в Краснодаре, Якутске, Рязани, Черкес-

ске, а не имеют этой проблемы только отдельные нестоличные города с постаревшим населением и оттоком молодежи (Комсомольск-на-Амуре, Рыбинск). Обеспеченность врачами также не зависит от величины города, но зависит от статуса – в федеральных городах и региональных центрах, где концентрируются медицинские учреждения, она значительно выше, чем в нестоличных и промышленных городах, различия достигают 5-6 раз. Обеспеченность амбулаторно-поликлиническими учреждениями также дифференцируется по статусному признаку, но лидируют, как правило, менее крупные по численности населения региональные центры. Таким образом, единую шкалу городов с лучшими и худшими условиями жизни построить трудно.

В советское время почти все крупные российские города были промышленными, но за два десятилетия большинство в значительной степени утратило эту специализацию. В кризисные 1990-е годы постиндустриальная трансформация была вынужденной – многие промышленные предприятия не смогли встроиться в рыночную экономику и резко сократили объемы производства и занятости, некоторые даже закрылись. В 2000-е годы, несмотря на экономический подъем, разделение крупных городов на промышленные и преимущественно сервисные сохранилось и даже усилилось. Региональные центры быстрее трансформируются в центры рыночных, потребительских и государственных услуг, а нестоличные крупные города чаще остаются промышленными.

При оценке промышленных функций города следует учитывать, что статистика может исказить реальную картину. Если производственная структура (юриди-

Группировка городов по уровню развития (без федеральных городов)

Группа городов	Лидеры	Середина	Аутсайдеры
Города с населением более 1 млн чел.	Екатеринбург, Казань Краснодар,	Новосибирск, Ростов-на-Дону, Уфа, Самара, Ниж. Новгород, Пермь, Челябинск, Красноярск	Волгоград, Омск
Города с населением от 500 тыс. до млн чел.	Тюмень, Липецк	Воронеж, Саратов, Барнаул, Владивосток, Ярославль, Рязань, Иркутск, Хабаровск, Оренбург, Томск, Кемерово, Новокузнецк, Астрахань, Пенза, Ульяновск, Тула	Тольятти, Махачкала, Киров, Ижевск, Набережные Челны
Города с населением менее 500 тыс. чел.	Калининград, Сочи, Белгород, Калуга, Сургут, Нижневартовск, Балашиха, Химки, Старый Оскол	Чебоксары, Курск, Тверь, Магнитогорск, Ставрополь, Архангельск, Владимир, Смоленск, Саранск, Орел, Череповец, Мурманск, Вологда, Новороссийск, Тамбов, Стерлитамак, Якутск, Петрозаводск, Тамбов, Сыктывкар, Братск, Орск, Нижнекамск, Ангарск, Благовещенск, Вел. Новгород, Энгельс	Брянск, Иваново, Улан-Удэ, Нижний Тагил, Курган, Волжский, Чита, Владикавказ, Кострома, Нальчик, Комсомольск-на-Амуре, Йошкар-Ола, Дзержинск, Шахты, Бийск, Армавир, Псков, Рыбинск, Прокопьевск

ческое лицо) зарегистрирована по адресу города, то к нему «приписано» и промышленное производство, хотя реально его нет. С учетом статистических искажений можно разделить все города России на 4 группы:

- суперпромышленные (Нижневартовск, Сургут, Нижнекамск, Череповец, Старый Оскол);
- промышленные (с близкими к среднероссийским показателями и выше);
- с сильно сократившейся промышленной функцией (большинство крупных городов);
- почти не имеющие промышленности – от Магадана до Махачкалы (показатели в 5-10 и даже более раз ниже среднероссийских).

В подавляющем большинстве крупных городов (2/3 от их числа) душевые доходы бюджета различаются несущественно – от 10 до 21 тыс. руб. на чел.

Рейтинги городов сейчас очень популярны, но они крайне уязвимы – результаты зависят от выбранных критериев, степени достоверности показателей, методов нормирования и интегрирования. Для обобщения результатов анализа выбран способ группировки с учетом численности населения городов, что само по себе очень важный критерий. Лидерство федеральных городов очевидно, они не рассматриваются. Все прочие крупные города разделены на три группы по численности населения (миллионники, с населением от 500 тыс. до миллиона, от 200 до 500 тыс. чел.). Внутри каждой группы проведено деление на лидеров, середину и аутсайдеров. Деление проводилось с учетом рассмотренных выше критериев с приоритетом инвестиций, заработной платы, занятости и доходов бюджета (регионы с самыми худшими значениями этих индикаторов попадают в группу аутсайдеров) (см. таблицу).

Полиэтнический город: времена и нравы

/Polyethnic City: Times and Ways/

Н.И. Воронина, доктор философских наук, профессор
Мордовский государственный университет им. Н.А. Огарева
Саранск, РФ

Рассматриваются проблемы современного полиэтнического города: феноменальность, этническая и культурная идентичность человека, некоторый опыт моделирования полиэтнического города и его составляющих.

Ключевые слова: полиэтнический город, идентичность, толерантность, диалог.

*N.I. Voronina, Dr. Phil., Professor
Mordovia State N.P. Ogarev Univesiti
Saransk, RF*

The paper covers the problems of a polyethnic city: phenomenality, ethnic and cultural identity of a person, a certain experience of modeling a polyethnic city and its components.

Key words: polyethnic city, identity, tolerance, dialogue.

Полиэтнический город как феномен. Полиэтнический город сегодня – это столкновение разных культур, менталитетов, религий, языков, традиций и как самостоятельное уникальное явление представляет универсальный и теоретический интерес для комплексного гуманитарного знания.

Для нового научного измерения данного феномена необходимо: во-первых, рассмотреть культуру этноса; во-вторых, детально проанализировать повседневность полиэтнического города, которая снабжает человека системой смыслов для ориентации в окружающем мире; в-третьих, – исследовать структурно-функциональные характеристики адаптации и самоидентификации этночеловека в этих условиях, т. е. осознанное принятие культуры и культурной идентичности; в-четвертых, создать базовую культурологическую модель существования полиэтнического города и этночеловека в этих условиях. Взаимодействия и взаимовлияния этих четырех сторон и есть суть контекста данного культурного явления как полиэтнический город.

Этнос: «мы» и «не мы». Л.Н. Гумилев, описывая этнос, выделяет его специфику и функциональную значимость, говоря, что «этнос у человека» – это то же, что «прайды у львов», стаи у волков, стада у копытных животных. «Эта форма существования вида Homo sapiens и его особей», которая отличается как от социальных образований, так и от чисто биологических характеристик, какими являются расы [1, 45].

Он придает этносу статус коллектива людей («динамической системы»), противопоставляющего себя всем прочим аналогичным коллективам («мы» и «не мы»), имеющего свою особую структуру и «оригинальный стереотип поведения; то и другое подвижно, т. е.

является одной из фаз этногенеза», процесса возникновения и исчезновения этнических систем в историческом времени.

Культура этносов несет в себе обычаи предков. Ее своеобразие и черты проявляются в особенностях пищи, одежды, фольклора, народного творчества. В ней выражается вековой народный опыт жизни и рационального хозяйства. Этническая культура – исходный базис национальной культуры. Она источник народного языка, который в национальной культуре становится литературным. А.Я. Флиер утверждает, что «...«ничейной» Культуры, или «Культуры вообще», в принципе «быть не может». А одно из важнейших свойств культуры – функционирование в качестве основания для самоидентификации общества и его членов, осознания коллективом и его субъектами своего группового и индивидуального (в группе) Я, «маркирования себя самобытными формами своей Культуры, различения «своих» и «чужих» по признакам Культуры и т.п.» [2, 37].

Национальные, этнокультурные начала и основания культуры человечества «хорошить преждевременно, слухи об их смерти, как говорил М. Твен, «явно преувеличены». Есть во всем этом не «сложение», не «суммирование» культур, феноменов и особенностей различных культур, а общее основание (культуры как таковой), которое создает удивительную цельность национальных культур, наличие довольно поражающего сходства между отдельными культурами, в центробежное движение истории (от пранародов к национальным формированиям) – прекрасную мозаичность мировой культуры. История дает нам картину, похожую на образ «расширяющейся Вселенной» (П.С. Гуревич): народы все более и более утверждаются в своих национальных началах, все более стремятся к самопознанию и самоутверждению. До периода «интернационального сжатия» еще далеко».

Многие люди «погружаются» в разные субкультуры, но для большинства в период слома социальной системы необходимо «зацепиться» за что-то более стабильное. Как и в других странах, переживающих эпоху острой социальной нестабильности, в России такими группами оказались межпоколенные общности - семья и этнос. Этническая идентичность является наиболее доступной формой социальной идентичности в России, Социальная идентификация и социальная дифференциация, если использовать категориальную сетку Тэшфела и Тернера строятся на процессе категоризации «мы» и «они». Или, по меткому высказыванию Б.Ф. Поршнева, «всякое противопоставление объединяет, всякое объединение противопоставляет, мера противопоставления есть мера объединения» [3, 84]. Значение и роль признаков восприятия членов этноса меняется в зависимости от особенностей исторической ситуации, от стадии консолидации этноса, от особенностей этнического окружения.

Итак, этнос определяется как устойчивая в своем существовании группа людей, осознающая себя ее членами, на основе любых признаков, воспринимаемых как этнодифференцирующие.

Человеку всегда необходимо ощущать себя частью «мы», и этнос – не единственная группа, в осознании принадлежности к которой человек ищет опору в жизни. Среди таких групп можно назвать партии, церковные организации и т. д. Многие люди целиком «погружаются» в одну из подобных групп, но в них стремление к психологической стабильности не всегда может быть реализовано. Состав такой группы постоянно обновляется, сроки их существования ограничены во времени, самого человека могут из группы исключить. Всех этих недостатков лишена этническая общность. Это межпоколенная группа, она устойчива во времени, для нее не характерна стабильность состава, а каждый человек обладает устойчивым этническим статусом, его невозможно «исключить» из этноса.

Этническая и культурная идентичность. Этническая идентичность – это не только принятие определенных групповых представлений, готовность к сходному образу мыслей

и разделяемые этнические чувства. Она также означает построение системы отношений и толерантность действий в различных межэтнических контактах. С ее помощью человек определяет свое место в политэтническом обществе и усваивает способы поведения внутри и вне своей группы.

Единый процесс дифференциации/идентификации приводит к формированию социальной идентичности, которая есть результат процесса сравнения «своей» группы с другими социальными объектами. Именно в поисках позитивной социальной идентичности индивид или группа стремятся самоопределяться, обособляться от других, утвердить свою автономность.

Н.И. Ульянов (1904-1989), крупный историк и культуролог русского зарубежья, высказал интересную для сегодняшнего дня мысль: «Русский народ почти неуловим при статистическом методе изучения. Каждый русский может быть отнесен либо к великорусам, либо к украинцам, либо к полякам, немцам, грузинам, армянам: Гоголь – хохол, Пушкин – из арапов, Фонвизин – немец, Жуковский – турок, Багратион – грузин, Лорис-Меликов, Вахтангов, Хачатурян – армяне, Куприн – татарин, братья Рубинштейны – евреи, добрая треть генералитета и чиновничества была из немцев. Можно без труда рассмотреть эту группу. Так сейчас и делают: каждая национальность старательно выискивает «своих» среди знаменитых русских и зачисляет их в свой национальный депозит.

Это шовинистская игра, и следить за ней можно с улыбкой. Печать русского духа, русской культуры слишком глубоко оттиснута на каждом деятеле, на каждом произведении, чтобы можно было стереть ее или заменить другой печатью. Отмеченное ею никогда не будет носить не великорусского, ни украинского, ни какого-то ни было другого имени. И если при статистическом подходе «русских» можно растащить как избу по бревнышку, то есть в то же время что-то подобное цементу, что сплавливает эту группу в другом плане и делает прочнее железобетонного сооружения» [4, 67].

Понимая, что смыслы – это единство индивидуального мироощущения и универсальных характеристик мира, осмысление и описание повседневной жизни этнокультурного мира, его жизнеспособность, причины «умирания» и возможности «возрождения» многомерного полиэтнического города дают ответ на метавопросы: что и как оптимально изучать в избранном объекте и почему объект предстает именно таким.

Пространство культуры выступает носителем человеческих смыслов. Смыслы не изобретаются. Они фиксируют опыт всего исторического прошлого. Мы черпаем их из глубины своего сознания. Основная задача культуры снабдить человека системой смыслов для ориентации в окружающем мире. Поэтому осмысление действительности происходит одновременно в двух пересекающихся направлениях: наделение смыслом окружающего мира и поиска собственного смысла.

Сам процесс возникновения культур характеризовался появлением качественного своеобразия, отличавшего разные культурные регионы. Обозревая историю человечества, нельзя не поразиться многообразию ценностных ориентаций, многообразию человеческих типов, национальных характеров.

Суть культурной идентичности заключается в принятии человеком соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, понимании своего «Я» с позиций тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе, в самоотождествлении себя с культурными образцами именно этого общества.

Во все времена культура являлась способом бытия человека в мире, способом его существования и жизни в предметной действительности. Человек не может находиться в естественной природе подобно животным; чтобы жить, он должен создать себе адекват-

ные условия существования, то есть сформировать искусственный социальный мир культуры. Каков человек – таков и мир, воспроизводимый им в процессе жизнедеятельности. В данном случае обнаруживается прямая зависимость между человеком и культурой: человек может создать только такие общественные формы бытия, которые характеризуют уровень его собственного развития, степень его понимания окружающей действительности, определенную способность к самосознанию и трансцендированию, умение мыслить в символических и знаковых формах и т.д. Другими словами, по конкретным достижениям культуры можно судить о самом человеке; человек узнаваем через мир культуры.

В то же время «культура начинается там, где существует противоречивое единство человека, его повседневного существования, его быта, его привязанностей и ценностей, его мирка – и большого мира, которому он принадлежит как родовое существо. Там, где эти два начала вступают во взаимодействие, там, где они порождают диалектическую, противоречивую нераздельность и неслиянность тенденции, с одной стороны, к обобщению духовного опыта, среды, коллектива, истории в виде норм, законов, идей, научных теорий, художественных образов, а с другой стороны, к опосредованию и заполнению их живым, конкретным, реально пережитым человеческим опытом и человеческим личным содержанием, – вот там и так, в сущности возникает культура», – утверждает Г.С. Кнабе [5, 1020].

Культурологическая модель полиэтнического города. Основными составляющими данной культурологической модели полиэтнического города могут стать: существование человека в языковой культуре при условии сохранения многоязычия; веротерпимость к различным конфессиям; сохранение исторической памяти города и архитектурных памятников в условиях этнокультуры; создание и поддержание фольклорных очагов культуры в условиях полиэтнического города; изучение и пропаганда стилевых особенностей и многообразия этноискусства; сохранение спортивных традиций народов, проживающих в городе; развитие национальной рекламы и внедрение этнодизайна в городскую среду и много другое.

Эти прикладные вопросы важны для развития теории и истории культуры – представление идеальной структурно-функциональной модели полиэтнического города в универсуме культуры с ориентацией на объемность и открытость, которая способна объяснить многообразие изменений, наблюдаемых в социуме российского полиэтнического города сегодня; а также представляет этнокультурным сообществам России концепции формирования этнокультурного пространства в полиэтническом городе; выработку и апробацию возможностей выхода из кризисных ситуаций.

Национальное и этническое пространство полиэтнического города. Национальный менталитет – это глубинные структуры культуры, определяющие на протяжении длительного времени этническое своеобразие.

Как правило, в отличие от идеологических, социально-политических, религиозно-конфессиональных и иных культуротворческих факторов, черты национального отличаются большой стабильностью и не изменяются столетиями. Менталитет национальной культуры, даже изменяясь, остается в своей основе постоянным, что позволяет идентифицировать культуру на всем ее историческом пути – от зарождения до расцвета и, может быть, гибели. Так, национальное своеобразие русской культуры узнаваемо и на стадии Крещения Руси, и в период монголо-татарского ига, и в царствование Ивана Грозного, и во времена петровских реформ, и при жизни А.С. Пушкина, и в «серебряный век», и при советской власти, и в эмиграции, и на современном этапе развития России.

Как полагает И.В. Кондаков, речь здесь идет, таким образом, не столько о самоидентичности культуры на протяжении тысячелетия, сколько о цивилизационном единстве России, и следует говорить о чем-то большем, нежели национально-культурный менталитет, а именно о ментальных предпосылках или основаниях сложившейся в России цивилизации, то есть о факторах цивилизациогенеза в России.

В этом отношении ментальные факторы цивилизации оказываются общими для ряда народов и даже этносов и в случае России носят определенно надэтнический и межэтнический характер, т.е. оказываются действующими - более того, системообразующими – для целого ряда генетически различных культур, связанных между собой общей исторической судьбой, единством территории, сходными геополитическими и природными условиями (ландшафт, климат, почвенное строение, акватория, фауна, флора и т. д.), принципами земледелия и скотоводства, чертами быта, а постепенно и особенностями государственного устройства, типами социокультурной динамики. Так, обладая своеобразными культурами, многие народы, населявшие Россию – тюркские и финно-угорские, закавказские и среднеазиатские – оказались причастными единой, общей для них российской (а затем и советской) цивилизации, и даже обретение национальной независимости и государственной самостоятельности не освободило большинство из них от общих цивилизационных закономерностей и тяготений.

Таким образом, национальное и этническое пространство – это суть разных категорий, поэтому возможно рассматривать пространство национальный и этнический культуры, которые наполнены своеобразными смыслами. Важно отметить, что они не только не чужды, но способны влиять друг на друга. «Однако диалог этот возможен лишь как естественный духовный процесс, т. к. только таким образом «другое» получает оценку и своеобразный смысл в границах «чужой» ментальности», – пишет философ Л.А. Шумихина [6, 43].

Тем не менее отметим и другой фактор – сегодня в российских провинциях, которым придан статус национальных автономий, идут сложные, болезненные процессы. Речь о реально существующих предрассудках, серьезно унижающих человека. Это предрассудки имперские, тоталитарные, их носителями, к сожалению, становятся вполне образованные люди, которые вдруг перестают «видеть человека» (потому что он другой национальной), сделанную работу, не распознают уникальность, не восхищаются неповторимостью.

Конкретный пример полиэтнический город Саранск, столица Республики Мордовия, в котором типичная ситуация сегодняшнего дня. «Ревнителю» чистоты этнической культуры призывают к возрождению культуры этносов (в данном случае мокши, эрзи) сквозь призму «фольклорного мировоззрения».

Что же означает в самом деле это пресловутое «фольклорное мировоззрение»? Фольклор мордвы (как, впрочем, и многих других этнических групп Поволжья, Урала, Севера) создавался в эпоху первобытности или родового строя. Он отражал времена жестоких межплеменных войн, прославляя воинов и богатырей. На мир сказочник смотрел глазами раба природы и стихийных явлений. У мордвы также сильны были языческие традиции. Споры нет, и в наше время нам дороги имена наших далеких героев, олицетворяющих лучшие черты народа. Но, думается, что сегодня уже возможно с пониманием отнестись к тому, что не все национальные особенности сохраняют свою жизненную необходимость для того или иного народа. Часто в степень национальных достоинств возводятся черты национальной ограниченности, черты отсталости, тормозящие развитие культуры, искусства. В частности, сегодня в Саранске эрзянское и мокшанское общества

проводят языческие праздники с жертвоприношениями и языческими плясками у костра, всячески пропагандируют древнюю символику животных (в играх, танцах, обрядах), настойчиво и упорно внедряют старинный костюм, для которого характерны пудовые сапоги, многокилограммовые набедренные пояса и т. д.

На наш взгляд, эти «нелепости» связаны с «махровым» провинциализмом, который останавливает движение народной культуры к высокой, замораживает на уровне самодельности профессиональное творчество национального (эрзямокшень) театра, национальных литературных журналов («Сятко», «Мокша») и других творческих коллективов, главным критерием которых остается лишь использование мордовского языка. Такое «украшение» прошлого тянет на одну из модификаций шовинизма на национальной почве (по классификации Е.Я. Бурлиной названного «обыкновенным») [7, 48]. Он довольно агрессивен по отношению ко всему новому, нарушающему привычный ритм жизни.

Подчеркнем отрицательное воздействие закрытости этнических культур, ограниченность трансляции культурных ценностей на культуру общества и отдельного индивида. Это очевидно на примере Мордовии, имеющей уникальные национальные ценности, но мало доступные в социальном пространстве: село Подлесная Тавла с оригинальной резьбой по дереву, город Темников с народной музыкальной культурой, село Судосево с оперными театральными традициями, своеобразные театральные действия мордвы, связанные со свадебным обрядом, отдельные блюда мордовской национальной кухни, этнический костюм со своей интимной, сокровенной природой вышивки и многое другое. Кто в России знаком с этой красотой?

Явления этнической культуры самобытны, но на современном этапе остро ощутима их слабая включенность в контекст мировой и европейской культур. В связи с этим возрастает экологическое значение проблемы. На первых порах России нужна своя культурная карта. В единой горе важно различать и знать разные зоны сверкания. Поддерживать свое в любой культуре, делая ее «столицей» своих приоритетов, осмысляя и демонстрируя самих носителей данной культуры в диалоге не с одной единственной, а со столицами разных культурных регионов, не исключая возможности общения в новоевропейском культурном пространстве.

Культура толерантности – культура диалога. Итак, мы выяснили, что идентичность – осознанное самоопределение социального субъекта, следовательно, идентификация (понятие впервые (1921) ввел в научный обиход З. Фрейд) – это процесс становления, функционирования и развития идентичности, то есть динамический процессуальный аспект формирования, вкладывая в его близкое по смыслу понятие «подражание». Благодаря процессу идентификации происходит сопоставление, сличение одного объекта с другим на основании какого-либо одного признака или свойства или комплекса свойств, в результате чего происходит установление их сходства или различия, распознавание образов, образование обобщений и их классификация, анализ знаковых систем и т. д.

Характеризуя современность как эпоху глобального кризиса – политического, экологического, нравственного и т.д. – многие исследователи проблемы толерантности видят в ней фактор, который может быть положен в основу сближения цивилизаций, государств, народов и этнических групп.

Понятие «толерантность» имеет нечеткий, иногда противоречивый характер. Одни видят в толерантности «жизненно важный принцип», полагая, что «она даст шанс выжить цивилизации». Другие считают, что она служит лишь для того, чтобы символически «складывать реальный раскол и безразличие», которые демонстрирует человечество.

Толерантность – понятие многоаспектное и может рассматриваться как с позиций личности, ее установок, ценностей, так и с точки зрения воспитания, развития. Толерант-

ность – это цель и результат воспитания, а также ценность и качество личности, проявляющееся в поведении и поступках, она противопоставляется стереотипности и авторитаризму. Толерантность необходима для успешной адаптации к новым условиям. В связи с этим выделяются два вида толерантности:

- внешняя толерантность – убеждение, что другие могут видеть вещи с другой точки зрения, способны иметь свою позицию;
- внутренняя толерантность – способность к размышлению над проблемой и принятию решений.

Несмотря на различия в оценке толерантности, всех ученых объединяет уверенность в необходимости борьбы с интолерантностью, которая порождает отчуждение, жестокость и насилие. Поэтому в процессе идентификации так важны следующие принципы:

- подчинение законам;
- отказ от насилия;
- добровольность выбора;
- принятие «Другого»;
- спокойное философское отношение к жизни;
- отказ от национализма и шовинизма, который часто лежит в основе межэтнических и межрелигиозных конфликтов;
- совместимость разных культур, менталитетов, религий, языков в современном мире.

В российской гуманитаристике толерантность пересекается с понятиями милосердия и гуманизма, предполагающими терпение и снисходительность.

Культура толерантности – культура диалога. Диалогическое отношение к другому человеку, к другой культуре – проблема одновременно философская, этическая и жизненно-практическая. Смысл проблемы – в обнаружении целостности путем сличения, сопоставления частных и во многом противоречивых компонентов, каждый из которых признается истинным (в культурологической интерпретации – самодостаточным и «равновеликим» остальным). Диалогический подход – своеобразный антитезис пониманию единства как борьбы противоположностей.

Как преодолеть границы, чтобы услышать «Другого» в полиэтническом городе? Проблематика диалога – это, может быть, самая универсальная и одновременно самая интимная проблематика человеческого бытия.

Эффективность диалога в значительной мере зависит, во-первых, от объективной способности тех или иных культур к реальному «сотрудничеству», от их готовности заимствовать, адаптировать чужое, делиться или поступаться своим; во-вторых, большинство культур обладает значительным запасом внутренних потенций для саморазвития. В силу этого результативность диалогических отношений как по «горизонтали» (между культурами), так и по «вертикали» (внутри каждой культуры), напрямую зависит от того, на каких уровнях происходит контакт. В целом смысловой диапазон и креативные возможности диалога культур, по мысли И.Н. Лисаковского, практически «абсолютны»: от выраженной непродуктивности в пределах неизбежно «закрытых» этно-народных традиций, «через интенсификацию на полях национальных культур, до его обесмысливания на меж- и транснациональных уровнях» [8, 44].

В едином государстве, имеющем общее правительство, общие законы, государственную границу, органично соединяются различные этносы, отличающиеся друг от друга по менталитету, языку, историческому развитию. Толерантность в таком случае осознает-

ся как значимая ценность общества, лежащая в основе воспитания взаимопонимания между людьми разных рас, национальностей и вероисповеданий. Сегодня в разных государствах апробируется суперэтническая национальная идея, в основе которой лежит толерантность. Примером в этом отношении может служить Канада, где проводится политика, выражающаяся в концепции многокультурности: одна суперэтническая нация – канадцы, два официальных языка – английский и французский, много этнических культур.

Нельзя не отметить симптомы другого характера, которые в сегодняшней России связаны с этнической идентификацией. М.В. Ремизов в статье «Русский национализм как идеология модернизации» говорит о социальном распаде, который характеризует следующими признаками:

- феномен системообразующей коррупции. Высокий уровень недоверия граждан к государственным институтам;
- взаимное отторжение между элитами и народом, так называемое социальное расслоение;
- люмпенизация населения, замыкание людей в частной жизни;
- хозяйственная и психологическая дезинтеграция страны;
- кризис массовой армии или средней школы. «Эти институты Современности, которые должны служить машинами социализации, машинами по производству полноценных граждан, сегодня производят что-то совсем иное» [9, 195-196].

Где и в чем искать выход? «Ответом на этот вызов общественного распада, – считает Ремизов, – и является по своему призванию национализм, поскольку он дает членам общества прочное основание для взаимной солидарности. Другой силы, которая прочно привязала бы «элиты» к народу, которая сплотила бы друг с другом русскую Карелию и русское Поморье, которая позволила бы государству стать по-настоящему своим для граждан, то есть вызывающим «активную лояльность» и которая обосновала бы применение чрезвычайных мер для санации самого госаппарата – я просто не вижу. Это единственный шанс на воссоздание целостности нашего общества» [10, 196].

Приведенный выше пример национализма в отдельно взятой Республике Мордовия протекает по другим канонам. Такой тип современного провинциализма назовем активным, так как он агрессивен по отношению ко всему новому, нарушающему привычный ритм жизни, а также желающий покорить мир, заявить о существовании своего «Я». Это – другая форма национализма.

Действительно, под «национализмом» могут пониматься совершенно разные вещи. И Ремизов, в своих размышлениях подводя итог пониманию данного вопроса, концепцию «гражданского национализма» противопоставляет «этническому».

Первое. Нация – это сообщество граждан (государство). Нам только предстоит его создать, и материалом, из которого оно будет строиться, являются этнические узы. Иными словами, «гражданский национализм» хорош как фиксация уже созданного национального государства, а не как программа его создания.

Второе. Само понятие этничности часто искажают, сводя его к понятию «состава крови». Никаких оснований для этого нет. Даже сам «род», не говоря уже о «народе», является, прежде всего, культурной, а не биологической реальностью. Для существования «рода» важно не то, что мы родственники, а то, что мы мыслим и действуем в категориях родства, со всеми вытекающими последствиями.

Этничность – это реальность гораздо более сложная. Она включает в себя и общность происхождения (реальную или вымышленную – не важно), и общность культуры, и исторические воспоминания, и даже конфессиональную принадлежность.

Таким образом, к примеру, русская этничность – это синкретическое единство русского фенотипа, русского языка, исторической мифологии, православного мировоззрения, православной эстетики, ландшафта среднерусской возвышенности и многого другого.

Ремизов утверждает, что: «нацией становится тот этнос, который не просто имеет свою государственность, а тот, который умеет воспроизводить себя и свою идентичность посредством матриц современного общества. Таких как массовое образование, массовая армия, литература, СМИ и т. д.» [11, 200].

Достаточно ли «отремонтировать сломанные машины социализации» – школу, армию, политическую партию, наконец, сам институт гражданства (не затрагивая этнических чувств) для того, чтобы преодолеть катастрофу распада? Возможно. Эта позиция будет разумна. Но дело в том, что все названные институты – это именно машины, которые не создают идентичность, а тиражируют ее. Б. Андерсон считал, что современные нации созданы «печатным станком», то есть как раз машиной для «тиражирования». Но печатный станок создал нации лишь потому, что на нем было что печатать. То есть была мобилирующая идентичность, которую можно было тиражировать.

«Так вот, есть все основания считать, – заключает Ремизов, – что единственным ресурсом идентичности для распадающегося общества является этничность. Она имеет до-современную природу, она остается живой при крушении структур современности, которое с нами произошло, и является необходимым фундаментом для их восстановления» [12, 200]. Поэтому в нашей ситуации никакого другого национализма, кроме этнического, не существует. А полиэтничный город способен быть ядром и, транслируя многообразие этнических культур, одновременно их консолидировать.

Литература

1. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. – М., 1997.
2. Флиер А.Я. Культурогенез. – М., 1995.
3. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. – М., 1979.
4. Ульянов Н.И. Русское и великорусское // Антология русской философии. – М., 1996. – С. 66-68.
5. Кнабе Г. Проблема постмодерна... // Избранные труды: Теория и история культуры. – М., 2006. – С. 1018-1043.
6. Шумихина Л.А. Генезис русской духовности. – Екатеринбург, 1999.
7. Бурлина Е.Я. Мифы провинциальной культуры // Российская провинция. – № 1. – 1994. – С. 47-48.
8. Лисаковский И. Художественная культура. Термины. Понятия. Значения. – М., 2002.
9. Ремизов М. Русский национализм как идеология модернизации // Логос. – № 1 (58) 2007. – С. 195-196.
10. Там же. – С. 196.
11. Там же. – С. 200.
12. Там же.

Особняк на Санаторной – КОНТРАПУНКТ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

/Mansion at the the Sanatornaya station as a counterpoint of modern history/

В.А. Гайкин, кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Владивосток, РФ

Представлена биография дома, отразившая историю XX века с ее войнами и социальными катаклизмами. Люди, пристанищем которых стал особняк на станции Санаторной, были причастны ко многим великим потрясениям, изменившим мир и Россию.

Ключевые слова: Владивосток, станция Санаторная, Бринер, Ким Ир Сен, Генрих Лышков.

V. A. Gaikin, candidate of historical sciences, Institute of History, Archeology and Ethnography Peoples of the Far East, Far East Branch of Russian Academy of Sciences Vladivostok, RF

Biography of the house, reflecting the history of the XX century, with its wars and social disasters. People, whose home was a mansion at the Sanatornaya station were involved in many of the "great upheaval" changed the world and Russia.

Keywords: Vladivostok, station Sanatorium, Briner, Kim Il Sung, Genrikh Lyushkov.

Э тот двухэтажный деревянный особняк в лесном пригороде Владивостока (станция «Санаторная») разрушается, брошенный на произвол судьбы, как старый больной бомж, за плечами которого жизнь, наполненная событиями, населенная яркими персонажами, сыгравшими в прямом и переносном смыслах значительные роли в мировой культурной и политической жизни. Дом построен приморским олигархом Борисом Бринером и использовался в качестве дачи. Его отец Жюль Бринер (выходец из Швейцарии) в 1902 г. продал царскому правительству лесную концессию в верховьях пограничной реки Ялу, что было использовано Японией в качестве одного из поводов для развязывания войны против России 1904 – 1905 гг. Борис Бринер, «владелец заводов, портов, пароходов» (в частности дальнегорских рудников), успел побыть министром Дальневосточной республики. Его империя была национализирована советским государством. И семья сочла за благо в 1931 г. эмигрировать в Харбин.

Дом помнит озорного мальчугана Юлия (Юла), который стал любимцем зрителей полевого кинематографа, всемирно известным актером Юлом Бриннером, американским Робин Гудом из знаменитого вестерна «Великолепная семерка», за чьими подвигами на экране с замиранием сердца следили миллионы советских людей в 60-е гг.

Особняк пережил революционные потрясения, и в 30-е годы всемогущий НКВД устроил здесь спецшколу. Ее посещал замнаркома НКВД Лышков (самый высокопоставленный перебежчик) перед тем, как «уйти» в Японию в 1938 г. Информация, которую он передал, была бесценна: дислокация советских войск, военные шифры, информация о группе Зорге и т. д. Японцы застрелили Лышкова 19 августа 1945 г., после вступления советских войск в Маньчжурию.

В 1942 г. в этом «учебном заведении» осваивал тонкости диверсионно-разведывательной работы молодой корейский партизан Ким Сон чжу, в 1946 г. ставший известным всему миру как Ким Ир сен – лидер Северной Кореи. Впервые я узнал об этом в конце 70-х гг., работая над диссертацией о борьбе корейцев за независимость (в том числе о партизанской борьбе Ким Ир Сена) и наткнувшись в «ленинке» на серьезный японский источник, согласно которому в 1942 г. Ким Ир Сена видели японские агенты в районе станции Санаторной. Я посме-

ялся над этим вымыслом. Ведь шпионская сеть к этому времени была ликвидирована (в то время я верил в эти сказки). Кроме того, Ким Ир Сен в начале 40-х гг. был всего-навсего командиром партизанского отряда в Маньчжурии. И найти средней руки партизанского лидера на бескрайних просторах СССР было гораздо сложнее, чем пресловутую иголку в стоге сена.

Каково же было мое удивление, когда в автобиографии Ким Ир сена, вышедшей в конце 80-х годов, я прочитал, что в 1942 г. будущий президент Северной Кореи действительно обучался в советской спецшколе, находившейся в этом месте! Какой многочисленной, разветвленной, имеющей устойчивую связь с Японией должна была быть японская разведсеть на территории СССР (в годы войны!), чтобы моментально идентифицировать корейского партизана, появившегося на короткое время на маленькой железнодорожной станции в лесном пригороде Владивостока! Имеет право на существование и другое объяснение столь быстрой фиксации японской разведкой появления Ким Ир Сена на Санаторной – «наводка» Люшкова, обладавшего феноменальной памятью, несколько месяцев диктовавшего японским коллегам из спецслужб по 40 страниц в день. Информацию, которую он «сбросил» японским спецслужбам, можно смело назвать «большой энциклопедией НКВД» (и не только).

Как место, связанное с жизнью великого вождя корейского народа, дом мог бы стать Меккой для северокаорейских туристов, свято чтящих все, что имеет отношение к первому президенту КНДР. Директор Восточной школы Павел Спивак вспоминает: «В первые годы моего директорства Восточной школы был случай, когда на Санаторной останавливался на несколько часов спецпоезд уже нового лидера Северной Кореи Ким Чен Ира. Санаторная была совместно окупана братскими спецслужбами, а у меня в памяти – серьезные восточные мужчины из-за забора почтительно фотографируют Восточную школу».

В «эпоху застоя» особняк был служебной дачей одного из руководителей Приморского края. После того как Россия «обрела независимость», дом почувствовал, что развязка не за горами. Правда, в 90-х гг. в этом здании успешно функционировала Восточная школа, где владивостокские дети получали уроки истории зарубежного Дальнего Востока, древней и загадочной культуры. Директор Восточной школы Павел Спивак однажды случайно наткнулся в подвале на человеческие останки. Кем был этот незнакомец? Невольным свидетелем тайн семьи Бриннеров? «Человеком в железной маске», убитым сотрудником НКВД? Сохранив в тайне страшную находку, Павел Спивак снова закопал истлевшие останки. Кому сейчас интересны жуткие тайны XX века? Тем, кто сегодня «у руля», стала не нужна и сама Восточная школа, которую выбросили из бринеровского особняка.

Старый дом, переживший революции и войны, тихо умирает в мирное время, как лишний свидетель эпохи великих потрясений, разглядывая пустыми глазницами выбитых окон быстро меняющийся пленэр.

Литература

1. Романов Б.А. Витте и концессия на р. Ялу // Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф. Платонову. – Петроград, 1922. – С. 431.
2. Бабцева И.И. Из истории семьи Бринеров (по материалам фондов музея) // Янковские чтения. Материалы конференций 1992, 1994, 1996 гг. / Приморский государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева. – Владивосток: Фаркон, 1996. – С. 60.
3. Спивак П. От разведшколы до восточной школы // Правда Приморья. – 2008. – № 28.
4. Наумов Л. Борьба в руководстве НКВД в 1936-1938 гг. – М., 2006. – С. 92.
5. Токко гайдзи гэппо (Бюллетень внешней разведки). – Токио, 1944, ноябрь (яп. яз.). – С. 76-78.
6. Тиан гайке гаппо (Краткое ежемесячное обозрение общественного порядка). – Б. м., 1940, ксилограф (яп. яз.).
7. Ким Ир Сен. В водовороте века. – Пхеньян: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1993. – Т. 3. – С. 325.
8. Спивак П. О сколько тайн и странных совпадений таишь ты, Санаторная... // Арсеньевские вести. – 23.07.08.
9. Завадская М. Хунхузы, чиновники и восточная школа // Арсеньевские вести. – 12.12.07.

Южно-Уральский город как социокультурный феномен /Southern Ural City as Sociocultural Phenomenon/

Г.Е. Гун, кандидат философских наук, доцент
Магнитогорская государственная консерватория (академия) им. М.И. Глинки
Магнитогорск, РФ

Рассмотрены история возникновения и культурные особенности городов Южного Урала. На примере городов региона автор характеризует традиции индустриально ориентированной урбанизации, представляющей значимый феномен российской культуры и истории. Показаны типичные и особенные черты региональной городской культуры. Рассмотрены возможные стратегии развития городов региона.

Ключевые слова: Южный Урал, регион, город, культура, региональная культура, городская культура.

*G.E. Gun, Ph.D., Dozent
Magnitogorsk state conservatories (academy) of M.I. Glinka
Magnitogorsk, RF*

In the article are considered the history of emergence and cultural features of the cities of South Ural. On an example of the cities of the region the author characterizes traditions of industrially focused urbanization representing a significant phenomenon of the Russian culture and stories. There are shown the typical and special lines of regional city culture. There are considered possible strategies of development of the cities of the region.

Keywords: the southern Ural, region, city, culture, regional culture, city culture.

Челябинская область – один из наиболее развитых в промышленном отношении регионов страны. Север и северо-запад области, называемые горно-заводской зоной, представляют урбанизированную и насыщенную промышленными объектами территорию, которая отдельными чертами напоминает европейские урбанистические конгломерации (например, Северную Рейн-Вестфалию в Германии). В таком контексте весьма интересным представляется характеристика Южно-Уральских городов, открывающая возможности для интересных исследовательских сюжетов сравнительного характера.

Как административно-территориальное образование Челябинская область сформировалась в XVIII веке. Современная территория области, несмотря на многократные изменения в XVIII, XIX веках и первой половине XX века (в 1943 году обрела свои современные границы) формировалась не стихийно, а была целенаправленно спроектирована. Челябинская область проектировалась как место, где сконцентрированы высокотехнологичные, сложные, но при этом опасные, а зачастую – вредные и грязные производства. Со-

временные принципы образования области окончательно оформились во времена строек Советской власти, когда возводились Челябинский тракторный завод и Магнитогорский металлургический комбинат, закрепились во время и после Великой Отечественной войны и окончательно утвердились после размещения на ее территории объектов по производству и переработке ядерных материалов.

Регион имеет глубокие промышленные традиции. Историк Г.Б. Зданович, открывший на Южном Урале «страну городов» эпохи бронзы, полагает, что именно тогда зародилась традиция плавки металлов. На территории Челябинской области в XVII – XVIII веках начиналась горнозаводская промышленность России, здесь работали многие выдающиеся ученые (Тащицев, Паласс, Фальк, Аносов, Менделеев, Ферсман, Вернадский и др.). С XIX века и по настоящее время Южно-Уральский регион остается ведущим металлопроизводящим центром.

Эти исторические обстоятельства предопределили особенности культуры региона и тех поселений, которые здесь возникали. Не случайно историческими и культурными символами Челябинской области стали завод «Пороги», металлургические промыслы каслинское художественное литье, Златоустовская гравюра на стали, города-заводы Танкоград и легендарная Магнитка.

Большинство старых городов на севере и северо-западе области возникали при заводах. Это так называемые горно-заводские поселки. Например, город Касли возник при чугуноплавильном и железодельном заводе, основанном в 1747 году купцом Я. Коробковым на озере Касли. В 1811 году на заводе было освоено литейное дело, выпускались военные орудия. Чуть позже начали отливать посуду и художественное литье. Со временем сложилась городская инфраструктура и городская среда, наиболее важными элементами которой являются дом управляющего заводом, историко-мемориальный комплекс кладбища, памятник «Каслинский рабочий» и госпиталь.

Современный Миасс был основан как поселок при Миасском медеплавильном заводе, построенном на реке с таким же названием купцом Л. И. Лугининым в 1773 году. Социально-экономическому развитию Миасского завода способствовала золотодобыча, начавшаяся после открытия в 1823 году крупных месторождений золота. Миасс знаменит не только историей золотодобычи, но и усадьбами золотопромышленников, архитектурным комплексом старых казарм, Красной церковью, Бывшим особняком и магазином купца Смирнова.

Город Миньяр вырос на месте поселка, основанного в 1771 году при Миньярском (Нижне-Симском заводе) железодельном заводе, поостренном горнозаводчиками И.Б. Твердышевым и И.С. Мясниковым по указу Берг-коллегии. Главной исторической и архитектурной достопримечательностью до сегодняшнего дня является железодельный завод и Церковь у плотины.

В 1815 году при Златоустовском железодельном и чугунолитейном заводе открылась фабрика по производству строевого (форменного) оружия для армии и флота. Для выполнения заказов на почетное и именное оружие был открыт цех «украшения оружия». Вслед за заводом возникает и город. Выдающийся архитектурный ансамбль в стиле русского классицизма находится в центре Златоуста. Он включает здания арсенала, лаборатории, оружейной фабрики, дом управляющего Златоустовским горным округом и расположенные по периметру главной площади города здания.

Город Кыштым основан на месте поселка при Верхне-Кыштымском чугунолитейном и Нижне-Кыштымском железодельном заводах, построенных Н.Н. Демидовым. Кыштымское железо отличалось высоким качеством, символом которого было клеймо с изображением двух соболей. Городская среда в значительной степени сформирована такими объектами инженерного и общественного назначения, как Ансамбль усадьбы заводладельца «Белый дом», чугуноплавильный и железодельный завод, плотина Нижне-Кыштымского пруда.

На этом фоне нетипичными для области выглядят истории городов, которые возникали как торговые центры или крепости. Город Верхнеуральск был построен в 1735 году на реке Яик (Урал) как казачья крепость и сохраняет историю Оренбургского казачьего войска. Одной из архитектурных доминант города (наряду с магазином купца Гогина, дома Терентьева, генерала Старикова и др.) является казачий Арсенал. Верхнеуральск выделяется прекрасно сохранившейся архитектурной средой начала 20-го века в историческом центре.

Столица области, город Челябинск, основан в 1736 году как крепость, ставшая одной из русских крепостей, обеспечивающих возможность безопасного подвоза продовольствия из приисетских слобод до Верхояицкой пристани и к строящемуся Оренбургу. Переломным периодом в жизни Челябинска стали 1890-е годы, когда было начато строительство Транссибирской магистрали. Челябинск стал одним из главных транзитных пунктов переселенческого движения из Европейской России за Урал. Но наиболее значимым в истории региона и области стал момент строительства в Челябинске крупных промышленных предприятий – Metallургического комбината и тракторного завода, которые определили место города в истории страны и региона как легендарного Танкограда.

История урбанизации региона по промышленно ориентированному сценарию получила свое продолжение и в XX веке, но на новых идеологических основаниях. Для Южного Урала советского периода типичен не просто образ города-завода, а соцгород. Яркий тому пример – Магнитогорск. Логика проводимой в стране индустриализации потребовала создания новых городов, одним из которых и стал Магнитогорск. Город был построен в 1929 году возле гигантского промышленного предприятия и имел большие перекосы в городской инфраструктуре. Как любой моногород, Магнитогорск характеризуется специализацией экономической базы вокруг градообразующего предприятия и не имеет глубокого культурного прошлого, что затрудняет процесс формирования условий для культурного развития, не связанных с производством.

В этом контексте показательна ситуация с городскими памятниками. В Магнитогорске существуют архитектурные комплексы неоклассического стиля (т.н. сталинская архитектура), скульптуры и скульптурные группы, посвященные разным персонам. Но самые известные памятники связаны с индустриальной тематикой. Это монумент «Тыл – фронту», памятники «Первостроителям Магнитки» и «Первая палатка», первая домна-уникум Магнитогорского металлургического комбината и, наконец, памятник «Металлург».

Описанная выше практика урбанизации обусловила особый характер взаимоотношений производства и социума. Общество и сценарии его развития зависят от производства. Область живет, пока живет и развивается производство. Все финансовые возможности сконцентрированы у предприятий, которые строили жилье, больницы, детские сады, увеличивали заработную плату. Целенаправленно формировалось представление об особой миссии уральцев: на их плечах держится вся страна, они себе не принадлежат. Особенности менталитета южноуральцев закреплены в таких формулах, как «Урал – опорный край державы», «Урал – хребет России».

Писатель А. Иванов посвятил культуре Урала книгу с аналогичным названием, в которой раскрывает особенности местной культурной идентичности, названной им «Уральской Матрицей». Для Алексея Иванова Урал, который всегда был заводским и капиталистическим, воплощает горнозаводскую цивилизацию, отличающуюся от крестьянской русской цивилизации. Для ее характеристики среди прочих важными оказываются такие универсалии, как держава в державе, ресурс, и личностный тип Мастера. Автор рассуждает обо всем Урале, но его выводы приложимы и для описания культуры Южного Урала.

Тот факт, что область является одним из наиболее развитых в промышленном отношении регионов, можно рассматривать как некую благоприятную предпосылку для культурного развития, т.к. на ее территории сосредоточено большое число высокообразованных специалистов: научных работников, ИТР и высококвалифицированных рабочих, что могло бы способствовать развитию культуры населения. С другой стороны, в условиях, когда требовалось большое количество специалистов технического профиля, недооценивалось значение художественной культуры. Косвенным подтверждением этого является тот факт, что поздно сложилась система гуманитарного образования. Региональные социологические исследования подтверждают тезис о разрыве уровня технической и гуманитарной культуры населения, характерный для Челябинской области. Эта проблема, обнаруженная социологами, приобретает особую остроту в современных условиях перехода от техногенно-экономической парадигмы к эколого-гуманистической.

Для «горнозаводской» цивилизации Южного Урала и городов региона актуальной является проблема поиска стратегий будущего развития. Центры сталелитейной промышленности, ориентированные на производство и характеризующиеся сложной экологической ситуацией, переживают непростые времена и постепенно утрачивают роль важных городских центров. Это – общемировая тенденция. Если города периода индустриальной революции являли собой ландшафты, обезображенные промышленными сооружениями, а жилые районы и вся городская инфраструктура имела второстепенный характер, то современный идеальный город похож не на промышленный центр, а на университетский городок или выросший на его основе технополис. Ряд европейских стран развернули программы конверсии промышленных регионов для создания условий гармоничного проживания и культурного развития в бывших индустриальных центрах. Здесь формируются альтернативные городские районы, либо развиваются новые сектора экономики, либо на закрытых производственных площадях открываются культурные или развлекательные центры. Эти изменения делают внутреннюю городскую систему и внешнее ее окружение более сбалансированными. Примеры такого преобразования есть и в городах Северной Рейн-Вестфалии.

Можно говорить, что и в России такой опыт тоже имеет место. Однако для регионов, удаленных от центра, он еще не стал повсеместным. Челябинской области, как самобытному региону, еще предстоит определить стратегии развития городов. Возможно, наиболее реальным сценарием является путь превращения в такой тип технополиса, который возникает в индустриальных регионах на основе реконструкции производства (или появления новых производств) в интеграции с наукой. Решающую роль в рождении подобных технополисов должны сыграть местные университеты и иные высшие учебные заведения. Хорошим примером городов такого рода является Бостонский Рут-128. У городов-заводов Челябинской области существуют возможности для реализации такой стратегии развития.

Таким образом, на примере городов региона можно говорить о традиции индустриально ориентированной урбанизации, представляющей значимый феномен российской культуры и истории. Эти города участвовали в формировании особого типа региональной культуры, а сегодня активно ищут свое место в социальной и культурной жизни современной России.

Литература

1. Глазычев В.Л. Урбанистика. – М.: Европа, 2008.
2. Бетехтин А.В., Зубанова Л.Б., Синецкий С.Б., Шуб М.Л. Социокультурный потенциал Южного Урала: вызовы времени и ориентиры культурной политики. – Челябинск: Энциклопедия, 2011.
3. Иванов А. Уральская матрица. Режим доступа: <http://www.arkada-ivanov.ru/Uralskajamatrix/>

Городская культура России: НОВЫЕ ВЕЯНИЯ /City culture of Russia: new trends/

Е.В. Дуков, профессор, заведующий отделом Государственного института искусствознания, главный редактор журнала "Художественная культура"
Москва, РФ

Ключевые слова: городская культура, городское пространство, праздник.

E.V. Dukov, professor, head of department State institute of Art Studies, editor-in-chief of the magazine "Art culture"

Moscow, RF

Keywords: city culture, city space, holiday.

Город – не только сумма зданий разного назначения, соединенных дорогами, но и трудноуловимое нечто, которое мы называем духом города. В нашей стране в эпоху социализма вся инфраструктура духовной культуры была связана, в основном, с административной функцией территориальных поселений. И дух социалистического города был во многом связан с искусством и продуцировался им. Развлечения, в непосредственном смысле этого слова, отсутствовали, как и секс. Их место занимали профессиональное или самодеятельное искусства, объединенные общей культурной политикой. Лучшие из искусств имели «культурные столицы» – Москва и Ленинград. «Столицы» территорий имели обычно такую же структуру в отношении жанрового разнообразия, но уступали им в качестве и плотности культурных компонент.

В 1990-е годы вопросы развития городских общностей, задачи по их формированию и консолидации оказались оттеснены на периферию интересов центральной власти, да и самой городской политики. В центре их внимания на протяжении последних десятилетий оказались проблемы, прежде всего связанные с территориями, промышленностью, транспортным обеспечением, экономическим потенциалом городов, но не городская среда в ее социальном и культурном измерениях. При этом центры многих городов «европеизируются», преобразуются, становятся эстетически привлекательными. Подсветка, свежевыкрашенные фасады административных зданий и помещений, занятых коммерческими структурами и банками, становятся нормой и способны умилить человека, попавшего-таки вечером в городской общественный транспорт, идущий через центр. Это картинка предназначена для рассматривания из окна, своего рода свето-цветовое развлечение. Это не пространство для жизни или общения – к вечеру в помещениях этих сооружений абсолютно пусто, и световая партитура как бы компенсирует отсутствие собственной жизни здания в это время. Приехав в спальные районы города, где темно и чаще неуютно, по-

нимаешь парадоксальное разведение сегментов городского пространства как выставочного комплекса, как своего рода городского (но содержательно пустого!) экспоната и мест реального скопления и жизни горожан.

Впрочем, пустые пространства перемежаются с новыми рекреационными. Так, под видом строительства «культурных центров» идет формирование официозных пространств, призванных отразить статус и притязания местной элиты. Некоторые небольшие по численности, но богатые города выстраивают себе гигантские здания с числом посадочных мест более тысячи, только исходя из количества приглашаемых пару раз в год «нефтяных», «алюминиевых», автомобильных генералов. Как будут себя вести и чувствовать здесь горожане, никого не интересует. Модель Кремлевского Дворца съездов, построенного специально под партийные форумы, похоже, претендует на то, чтобы стать доминирующей.

Столицы, и старая, и новая оторвались, от основных территорий России. Некогда стремившаяся к централизации городская культура рассыпалась. Каждый город начал самостоятельно вести (или не вести вообще) свою культурную политику. В 1985 году западными странами была принята Европейская Хартия о Местном Самостоятельном управлении. Россия долго мучилась, но поставила свою подпись под этим документом, правда только через 13 лет – в 1998 году. Подпись поставили, но дальше дело не пошло. В 2003 году мы созрели до новой версии Закона о местном самоуправлении под номером 131-ФЗ, до сих пор в полной мере не действующем. Мы еще только готовимся к его полному введению.

Поскольку в Конституции нет прямых обязательств государства развивать и поддерживать культуру (в отличие, например, от образования), «культурный потенциал города» (В.Глазычев) стал функцией понимания его места местными властями. Слово «понимание», с их точки зрения, имеет три основные позиции, которые, как матрешка, вкладываются одно в другое: 1) чтобы было не хуже чем у других; 2) чтобы было куда гостей сводить; 3) чтобы с праздниками было хорошо.

Понятие «не хуже чем у других» в норме сводится к разрушению старого города и строительству хаотично, вне общей эстетики отдельных новых зданий, в которые размещаются конторы, бизнес-центры и т.п., благо доминирующий постмодернизм дает на это право. Проблема гостей у местных властей сводится к деятельности профессиональных артистических сил и разнообразным праздникам. На последнем пункте надо остановиться особо.

В нашей стране городской праздник был исключительно государственным. Как и все мы большому счету были «осударевыми» людьми, посещали государственные учебные заведения, работали на государственных предприятиях. Государство тратило огромные средства, чтобы показать, какое оно могучее, и поэтому обращалось к опыту глубокой истории. Оно в обязательном порядке втягивало нас в праздник, заставляло встраиваться в колонны, нести портреты тех, кто стоял на трибунах, повторять речевки и т. д. Даже если ты не выходил на улицу, все равно был обречен виртуально вписываться в марширующий прямоугольник людей – по всем программам телевидения шло одно и то же. Это было почти точное повторение первобытно-общинных ритуалов праздника.

И сейчас эта традиция нет-нет и воспроизводится, но только в меньших масштабах и не имеет того глобального характера, который был характерен для прошлого. Он чаще региональный, чем федеральный. Но зато количество и качество праздников временами восхищает! Складывается впечатление, что сегодняшний

праздник – это время особого социального и экономического мотовства. Не так-то, как раньше, но от этого принцип не меняется. И нередко, когда спрашиваешь, кто же в качестве праздника такое учудил, отвечают: «Наш голова. Ему такие праздники нравятся!». Искусственные «праздники-симулякры» рассматриваются политологами как обязательный элемент технологии реанимации истории во имя сегодняшнего дня. Считается, что они-то и сплачивают людей и позволяют выделить сегодняшних героев, встроив их в один ряд с героями прошлого. Но на самом деле, сегодня это «сон истории», как удачно выразился один современный философ [1]. Это действие предстает как засилье повседневности, только предполагающей какую-то внешнюю «эстетизацию». А адресатом является конкретный человек, в лучшем случае, узкая группа людей у власти. Так у нас сложилось, не устаем мы повторять!

Спускаясь по социальной лестнице, на каждом этаже наблюдаешь вариации на ту же главную тему. Что такое «профессиональный» и «корпоративный» праздник, с моделью которого в городе встречаешься в нашей стране чаще всего? Считается, что сегодня это обязательный элемент стратегии бизнеса. Он сплачивает сотрудников фирмы, внушает им гордость за ее успехи. Как и на государственных праздниках, здесь редко обходится без речевок, других элементов театральности. Правда, если взглядеться, корпоративные праздники можно рассматривать как набор действий по оприходованию части средств, которые всем работникам (или почти всем) недоплатили. Иначе, откуда эти средства возьмутся? КП (в другой исторический период именно такой была аббревиатура у одной из проверяющих организаций – «комсомольского прожектора») приобретает вид стола с напитками, едой, эстрадной программой, одобренное здравицами в честь умелого руководства. Не надо вопросов – ведь от него же халява на столах!

Действительно, как иначе поднять и оформить корпоративный дух компании? Фактически это не застолье за общий счет, где каждый вносит оговоренную сумму, а застолье, поданное начальством коллективу в виде благотворительности. Наш топ-менеджмент слышал, на Западе что-то такое делается. Неважно, что event-встречи зарубежных фирм-гигантов обходятся в несколько раз дешевле маленьких отечественных. Неважно, что на Западе в аналогичных ситуациях большую роль играют профсоюзы, которые общественному центру не дадут бесследно пропасть. Но у нас-то профсоюзов в этой функции пока что нет. Пусть будет похоже на государственные праздники. И выдумывать ничего не надо. Вот и эти агентства появились для проведения корпоративных праздников, точь-в-точь как уменьшенная модель государственных фирм, которые с помпой и за дорого ставят городские празднества. Event-агентства тоже рассчитывают на прибыль, сравнимую с доходами от нефтяной трубы [2].

Так пока что складывается современная городская праздничная монолитность – государственный и корпоративный праздники катятся параллельно по одним рельсам. Праздник пытается служить идентификации власти. Впрочем, это не всегда получается. Но это отдельный разговор.

Наши города в результате превращаются в поле господства дисперсных групп маргиналов. Наиболее консолидированной у нас остается маргинальная, по своему существу, элита всех сортов, имеющая свои корты, бассейны, клубы, игорные дома, рестораны и т.п., где в диапазоне от 25 до бесконечности долларов на человека можно мило провести вечер и от 250 долларов – выходные. Места и точки пребывания этой элиты сегодня являются своего рода архитектурными акцентами в на-

шей городской среде. Здесь мирно, а иногда и не без взаимной пользы соседствуют банкиры и те, кто «в законе», стильные иностранцы и жрицы любви. Это центральные точки наших городов, образующие своего рода их «золотое кольцо». Вокруг них идет «стальное кольцо» значительно более пестрого по своим культурным ориентациям молодежного досуга, еще одной активной маргинальной группы.

В сущности, культурно-досуговое пространство наших городов этим, в основном, и ограничено. В этих двух кольцах и выковывается основная часть нашей современной городской культуры, преимущественно квазизападного развлекательного типа. Я не случайно употребил слово «квазизападного». Те, кто смотрел по телевидению концерты, посвященные вручению премии Грэмми, могут понять, какая дистанция, какая пропасть разделяет стильных, элегантных и хорошо обученных западных певцов и их отечественных аналогов, чьи «лики» не сходят с телеэкрана и регулярно появляются на стадионах.

Насыщать городское пространство стало делом самих деятелей искусства. На муниципальном уровне, где это было возможным, открылись профессиональные театры, сформировались концертные коллективы и даже филармонии. Это несколько напоминает начало НЭПа. Если раньше городская культура в лице профессионального исполнительского пласта была функцией централизованных социально-политических структур, то в течение 90-х годов она начала представляться как функция развитости муниципальных территорий. Развитые территории имели достаточно налоговых и иных средств, чтобы вкладывать в развитие инфраструктуры культуры и в исполнительское искусство, и в некоторых случаях провинциальные города могли состязаться с областными «столицами». Сегодня выбор здесь увеличился, но публики стало меньше. Число театров в России в 2011 году увеличилось до 800, а зрителей за 20 лет уменьшилось на 44 %. Число концертных организаций и самостоятельных коллективов за тот же период возросло 167 %, а число слушателей сократилось на 70 %. Социологи утверждают – они у телевизоров. Что слушают и смотрят? То, что интересно, прежде всего, маргинализованной элите, то, что ею, в конце концов, оплачивается. Кто мелькает на телеэкране? Те, кто выступает в кабаках «золотого кольца». А «золотое кольцо» у Кремля сводится в основном к блатному «русскому шансону» и производным жанрам.

Впрочем, исполнительские искусства за жизнь пытаются бороться. Интересные процессы происходят в театрах, концертных организациях и цирках. Я бы назвал это «фестивализацией». Фестивальные проекты быстро вытесняют простую театральную, концертную т. п. афиши. Многие из фестивалей становятся традиционными, и с каждым годом список этот расширяется. Фестивальную афишу начинают дополнять музеи, парки культуры и отдыха, для которых это, строго говоря, непрофильная деятельность. Фестивали на 50 тыс. долларов быстро сменились фестивалями на 200 тыс. А сейчас то тут, то там слышишь о подготовке фестивалей с бюджетом в миллион долларов. Поволжье импортировало идею «передвижных столиц», что позволяет включать ранее скрытые культурные пласты в культурный потенциал городов. Заработал на Волге молодежный межвузовский симфонический оркестр. Только в Самаре и лишь в три летних месяца пройдет 11 только молодежных фестивалей с диапазоном цен от 500 до 1500 руб. за концерт!

Конечно, рыночный уровень развития творческих развлекательных проектов отстает от инфраструктурных. Как говорят аналитики, такая ситуация характерна для стран, которые находятся на начальной стадии формирования культуры развле-

чений: в первую очередь растут инфраструктурные услуги, и только потом подтягиваются более культурные виды досуга. Наличие, например, бросающейся в глаза развитой игровой инфраструктуры – первый признак недостаточной развитости «творческих индустрий».

Так или иначе, на первое место вышло очищенное от идеологической шелухи развлечение, внешне не требующее со стороны государства экономической подпитки и оформившееся в новую для нашей страны «индустрию». По динамике развития совокупной индустрии развлечений в столицах у нас в этом тысячелетии ежегодный прирост в целом 30-35%, а по отдельным сегментам – почти 50 %. И это несмотря на кризис! В этом отношении мы идем в ногу с некоторыми восточноевропейскими городами, а некоторые из них, например прибалтийские, обгоняем на несколько шагов. В последние три года мы входим в европейскую пятерку по росту развлечений. По словам директора по стратегическому развитию Brunswick – крупнейшего в мире производителя боулинг-оборудования – боулинг в России становится «нашим всем». В Петербурге еще недавно было около 30 дорожек, теперь в пересчете на душу населения их уже больше, чем в Хельсинки, Праге и Варшаве вместе взятых. В Самаре только официально зарегистрированных заведений с боулингом больше 20, около 30 заведений, имеющих бильярды, около 50 ночных клубов. Игровые залы теперь везде, и в больших городах, и в маленьких. Несмотря на законодательство клубы с автоматами вытесняют из помещений продовольственные магазины, остаются кафе, рестораны и офисы – центр города динамично превращается в игровую зону: сначала мы играем в работу в офисе, а потом в игрушки. Сегодня способность крупных торгово-развлекательных центров в столицах (типа Мега, IKEA и т. д.), каждая из которых в среднем составляет около 5000 посетителей в день (150000 в месяц), начинает привлекать региональные столицы. И используется шоу-бизнесом, о чем говорят планы пристройки или совмещения в новых проектах торговых и концертных площадей. В отличие от товаров рынок развлекательных услуг здесь практически безграничен. Платье вы можете менять каждый день, автомашины – несколько раз в неделю, но развлечения – каждую минуту и даже секунду. Они движутся вместе с быстро меняющимся временем.

Посмотрим, с какой скоростью и куда у нас пойдут изменения в городской культуре. Пока мы просто констатируем изменение и не можем по-настоящему ничего изменить. Как опоздавший на поезд пассажир вслушивается в перестук колес своего удаляющегося поезда.

Литература

1. Юдин Н.Л. Социальный смысл праздника. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Иваново, 2006.
2. Кривошеев С. Эвентить по-русски // Итоги. № 52.

Концепция времени и пространства сталинской Москвы: утопия и реальность

The concept of Time and Space in Stalinist Moscow: Utopia and Reality

О.А. Зиновьева, кандидат культурологии, доцент
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, РФ

Рассматривается отображение концепции времени и пространства в урбанистическом пространстве сталинской Москвы. В середине XX века усилились тенденции выражения сильной власти в искусстве и в архитектуре в частности. Монументальная пропаганда пронизывала весь город, утверждая незыблемость власти через стилистику неподвижности, утопическое светлое будущее как конечную точку организованного движения для тех, кто будет своим трудом завоевывать себе право на это будущее. Все это нашло свое отражение в планировке города, облике зданий, декоре и станциях метро, где решались также насущные реальные задачи. Самой яркой страницей бездвиженности пространства и застывшего движения стала Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1939 и 1954 годов, которая представляла собой райскую утопию в камне и при этом показывала реальные научные открытия и художественные достижения.

Ключевые слова: монументальная пропаганда, монументальное искусство, урбанистическая среда, урбанистические коммуникационные сообщения, сталинская архитектура, урбанистическая утопия.

*O.A. Zinovieva, Dr. in Cultural Studies, Associate professor
The Lomonosov Moscow State University
Moscow, RF*

The article analyzes the reflection of time and space in Stalinist Moscow urban environment. In the middle of the XX century the expression of the strong power in art and in architecture in particular has become more obvious. The monumental propaganda chained the city establishing the eternity of power through the concept of immobility and utopian bright future as the final destination of the organized movement for those, who would work hard to earn the right for this future. This was reflected in the city planning, look of buildings, decor and the underground metro station, where they were solving immediate and very real tasks. The All-Union Exhibition of Agriculture of 1929 and 1954 has become the most vivid example of motionless space and frozen movement. It represented a paradise utopia in brick but at the same time depicted very real scientific discoveries and achievements in art.

Keywords: monumental propaganda, monumental art, urban environment, urban communications, Stalinist architecture, urban utopia.

Время и пространство, открывающее простор движению или останавливающее это движение, притягивали умы философов, математиков, поэтов, архитекторов, художников, а также, безусловно, людей обладающих властью.

Город своей планировкой, обликом улиц и зданий не только физически обеспечивает движение пешехода или транспортного средства в определенное время, но и символически может выразить сложные коммуникационные сообщения, возникающие в ходе развития этого города, отношении его жителей, историков и власти к древним переплелениям улиц, увидеть следы крупномасштабных перестроек. Город, не умолкая ни на минуту, всегда поделится с вами о том, насколько власть и финансовые элиты благосклонны к жителю, доступна ли среда и позволяет ли она равную свободу передвижения всем членам сообщества – большим и маленьким, спешащим по своим делам пешком, на машинах или на инвалидных колясках.

Урбанистический ландшафт неоднократно использовался властными структурами, монархами и диктаторами для утверждения своей власти, продвижения идей и манипулирования массовым сознанием в своих интересах. Не следует удивляться тому, что со времен древнего Вавилона или Ура коммуникативные сообщения мало изменились. «Архитектура – это окаменевшая политика. А еще она – PR (public relations. – Ред.) в камне» [1]. Монументальная пропаганда является одной из наиболее сильных форм политического влияния на сознание человека.

Следует отметить, что особенных успехов в искусстве монументального убеждения достигли классические стили (барокко, классицизм и ампир) в своих разных ипостасях и реинкарнациях XVIII-XXI веков. Именно эти направления отличаются наибольшей декоративностью, монументальностью, а следовательно, несут в себе широкие повествовательные возможности. К наиболее ярким примерам этого периода можно отнести монументальную пропаганду мужского монашеского ордена иезуитов Римско-католической церкви, которая выражалась в терминах барокко. Основанный в 1534 году Игнатием Лойолой и утвержденный Павлом III в 1540 году, этот орден вел неустанную борьбу с альтернативными конфессиональными течениями, что включало в себя воспитание человека в нужном мировоззрении с посулами и предупреждениями. Для этого использовались все средства, в том числе искусство и архитектура.

Неправдоподобие масштабов, преувеличенность деталей и обилие «говорящих» персонажей барокко – все это вызывало в людях пламенное религиозное чувство и чувствительность, покаянное настроение и убежденность в возможности приобщения к небесным радостям, желание отдать всего себя служению церкви в скоротечной земной жизни. «Иезуиты были неискренни в своей архитектуре, как и в любом другом аспекте духовной жизни людей: они только хотели того, чтобы ослепить их» [2].

Сильная власть, имеющая неограниченный контроль над всеми ресурсами, как человеческими, так и материальными, собственно, боится только двух своих врагов – времени и смерти, то есть ускользающего пространства, находящегося вне нашего поля зрения. С этой точки зрения архитектура тоталитарного города приобретает характер вечного и обездвиженного, что отчетливо проявляется в концепции «застывшего» движения барельефов Древней Месопотамии и Египта, символизирующих незыблемость установленного строя и порядка. С другой стороны, монументальная пропаганда, навязывая свою волю подданным, использует обещания и наставления. В этом плане представляет интерес концепция будущего царства благоденствия для всех, некоего рая, в который смогут попасть только избранные, выполняющие все законы, установленные властью. Есть еще одно измерение, которое исследует немецкий историк Карл Шлёгел. Это смер-

тельная игра противоречивых сил на пути к воплощению мечты о «светлом будущем», где участников поджидают страх и террор [3].

В городе можно проследить целую систему символов, обеспечивающих организованное движение в нужном направлении. В середине XX века к таким явлениям можно отнести американскую мечту, возникшую в результате депрессии в США, или советский коммунизм, появившейся в результате тяжелых испытаний 1917 года, гражданской войны и политики индустриализации, коллективизации и милитаризации в СССР.

Попробуем рассмотреть эти противоречивые тенденции «замораживания» времени и одновременно движения в нужном направлении на примере московской урбанистической среды 1930 – 1950-х годов, которая охватывает период воплощения Генерального плана реконструкции Москвы 1935 года, и кратко проанализируем сохранившуюся коммуникационную среду из утопических и вполне реальных идей. Перед правительством стояли вполне конкретные технические проблемы, связанные с обеспечением движения в городе, а также и задачи монументальной пропаганды, которая отразила концепции времени и пространства в построении сталинской урбанистической утопии.

В начале 30-х годов Сталин выходит победителем в жесткой политической борьбе. Временный отказ от мировой революции и построение сильной промышленности означали, что «опираясь на сильную индустрию СССР, на мощные войска, можно занять гораздо более независимую позицию по отношению к развитым капиталистическим странам и смело противопоставить новую социалистическую систему капиталистической» [4].

Для этого нужно было заставить население работать практически бесплатно. В поисках механизмов воздействия на массовое сознание сталинская эпоха обращается к нескольким культурным слоям в истории цивилизаций: к ренессансу – за просветленностью и красками, барокко – за театральностью и идеологизированными градостроительными приемами, классицизму – за назидательным повествованием в монументальном искусстве, ампиру – за прославлением побед, Древнему Египту – за вечностью и незыблемостью власти, к русским народным традициям – за опытом успешного диалога с народом.

Это подтверждает известный постулат о том, что «культура, присущая определенному народу, не умирает, как биологический организм» [5], она продолжает существовать и возрождаться в определенные моменты времени, соотносимые с ней в политическом и экономическом контексте.

Египетская концепция вечности и непоколебимости будет часто проявляться в монументальной советской архитектуре. Закладывается она вместе с новой идеологией, своего рода псевдо-религией при строительстве Мавзолея В.И. Ленина, который можно отнести к одному из самых уникальных и парадоксальных сооружений человечества. В 1930 году, подводя итог короткому взлету конструктивизма, который отразил движение в обществе, неустроенность, переменчивость послереволюционных летязыком асимметрии, эстетики чистой геометрии и утилитаризма, А.В. Щусев возводит совсем иное по своему характеру здание здание. Оно обманчиво геометрично, и неискушенный человек может принять его за явление живого пролетарского конструктивизма. Но его абсолютная симметрия, выбор формы египетской пирамиды, ступени вверх к солнцу и вниз в траурный зал, где в стеклянном саркофаге находится нетленный вождь, заложили основу новой культурной традиции, готовой воспеть величие власти.

Большевики, совершив социальную революцию, теперь стремились совершить революцию в природе, преодолеть смерть и покорить время. «Хрустальный» гроб вождя, созданный по проекту К.С. Мельникова, одного из самых известных конструктивистов, определил направление развития советской мифологии, где Иосиф Сталин становится

главным лицом на всем советском пространстве, постоянно ссылаясь на бессмертное присутствие Владимира Ленина. Талант Константина Мельникова после этого станет невостребованным в новых условиях статичной архитектуры, а вся его слава останется в том прошлом, когда он разрабатывал динамичные клубы и дома-коммуны для «условно» равноправных граждан. Его творческое время закончилось – он предпочел должность скромного преподавателя бремени архитектора тяжелых, недвижимых дворцовых сооружений.

Алексей Щусев сумел придать некий характер бессмертия своему творению. В период социальных волнений перестройки были разрушены или снесены многие советские памятники, звучали призывы вынести тело Ленина из Мавзолея, но никто и никогда не предлагал убрать эту вечную ступенчатую пирамиду с Красной площади, она вросла в нее, став культурным ориентиром в пространстве исторической площади.

Тенденция к замораживанию времени и движения прослеживается в многих дворцовых сооружениях рассматриваемого периода. Таким примером может послужить здание, которое отражает своим обликом значение армии и ее роль в стратегических планах вождя. Это просто жилой дом, хотя и для избранной советской военной элиты Военно-инженерной академии, но архитектор И.А.Голосов сумел придать некую преувеличенную тяжесть этому зданию, уловив тенденции нового тоталитарного культурного пространства. Возникает ощущение затрудненного движения через арку, которая вписана в прямоугольную нишу, сверху ограниченную окнами, спрятанными за коротконогой колоннадой. Колоссальный фронтон здания с двумя постаментами-уступами делает его похожим на египетский сфинкс.

На постаментах застыли две фигуры, олицетворяющие «Промышленность» и «Сельское хозяйство», созданные скульпторами Зеленским А.Е. и Эпштейном М.И. Застывшая поза девушки-колхозницы с поднятой в реке винтовкой предостерегает прохожих от неверного шага. Имитация движения юноши с отбойным молотком в одной руке и книгой в другой адресует нас, с одной стороны, к египетским прообразам, а с другой – к живым «неподвижным фигурам, которые вывозились на грузовиках и платформах во время многочисленных спортивных и военных парадов на Красной площади, предоставляя возможность советскому правительству наблюдать движение недвижимых людей» [6].

Генеральный план развития Москвы 1935 года не знал себе равных по размаху, а также по задействованным человеческим и материальным ресурсам. Старый город исчезал под ударами отбойных молотков, которые так часто встречаются в скульптуре того времени, а новый город, сакральная столица великого вождя народов, вырастал в невиданные сроки. Улицы и площади расширялись и спрямлялись, возводилась дворцовые ансамбли, осуществлялся возврат к классическим принципам. Великий организатор церемоний и парадов Сталин видел шествия народов по своим бесконечным проспектам. Строилась огромная декорация в камне и бетоне для живущих в нем, а особенно для приезжающих.

Классическая ансамблевая застройка дворцовыми сооружениями, выстроившимися в ряд, объединенными решетками и арками, сковывала город, устанавливая жесткое идеологическое пространство. Но при этом предпринимались шаги привести качественные изменения в структуру города, сделать его удобным для жизни, работы и перемещения.

С 1935 по 1953 год строится самая удивительная транспортная система в мире – московский метрополитен с подземными дворцами, обильно украшенными фигурами, застывшими в танцах, парашютных прыжках, в процессе дойки коров, производства металла и зерна. За этот период было проложено около 50 км трасс и открыто 50 уникальных подземных залов, наполненных картинами, вдохновляющими на труд, с обещанием

наступления времени всеобщего благоденствия и процветания. Причем обитатели этого советского рая изображались в христианской стилистике, с лицами, лишенными эмоций, – у них все есть, решения за них принимаются, беспокоиться им не о чем.

Весь период правления Сталина был связан со строительством каналов. Можно провести параллели с эпохой классических стилей и автократического правления XVIII–XIX века, когда фонтаны, искусственные пруды, озера и каналы символизировали покорение природы, хотя, безусловно, искусственные водные артерии выполняли чисто практическую роль, доставляя воду и обеспечивая движением. Каналы строили Петр Первый и Екатерина Вторая. В 1937 году открывается Канал Москва – Волга. Ярким символическим отображением отношения к воде стали майоликовые тарелки на восточном фасаде Северного речного порта. При этом амбициозный проект решал чисто практические задачи – напоить Москву волжской водой и превратить столицу в порт пяти морей.

После Второй мировой войны здания становятся еще более статичными, величественно прославляя победу великой империи. Грандиозность и монументальность семи соток, доведенная до храмового восприятия в Московском государственном университете, роднит его с Карнакским храмом в Луксоре, построенным в XVI в. до н.э. с заволаживающей аллеей сфинксов, внушительными обелисками и колоссами. Он был главной святыней, культурным и научным центром египетского государства на протяжении полутора тысяч лет. Главное было не только создать свою картину счастливого мира и незыблемости власти, но и закрепить ее навечно. План МГУ напоминает застывшего жука-скарабея, с усами-пандусами, направленными на Кремль – центр притяжения власти. Величественные фигуры, застывшие с книгами сакральных знаний у главного портика храма знаний, как его стали сразу называть в прессе начала 1950-х годов, были выполнены В.И. Мухиной, создавшей икону советского «движения-недвижения» – «Рабочего и колхозницу» для Всемирной выставки в Париже в 1937 году. Фронтон украшает мраморный барельеф скульптора Г. И. Мотовилова, который изображает любимое зрелище «солнца нации» – застывшее шествие народов с дарами в виде снопов, продуктов питания и деталей машин.

Следует обратить внимание на великолепные майоликовые изображения студентов в райском саду в терминах Адама и Евы – лишенные эмоций, похожие друг на друга, они обитают в райском саду, где за них принимаются решения, вокруг цветут неведомые цветы и зреют сказочные сады. Застывшая картина желанной земли, куда можно попасть только тем, кто живет по законам, установленным системой.

Владимир Паперный в своей книге «Культура два» выделяет «культуру один», когда «власть не занята архитектурой или занята ею в минимальной степени», и «культуру два», когда «власть начинает интересоваться архитектурой – и как практическим средством прикрепления населения, и как пространственным выражением новой центростремительной системы ценностей» [7]. Происходит физическое и идеологическое закабаление населения как в городе, так и в деревне. Централизованная, тоталитарная власть требует централизованной симметричной архитектуры.

Однако самой яркой страницей в истории формирования «конечной станции» коммунистического движения в сторону земного эдема становится Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (ВСХВ) 1939 года, затем 1954 года. С 1957 года она превращается во Всесоюзную выставку достижений народного хозяйства (ВДНХ), а с 1992 – во Всероссийский выставочный центр. ВСХВ-ВДНХ – это агитационная площадка государственных, политических и научных идей. Государство, которое нещадно эксплуатировало своих граждан, должно было убедить их языком образов и символов в своей справедливости,

легитимности и устойчивости, а также заставить граждан беззаветно трудиться на благо государства и Отечества и во имя великого коммунистического завтра.

Выставка отразила всенародную мечту о счастливой и сытой жизни. А еда является сильнейшим средством манипуляции сознанием. «Любая культивация или цивилизация, город и деревня, рай и ад... Еда всегда является главным фактором нашей жизни и таким образом останется» [8].

Парадные входы – в 1939 году на востоке, а затем в 1954 году на юге в виде античных триумфальных арок стали физическими порталами между реальной жизнью с ее заботами, проблемами и тяжелым трудом и утопией, но утопией вполне реальной, где можно было увидеть настоящие царские конюшни, овчарни и свинарники с прекрасными ухоженными животными, которые демонстрировали колхозники в нарядных костюмах. В павильонах, похожих на храмы, показывали пушистых кроликов и белоснежный хлопок.

Счастливых избранных, попавших сюда из страны дефицита и нехватки товаров народного потребления, здесь ждало угощение в кафе, ресторанах и уличных киосках. Но в этой утопии находилось место и реальной научной мысли – сюда с докладами приглашали ученых и академиков, здесь работали лучшие художники и архитекторы.

Это проект можно назвать конечной точкой движения во временном пространстве сталинской Москвы. Город-утопия уже достраивался после смерти Сталина.

В итоге хочется отметить, что урбанистический ландшафт Москвы по-прежнему хранит пространственные представления тоталитарного режима, хотя и нарушенные более поздними проектами. Масштаб созданного продолжает удивлять своим желанием диктовать и направлять. В какой-то степени именно это урбанистическое влияние на современного человека можно считать победой над временем и тленом. Ушедшая эпоха жива, пока живы ее культурные ориентиры, хотя и не всегда понятные потомкам.

Литература

1. Мединский В. Особенности национального пиара. Правдивая история Руси от Рюрика до Петра. – М.: ОЛМА Медиагруппа, 2010. – С. 625, с. 403
2. Evonne Levy. Propaganda and the Jesuit Baroque. Hardcover, 353 pages. ISBN: 9780520233577. April 2004, с. 29.
3. Шлегель К. Террор и мечта. Москва 1937. Сер. История сталинизма. РОССПЭН, 2011, ISBN: 978-5-8243-1530-1 – С. 625
4. Верхотуров Д. Сталин. Экономическая революция. – М.: Олма-Пресс, 2006. – С. 215, с. 85
5. Mumford L. The city in the history. The Harvest book. Harcourt Inc. San Diego; New York; London; 2008. С. 657, с. 344.
6. Зиновьева О.А. Символы сталинской Москвы. – М.: Тончу, 2009. – С. 250, с. 52.
7. Паперный В. Культура Два. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – С. 407, с. 20.
8. Carolyne Steel. Hungry City. How Food Shapes our Lives. Vintage Books. London. 2008. – С. 383, с. 324

Время старого города /Ancient Town's Life Space/

Т.С. Злотникова, доктор искусствоведения, профессор
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
Ярославль, РФ

Время старого города – это то время, в каком каждый день живет в своей многообразной обыденности старый город, его люди, его улицы и здания, его социально-культурные институты, порождая психологические и эмоциональные реакции. Это понятие относительное.

Старый город – только часть иного пространства, географического, архитектурного, духовного; и часть иного времени – город с собственной историей. Этот город не должен быть большим и чаще всего располагается в провинции.

Такой город – синергетически функционирующий (по аналогии с природным организмом), энергетически живой феномен, в связи с чем возможно говорить о самоидентификации города, не разделяя уровни – среды и личности.

Признаки старого города: храм, дом, в том числе театр. Для старого города России, в частности, характерна позиция: один город – один театр.

Самое страшное – если старый (категория времени) город становится синонимом города обветшавшего (категория качества жизни). Если замедляется или вовсе останавливается темп жизни, активность взаимодействия людей внутри города и взаимодействия людей этого города с остальным миром. Если мир этому городу становится неинтересен, хотя город в силу своих старинных ценностей продолжает быть интересным миру.

Ключевые слова: старый город, время, самоидентификация города.

T.S. Zlotnikova, Dr. of Art, Professor
Yaroslavl State Pedagogic university K.D. Ushinskii
Yaroslavl, RF

The life space of an ancient town is the space in which the town is living daily in all its multiple activity, it is its citizens, its streets and buildings, its social and cultural institutions, in other words, it is all that gives birth to psychological and emotional reactions. The concept is relative. Ancient town is but part of the rest of the life space, geographic, architectural, spiritual. It is but part of all other times, it is a town with a history of its own. Such a town does not have to be big, and most often it should find itself somewhere away from the big and noisy modern cities.

Like a living body, such a town is functioning synergetically, in the terms of energetics it is also a living phenomenon, which makes it possible to speak about the town's self-identification, ignoring the division into the level of milieu and that of personal lives.

The characteristic features of an ancient town are a church, a house, and among houses, a theatre. Typically, in an ancient Russian town it means one town, one theatre.

The most tragic development is when the town from being just ancient, which is only a synonym of old times, turns into a town dilapidated, when it falls into decay, which is closely connected with the notion of quality of life. In this case life pace slows down or stops altogether, when people within the town no longer interact with each other and the outer world. In this case the outer world is no longer interesting to the citizens of this town, while this town, with its historically ancient values, is still interesting to the world.

Keywords: old city, time, city self-identification.

Да не покажется название статьи тавтологичным.

А – может показаться. Ибо «старый город» – это прежде всего город, основанный (построенный, развивающийся или, напротив, законсервировавшийся) давно. Следовательно, в прилагательном «старый» органично заложены хронологические параметры существования города как пространства, как структуры, как образа жизни, как лично ощутимой системы ценностей.

Однако, помимо хронологически детерминированного континуума, в силу существования которого «старый город» нередко, хотя и не всегда с серьезными на то основаниями, становится синонимом «исторического города», такой город имеет иное, актуальное измерение. Имеет такое измерение, как и любой другой город, где люди живут «сегодня» и именно так: между историческим, часто мифологическим (или мифологизированным) «вчера» и календарным, часто виртуальным (при определенных усилиях, редко приводящих к конкретным и позитивным результатам) «завтра».

Таким образом, «время старого города» в нашем понимании – это, в определенном смысле, то время, в каком каждый день живет в своей многообразной обыденности старый город, его люди, его улицы и здания, его социально-культурные институты, порождая ощутимые лишь на психоэмоциональном уровне флюиды.

Отдельно, кратко – о смысле слова «старый» в нашем понимании и применении к городу.

Среди историков, географов, искусствоведов, архитекторов, культурологов, да и жителей разных городов мира не существует единого мнения в отношении того, какой город можно считать старым.

Старинный? То есть построенный несколько столетий (а если повезет – и тысячелетий) тому назад. Со зданиями, сохранившими первоначальный облик, приданный им чаще всего неизвестными создателями. Город-памятник, город-реликвия, город, пригодный не столько для проживания, сколько для экскурсий. В сознании современных людей такому пониманию старого города соответствует Рим – Вечный город. Или Киев. Или Иерусалим. Или Киото.

Но, может быть, старый город – это только часть иного пространства, географического, архитектурного, духовного? Словосочетание «старый город» известно тем, кто бывал во времена СССР, например, в Средней Азии: там назывались так в обиходе кварталы, состоявшие в середине XX века из домиков-мазанок, маленьких, подслеповатых, но на удивление прочных, выстоявших в страшных землетрясениях, не в пример постройкам «европейской» части этих городов, к примеру, Самарканда или Ташкента.

Старый город – это город с собственной историей.

Это история жизни многих поколений людей, которые десятилетиями и столетиями называли улицы одними и теми же именами. Ходили по одним и тем же камням. Знали, за каким поворотом появится дом или парк, как звали священника, служившего в церкви сто лет назад.

Это ценность общения, в том числе объем воспоминаний, особенно – личных, переходящих из поколения в поколение и объединяющих тех, кто здесь уже не живет.

Старый город – это часто еще и река. Место, притягивающее к себе гуляющую публику, место полезных передвижений и мечтательных вздохов. Место, рождающее мосты, набережные – место связи и разобщения жителей, привыкших к существованию здесь, в центре, и там, за рекой.

Старый город в лесистых и равнинных частях Земли – это средоточие больших и малых холмов, неожиданных взлетов и провалов. Старый город в пустынных, чаще всего жарких местах – это собрание блестящих на солнце поверхностей и островков спасительной зелени, от солнца защищающей.

Старый город – это понятие странное в своей относительности. Для Европы и Москва недостаточно стара – ей нет тысячи лет. Достаточно стар Ярославль, недавно отметивший свое тысячелетие. А для Северной Америки стары Лос-Анжелес и Вашингтон, насчитывающие куда меньшее количество лет в своей истории.

Сегодня кажется, что настоящий старый город не должен быть большим. В большом городе нужен транспорт, нужны другие коммуникации, которые неизбежно уничтожают уникальность и прелесть старины. В небольшом городе сохранить частицы давней жизни не то чтобы проще, но частицы эти не подвергаются разрушительному воздействию такого количества факторов, без которых немислима ныне жизнь городов более молодых, где присутствуют факторы широкой миграции населения, рост транспортных проблем, изменение инфраструктуры, ориентированной на краткосрочные экономические интересы.

Старинный (старый) город – это далеко не всегда столица. Столицы – не такие уж старые. Даже если это не Нью-Йорк. Столицы, скажем так, среднего возраста города. Старина сосредоточена в провинции. Поэтому старый город – это еще и провинциальный город. Город без формально высокого статуса. Его статус обеспечивается именно его возрастом. Основа его престижа – его столетия.

Люди старого города – чаще всего, пусть не осознают этого и не признаются в этом, – снобы. Патриоты-экстраверты, готовые показывать все уголки и гордящиеся своей причастностью к ним, и самоеды-интроверты, стесняющиеся узких улиц, грязных окон первых этажей, облупившихся стен и выщербленных мостовых. Правда, это – в России. При этом житель России мог в начале 2000-х годов испытать культурный шок, попав в старинную Вену под Рождество и гуляя по сухим и чуть ли не теплым тротуарам предпраздничной самодостаточной столицы.

Думается, люди старого города – это самая главная проблема современной России. Люди, которые живут в изменившемся пространстве, но сохраняют связь с неизменным временем.

Проблемы старого города оказываются сегодня такими же, каковы проблемы всей России. Но они наполнены иными, дополнительными, особыми коннотациями. Его экономика – умирают градообразующие предприятия, старые производства скупаются новыми хозяевами, перепрофилируются, эксплуатируются в интересах совершенно чужих и не любящих это место людей. Его строительный комплекс. Вдруг в небольшом городе начинается гостиничный бум. Возникают чужие буквы на легких павильонах, где торгуют чужими булочками с тонкой котлетой внутри. Посреди ампирно-модерных кварталов появляются стеклянно-оловянные кубики и призмочки. Его учебные заведения, которые скромно существовали издавна или

вдруг начинают усиленно набавлять свой возраст. Впрочем, в России по определению не было старых (старше московского) университетов – но почему-то вдруг появляются трехзначные числа, обозначающие их возраст. Его архивы и музеи – имманентно развивавшиеся и возникшие на пике самоутверждения города именно как старого. Его еда. На улицах. В ресторациях. В немислимой смеси национальных и временных признаков кухни.

Его особые приметы. Не в гербах и не музеях отраженные. И не в памяти конкретных людей закрепленные. Существующие на странном, ассоциативном уровне, связанные с преданиями, с литературными упоминаниями. С князьями и священнослужителями. С купцами и промышленниками. С трагическими любовными историями и военными доблестями.

Можно ли жить в городе, гордясь его историей, запечатленной подчас не в материальных, а в мифологизированных (неосязаемых) свидетельствах? Гордиться историей и стыдиться современных улиц, современных домов, современной промышленной продукции – когда наши предшественники продукцией, производившейся ими, гордились?

Опыт наших исследований позволяет утверждать, что сегодня ученые представляют эту проблему в разных ракурсах – философских, психологических, филологических, искусствоведческих, исторических, культурологических.

Поскольку нельзя отрицать то, что город – синергетически функционирующий (по аналогии с природным организмом), энергетически живой феномен, я полагаю возможным говорить о самоидентификации города, не разделяя уровни – среды и личности, напротив, имея в виду их тесную и неразделимую взаимосвязь.

Представляется, что социально-психологических мотивов самоидентификации может быть как минимум два. Определения носят, разумеется, условный, рабочий (пробный) характер.

Первый – «я демонстрирую, что Я такое есть». Это выражается в стремлении жителей переселиться в Москву, в Петербург. Мол, «я вам всем покажу, вот переведусь туда учиться, работать, вообще буду там жить и радоваться тому, что там живу...» Это – мотив стыда.

И второй мотив – понять смысл и логику для конкретного человека пребывания здесь – дома (в своем, неважно, как называемом, городе). Это – мотив гордости.

Сегодня в России «работают» несколько механизмов самоидентификации городов. Первый – геополитический и, отчасти, историко-культурный. Это – юбилей, общественно значимый факт, через который самоидентификация города, ну нам с вами и достается юбилей Ярославля, а это, между прочим, имеет смысл. Про 300-летие Петербурга знали, про 1000-летие Казани – тоже. Но ярославский 1000-летний юбилей лишь в последние месяцы, предшествовавшие ему, в определенной степени стал фактом общекультурного, даже в российском, не говоря уже о международном формате, достояния в информационном пространстве.

Благодаря юбилеям нестоличные города оказываются если не в центре, то, по крайней мере, в круге внимания жителей страны. Специфический российский механизм самоидентификации города связан с тем, что во главе процедур и пониманий ставится государство. Вот оно там (в центре), а мы здесь (в провинции). Отсюда – неизбежно возникающее раздражение, в целом негативные коннотации.

Второй механизм самоидентификации – социально-экономический, он опирается на реальные возможности представителей городского сообщества что-то ме-

нять в этом городе. Вносить нечто привлекательное, ремонтировать и строить, препятствовать разрушению и способствовать сохранению.

Города современной России, как и механизмы самоидентификации, можно классифицировать, разделив на репрезентативные группы, определяемые по умению руководства и жителей осуществлять самоидентификацию, проявлять способность любить среду своего обитания и самих себя, гордиться всем, чем можно (и даже чем невозможно) и не стыдиться самого факта своей принадлежности к данной среде.

Первая группа городов – те, у которых самоощущение совпадает с восприятием извне; это, прежде всего, города-миллионники – Екатеринбург, города Поволжья, в частности, Самара, это Новосибирск, Красноярск. Они плохо сопоставимы друг с другом, но это города, у которых совпадает самоощущение. В том числе и благодаря уверенности местных властей в том, что именно они, местные власти обязаны и должны нести ответственность за культурный, психологический механизм самоидентификации города.

Вторая группа городов – это города с завышенной самооценкой. Такова, на мой взгляд, Тверь (по самоощущению жителей, город, напрямую способный соединиться лишь с мало-мальски достойным его Петербургом, даже не с Москвой). Таков, очевидно, благодаря, особой экономической ауре, «владелец» крупного и дорогостоящего кинофестиваля Ханты-Мансийск. Феномен гордости не самими собой, а возможностями, привнесенными извне, требует специального изучения, но наличие его уже не вызывает сомнений.

В большой России, среди макроэкономических перипетий и политических конфликтов, жизнь и, соответственно, время каждого города идет явно по разным сценариям. Среди парадных или трагических, скандальных либо «судьбоносных» коллизий каждый город имеет собственную доминанту. Иных жаль, иные вызывают раздражение, иные – удивление (причем источники такого восприятия всегда различны).

В свое время особое внимание автора данного текста привлекли практики города – небольшого, на скромной речке расположенного, впрочем, столичного – Саранска.

Для решения вопроса о времени города – старого или относительно молодого – немаловажно определить, с чего начинается впечатление о нем.

С вокзала, куда приходят и через который проходят поезда? А почему бы и нет! Вокзал в Саранске, небольших объемов ярко-кирпичное здание, видит, скажем, фирменный поезд из Москвы ровно в ту секунду, которая указана в расписании. Старожилы говорят, что этот поезд в обоих направлениях никогда не опаздывает. Или – с сувенира, визитной карточки города? Лисичка, добрый гений города, нашлась в игрушечном магазине, но она сидела, а не бежала, как ей положено на гербе города, и вообще была жесткой, плюшевой, из давних лет всеобщего дефицита.

Вполне возможно, что город начинается с лозунга: скажи мне, что написано на обочинах улиц и на растяжках вдоль зданий, – и я скажу тебе, о чем думают или должны думать люди, которые по этим улицам ходят и ездят. Кажется, мы уже отвыкли от лозунгов на улицах. В Саранске около 10 лет назад было много лозунгов умиротворяющих; непривычно было видеть полотнище во всю высоту девятиэтажного дома со словом «согласие».

Однако, к сожалению, приближение 1000-летия Ярославля так и не заставило руководство города без специального согласования с государственными (читай – столичными) властями установить на въезде или на центральных улицах лозунг

«Ярославль – третья столица России». Тогда это казалось нескромным. Однако следует напомнить о формальных возможностях, которые имелись для признания Ярославля третьей столицей России. Ярославль в «смутное время» принял на себя функции столицы – по сути дела, стал третьей столицей России, кроме прежней Москвы и будущего Санкт-Петербурга. Именно из Ярославля в июле 1612 года был совершен выход на освобождение Москвы находившегося здесь с марта ополчения Минина и Пожарского. Именно отсюда ушла в Сибирь грамота о присылке выборных людей, когда шла речь об избрании на царство шведского королевича. Именно здесь появилась грамота прибывшего из Костромы царя Михаила Федоровича Романова Земскому собору о согласии венчаться на царство; и именно отсюда поступила грамота инокини Марфы Земскому собору о благословении сыну венчаться на царство. Наконец, именно в Ярославле с мая 1612 по май 1613 функционировал Ярославский денежный двор. Религиозное, политическое и экономическое значение Ярославля как собирателя духовных сил страны, переживавшей «смуту», - исторически непреложный факт.

В современной России вновь вспомнили, что город начинается с дома - в частности, дома Божьего, храма.

Сравниваю время закладки храмов в разных, в том числе и старых городах. В 400-летнем Саратове торжествует «новодел», в том числе – стилизации самых нарядных и, кстати, не самых старых храмов московских. В едва ли 400-летнем Архангельске Успенский собор не слишком похож на православную церковь, поскольку несет на себе отпечаток готики и, да не сочтут сказанное богохульством, мраморно-металлической роскоши современных общественных и иных, в любом случае светских, зданий. Время этих городов измеряется не слишком большим количеством столетий, что прибавляет торопливость их «шагам». В 370-летнем Саранске, о котором говорилось выше, храмов совсем немного. Основанный в XVII веке, почти одновременно с соседними (относительно, конечно) Пензой и Симбирском/Ульяновском, этот город имеет предметом гордости по сути дела лишь один монастырь.

Старые русские города, чью культурную ценность не нужно обсуждать, ибо она общеизвестна, сегодня исследуются, – если вообще исследуются – фрагментарно и хаотично. Среди наиболее последовательных энтузиастов – учителя и школьники-краеведы, ведущие экскурсии по улицам родных городов, описывающие снова и снова этапы строительства или архитектурные достоинства (что греха таить) одних и тех же памятников.

Для средневекового города – будь то Европа или Россия – храм становился подлинным центром. По традиции старых городов, чем больше таких центров в городе, тем выше его духовный статус, а чем больше людей в городе, тем больше храмов. Присутствие храмов (исторической – старинной основы) в настоящем времени городов подчеркивает, в крайнем случае намекает на укорененность современной духовности в историческом времени.

В библеистике понятие «храм» восходит к «скинии» – священному зданию, устроенному Моисеем по повелению Божию и упоминаемому в Ветхом Завете (Исх. XXV, 1,2,9) Храм-скиния стал центром нового пространства, точкой отсчета в формировании особого топоса; как сказали бы современные архитекторы, – пространственной доминантой города. Впоследствии синонимами стали «храм» и «собор». Библейские источники указывают не только на смыслообразующую роль храма в пространстве человеческого обитания, но и на особенности деяний людей. Известно, что

великолепие скинии было плодом добровольных пожертвований (в Ярославле знамениты примеры храмоздания, как приходского – храм Иоанна Предтечи, изображенный на купюре достоинством в 1000 рублей, – так и семейного, личного – храм Ильи Пророка, сооруженный на семейные средства Скрипиных, вплоть до недавно завершеного храма, Успенского, чей храмоздатель, москвич В. Тырышкин, здравствует по сей день).

В русской традиции, которую отчетливо зафиксировал Вл.И. Даль, толкование слова «храм» органично начинается во вполне обыденном духе: перечисляются «хоромы, жилой дом, храмина». Даль рассматривает не только само понятие «храм», толкуя его как «здание для общественного богослужения всякого исповедания; церковь». Он обращается и к таким понятиям, как «храмоздание» (самое дело построенная церкви) и «храмоздатель» (строитель, хозяин, коего иждивением храм строится).

Вокруг храма строится город – не только в буквальном смысле, когда речь идет о сооружении других по своему функциональному значению зданий. Город строится вокруг храма, который организует собою жизнь людей, принадлежащих к разным сословиям, имеющим даже разные национальные корни. Древние русские города, подобные Ярославлю, привлекающие экскурсантов (каковых в нашем городе куда меньше, чем могло бы быть, имея в виду культурную ценность его исторического наследия), сегодня интересуют неофитов именно своими храмами. Отметим, что действующих храмов в городе с примерно 700-тысячным населением – около 30, причем «новодел» – только один, Успенский собор, воссозданный нарядно, несомасштабно своему уничтоженному предшественнику и совершенно вне связи с историческими традициями города по мановению современного храмоздателя в течение нескольких последних лет.

Дом в старом русском городе – это не только храм Божий, но и «храм искусства», музей, картинная галерея, филармония, театр... Скажем о последнем.

Скромно место, занимаемое театром на улице провинциального города. «Порядочное зданище», недавно выстроенное кондитером, растрогало в свое время В. Соллогуба (фельетон «Симбирский театр») по контрасту с тремя «холерами», отпугивавшими от театра посетителей: картами, ленью и равнодушием к драматическому искусству. Время старого города тянется невероятно долго, когда в городе начинают строить новое театральное здание. Ярославский ТЮЗ (1984 г.) строили около 20 лет, процессу, сколь могли, способствовали знаменитые уроженцы города, драматург В. Розов и космонавт В. Терешкова. В Саратове новое здание ТЮЗа же (2012 г.) строилось около 30 лет. Проекты устаревали по ходу строительства, здания уже к моменту их ввода в эксплуатацию художественно и технологически отставали от времени, в котором театральным коллективам приходилось работать. В большинстве старых городов здания либо приспособлялись из чего-то другого, либо сооружались в начале XX века, а потом в советский период по канонам своего, постоянно запаздывающего времени. Можно понять, хотя это вызывает раздражение и возмущение, стремление местных властей использовать такие здания в качестве «дворцов съездов», а дирекции бедных в прямом смысле театров – сдавать их в аренду для меховых или медовых выставок, чуть ли не стрип-зрелищ, ради которых отменяются собственные спектакли. Стекло, бетон, рыночная лепнина, неуютные лестнично-рекреационные пространства – это не столько «храмы», сколько места временного (вот так поворачивается проблема времени) пребывания, своего рода вокзалы.

Провинциальный интеллигент времен Антоши Чехонте не мыслит своей жизни без театра. Чехов сочувствует в письме Жану Щеглову (известному литератору И. Л. Леонтьеву), попавшему в город, где царят комары и «историческая скука»; Чехов вообще достаточно явственно подразделяет города на те, где театр есть (Тула, Воронеж), и где театра нет (Владимир). В его иерархии «театральных» городов высокое место занимает, к примеру, маленький Елец, куда не только в жалком третьем классе с пристающими купцами едет Нина Заречная, но чуть ли не как в театральную Мекку стремится, мечтает съездить опытный старик-актер (А. Чехов, «После бенефиса»; далее в кавычках приводятся названия рассказов Чехова).

Конечно, чтобы выстроить «сарай» – тоже деньги нужны, и потому найденные в чужом бумажнике пять тысяч становятся дьявольским соблазном («Бумажник»). Легче – приспособить «ничто» под театр. Провинциальный театр стоит рядом с острогом и на конце улицы («Месь»). Все провинциальные города, имеющие театры, «счастливы» одинаково, как тот, «маленький», еле видимый городишко», где московские запахи отсутствуют, а в имеющихся двух театрах «бедность таланта соперничает с бедностью балаганной обстановки» («Ярмарка»).

Но вот, неважно, чьими усилиями достигнутый, результат: «Амбар был произведен в театр не за какие-либо заслуги, – замечал Чехов, – а за то, что он самый высокий сарай в городе...» («Месь»). Жалок облик театра, заметного не потому, что он лучше, а потому что уродливее, потому что более ничтожен, ничтожностью и уродством и выделяется.

В сознании публики – в частности, в беседах интеллигентных провинциалов – театр занимает место то между погодой и холерой («Ионыч»), то между шведскими спичками и локомотивами («Брак через 10-15 лет»).

Ярославль по традиции почитают родиной первого русского театра. Это так, по традиции – и не так, по реальной истории искусства. Так – потому что в конце 1750 года здесь началась подготовка спектаклей частного театра, которым руководил молодой пасынок купца Полушкина Федор Волков, его родственники и друзья, в том числе Иван, получивший от императрицы Елизаветы сценический псевдоним Дмитриевский. Повидавший разные зрелища в Москве и Петербурге, Волков в кожевенном амбаре устроил сцену, зрительный зал, и пораженные зрители смотрели первые спектакли, где поднимались и опускались облака, играли музыканты, сцена освещалась плошками. Однако не так – потому, что увезенные эмиссарами императрицы Елизаветы Петровны (в частности, знаменитым драматургом А.П. Сумароковым) в Петербург, ярославские актеры сначала обучались там манерам и наукам в Шляхетном корпусе, а затем играли уже в столицах.

Тем не менее Ярославский академический театр драмы носит имя Ф.Г. Волкова, и именно на его сцене именно в контексте миллениума, в 2000 году праздновалось 250-летие основания русского профессионального театра. Театр этот, по моим представлениям, всегда тяготел к традиционной, часто патетической сценической манере, здесь всегда любили бытовые подробности и исторические «полотна». Этот театр в эпоху российской социально-экономической «перестройки», погубившей, по неофициальным данным, более 80 провинциальных театров России, не миновали традиционные муки художественного руководства, где безоглядный эгоизм одних сменялся трогательным конформизмом других. Зрители и гости города театр чтят по традиции, как городскую достопримечательность, в которой подчас не хочется замечать творческие самоповторы, дурновкусие в репертуарной политике, отсутствии определенной художественной программы.

Вот существенная и неизбежная особенность провинциального театра: здесь название вида искусства в иных случаях становится синонимом наличия труппы. Провинция в старину жила именно так, как по сути дела и сегодня живет Ярославль: один город – один театр. Культурный плюрализм – удел столичной жизни; культурная, если угодно, «моногамия» – удел провинции. Здесь не привыкли к слову «театр» добавлять его название или имена лидеров, здесь под этим словом подразумевают только одно учреждение, одно здание, одну традицию. Динамика, продуктом которой стало появление новых, экспериментальных по духу, рассчитывающих на малочисленную публику-друзей-единомышленников, не есть удел таких старинных городов Центральной России, как Ярославль.

В контексте российской социально-политической, экономической динамики город остается «островском» стабильности, в некоторых случаях – консервативности. Перестали, за небольшим исключением, менять города и театры провинциальные актеры – цены на жилье, сокращение количества и изменение системы работы репертуарных (типично российских) театров...

Динамика из сферы творческой мигрировала в сферу организационную. Город уже не место жизни театра и его публики (чеховская эпоха в этой связи было рассмотрена выше), а место временного посещения; он превратился в площадку для гастролей. И это еще не худшая судьба. Иногда и гастролей приличных не дожидаться, тогда отдушиной становятся фестивали, желательнее подальше и подольше.

Сегодня вновь делается попытка возродить репутацию провинциального, но страстно желающего позиционировать себя как театральную столицу города. Программа «Театральное будущее России», проводимого ежегодно с 2009 года, отличалась, как принято клишировано называть, широтой географического охвата, разнообразием репертуарных исканий и школ. Несколько дней интенсивной коммуникации растворяются в месяцах спокойного (рутинного – ?) течения городского быта.

Чем моложе город, тем больше в нем своеобразных знаков времени, соответствующих принципу «живой хронологии» – некрупные, не заметные и не значимые для чужих детали, по которым отмечается жизнь аборигенов. Ценят и любят здесь свое, даже если для посторонних значение этого «своего» не очень велико. А уж если детали связаны с именитыми людьми... Главному по определению музею Саранска немногим более тридцати лет; музей не мог располагаться в каком-либо историческом здании (как, например, в Ярославле, где Художественный музей занимает Губернаторский дом плюс, отведенные под Отдел древнерусского искусства, Митрополичьи палаты) выстроено едва ли не роскошное здание, где есть и мощные открытые пространства залов, и уютные интимные анфилады небольших помещений. У этого музея есть особое лицо – но это лицо одного человека, великого скульптора со странной судьбой, Эрзи. Как одно лицо – основавшего сам музей художника А. Боголюбова – у музея в Саратове.

Может быть, гордиться легче, если предметов гордости меньше? Там, где их много, все они актуализированы. В Ярославле их в нематериальном и материальном воплощении множество, поэтому, вероятно, имеет место не только и даже не столько гордость этими «предметами», но и стыд, рожденный неухоженностью, забвением, наконец, просто невостребованностью этих предметов гордости.

Однако исторически сложилось восприятие старого города как места, которым можно гордиться просто потому, что оно все еще существует.

Самое страшное – если «старый» город становится синонимом города «обветшавшего». Если замедляется или вовсе останавливается темп жизни, активность взаимодействия людей внутри города и взаимодействия людей этого города с ос-

тальным миром. Если мир этому городу становится неинтересен (а город, кстати, в силу каких-то своих «древностей» миру продолжает быть интересным).

Когда-то академик Д. С. Лихачев горестно назвал тогда еще Ленинград «великим городом с областной судьбой». Опыт небольших и не всегда старинных городов свидетельствует о том, что город с областной ли, периферийной ли судьбой может строить свою жизнь так, чтобы его жители – и прежде всего именно они - не чувствовали стыд за принадлежность именно к этому сообществу.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Советский писатель, 1990.
2. Злотникова Т.С. Провинциальная культура как объект прикладной культурологии // Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований / Под ред. И.М. Быховской. – М.: Смысл, 2010.
3. Злотникова Т.С. Провинция в культуре // Культурология: Энциклопедия. В 2 тт. – М.: РОССПЭН, 2007.
4. Злотникова Т.С. Провинция как граница культурных миров // Сборник статей Международного симпозиума «Вузы культуры и искусств в мировом образовательном пространстве: Новый «шелковый путь» к культуре без границ». Республика Корея, Енгволь, 20-21 мая 2009. – М.: Енгволь, 2009.
5. Злотникова Т.С. Театр провинциального города: художественный, нравственный, социально-экономический аспекты трансформаций // Концепты культуры XX века: Научный сборник. – Ярославль, изд-во ЯГПУ, 2009.
6. Злотникова Т.С. Человек. Хронотоп. Культура. Изд. 3-е. Курс лекций (Учебное пособие). Гриф НМС по культурологии. – Ярославль, изд-во ЯГПУ, 2011.
7. Исторический город русской провинции как культурный универсум: Учеб. пособие / Науч. ред. Т.С. Злотникова, М.В. Новиков, Н.А. Дидковская, Т.И. Ерохина. – Ярославль: изд-во ЯГПУ, 2010.
8. Коммуникативные стратегии в культурном поле провинции: Научный сборник. – Ярославль-Санкт-Петербург: изд. ЯГПУ, 2006.
9. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. – М.: Дет. лит., 1989.
10. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство – СПб, 1994.
11. Мир русской провинции и провинциальная культура / Отв. ред. Г.Ю. Стернин. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
12. Мифы провинциальной культуры: Тезисы международного симпозиума; 11 мая 1992 г. – Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 1992.
13. Российская провинция XVIII – XX веков: реалии культурной жизни. В 2 кн. Мат-лы III Всероссийской научной конференции / Отв. ред. С.О. Шмидт. – Пенза: Департамент культуры Пензенской области, 1996.
14. Русская провинция и мировая культура: Тезисы II межвузовской научной конференции. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 1998.
15. Русская провинция и мировая культура: тезисы докладов научной конференции / Науч. ред. Т.С. Злотникова. – Ярославль: Изд-во ЯГПИ, 1993.
16. Столицы и столичность в истории русской культуры. Научный сборник. – Ярославль: изд. ЯГПУ, 2006.
17. Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избр. статьи по философии русской истории и культуры. В 2 т. / Г.П. Федотов. – СПб.: София, 1991-1992.

«Быстрые» и «медленные» города: к постановке проблемы /«Fast» and «slow» cities: the problem of the statement/

Л.Г. Иливичкая, кандидат философских наук
Самарский государственный медицинский университет,
Поволжский институт бизнеса
Самара, РФ

Статья посвящена времени как одному из методологических и методических инструментов анализа города, в том числе российского города, позволяющему вскрыть комплекс проблем, связанных с образом города как "быстрого" или "медленного".

Ключевые слова: город, российский город, время, "быстрый" город, "медленный" город.

L.G. Ilivitsky, Ph.D.

Samara State Medical University, Volga Institut of Business

Samara, RF

The article is devoted to the category of time which is one of the methodological and methodical tools of the analysis of the city, including, the Russian city, allowing to open a complex of the problems connected with image of the city as "fast" or "slow".

Keywords: city, Russian city, time, "fast" city, "slow city".

Если набрать в любой поисковой системе словосочетание «время в городе», то в первую очередь выйдет информация, позволяющая узнать, сколько времени сейчас в Риме, Москве, Барнауле или Самаре. И этот простой эксперимент дает наглядное представление о том, что время в городах значительно отличается. Разные города – разное время. Но если вдуматься, то этот тривиальный факт задает множество направлений исследований, касающихся понимания города, раскрытия его сущности, осмысления перспектив его развития. Именно время становится одним из тех универсальных ключей, который позволяет открыть очень многие «городские двери». Широкие исследовательские возможности времени в качестве своеобразного методологического и методического инструментария изучения города (и не только) связаны, в первую очередь, с неопределимостью данного феномена. Что такое время? Вопрос, который беспокоит человечество на протяжении уже нескольких тысячелетий, но не смотря на это остается без ответа. Каждая из многочисленных наук, изучающих время, предлагает свои подходы к его определению. Оно рассматривается как атрибутивная характеристика бытия, мера измерения, априорная форма чувственности, астрономическая величина, континуальность бытия человека, коллективное представление и т.д. Любая интерпретация времени из предлагаемого множества его определений может быть наложена на сущностное пространство города, что неизбежно позволит высветить ту или иную его плоскость, ракурс, грань; выявить специфические черты, характеристики, свойства.

В последнее время в лексикон современного горожанина вошло слово «движуха», которое, несмотря на необычность своего звучания, достаточно точно отражает специфику современного образа жизни. Стремление к постоянному изменению, движению, трансформации становится одной из существенных характеристик мироощущения и жизнедеятельности. По точному замечанию З. Баумана, «по существу нет больше ни «вперед», ни «назад»; ценится лишь умение не стоять на месте» [1]. Новые мировоззренческие ориентиры позволяют классифицировать города не по традиционным для урбанистики основаниям, а вводить новые, различая их, в частности, по «уровню «движухи». И в этом случае речь идет уже не о малых или крупных городах, не о столице или провинции, а о городах «быстрых» и «медленных». Причем, будучи отражением серьезных сдвигов в миропонимании человеком данное деление приобретает выраженный ценностно-смысловой характер. Действительно, для современной культуры быстрота, высокий темп изменений, скорость становятся ценностными доминантами. Современную жизнь можно сравнить с беговой дистанцией, где выигрывает тот, кто демонстрирует более высокую скорость передвижения. Именно он становится победителем, получает высокие награды, большие гонорары, широкую известность, усиленное внимание со стороны спонсоров, рекламодателей и т.п., Экстраполяция данной ситуации на город представляется вполне допустимой. «Быстрый» город, характеризующийся значительной скоростью изменений, высокой частотой смены событий, быстрым темпом жизни оценивается как более успешный, обладающий большими возможностями, соответствующий современным требованиям, являющийся более привлекательным для инвесторов и т. д. Город «медленный» наделяется ровно противоположными свойствами, что задает ему совсем другие смысловые координаты: отсталый, «застойный», спальный, провинциальный, бесперспективный и т.д.

Но говоря о «быстрых» и «медленных» возникает вопрос о том, каким образом, исходя из каких критериев определить к какому типу относится тот или иной город. Одним из первых, кто попытался выявить «быстрые» и «медленные» не города, но страны был Р. Левин. В основу его классификации было положено три параметра: скорость движения пешеходов по тротуарам, быстрота обслуживания почтовыми служащими клиентов и точность общественных часов. Самыми «быстрыми» странами оказались Швейцария, Ирландия, Германия, Япония и Италия, самыми «медленными» – Сирия, Сальвадор, Бразилия, Индонезия и Мексика [2]. Другим примером определения быстроты городской жизни является исследование Keermoving.co.uk, вебсайта, которым управляет международная транспортно-информационная компания ITIS Holdings. Keermovingom в качестве ведущего параметра оценки городов была предложена средняя скорость движения транспорта в городе. Среди 30-ти городов Европы самыми медленными были признаны: Лондон, Берлин, Варшава, Рим, Париж, Белфаст [3]. В исследовании консалтинговой компанией Arthur D. Little показателем, определяющим место города в рейтинге, являлось количество времени, необходимое для передвижения по городу из точки А в точку В. По полученным данным Дюссельдорф оказался самым «медленным» из 15 крупнейших немецких городов, а Мюнхен – самым «быстрым». Среди аутсайдеров так же Кельн, Эссен и Дуйсбург [4].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что достаточно простая на первый взгляд задача, легко решаемая на интуитивном уровне (вопрос о том быстрый или медленный город Москва не вызовет затруднений у приезжего из провинции), оказывается в научно-исследовательской плоскости уравнением со многими неизвестными: что должно изменяться в городе, с какой скоростью должны происходить изменения, что принять за точку отсчета, в каких единицах измерения должен выражаться результат и т.д.

В этой ситуации именно время становится одним из возможных инструментов, который позволяет приблизиться к ответу на поставленные вопросы. Действительно, практи-

чески в любой формуле, используемой для расчета скорости, время является обязательным компонентом (в широком смысле, скорость определяется как быстрота изменения какой-либо величины в зависимости от времени). Однако, коль скоро речь идет не о физической реальности, а о реальности антропологической, социокультурной, то и время нельзя рассматривать лишь как меру измерения, принятую в физических науках, которая представляет собой внешнюю по отношению к конкретному процессу данность. Время, применительно к городской динамике, можно интерпретировать как меру изменения, отражающую внутреннюю специфику различных процессов имеющих место в пространстве и жизни города, являющуюся их динамической характеристикой, фиксирующей длительность, последовательность, темп и периодичность. Именно так понимаемое время дает возможность использовать его как один из наиболее значимых показателей оценки города с точки зрения происходящих в нем изменений, определения его места на координатной оси «быстрых» или «медленных» городов.

Время, взятое как мера изменения, позволяет определить значения для тех неизвестных, из которых может быть выведена формула для оценки городов по заданному параметру.

Во-первых, речь идет об определении базисного процесса, отражающего специфику города и задающего темп и ритм ее изменений. Данный процесс выступает, по сути дела, системообразующим элементом, задающим, с одной стороны, все остальные составляющие формулы, с другой стороны, именно его изменения являются основой для классификации городов.

Приведенные выше примеры свидетельствуют как раз о том, как выбор базисного процесса может оказать существенное влияние на оценку города. В соответствии с одним из них город будет охарактеризован как «быстрый», а исходя из другого, тот же город станет относиться к «медленным». Быстрый или медленный город Самара? Существенно более быстрый, чем Москва (и даже Дюссельдорф), если взять в качестве базисного процесса скорость движения по дорогам, но значительно более медленный, если рассматривать частоту событий, например, в его культурной жизни. Но при этом, все же какой бы базисный процесс не был взят, он способен высветить состояние различных сторон городской жизни, вскрыть существующие проблемы и задать направления для их решения. Так, например, казалось бы практически несерьезный рейтинг компании Arthur D. Little позволяет оценить темп движения общественного транспорта, среднее времени, которое жители городов проводят в дороге на работу и обратно, и как следствие способствовать выработке или корректировке транспортных стратегий крупных городов.

Выбор того или иного базисного процесса способен также диаметрально образом поменять ценностные ориентиры в оценке «быстрых» и «медленных» городов, когда именно «медленный» город становится «правильным», современным, наиболее привлекательным и приспособленным к жизни. Именно об этом свидетельствует движение «Медленных городов» (Cittaslow), возникшее в 1999 году в Италии и существующее в 10 странах мира. Согласно основным положениям данного движения на звание «медленный город» могут претендовать пункты с населением менее 50 тысяч человек, обладающие низким уровнем шума и малой интенсивностью движения на городских улицах, большой площадью зеленых насаждений и пешеходных зон, прилагающие значительные усилия по сохранению местных культурных и кулинарных традиций, нацеленные на возвращение к размеренному образу жизни, делающему упор на ее качество [5]. На первый взгляд, концепция «медленных» городов является противоположностью всему тому, что ассоциируется с представлением о «быстром городе». Однако, на самом деле именно реализация данной концепции

позволила, например, крошечному городку Сегонзак (Segonzac) в департаменте Шаранта (численность населения всего 2 300 человек) стать новой столицей, а именно, официальным центром французского представительства движения «Cittaslow». Концепция «Медленных городов», по существу, является одним из возможных вариантов для малых городов, став «медленными» сделаться «быстрыми», так как она способствует развитию экономики города, росту его туристической привлекательности, благоустройству городского пространства, повышению качества жизни его населения.

В тоже время, концепция «медленных» городов свидетельствует о том, что гипердинамичность, сверхскорость городской жизни зачастую представляет собой лишь количественную характеристику. Качественная же составляющая в лучшем случае отходит на второй план, в худшем – полностью игнорируется. Возникает ситуация «скольжения» по поверхности, которая не предусматривает возможность прибывания, углубления. Как отмечает Павленко, убыстрение времени, порождает ситуацию отсутствия «телопроденности» настоящего, что лишает его наполненности [6]. Город начинает представлять собой череду сменяющих друг друга состояний, событий, которые не способствуют качественному изменению внутренней сущности города.

Во-вторых, время, рассматриваемое как мера изменения, задает и единицы этого измерения, для того, чтобы установить временные интервалы, фиксирующие качественную определенность базового процесса.

Единицами измерения, фиксирующими динамику базисного процесса, могут являться как астрономические величины (сутки, неделя, месяц, год и т.д.), так и с ними сопоставимые лишь отчасти иные временные мерки: поколение, век или его четверть, эпоха. Причем, последние зачастую носят переменный характер. Четверть века – это иногда совсем не 25 лет, а поколение – это лет двадцать-тридцать. Эпоха вообще не имеет числового выражения и обозначает достаточно длительный период, обладающий качественным своеобразием.

Выбор этих единиц, безусловно, зависит от базисного процесса. Как известно, политику можно поменять за 6 дней, экономику – за 6 лет, а вот культуру – за 60. Однако, сами единицы измерения указывают на то, какими мерками должен оперировать город, чтобы считаться быстрым. Сколько нужно времени, чтобы ощутить, что город другой? Некоторые не меняются столетиями, другие не узнать через 3-5 лет. Современная социокультурная ситуация диктует постоянно сжатие, сужение временных рамок, все более мелкие единицы времени для анализа города.

В-третьих, необходимо зафиксировать точки отсчета (событий), отмечающих прекращение прежнего состояния и создание условий для появления нового. Данные точки отсчета представляют собой, в определенном смысле, «осевое время» города, которое фиксирует выбор одного из возможных путей его развития. Например, Самара после революции один из многих провинциальных городов, но Великая отечественная война задала для нее новый отсчет времени, стала своего рода «фокусным», поворотным моментом. Родается Самара промышленная, характеризующаяся быстрым развитием тяжелой промышленности, формированием промышленной элиты, ростом населения, возникновением новых районов и т.д. Самара середины XX века, безусловно, город «быстрый» в индустриальном, экономическом плане. Однако, индустриальные «волны» всколыхнув гладь города, дав ему мощный индустриальный толчок, одновременно предопределили следующий «фокусный» момент – начало 90-х гг. XX века, когда промышленное прошлое и настоящее Самары обернулось множеством проблем для города, но одновременно задали поиск другого вектора движения.

В этой связи хотелось бы отметить, что говоря о «быстрых» и «медленных» городах, помимо скорости движения, существенным является и его направленность. Продолжая ранее используемую аналогию с беговой дорожкой, можно сказать, что спортсмен, демонстрирующий самую высокую скорость из всех, но бегущий в противоположном от финишной линии направлении, не станет победителем. То же самое можно отнести к городам, которые претерпевают значительные изменения в короткие сроки, но направленность этих изменений не позволяет говорить о них, как «быстрых» городах. Яркий тому пример судьба моноструктурных городов. С прекращением деятельности градообразующих предприятий они претерпели существенные изменения, которые, однако, не позволяют их включить в разряд городов «быстрых».

Ситуация городов-спутников, возникший вокруг крупного производства показывает, что для сохранения внутренней динамики необходимо, чтобы заданный извне или возникший изнутри импульс, который может носить самый разнообразный характер (экономический, политический, культурный и т.п.) был распространен, импортирован на другие сферы жизни города. Можно предположить, что в случае, когда его влияние не будет ограничено узкой сферой своего действия (например, крупное промышленное предприятие и город, как спальный район с минимальной социальной инфраструктурой), а будет способствовать формированию социокультурной многоликости города, тогда появляется возможность зарождения другого импульса, носящего иной характер и позволяющего задать новое «осевое время», способствовать дальнейшему развитию города. Более того, отсутствие продолжения для «пускового» момента в иных проявлениях города может, в конце концов, привести к ощущению движения по кругу, замкнутому циклу, стагнации. Снова обращаясь к примеру Самары, можно вспомнить судьбу уже упоминавшейся Безымянки. Быстрое промышленное развитие в 40-60 гг. XX века, но без опоры на формирование каких-то новых для города культурных, социальных и других проектов не позволило ей стать еще одним городским центром. Наоборот, она превратилась в район, который был не принят городом, для которого она ассоциировалась с чем-то чужеродным, искусственным, отсталым, периферийным.

Таким образом, время, взятое лишь в одном из множества своих аспектов, позволяет выявлять, анализировать, диагностировать различные стороны жизни города, которая характеризуется стремительными переменами в одних случаях и длительной стагнацией в других, намечать возможные проекции будущего, содействовать реализации самых привлекательных из них. Однако и само время, как «ключ к пониманию» изменений в современной цивилизационной ситуации требует дальнейшего изучения и обоснования.

Литература

1. Бауман З. От паломника к туристу. – Режим доступа: <http://www.socjournal.ru/article/198>, загл. с экрана.
2. Levine R.V. A Geography Of Time: On Tempo, Culture, And The Pace Of Life / R.V. Levine. – Basic Books, 1998. – 280 p.
3. Самые быстрые и медленные города Европы. – Режим доступа: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/249574>, загл. с экрана.
4. Назван самый медленный город Германии. – Режим доступа: <http://allbe.org/nazvan-samyj-medlennyj-gorod-germanii/>, загл. с экрана.
5. Медленные города. – Режим доступа: http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_zoom_detail.htm?No=3154&id=zoom, загл. с экрана.
6. Павленко А.Н. Возможности техники. – СПб.: Алатейя, 2010. – 224 с.

Город и мещане: в поисках утраченного рая

/City and groundling: in search of lost paradise/

З.М. Кобозева, кандидат исторических наук, доцент
Самарский государственный университет
Самара, РФ

Анализируется мещанская идентичность в пространстве провинциального города 50-60-х гг. XIX в. На основании анализа повседневных практик мещанства, отраженных в делопроизводственной документации фонда городской шестигласной думы, данное время автор трактует как "золотой век" мещанства. Данная модель мещанской социальной интеракции складывается на основании интерпретации екатерининского законодательства "снизу". "Открытость" сословия для межсословной и межкультурной коммуникации акцентировало его "негоциантский" дух, перманентно входящий в конфликт с "высокой" русской культурой.

Ключевые слова: провинциальный город, мещанская идентичность.

*Z.M. Kobozeva, Ph.D., assistant professor
Samara state university
Samara, RF*

The paper deals with low middle-class identity within the framework of a provincial town of the 50-60s of the 19th century. Having analysed everyday routine of low middle-class which are reflected in records-keeping documents of city дума, the author treats this time as the "Golden age" of low middle-class. This model of low middle-class interaction is made as a result of interpreting Ekaterina's laws from "the bottom". "The openness" of this social layer for inter-social and cross-cultural communication emphasized its merchant spirits which was in constant opposition to "high" Russian culture.

Keywords: country town, groundling identity.

В русскую языковую практику слово «мещанство» входит из польского языка, в котором *miasto* означает город, *mieszczane* – горожане [1]. В других славянских языках слово имеет сходное значение. В белорусском языке мястэчка – город, поселок. В украинском *misto* – город, городок. Таким образом, слово «мещанство» происходит от названия небольших городов — «местечек», причем до сих пор в просторечье сохраняется определение «местечковый» в значении «узости круга интересов», «провинциальности». Как мы видим, сразу на название сословия была наложена пространственная характеристика, связанная с небольшими размерами, сводящаяся к значению слова «местечко». Местечком называлась разновидность городского поселения в Речи Посполитой. В словаре Д.Н. Ушакова «местечко» как производное уменьшительно-ласкательное от

слова «место» употребляется в значении места на службе и в значении «местечко» как небольшое селение городского типа [2]. В еврейском обиходе понятие «местечко» подразумевало характер своеобразного быта еврейства, его религиозно-культурную особенность и духовно-социальную автономию общины. Жизнь еврея в местечке ограничивалась домом, синагогой и рынком [3]. Даже в самой еврейской литературе и искусстве сложился негативный образ местечковой жизни. Однозначные прилагательные в идиш «клейнштетдик» (буквально мелкоместечковый) и в русском языке «местечковый» обрели негативную коннотацию как символы провинциальности и ограниченности [4]. Показательно, что в русском языке определение «местечковый» с точки зрения жизненных интересов и текстов поведения закрепилось за «мещанством». Но как и в современной отечественной науке происходит так называемая «реабилитация» мещанства, так и в еврейской литературе началась идеализация «местечка», его мифологизация в контексте «утраченного рая», «отчего дома еврея» [5]. Что касается дореволюционной Самары, то к концу XIX в. усилился приток евреев в город, к 1897 г. их количество составляло 1327 человек [6]. Ревизские сказки и посемейные списки мещанства начала XX в. так же свидетельствуют о значительном увеличении еврейских семейств в составе горожан [7]. Можно предположить, что на региональном уровне данное обстоятельство способствовало контаминации смыслов еврейского «местечка» и мещанства, учитывая определенную ментальную общность этих историко-культурных явлений. Таким образом, появление слова «мещанство» в русском языке в значение польского «место», «город» и дальнейшая рецепция в русскую культуру в негативной коннотации «местечковость», демонстрирует стойкое ментальное неприятие в русской культуре всего, что связано с мелкими обывательскими интересами и «торгашеской» психологией. С другой стороны, в русской культуре любое негативное оценочное явление имеет свою оппозицию в противоположном значении. В этом отношении показателен семантический ряд пословиц и поговорок, связанных со словом «место»: «Не место красит человека, а человек место»; «В большом месте сидеть – много надобно ума иметь»; «Свято место пусто не бывает»; «Глупый ищет большого места, а умного и в углу видать»; «Большое место взяв, умей давать устав»; «Сокол с места, а ворона на место»; «Не припасши места, не садись» и т. д. [8]. Само слово «мещанин» фиксируется в русской лексике XVII в. в двух значениях. В средневековом русском городе этим словом назывался житель посада, слободы, как правило, мелкий ремесленник или торговец, входивший в городское податное сословие. В законодательном дискурсе слово мещанин появляется в XVIII в.

Основным документом, регулировавшим устройство городского общественного управления вплоть до 70-х гг. XIX в., была «Жалованная грамота» городам Екатерины II (1785 г.) [9]. Но, как отмечает Б.Н.Миронов, не только государство творило социальную историю страны, но и само население создавало удобные для себя социальные организации. Так, дворянство, разночинцы и интеллигенция считали ниже своего достоинства участвовать в собраниях городского сообщества; крестьянство, проживающее в городах, и военные - были лишены избирательных прав; купцов первых двух гильдий, которые соответствовали бы высокому цензу, в большинстве городов было очень мало, поэтому «шестигласные думы превратились в орган городского сословия», «вопреки городскому положению 1785 г. ... возникло именно общество всего городского сословия» [10], которое в основном состояло из купцов третьей гильдии и мещан. Период накануне городской реформы 1870 г. можно условно обозначить «золотым веком» мещанского сословия. С одной стороны, мещанство в этот период выступает достаточно активным социальным актором в городских делах, с другой стороны, «золотой век» определяется не столь-

ко какими-то законодательными событиями, хронологически выделившими данный период, как в ситуации с «золотым веком» русского дворянства, а в определенном этапе словесной психологии, предшествующей естественному усложнению жизни, в следствии изменения функциональной структуры русского города. Это касалось постепенного разрушения хронотопа провинциального замкнутого патриархального городского пространства, усложнения хозяйственной деятельности мещан, повышения их образовательного уровня и интенсификации социальной мобильности, причем, все эти процессы происходили не «благодаря», а «вопреки» социальной политике власти. До 70-х гг. XIX в. городская шестигласная дума, являлась неким официальным «чревом» мещанской жизни, регулирующим повседневные стратегии и практики сословного существования. Какой бы неэффективной и искусственной с точки зрения историографической интерпретации не выглядела ее деятельность [11], градская дума в значительной степени организовывала быт мещан и купцов 3-й гильдии (после 1824 г. купцы 1-й и 2-й гильдий получили право отказываться от службы в сословных городских учреждениях) [12]. В 1861 г. была напечатана повесть Н.Г.Помяловского «Мещанское счастье». Символическое значение данного текста в том, что он обращен не внутрь, а во вне, являлся не знаком мещанства, а бегством от мещанства той его образованной части, которая латентно апеллировала к высокой культуре: «Посмотрите, как я страдаю в своей среде, обратите на меня внимание!». В определенной степени, Помяловского, давшего литературный знак мещанству, можно было бы отнести в категорию лиц «социально несуществующих» [13] для мещанства как целостной структуры. И тем не менее, для провинциального «ядра» мещанской самобытности в символическом плане был весьма показателен введенный в русскую культуру код иронического словоупотребления выражения «мещанское счастье» в значении узости обывательских интересов и отсутствия высоких стремлений. Как мне видится, тем самым мещанство не уходило «в тень», а благодаря «возможности существования таких языков, которые позволяют говорить о своем как о чужом и о чужом как о своем» [14] становилось выразительной частью российской истории, представляющей собой «синтез факта и смысла» [15]. Таким образом, в 50-60-е гг. XIX в. мещанство более чем в другие периоды своей сословной истории обнаружило себя как коллектив, следовательно, именно на этом этапе в большей степени проявилось его не сформулированное самосознание, самосознание проявившееся в поведении, основой которого «становятся чувства частичности и причастности», «одновременное переживание себя и в качестве подобного универсуму целого, и как его части» [16], в позднейший же период «в пространстве между коллективизмом и эгоизмом... между стадностью и индивидуальностью» [17] победит индивидуальность (одна из характерных черт модернизации) и мещанин воплотит в своей жизненной стратегии тексты поведения «self made man».

Стратегии повседневного поведения мещанства с одной стороны задавались правовыми установлениями, с другой стороны, мещане «применяли и интерпретировали правовые формулы в ответ на различные обстоятельства, нужды и стремления» [18]. Формированию специфической социально-культурной идентичности мещанства в 50-60-е гг. XIX в. способствовала, как это не покажется странным, сама формальная административная практика правового определения мещанства, сделавшего его весьма открытым для культурного взаимопроникновения через расширение круга лиц, могущих вступить в сословие. Указом 1849 г. был облегчен переход государственных крестьян в городское сословие; в 1858 г. разрешено перечисление евреев в Сибири из государственных крестьян в мещане; Положение 1861 г. и закон 18 января 1866 г. подтверждали право вступления в мещанство сельских обывателей всех категорий; в 1835 г. оседлым са-

моедам было разрешено вступать в сословие мещан; в 1842 г. крестившиеся евреи, а так же возвратившиеся из Сибири ссыльнопоселенцы могли приписываться к мещанским обществам; в 1855 г. стали причислять к мещанству лиц, уволенных из цеха вольных матросов; в том же году было дозволено осужденным к ссылке на проживание в отдаленные губернии записываться там в мещане; с 1833 г. стали записывать в мещане священнослужителей, лишенных духовного сана за преступления и пороки; с 1850 г. лица бывшей польской шляхты, не доказавшие дворянства, перечислялись в мещане; с 1852 г. дети личных дворян, не имевшие офицерских чинов, могли вступать в мещанство; перечислялись купцы, не выкупившие свидетельства; в мещанство могли вступать так же все лица, имевшие право или обязанность избрать род жизни: незаконнорожденные, подкидыши, непомнящие родства, церковные причетники, которые были уволены из духовного звания за пороки; жители польских губерний, переселившиеся в другие губернии; ссыльные, которым разрешено было вернуться из Сибири во внутренние губернии, уральские и среднеазиатские инородцы, принявшие православие, сосланные раскольники, в случае их обращения в православие, солдатские и матросские дети и военные кантонисты, отставные нижние воинские чины и т. д. [19] Таким образом, мещанство представляло собой такую «концентрацию активностей», [20] которую удержать в сословных рамках мог только или очень мощный или очень удобный символ, «скелетная система», которой присуща конструктивность, способная обеспечивать состояние взаимного тяготения элементам системы. Символом сословного духа становится мещанское общество, некая осознанная структура в исключительно фрагментированном социальном слое. Это была та стабильная структура, вокруг которой создавались социальные связи. Другое дело, что податное состояние сословия налагало на мещанское общество отрицательную коннотацию. Но она декомпенсировалась социальной ролью «отчего дома». Реформа 1870 г. внесла изменения в деятельность мещанского общества. Из ведения городского управления были изъяты дела отдельных сословий и переданы в сословные органы, ставшие юридически самостоятельными. Однако «при декларированной самостоятельности деятельность этих сословных обществ находилась под контролем правительственных властей в лице губернатора, казенной палаты, а иногда и Министерства внутренних дел» [21]. По городскому положению для заведывания делами общества учреждались мещанские управы. Таким образом, казалось бы, все говорит в пользу отсчета так называемого «золотого века» мещанства начиная с 70-х гг. XIX века. В этой связи хочется привести высказывание В.И. Ленина: «Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой» [22]. Действительно, если рассматривать историю людей с точки зрения марксистской теории прогресса, с точки зрения эволюции законодательства, очерчивающего их жизнь, то действительно, когда возникает больше сословных полномочий, больше прав – тогда и «золотой век». Но если под понятием «золотой век» понимать мифологическое представление о «счастливом и беззаботном состоянии первобытного человечества», как у Гесиода, «жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою, горя не зная, не зная трудов...А умирали как будто объятые сном...» [23], то есть в качестве критерия выделения «золотого века» учитывать психологические импульсы, исходящие от источника, зафиксировавшего рефлексию мещанства (фонд городской думы) [24], диктующего сюжеты мещанской повседневности 50-60-х гг. XIX в., создается стойкое впечатление, что именно в границах дореформенного городского общества наиболее отчетливо проявились константы «мещанского рая» или «золотого века»: дом, семья, работа в городе (базар), порядок. К 50-60-м гг. XIX в. относится своего рода всплеск эпистолярной ак-

тивности «немощующего» сословия, обнаруживаемый в делопроизводственной документации, «письма во власть», которые писались мещанством на имя городского головы [24]. Таким образом, с одной стороны, воздух города делал связанных с ним людей свободными от чувства смирения и подавленности, носителями судьбы, демонстрирующими свою активность [25], с другой стороны, пространство города, актуализируемое властью, колонизируемое деревенской традиционной культурой, изживало «пассионарный потенциал», чтобы в функционировании государства он не был помехой [26]. Ослабление импульсов традиционной религиозности переносило часть сакрального мироощущения на административные институты, в границах которых мещанин пребывал не меньше, чем в церкви. К концу XIX в. постепенно в пространстве города мещанин сословный превращается в рационального человека срединного мира, формирующего свой новый хронотоп, более соответствующий модернизируемому пространству пореформенной империи. И «под его натиском» складывается особый синкретический мир нового города, усиленный реформами 70-х гг. XIX в., вместе с которыми заканчивается «золотой век» мещанства и начинается «исход» мещанина в поиски новой социальной маски.

Литература

1. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 3. – М., 2000. – С. 570.
2. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 2: Л-Ояловець / Под ред. Д.Н.Ушакова. – М., 2000. – С. 191.
3. Краткая еврейская энциклопедия. Т.5 / Гл. ред. И. Орен (Надель), Н. Прат. – Репр. изд. – М., 1996. – С. 314-321.
4. Там же.
5. Там же.
6. Краткая еврейская энциклопедия. Т.7 / Гл. ред. И. Орен (Надель), Н. Прат. – Репр. изд. – М., 1996. – С. 616.
7. ГУСО ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 87, 88.
8. Русские народные пословицы и поговорки. – М., 1958. – С. 118.
9. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Правительственная политика. – Л., 1984. – С. 11.
10. Миронов Б.Н. Социальная история России. Т.1. – СПб., 2000. – С. 495-496.
11. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983. – С. 178-179.
12. Там же. С. 179.
13. Лотман Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллин. 2010. – С. 55.
14. Там же. С. 16.
15. Там же. С.27.
16. Там же. С.59.
17. Там же.
18. Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. – М., 2002. – С. 170.
19. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). – М., 2009. – С. 454-458.
20. Почепцов Г.Г. История русской семиотики до и после 1917 года. – М., 1998. – С. 25.
21. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. – М., 2008. – С. 216.
22. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.1. А-К. – М., 1994. – С. 472.
23. Там же. С. 471.
24. ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп.6.
25. Хренов Н.А., Соколов К.Б. Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). – СПб., 2001. – С. 247-248.
26. Там же. С.251.

Пермь - закрытый город /Perm as a Closed Town/

И.В. Кондаков, доктор философских и кандидат филологических наук,
профессор, академик РАН
Российский государственный гуманитарный университет
Москва, РФ

Статья посвящена культурной семантике "закрытого города" на примере Перми.

Ключевые слова: закрытый город, тоталитаризм, секретность, военная тайна, "пермский текст".

I.V. Kondakov, Dr. Ph., Cand. Sc., professor, academician of the Russian Academy of Natural Sciences

The Russian state humanities university

Moscow, RF

The article is devoted to cultural semantic of a "closed town" on the example of Perm.

Key words: closed town, totalitarianism, secrecy, military secret, "perm's text".

*Как на Каме-реке глазу темно, когда
На дубовых коленях стоят города.*

Осип Мандельштам (1935)

Для многих сегодня выражение «закрытый город» ничего не означает. Что такое «закрытый»? От кого и для кого? Что это за статус города – «закрытость»? Как это называется на населении такого города, на их мироощущении, культуре? На жизни различных его слоев, поколений, социальных групп? Как развивается культура в закрытом городе и как это влияет на образ жизни и образ мыслей его жителей? Бесконечная череда вопросов...

А ведь еще в 70-е – начале 80-х годов прошлого века выражение «закрытый город» было понятно и знакомо почти каждому советскому человеку, а само это явление казалось «нормой» социалистического общества, живущего во «враждебном империалистическом окружении», более того – в окружении бесчисленных внутренних врагов – «врагов народа». «Закрытость» страны, ее городов, ее экономики, ее культуры казалась, начиная едва ли не с самого Великого Октября, одной из главных форм самосохранения социализма «в отдельно взятых странах» – от Советского Союза до полпотовской Кампучии. Таким образом, «закрытость» была важнейшей социокультурной гарантией выживания тоталитаризма в условиях нарастающей глобализации мира. Так сказать, от «закрытого города» – к «закрытому обществу»!

Хотя явление «закрытого города» принадлежит тоталитарному периоду советской истории, и обозначающее его выражение, казалось бы, навсегда ушло в прошлое, осмысление

этого явления весьма поучительно, ибо история не застрахована от повторений в различных формах одного и того же, а отечественная история, отличающаяся особой цикличностью, и вовсе запрограммирована на многократные и многозначительные «повторы».

Феноменология «закрытого» города. Идея города как закрытой целостности, как замкнутого саморегулирующегося пространства восходит, конечно, еще к античному полису, идеалу первобытно-демократического города-государства. Любое вторжение извне в самодовлеющее самоуправляющееся государство означало посягательство на свободу граждан полиса, на их права, на их благосостояние. Но закрытость города – это не только защита от притязаний внешних врагов, чужеземцев, но и ограждение от любой внутренней смуты, разрушающей исподволь целостность и вносящей ненужные противоречия в жизнь города. Все должно работать на сплоченность государства

Недаром в платоновском «Государстве» специально оговаривается, что необходим строгий контроль за «творцами мифов»: хороши только «признанные мифы», которые позволительно рассказывать детям их воспитательницам и матерям, – с тем, чтобы с их помощью формировать «души детей», а большинство творимых мифов – нужно «отбросить». То же происходит и с «выдающимися личностями»: их следует включать в государство вовсе не для того. Чтобы они «уклонялись – куда кто хочет», а для того, чтобы они «приносили пользу» обществу и способствовали «укреплению государства». Таким образом, уже Платон вполне доказал взаимосвязь, существующую между «закрытостью» города как воплощением его безопасности и герметичностью его идеологии, не допускающей новых идей, в особенности же таких, которые нарушают сложившийся «порядок», ощущение нерушимой «стабильности» общества и его культуры. Незаменимым компонентом структуры Города-государства, по Платону, является существование «стражей», профессиональных охранителей социальной и культурной стабильности, часовых городских «границ», – своего рода прообраз советских чекистов, инспирированный античностью.

Великий русский философ Вл. Соловьев, осмысляя «жизненную драму Платона» (в одноименном очерке – 1898 г.) как своего рода автобиографическую историю, как глубинную сущность своей собственной духовной драмы, показал парадоксальность платоновской сакрализации «закрытого города». «Новые времена стараются, хотя и не всегда и не везде успешно, отнять у божества полицейскую функцию, а у полиции – божественную санкцию. Задача трудная. В те времена [платоновские. – И.К.] она и не ставилась. Самая эта слитность первобытной религии с политикой, или полицией, была такая своеобразная, так видоизменяла оба элемента, что нам почти невозможно составить о ней живого представления» [1]. Вл. Соловьев не дождался до того времени, когда платоновский идеал идеального государства (в специфически марксистском облачении) вполне осуществился под эгидой советской власти, и госбезопасность, взяв на себя функции платоновских «стражей», взялась отбирать мифы по принципу полезности для общества и применимости для укрепления государства. Тогда-то «религиозно-полицейский строй древней жизни» снова стал напоминать современность, о возможности чего Вл. Соловьев и не подозревал.

Размышляя о превращении «святыни домашнего очага с нераздельным от него культом предков» в «гражданскую общину, город с «богами городской общины», Вл. Соловьев писал: «И если главные боги отеческие по существу были городские стражи, то и человеческие стражи города... были по существу божественны, еще более, конечно, нежели Одиссей «божественный» свинопас Эвмей» [2].

Подобная сакрализация «стражей» – в качестве «божественных свинопасов» – и их функций в «закрытом городе» (столь апологетизируемая в советской и даже постсоветской истории) представлялась Вл. Соловьеву в конце XIX в. очень хрупкой. «Такая нетронутая,

райская цельность жизненного сознания не могла быть долговечной. Она держалась на факте непосредственной и безотчетной веры людей: в действенность и силу родовых и городских богов, в святость и божественность родного города. И с какого из двух концов ни поколебать эту двойную веру – рухнет зараз все здание. Если боги отеческие не действительны, или бессильны, то откуда святость отеческих законов? Если законы отеческие не святы, то на чем зиждется предписанная ими отеческая религия?» [3].

Между тем, сам платоновский идеал закрытого Города-государства Вл. Соловьев оценивает резко отрицательно. «Платон как будто хотел узаконить и увековечить главные язвы древней жизни – рабство, разделение между греками и варварами и войну между ними, как нормальное состояние. К этому присоединяется как общее правило и закон то, что в действительной жизни древних городов бывало лишь как исключительное явление – принудительные меры против поэтов, изгоняемых из государства». Особенно его возмущает «распространение обязательной военной службы на женщин» и основание для такой реформы – пример собак, охраняющих стадо без различия самцов и самок. «И вот на таких реальных основах рабства, войн и беспорядочного смешения полов и поколений коллегия философов должна посредством хорошего воспитания создать идеальное государство!» [4].

Много позднее платоновского Государства были придуманы новые версии закрытого города, не менее впечатляющие, нежели платоновская утопия. И «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы, и «Утопия» Томаса Мора – все это вариации на платоновские темы: как добиться все новых и новых уровней самоуправляемости города, как обеспечить самодовлеющее существование чудесного «островка счастья» посреди безграничной беды. Во всех этих и подобных образах закрытого города, конечно, есть отблеск «хартии вольности» средневековых и ренессансных западноевропейских городов, отгородившихся высокой крепостной стеной от окружающего мира. Есть намек на добровольную аскезу монастыря, этого «града небесного» внутри «града мирского». Но есть в этих утопиях и предчувствие тех закрытых кварталов и городов, которые стали называться «гетто». Гетто еврейские и негритянские послужили в XX веке примером «островов несчастья» расовых и социальных изгоев общества – посреди океана равнодушных или ненавидящих обывателей. В практике Третьего Рейха добровольные гетто легко превратились в лагеря уничтожения.

Некоей разновидностью закрытого и контролируемого пространства-поселения стал и феномен XX в. – концлагерь, получивший широкое распространение в тоталитарных обществах, – прежде всего в Советском Союзе и нацистской Германии. Художественное осмысление концлагеря как апофеоза закрытого поселения было впервые дано в новелле Ф. Кафки «В исправительной колонии», где социальная философия «исправления» человека средствами перманентного насилия приобретает форму притчи, граничащей с абсурдом. В русской литературе XX в. в чем-то аналогичной притчей оказывается повесть А. Платонова «Котлован».

В дальнейшем образы концлагеря в русской литературе XX в. были по-разному, но в равной мере масштабно представлены в автобиографическом романе Е. Гинзбург «Крутой маршрут», в «Колымских рассказах» В. Шаламова, в романе А. Солженицына «В круге первом» и его же «художественном исследовании» «Архипелаг ГУЛАГ». В конечном счете – все это были различные попытки осмыслить феномен «закрытого поселения» в наиболее экстремальных и жестоких формах, как предельные состояния закрытости человеческого бытия, бытия, заключенного в «первый круг» земного ада.

По сравнению с экстремальными формами «закрытости» (типа концлагеря или «подполья» – во всех его смыслах: от политического или террористического подполья до «Записок из подполья» Достоевского, психологического «подполья») «закрытый город» представляет

собой более мирное и повседневное образование. «Закрытыми» являлись города, специализировавшиеся на производстве военной, или оборонной продукции – секретном или «совершенно секретном». Подобные города, возникшие в Советском Союзе в огромном количестве, существовали, конечно, и в других странах, хотя и не в таких масштабах.

Одно из первых воплощений в мировой литературе закрытого города в современном его понимании мы встречаем в романе Жюль Верна «Пятьсот миллионов Бегумы», где, в частности, описан город Штальштадт, созданный милитаристом и человеконенавистником герром Шульце для производства смертоносного оружия, призванного стереть с лица земли соседний мирный город Франсевилль, построенный доктором Саразеном. «Стальной город», покрытый завесой военной тайны, в котором изобретается невиданное оружие массового поражения, – это и есть первое литературное описание «закрытого города» XX века.

От «фронтального ландшафта» – к Зоне. Далее в качестве закрытого города в настоящей статье будет в основном фигурировать город Пермь, крупный промышленный и культурный центр Западного Урала, столица нынешнего Пермского края, город на Каме с миллионным населением. В этом городе родился автор настоящей статьи; здесь прошли его детство и юность. Это позволяет осмыслить «закрытый город» «изнутри», глазами включенного наблюдателя.

Город Пермь, в 1940 – 50-е годы носивший грозное имя Молотов (с трудом ассоциировавшееся с личностью многолетнего министра иностранных дел СССР В.М. Молотова-Скрябина, кстати, не имевшего никакого отношения к городу, названного в его честь, но, скорее, ассоциировавшееся с рабочим классом и советской промышленностью), был типичным «закрытым городом». В нем никогда не бывали иностранцы; информация из него редко поступала на всесоюзные «ленты новостей»; все в городе было покрыто завесой секретности и «военной тайны». И в самом деле, в городе не было предприятий (во всяком случае, больших), на которых бы не производилась военная продукция. Даже заводы с вполне невинными названиями: велосипедный завод, телефонный завод, часовой завод производили на самом деле вовсе не велосипеды, телефоны и часы, а нечто совсем другое, совершенно секретное (например, ракетные двигатели, гироскопы для летательных аппаратов или подслушивающие устройства). Тем более оборонную продукцию производили «именные» заводы – огромные, многотысячные военные производства имени Ленина и Сталина (после XX съезда – Свердлова), Дзержинского, Калинина, Кирова, Орджоникидзе и т.д. Можно было только догадываться, что изготовлялось под эгидой этих государственных советских имен!

Похожая репутация «закрытости» была и у других советских городов (впрочем, может быть, и не столь закрытых, как Пермь – в силу меньшей количественной начиненности «оборонкой»): Ижевск и Челябинск, Нижний Тагил и Арзамас, Томск и Северодвинск... В закрытый город Горький был сослан академик А.Д. Сахаров – не только потому, что он был физик-ядерщик, создатель советского «термояда», всезнающий и абсолютно засекреченный, но и для того, чтобы помешать знаменитому диссиденту и правозащитнику общаться с иностранными журналистами и иметь выход на западные СМИ. Закрытость была нужна тоталитарному государству и для того, и для другого.

Про закрытый город Тулу, вековой город оружейников, ходил очень правдоподобный анекдот. «Некий рабочий тульского самоварного завода приехал в Москву, чтобы купить себе самовар. – Его спрашивают: что же он не купит себе тульский самовар в Туле? – Отвечает: в Туле нигде не продаются самовары. – А если вынести с завода? – Отвечает: не раз пытался. – Ну, и что? – Каждый раз одно и то же: вынесу по деталям, дома соберу – получается автомат Калашникова». Из деталей, вынесенных за заводские ворота в Перми, мож-

но было бы при желании собрать танк, бомбардировщик, артиллерийское орудие, телефон спецсвязи, ракетную установку, а может быть, и что-то еще более существенное...

Конечно, для характеристики «закрытого города» как феномена культуры военное производство, направленность на войну – фактор системообразующий, если не главный. Важное наблюдение по поводу идейных оснований «закрытого» общества мы находим у В. Беньямина. Размышляя по поводу философских сочинений Э. Юнгера, обосновывавшего глубинную сущность милитаризма, немецкий мыслитель-антифашист констатирует, что «самые страшные, самые роковые проявления» войны обусловлены «зияющим несоответствием между чудовищным расцветом техники, с одной стороны, и ее ничтожным моральным содержанием, с другой» [5]. Собственно, в этом-то несоответствии и состоит сущность «закрытости» и общества, и города. Под воздействием военной техники, определяющей лицо города, окружающая действительность, по выражению Э. Юнгера, становится «тотально мобилизованной» и превращается, по выражению другого теоретика, цитируемого В. Беньямина, Э. фон Саломона, – в «фронтową ландшафт».

Формируемое в этих условиях «представление о героизме» складывается из таких «добродетелей», как «твердость, непреклонность и беспощадность», а картина мира представляет собой «параллелограмм сил», «стороны которого образуют нация и природа, диагональ прочерчивает война» [6]. В перспективе, по словам Э. Юнгера, «беспощадных, лишенных иллюзий, кровавых и беспрерывных массовых сражений» порождается «солдатский характер», главная миссия которого – «непрекращающаяся работа на уничтожение», его отличают такие качества, как «возбужденное упорство», «единоличная ответственность», «душевное одиночество» [7].

«Война» как диагональ в параллелограмме сил, как доминанта картины мира и ее производное в социуме – «солдатский характер» – существуют не только в военное, но и в мирное время. И все это имеет прямое отношение к генезису не только германского нацизма, но и советского тоталитаризма, готовившегося к войне, мечтавшего о ней. Вспомним знаменитый «Спортивный марш» на слова В. Лебедева-Кумача, гремевший в 30-е годы:

Физкульт-ура! Ура! Ура! Будь готов!

Когда настанет час бить врагов,

От всех границ ты их отбивай!

Даже спортивные достижения, как видим, ставились на службу будущей войне, казавшейся неизбежной и победоносной. Охрана границ (и страны, и отдельного города, предприятия) становилась символом национальной безопасности, самосохранения общества, его культуры, менталитета. Закрытость общества символизировала неприступную крепость – оплот социализма во всем мире.

Условие закрытости общества – государственная и военная тайна. Атмосфера секретности и бдительности по отношению к скрытым и маскирующимся врагам – важнейшее дополнение к милитаристской составляющей общественной и культурной жизни сталинской эпохи как довоенного, так и послевоенного времени, а в той или иной степени – последующих периодов советской и постсоветской истории.

Жизнь в закрытом городе подчинялась этим двум ориентирам. Однако у этих двух основополагающих установок было множество следствий. Обилие военных и военизированных организаций в городе, приближавшее его жизнь к военному положению. Постоянно нагнетаемая ксенофобия (по отношению к империалистическому Западу и особенно Америке), объясняемая агрессивностью устремлений Запада (НАТО, СЕАТО, ООН, «германский реваншизм», «американская военщина» и т.п.) в отношении Советского Союза и советских людей. Непрерывная подготовка к предстоящей войне, еще более жестокой и страшной,

чем Великая Отечественная. Нагнетаемая повсеместно шпиономания (особенно гипертрофированная в условиях отсутствия иностранцев), политическая и идеологическая бдительность, перерастающая в маниакальную подозрительность к любому, даже самому невинному инакомыслию. Устрашение военной угрозой и моральная подготовка к предстоящим бедствиям, связанным с началом новой, технически более мощной и разрушительной мировой войны. Постоянная апелляция к испытаниям военного времени как норме общежития и пропаганда самоограничений в потреблении, едва ли не массовой аскезы (что служило оправданием крайне ограниченного снабжения основного городского населения – как в продовольственном отношении, так и в отношении товаров народного потребления).

Атмосфера чрезвычайщины, повышающая роль гэбистов в сохранении стабильности и порядка в ущербной и разоренной стране и каждом конкретном ее поселении, довершает картину закрытого города, сохранявшуюся на протяжении всей советской истории. И Зона – система необозримых лагерей, окружающая город и как бы изнутри подтверждающая необходимость чрезвычайных мер и закрытости доминирующего над Зоной города. Закрытый город – это тоже своего рода Зона, филиал ГУЛАГА, «круг второй», мало отличимый от «круга первого» тоталитарного Ада.

Пермь как «закрытый текст». Казалось бы, городской текст трудно представить «закрытым». Исторический контекст размывает границы текста города со всех концов: он оказывается открыт в свое культурное прошлое, он в еще большей степени обращен в будущее. Однако на деле закрытый город с трудом открывается для постороннего наблюдателя, да и взгляду изнутри он предстает как замкнутая конструкция. Собственно, ведь сам статус «закрытости» предполагал стабильность, возведенную в квадрат или куб, социокультурную неизменность (по принципиальным основаниям), а в идеале и вечность. Поэтому закрытый город, по своей семантике и парадигматике структурно завершённый, имеет прошлое, но не имеет будущего, потому что его будущее – это укорененное навсегда настоящее. Даже знаменитые проекты социалистического строительства и планы «городов будущего» были призваны узаконить, легитимизировать status quo тоталитарного государства.

Многие культурно-исторические пласты «пермского текста» должны были бы «размыкать» его во времени и пространстве. Однако этого не происходило и не происходит. Все мифологические компоненты «пермского текста» – как доисторического, так и литературно-художественного происхождения – ориентируют город Пермь в легендарное или отдаленное прошлое, в культурную память коренного населения. Имя города, этимологически связанное с финно-угорским «парма» (лес, тайга); «пермский звериный стиль» (запечатленный на фигурках-амулетах и украшениях, археологическом наследии Древнего Прикамья); «пермская деревянная скульптура» (художественный результат христианизации Перми Великой), житие Стефана Пермского, легендарного основателя Перми – все это смысловой упор, фундамент «пермского текста», не верифицируемые исторически артефакты – способ «укоренения» Перми в мифологизированном прошлом.

Но и позднейшие культурные маркеры «пермского текста» – Татищев, Строгановы, Демидовы, декабристы, решетниковские «подлиповцы», чеховские «Три сестры», пастернаковский Юрятин, где жила Ю.А. Живаго с семьей и Лара, Каменка в биографии В. Каменского, детские годы и юность С. Дягилева, вдохновителя «Русских сезонов», родина русского изобретателя радио А. Попова и бытописателя Урала Мамина-Мибиряка, и т.п. – все эти атрибуты пермской культурной памяти тоже артефакты по меньшей мере вековой давности, т.е. обращены в славное прошлое Перми, но не в настоящее и не в будущее. А ближайшее к нам прошлое – это ссыльно-переселенцы, раскулаченные, сталинские лагеря и «Урал – опор-

ный край державы, Ее добытчик и кузнец...» (А. Твардовский) – т.е. атрибуты «закрытости», обрамляющие «пермский текст» [8].

За последнее время в Перми, кроме переизданной монографии В. Абашева «Пермь как текст», вышло в свет несколько книг (проект Алексея Иванова «Пермь как текст»), в которых поднимается тема «закрытого города». Среди них – «Молотовский коктейль» журналистки Светланы Федотовой и летопись пермской повседневности «Частная жизнь» писателя Владимира Киришина (под одной обложкой: Пермь, 2009); историка и социолога Олега Лейбовича «В городе М. (Очерки политической повседневности советской провинции в 40 – 50-х годах XX века)» (Пермь, 2009); «Пермистика» (с очерками Льва Баньковского, Вячеслава Ракова и Алексея Иванова) (Пермь, 2009). Разный материал, различные факты и человеческие судьбы, – и общий мрачный колорит от жизни в закрытом городе, тянущийся по крайней мере с конца 20-х годов прошлого века и рассеявшийся, да и то частично, лишь с началом «перестройки».

В. Раков замечает: «Это город, в котором где-то с конца 80-х можно жить, не слишком отставая от жизни. Принципиальным рубежом здесь я считаю “открытие” Перми, то есть декабрь 1987 года, когда Пермь была исключена из списка закрытых городов. В 1988-м на улицах Перми появились иностранцы. Но на них, что любопытно, не сбегались глазеть толпами: Пермь по-буддийски отрешенно скользнула по ним взглядом и занялась своими делами. А между тем “открытие” Перми – событие, которое трудно переоценить. Оно стоит в одном ряду с основанием города и губернии. Так вот, Пермь не заметила, как стала “открытой”» [9]. Одно из двух: либо население Перми не расположено к рефлексии (как предполагает автор «Диптиха»), либо само преодоление границы между «закрытостью» и «открытостью» было так малозаметно, а сама граница была так размыта, что Пермь и до сих пор осталась в положении «полуоткрытой» территории, или, точнее, осталась городом «полузакрытым».

Другой пермский автор – В. Киришин – вспоминает: «В 1987 году в ежегодном списке закрытых городов не оказалось Перми. Все штатные мероприятия по обеспечению режима секретности, такие привычные строгости наших родных «особых отделов» теперь снимались. Отменялись тысячи запретов сотен надсмотрщиков, отменялись надсмотрщики, отменялся надсмотр вообще как таковой: лишался смысла. Горожанам этого, конечно, не объявили. Просто отцепились органы от замотанных продовольственным кризисом горожан». Однако отсутствие надзора над повседневной жизнью пермяков оказалось настолько непривычным, что отмена цензуры в части газет, на телевидении, в книгоиздании вызвала обратную реакцию: «Воля! Но уже назавтра народ заскучал по цензуре: началась пятилетка беспредела, эпоха листовок и сортирной литературы. Маятник улетел в другую крайность» [10]. Статус «закрытости» Перми как будто въелся в душу пермяков: им было больно расставаться с запретами, с положением поднадзорных, им претила «воля», оборачивавшаяся «слетанием с катушек» – запоем, беспределом, «безудержем», криминалом...

И недаром Пермский край с незапамятных времен слыл местом вечной ссылки, каторги. Недолгое пребывание в Перми декабристов, пересылавшихся по этапу в Сибирь, запечатлелось в городе тем, что один из скверов, находящийся в центре Перми, называется именем декабристов. Кстати, он окружает здание местной тюрьмы, от которой веером расходятся дорожки, обсаженные липами (чтобы лучше просматривалось пространство на случай невероятного бегства арестантов). У входа в сквер – знаменательный памятник чекистам с вечно возложенными живыми цветами (чтобы их подвиг не забывался). А недалеко от Перми, на реке Чусовой действует единственный в стране музей тоталитаризма – «Пермь-36» - под эгидой местного отделения общества «Мемориал»: законсервированный

фрагмент реального концлагеря 1930-х гг. (еще недавно, в 70-е гг., здесь еще сидели и работали ээки).

«Картина Перми, – пишет В. Раков, – будет явно неполной без «нижнего мира» и его обитателей. Кроме наших небожителей и обывателей, кроме наших «рая» и, так сказать, «чистилища», есть еще «ад». L'Inferno. Есть еще Зона. И Татуированная Пермь как один из ее филиалов. Пермь – одна из криминальных столиц России. <...> Пермский край занимает первое место в России по количеству зон. Логично предположить, что и по числу ээков. 70% отсидевших остаются тут же. Если я не ошибаюсь, у нас есть города-спутники Зоны, работающие только на нее, мать родную. Представляете эти агломерации?» И далее: «Зона дышит в подростках и молодцах постарше <...>. Они готовы оскорбить или ударить при первом же неосторожном слове или жесте. В них полнее проступает новая озлобленная, ожесточающаяся Пермь. Проступает и идет в рост» [11].

Полагаю все же, что ни о какой «новой Перми» здесь не может идти речи. Пермь криминальная, лагерная, ээковская жила и дышала с конца 20-х годов. Тогда Пермский край наполнился спецпереселенцами с Дона, Кубани, российского Черноземья. Раскулаченные крестьяне, вперемешку со «спецами-вредителями», «троцкистами», «правоуклонистами», старой интеллигенцией, высылаемой из Питера и Москвы, а среди них – «классово близкие» уголовники (кстати первыми выпускавшиеся на волю). Бывшие ээки и охранники лагерей наводняли собой закрытый город и были постоянным фоном всей социальной и культурной жизни Перми – и в послевоенное время, и после смерти Сталина, в годы «оттепели», и позже, вплоть до «перестройки». Новое наступило в постсоветское время, когда криминал начал сростаться с бюрократией и работниками «органов», чего не было, все-таки, в советской истории.

Таким образом, жизнь в закрытом городе протекала в зазоре между мелочным повседневным контролем, осуществлявшемся насмерть перепуганным начальством, руководителями всех звеньев, воспитанными при сталинском режиме, и натиском «барачной шпаны», порождения пермской Зоны – полукриминальной, полувоенной ватаги, результата произвольного скрещивания поколения гулаговских ээков и лагерных вертухаев. Не забудем и «военного вектора» послевоенной жизни: все вокруг было наполнено пульсом войны – и прошедшей, и виртуально продолжающейся. Поэтому и в школе, и во дворе, на заводе и в парткоме царил виртуальная война – всех со всеми. Она – вольно или невольно – проецировалась на окружающую повседневность, подпитывала ее семантически и семиотически.

«Продовольственный кризис» в Перми, по моим наблюдениям, никогда не прекращался. Рядом с нашим домом на Комсомольском проспекте (ныне именуемом Компросом) был магазинчик типа сельпо. В одном углу продавались женские панталоны и бюстгалтеры, в другом – продовольствие. Кроме буханок с серым и темным хлебом (батоны были редкостью), продовольствие делилось на два раздела. Во-первых, рыба – острого,пряного, крепкого, слабого посола, от кильки до селетки – каспийской, балтийской, атлантической, тихоокеанской, на любой выбор и вкус. Во-вторых – масла (кто их использовал и на что?) – льняное, кунжутное, кукурузное, ореховое, джудовое, конопляное, подсолнечное и т.п. и примыкавший к маслам комбижир – кубы темного, коричневого вещества, напоминающего технический пластилин. Появление иных съедобных товаров сопровождалось страшными очередями.

Я помню, как мы с бабушкой обреченно стояли часов 5 в магазин, называвшийся в просторечии «ямкой», за шведским сливочным маслом, упакованным в деревянные бочонки. Достоялись! Купили на двоих, целый килограмм (давали не больше, чем полкило в руки).

А когда году в 1957 вдруг открылся колбасный магазин и там стали продавать вареную колбасу под названием «Ленинградская», моя бабушка, пережившая разный голод, высказала предположение, что эта колбаса без признаков мяса сделана по рецептам блокадного Ленинграда. Кульминацией продовольственного кризиса стал Карибский кризис, в результате которого пермяки смели с прилавков все консервы. А на следующий, 1964 год начался хлебный кризис. Многоквартирные очереди за «забайкальским хлебом» – мокрым, вязким, тяжелым, сделанным как бы из толченого гороха. Стояли по несколько часов.

Если бы в городе появлялись иностранцы, вероятно, не было бы такой ситуации с удовольствием. Но последние иностранцы – китайцы, работавшие в Перми, в том числе и на секретных заводах, обзаведшиеся русскими семьями, считались своими. В конце 50-х, по зову своей Коммунистической партии, в мгновение ока они покинули СССР, бросив работу, новые свои семьи и вернулись на родину – стоить социализм с китайским лицом. Никаких иных иностранцев, кроме «вражьи голосов» мы не знали. Потом, правда, появились китайские синтетические шубы. Каждая вторая женщина в Перми приобрела иностранную одежду. Весь город стал как будто зарубежным в этих диковинных шубах!

Впрочем, был еще один эпизод в Перми, связанный с иностранцами и в то же время характеризующий Пермь как «закрытый город». 1 мая 1960 г. в небе над Свердловской областью, по прямому указанию Хрущева, данному с трибуны Мавзолея во время первомайской демонстрации, был сбит американский летчик Френсис Гэри Пауэрс, совершавший полет на самолете-разведчике U-2. 3 мая из пермского Дома офицеров хоронили советских летчиков, ненароком сбитых вместе с американским шпионом. Пауэрс остался жив, катапультировавшись из своего летательного аппарата. Его судили, он отбывал наказание, потом был досрочно отпущен. Советские истребители, получившие приказ (несогласованный с Хрущевым) посадить самолет-разведчик на один из военных аэродромов Урала, были уничтожены ракетой нового зенитного комплекса С-75, впервые испытанного на живой мишени. Вместе с пермскими летчиками состоялись аналогичные похороны в Свердловске, Челябинске, Оренбурге. Об этих жертвах официально ничего не сообщалось. Неизвестно об этом и до сих пор. Засекреченных летчиков хоронили в закрытых гробах. Военная тайна должна была умереть вместе с носившими ее людьми.

Литература

1. Соловьев Вл. Сочинения: В 2 т. 2 изд. – М.: Мысль, 1990. Т. 2. – С. 586.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же. – 621-622.
5. Беньямин В. Теории немецкого фашизма // Он же. Маски времени: Эссе о культуре и литературе. – СПб.: Symposium, 2004. – С. 360.
6. Там же. – С. 370, 372.
7. Там же. – С. 370.
8. См. подробнее: Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2008.
9. Раков В. Пермский диптих // Пермистика. – Пермь, 2009. – С. 206.
10. Киршин В. Частная жизнь: Очерки частной жизни пермяков 1955 – 2001 // Федотова С. Молотовский коктейль; Киршин В. Частная жизнь. – Пермь, 2009. – С. 225.
11. Раков В. Пермский диптих // Цит. изд. – С. 213.

Трансформация романтического образа в разных режимах воображения: «Ленора» - замыслы и воплощения /Transformation of a romantic image in different modes of imagination: "Lenora" - plans and embodiments/

А.В. Конева, кандидат философских наук, доцент
ское отделение Российского института культурологии
Санкт-Петербург, РФ

Анализируется образ Леноры в произведениях искусства различных эпох. Анализ образа проводится с позиции школы антропологии воображения Ж. Дюрана. В статье прослежена существенная трансформацию образа в зависимости от того режима воображения, который позволяет воплотиться замыслу автора. Образ претерпевает изменения, которые связаны как с социальными и политическими событиями, так и с изменением парадигмы культуры и системы восприятия. Мы видим три образа Леноры, которые демонстрируют различные авторские интерпретации баллады. Это динамический мифический образ, мистический образ и образ героический, который будет реализован в проекте фонда "Просвещенная держава".

Ключевые слова: парадигма культуры, школа антропологии воображения, Ж. Дюран.

*A.W. Koneva, Ph.D., assistant professor
St. Petersburg office of Russian institute of cultural science
St. Petersburg, RF*

This article deals with the image of Lenore in works of art from XVIII to XXI century. The analysis is conducted from the perspective of the school of anthropology's imagination by J. Durand. In the article the substantial transformation of the image is traced depending on the mode of imagination, which makes the different interpretation of the author's intention. The image of Lenore changed in the association with both social and political events, and with change of the paradigm of culture and of viewer's perception. We can see three modalities of the Lenore's image in different interpretations of the ballade. There are the dramatic mythological image, the mystical image and the heroic image which will be realize in the project of Russian Foundation «Enlightened Power».

Keywords: culture paradigm, school of anthropology of imagination, Zh. Dyuran.

Культурные связи между Россией и Германией – давние и многообразные. Порой они оборачиваются неожиданной стороной. Так, когда в частном архиве была обнаружена рукопись старинного клавира на немецком языке, историки не сразу атрибутировали ее как принадлежащую Фридриху III партитуру баллады «Ленора» композитора Иоганна Рудольфа Цумштега на стихи Готфрида Аугуста Брюгера. И

лишь затем выяснилась удивительная судьба этого раритета и те возможности, которые сегодня открывает его находка. В рамках года Германии в России рукопись старинного клавира дала вдохновение проекту, который станет приметой современности. «Ленору» было решено реконструировать и поставить на сцене вновь – и в октябре музыкальную балладу увидят зрители Петербурга, Москвы, а затем Берлина и других городов Европы.

Сегодня мрачная романтика баллады выглядит весьма современным сюжетом – причем не только для оперной постановки, но и для других возможностей сценического и даже кинематографического воплощения. Что же так привлекает наших современников в эстетике XVIII столетия? В данной статье хотелось бы остановиться на центральном образе баллады – увидеть, как трансформировался женский образ от его романтического видения Бюргером к его трактовке русскими поэтами и проанализировать, как выстраивается образ в трансмодернистском восприятии века XXI.

«Ленора» была написана в 1773 году. Готфрид Аугуст Бюргер, один из родоначальников движения «Бури и натиска» создал новый литературный жанр – балладу – соединив структуру образности народной баллады, идеалы нового романтического мировоззрения и уверенную рационалистически-просвещенческую этическую базу. Немецкий романтизм как новое философское явление впервые обратился к понятию индивидуального и попытался выявить ценность индивидуальности как таковой – вне соотнесения ее со всеобщим мировым целым. Для этого времени такая постановка проблемы была весьма смелой, а для ее решения философии оказалось необходимым обращение к искусству. Романтизм принес с собой представление о множественности смыслов внутри одной вещи. Постигание этих смыслов есть постижение индивидуального как «сущего в целом бытия для себя» [1, 43], то есть постижение его как монады, которая есть целый мир внутри себя самой. Возможность познать «монадность» вещи существует, благодаря единству сознания познающего субъекта, который также есть индивидуальность, познание индивидуальности есть нахождение пути «туда, где все борющиеся начала снова объединяются, где бытие выражается как целостность, как единство во множестве, как система...» [1,105]. Однако универсальное единство самосознания не исчерпывает сущности конкретного субъекта. Человек в многообразии своих проявлений отражает особые внешние влияния и единственные внутренние переживания, что и создает уникальность его собственной судьбы, которая сочетает в себе проявления как необходимости закона или рока, так и свободы внутренних устремлений и внешних проявлений личности – таков идеологический пафос романтизма, который в полной мере отразился в системе образов искусства, прежде всего, искусство слова. Причем, искусство так называемой предромантической эпохи уже включает в свой смысловой континуум те смыслы, который лишь позже будут тематизированы философски.

Баллада «Ленора» – это мрачная история о девушке, которая хранила верность возлюбленному, отправившемуся на войну. Когда война закончилась, она не встретила его среди вернувшихся. Ленора восстает против рока, не желает принять свое горе как судьбу, ропщет на Бога. Умерший возлюбленный является за ней и увозит с собой в небытие.

Эстетика баллады – эстетика ужасного, выдержанная в последовательно черных тонах. Для романтизма с его эстетикой возвышенного образы ужасного являлись важным средством самоопределения индивидуального начала. Но индивидуальность не предстает непосредственно перед лицом небытия – до встречи с небытием остается еще пара столетий, лишь философия XX века обращается к исследованию Небытия. Предромантизм же подходит к грани небытия, словно к Медузе Горгоне, держа в руках зеркало произведения искусства, которое рисует ужасное в расчете на зрительское восприятие: «мы знаем, что «ужасное» замкнуто в мире художественного произведения, что ужасное – «там», за обложкой книги, на киноэкране, в аку-

стическом пространстве симфонии, а не «здесь», хотя «там» и расположено «здесь», включено в континуум художественно-эстетической деятельности... Ужас, пробуждаемый художественным произведением, оказывается особенным, художественно-эстетическим ужасом» [2].

Художественно-эстетический ужас выстраивается исключительно тщательно. Для романтиков важно показать притягательность небытия, смерть манит, она не отвратительна, но желанна. Сцена возвращения с войны у Бюргера и Цумштега прописана на ярких контрастах – с одной стороны, всеобщее ликование, жены встречают мужей, матери сыновей, с другой – горе и отчаяние Леноры, которая посылает проклятия небесам. Показательно, что Бюргер уделяет много внимания диалогу девушки с матерью – в вольных переводах, о которых речь пойдет ниже, этот момент, как правило, опускается. Фигура матери выступает здесь своего рода «контролирующим разумом», который призывает к смирению, принятию судьбы и, по большому счету, нравственному поведению в кантовском смысле – через преодоление. То есть образ матери у Бюргера оказывается образом Просвещения, знания о порядке вещей и призыва следовать им. Напротив, образ Леноры – в интенциях романтизма – это чувство, переживание, порыв. Таким образом, выстраиваются два вектора контраста – это эмоциональное напряжение между радостью и горем и рациональное напряжение между преодолением чувств и стремлением им отдалиться.

Эти векторы контраста задают «ночной» режим воображаемого, если воспользоваться для анализа образа Леноры методологией Ж. Дюрана. [3] Дюран вводит понятие антропологического «trajet», что может быть переведено как путь, пробег, расстояние. Это понятие необходимо Дюрану для того, чтобы показать как воображаемое соотносено со смертью – «антропологический путь», который определен нашим воображением (а точнее – воображаемым, ибо это не просто деятельность сознания, по Дюрану, это и тот, кто воображает, то есть субъект, и то, что воображаемо, и сам процесс воображения), есть путь к смерти, в онтологическом плане хайдеггеровское бытие-к-смерти как открытие подлинности присутствия. Воображение – то, что заполняет путь к смерти, баррикадирует его, позволяет его увидеть, не умирая. Два режима воображаемого, дневной и ночной, по Дюрану, создают три группы мифов – дневной режим продуцирует мифы героические, а ночной – мистические и драматические.

Важно понять, что романтизм создает именно драматические мифы, невзирая на тот антураж мистических образов, которые использует романтическое и предромантическое искусство, в том числе баллада. В драматическом мифе умирание оказывается желанно, оно не окончательно, не страшно, за смертью продлевается бытие. Драматический миф – это миф-путешествие, с повторениями, архетипическими «привязками». В этом отношении путешествие Леноры с мертвым женихом в его пристанище – вполне явный образец жанра. Жених забирает с собой Ленору и отправляется в путь во мраке ночи, не взирая на ее просьбы подождать до утра. Это путешествие сопряжено с целым рядом встреч, похоронная процессия, душа повешенного, духи – все встреченные на пути фантомы сопровождают пару, будучи приглашенными на свадьбу. Повторы в балладе, языковые и фонетические, которые не раз исследовались в филологической литературе также позволяют трактовать «Ленору» как художественный вариант драматического мифа. Образ самой Леноры – невесты и воплощенной верности – также соответствует драматическому ночному режиму воображения. Ночь воплощает собой феминность, драматический миф – образ вечной невесты с богатым эротическим подтекстом. Литературоведы не раз замечали эротический подтекст как в оригинальном тексте баллады («на коня вспрыгнула, и друга нежно обняла и вся к нему прильнула»), так и в переводе Жуковского «Людмила» («робко дева обхватила друга нежною рукой, прислонясь к нему главой»). Характерно, что в «Светлане» этот подтекст снят – там влюбленные едут не верхом, а на санях. «Ленора» Бюргера, таким образом, рисует образ драматической невесты –

которая следует зову своего сердца, невзирая на близость смерти. Этот же режим воображения прослеживается в переводах баллады.

В вольном же переложении Жуковского, балладе «Светлана» драматический накал баллады снижается, именно поэтому она ближе к сказке, имеет счастливый конец и может трактоваться как мистический режим работы воображения – когда смерть становится частью самой жизни. Дюран пишет, что мистический режим воображения буквально сплавляет личностное начало с самой смертью. Светлана в балладе Жуковского, в отличие от Леноры, которая видит страшный сон в начале баллады, а затем наяву перемещается в реальность фантастического, напротив, погружается в сон – или грезу – в основной части баллады. Все страшное происходит с ней во сне, так эстетика ужасного дополнительно удаляется от читателя. Баллада начинается с гадания – в котором Светлана должна увидеть нечто потустороннее, то есть изменить свою оптику зрения, став причастной небытию. Если Ленора и Людмила в первом переложении баллады вступают в контакт с потусторонним, так сказать, по факту приезда жениха-мертвеца, то Светлана этот контакт вызывает гаданием – включает, как сказали бы психологи, режим активного воображения.

Мифы мистического ноктурна (ночного режима воображения), как показывает Дюран, это материнские мифы, смерть, ночь не имеют коннотации ужасного, они приобретают позитивные черты. В балладе Жуковского мы видим светлую ночь (сани, снег), светлую девушку – Светлану, свечи и огоньки, чистое зеркало. Поездка с любимым тоже не имеет той нагнетающей атмосферы, которая характеризует оригинальный текст баллады, она, скорее, грустна и полна неясной тревоги. Это женский миф и максимально женственный светлый образ, именно поэтому в таком режиме воображения должен появиться счастливый сказочный конец, который и рисует Жуковский – сон заканчивается, и приезжает долгожданный живой жених. При этом если в драматическом режиме построения образа доминантой оказывается пара, брак, - Ленора уезжает и воссоединяется со своим мертвым женихом, то в мистическом – женский образ, Светлана не становится женой, баллада заканчивается всего лишь встречей с суженым. Поскольку воображение выстраивает материнский миф вокруг образа главной героини, образу матери не остается места, и диалог влюбленной и отчаявшейся девушки с матерью, воплощающей смирение, из этого варианта исчезает совсем. Смирение же и рассудительность становятся частью образа самой героини – она не бросает вызова судьбе и обращается к молитве перед лицом страшного.

Чем объясняется смена режима воображения, которую мы видим в двух переводах Жуковского? Исходный текст баллады, его английские переводы, один из которых принадлежит В. Скотту, равно как русские переводы Катенина, подстрочник Жуковского под названием «Ленора» и его же баллада «Людмила» выстроены согласно драматическому мифу ночного режима воображения. Вторая же баллада Жуковского, «Светлана» строится согласно мифу мистическому. «Людмилу» Жуковский написал в 1808 году, а «Светлана» была опубликована в 1812. Разница в дате написания невелика, но очевидно, что дата 1812 имеет существенное значение для России. Для Жуковского было важно, с одной стороны, приблизить балладу к русской фольклорной традиции (сказочный счастливый конец, русские гадания, образы русских церквей), с другой, показать светлый образ Руси, побеждающей смерть. Именно поэтому сюжет претерпевает существенные изменения: жених остается жив, он возвращается с войны, и впереди его и героиню ждет счастливая жизнь. И именно поэтому женский образ трансформируется из образа невесты в образ девы, построенный по канонам материнского мифа мистического ночного воображения.

Что же происходит с образом Леноры в современности – какую Ленору мы увидим в постановке проекта Фонда «Просвещенная Держава» и какие метаморфозы образа ожидают

нас в современности? Проект предусматривает несколько спектаклей, часть из которых пройдет в костюмно-концертном формате, часть будет реализована с использованием новейших медиа-возможностей, 3D-лазерных установок и т.п. Современность характеризует проектное мышление, и «Ленора» также становится проектом, а не просто спектаклем. Это означает, что люди, которые работают над воссозданием музыкальной баллады, собраны вместе лишь для реализации одного этого проекта. Каждый из них профессионал, и каждый вкладывает свою творческую энергию в создание новой образной системы. Так работает культура как творческая индустрия, которой заправляет креативный класс.

Визуальный поворот в современной культуре позволяет утверждать, что образ Леноры будет построен по канонам современной экранной культуры. Можно предположить, что доминантной образами станут преодоление смерти – что вполне соотносится и с датой постановки реконструкции музыкальной баллады – 2012 год, 200-летие победы над Наполеоном и 200-летие баллады «Светлана». Визуальная культура современности выстраивает образ смерти по законам дневного ражима воображения. Дюран характеризует дневной режим воображения как выстраивающий героический миф – миф преодоления. Смерть и время в дневном режиме работы воображения демонизируются, выстраивается тема необходимости противостояния смерти, победы над ней, четко прослеживается дуализм света и тьмы. Врагом становится не только смерть, но и время как таковое – потому что время осмысливается – в том числе и в визуальной культуре (кинематограф, фотография, видео-арт) как время к смерти, это время увядания, старения. Это хорошо соотносится с культурой потребления и доминантой гламура – когда война объявляется возрастным изменениям, старости, болезни, дряхлению. Бессмертие и вечная молодость сегодня оказываются ценностно нагруженными образами.

В визуальной культуре образы смерти оказываются тем ужасным, которое должно быть побеждено определенными героическими усилиями. История о мертвом женихе, который приходит за своей невестой, для современности – это, прежде всего, история графа Дракулы. Здесь смерть преодолевается любовью, и мы видим, что смерть более не имеет желанного образа, как это было в обоих ночных режимах воображения. Смерть (в любой истории графа Дракулы – от классики Ф. Копполы до многочисленных пародий) непривлекательна, не имеет никакой мистически зовущей ауры. Подобное отношение к смерти прослеживается во многих кинопроизведениях, в том числе и тех, где отношение к смерти «снимается» смехом (например, «Труп невесты» Т. Бертон или мультсериал «Ленор, маленькая мертвая девочка» Р. Дирга). Смерть требует усилий по преодолению, и эти усилия, вполне в духе романтизма, основаны на порыве, страсти. Новым по отношению к эпохе романтизма оказывается преодоление смерти через сочувствие и сопереживание – что также может оказаться важным при создании образа Леноры в проекте XXI века.

Таким образом, анализируя «антропологический путь» образа Леноры, мы можем выделить существенную трансформацию этого образа в зависимости от того режима воображения, который позволяет воплотиться замыслу автора/авторов. Образ претерпевает изменения, которые связаны как с социальными и политическими событиями, так и с изменением парадигмы культуры и системы восприятия.

Литература

- 1 Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям, ее презирающим. Монологи. – М., 1911.
- 2 Лишаев С.А. Эстетика Другого: эстетическое расположение и деятельность. – Самара, 2003 // <http://www.phil63.ru/glava-2-1> (режим доступа 10.06.2012)
- 3 См. Durand G. Les structures anthropologiques de l'imaginaire. – Paris, Dunod, 1996.

Образование в городской культуре /Education in the urban culture/

В.А. Курина, доктор педагогических наук, профессор
Самарская государственная академия культуры и искусств
Самара, РФ

Показана значимость образовательного пространства для развития современного города, важность развития образовательной среды для культуры города и личности в этом городском пространстве.

Ключевые слова: образование, городское пространство.

*V.A. Kurina, doctor of pedagogical sciences, professor
Samara State Academy of Culture and Arts
Samara, RF*

The article is devoted to the importance of educational space for the development of a modern city. The development of the educational space for the urban culture and for the individual in this urban area is very important.

Решение насущных проблем образования невозможно без глубокого осмысления современной образовательной ситуации, тем более что уровень образования сегодня является основой оценки степени развития той или иной страны. В последнее время систему образования все чаще стали рассматривать как мировое, государственное или городское образовательное пространство. В связи с чем, возникшая проблема взаимодействия учреждений и институтов культуры и образования в едином пространстве региона и города признается актуальной и разрабатывается сегодня не только педагогами и историками образования, но также философами, культурологами и другими учеными. При этом до сих пор в отечественной историографии нет четкой и единой позиции по вопросу соотношения понятий «культурное пространство» и «образовательное пространство». Естественно, чтобы соотнести данные понятия, необходимо сначала определить их смысловые границы.

Качество научных и практических результатов во многом зависит от используемых понятий и категорий, применяемых в процессе исследования, конструирования и проектирования образования.

В педагогической науке понятие образовательное пространство определяется как понятие, являющееся важной характеристикой образовательного процесса и отражающее основные этапы и закономерности развития образования как фундаментальной характеристики общества, его культурной деятельности; пространство, объединяющее идеи образования и воспитания и образующее образовательную протяженность с образова-

тельными событиями, явлениями по трансляции культуры, социального опыта, личностных смыслов новому поколению.

Пространственность в сфере образования связана с формой всех явлений присвоения личностью современной ему культуры как обобщенных способов взаимодействия личности с действительностью и самим собой. Это дает возможность утверждать о существовании «культурной среды» и «положении» личности в ней, а также о тех смыслах, которые появляются в связи с определением личности своего месте в «пространстве» своей жизнедеятельности. В нашем случае образовательное пространство является неотъемлемой частью городской культуры.

В современной городской культуре образовательное пространство приобретает разные значения.

Образовательное пространство – это набор определенным образом связанных между собой условий, которые могут оказывать влияние на образование человека.

Можно говорить об образовательном пространстве как о высокотехнологичной среде, которая дает возможность педагогу и обучающемуся решать на новом качественном уровне образовательные задачи, позволяет творчески использовать имеющиеся ресурсы.

Кроме того, образовательное пространство – совокупность условий, средств и методов образующих поле для организации и осуществления педагогического взаимодействия обучающегося с окружающим миром целью которого является научение и воспитание личности обучающегося.

Важно отметить, что образовательное пространство объединяет национальные образовательные системы разного типа и уровня, значительно различающиеся по философским и культурным традициям, уровню целей и задач, своему качественному состоянию. Поэтому следует говорить о современном мировом образовательном пространстве как о формирующемся едином организме при наличии в каждой образовательной системе глобальных тенденций и сохранении разнообразия.

Российское образовательное пространство составляют образовательные профессиональные подсистемы: начальное профессиональное, среднее профессиональное, высшее профессиональное, послевузовское. Каждая подсистема оказывает влияние на развитие системы образования в целом и связана с преобразованием современной городской культуры.

Однако, важным компонентом интересующего нас понятия является процесс взаимодействия человека с образовательной средой, (образовательное пространство характеризует процесс социализации ребенка, следует указать, что социальная среда – это по природе своей хаос, живая реальность), который может представлять как систематизируемый, так и принципиально не систематизируемый характер.

Образовательное пространство достаточно часто связывается с такими понятиями как «образовательная (воспитательная) среда, положение, окружение, воздействие, влияние».

Образовательная среда продукт отношений между субъектами образовательного пространства. Образовательная среда сама является его субъектом, тем самым подчеркивается ее активный характер.

Образовательное пространство представляет собой структурированное многообразие отношений между субъектами образовательного процесса. Отношения между субъектами образовательного пространства обусловлены процессами трансляции информации. Поэтому для определения структуры образовательного пространства используем понятие информационного поля как множества источников информации и среды, в кото-

рой она распространяется. Информация рассматривается здесь как характеристика меры упорядоченности отношений элементов в системе, как мера снятой неопределенности их поведения. Информационное поле является фрагментом транслированного в образовательное пространство информационного пространства общества, которое представляет собой многообразие форм упорядоченности социальных отношений, законов их функционирования и развития.

Образовательное пространство может рассматриваться как сфера взаимодействия трех его субъектов: педагога, обучающегося и среды между ними. Вывод Л. Выготского о трехстороннем активном процессе (активен педагог, активен обучающийся, активна среда между ними) позволяет рассматривать трехкомпонентное взаимодействие субъектов образовательного пространства как единый процесс целенаправленного формирования личности обучающегося. В этом процессе взаимодействие субъектов образовательного пространства, педагога и обучающегося, представлено как активное отношение со средой, которую можно рассматривать как информационный компонент образовательного пространства, структурированного так, что он сам оказывает активное воздействие на других субъектов образовательного пространства. Эта структура может быть определена по Л. Выготскому как «идеальная форма среды».

Активное взаимодействие субъектов образовательного пространства приводит к формированию «среды совместной деятельности», ее «отчуждению» от них, превращению ее в субъект образовательного пространства. При этом происходит формирование и оформление ее собственных целей, как системообразующего фактора.

Личность существует, пока она осуществляет структурирование своего окружения и подвергается его воздействию. Структурирование является не одновременным и определенным результатом, но – процессом, поэтому личность перестает существовать тогда, когда этот процесс прерывается.

Таким образом, образовательное пространство, представляющее собой форму единства людей, складывается в результате их совместной образовательной деятельности. В основе процессов целеполагания такой деятельности лежат согласованные потребности, участвующих в ней субъектов, при этом цели и средства их достижения формируются и изобретаются самими субъектами, благодаря осваиваемым механизмам культуры.

Образовательное пространство, с точки зрения феноменологической интерпретации можно рассматривать как пространство включенности субъекта в тотально образовательное пространство, представляющее собой системную совокупность реальных взаимодействий человека с действительностью, и данную субъекту через восприятие и действие. Мир дается субъекту в совокупности перцептуальных и когнитивных образов, упорядочиваемой системой понятий. При таком понимании образовательное пространство предстает как действительное воплощение мест, то есть совпадение «положения» и «места» и появление «местоположения» которые дают способностям личности осуществляться и тем самым жить.

Таким образом, образование как единство процесса и результата движения личности можно рассматривать и как освоение последней образовательной среды и расширения тем самым образовательного пространства, которое можно описывать совокупностью четырех понятий: образовательная среда, положение, место и пространство.

Образовательную среду можно представить как совокупность про-образов, необходимых культуре для ее существования и развития. Представление о положении связано с конкретным культурным окружением личности. Через представление о месте выявляет-

ся смысл, который обретает культурное окружение для личности. Совокупность смыслов создает пространство потенциальной жизнедеятельности личности.

Среда воспринимается личностью лишь в случае, если она оказывает непосредственное влияние на ее жизнь. Изменения в среде накладывают определенные ограничения на жизнедеятельность человеческого сообщества, в значимой степени определяют границы его существования.

Человеческое сообщество (это также в определенной степени можно отнести и к отдельной личности) существует в пределах среды, которая во многом является результатом его жизнедеятельности. Это позволяет провести определенное разграничение среды на две составляющие: природную и искусственную. Применительно к социальной среде ее искусственной составляющей является культура.

Культуру создает само человечество. В ней объективно фиксируются в виде культурных фактов способы эффективного взаимодействия с естественной средой и другими людьми, средства, при помощи которых создаются условия приемлемого существования субъекта.

Культура и составляет ту социальную среду, в которую попадает личность с момента своего рождения. Она окружает личность своими специфическими предметами и способами действия с ними. Та культура в значительной мере задает основания для своих образов.

Содержание образовательного пространства характеризуется взаимодействием образующегося с образовательной средой. Ряд исследователей выделяет в образовательной среде природную, социальную и культурную составляющие. В образовательном пространстве личность имеет возможность взаимодействовать с каждым из названных компонентов образовательной среды. В таком случае образовательное пространство рисуется как особый вид пространства, место, охватывающее личность и среду в процессе их взаимодействия, результатом которого становится приращение индивидуальной культуры (в самом широком понимании данного термина) обучающегося.

Таким образом, преобладающим подходом к интерпретации понятия «пространство» в отечественной педагогике является представление о нем, как месте, точке и одновременно процессе, в ходе которого осуществляется та или иная форма контакта личности и среды. Пространство в большинстве педагогических исследований постулируется в качестве составной части среды, отличающейся от последней тем, что она является местом взаимодействия человека и среды – городское культурное пространство. Это сфера функционирования городской культуры как сложной самоорганизующейся подсистемы механизма городского устройства, основная функция которой состоит в воспроизводстве и обновлении городского образа жизни. Городское культурное пространство характеризуется рядом количественных и качественных показателей. К количественным показателям относятся: величина городского населения, размеры и возраст города, число учреждений культуры (учебные заведения, библиотеки, информационные центры, театры, музеи, кинотеатры, дворцы культуры и т.д.), к качественным – статус города (районный центр, областной центр, столица), развитость города социальной инфраструктуры, разнообразие городского населения социального состава. Основываясь на комплексном анализе названных показателей, можно судить о таких характеристиках городского культурного пространства, как степень его разнообразия-однообразия, интегрированности-дезинтегрированности, динамичности-статичности. Городское культурное пространство выступает ареной взаимодействия множества различных субкультур, носителями которых выступают соответствующие слои городского населения. Это позволяет городской

культуре отбирать среди передаваемых из прошлого в настоящее и из настоящего в будущее ценностей, норм, образцов поведения те, которые наилучшим образом способствуют воспроизводству городского образа жизни. Вместе с тем, внутри городской культуры возникают новые элементы, которые обогащают содержание городского культурного пространства и обеспечивают непрерывное обновление городского образа жизни. Таким образом, городское культурное пространство является пространством, в котором действует городская культура, выполняя три основные функции – трансляционную, селекционную и инновационную, реализация которых выступает необходимым условием воспроизводства и обновления городского образа жизни (О.В. Кобяк).

Сложность определения понятия «культурное пространство» связана с многозначностью и полисемантичностью термина «культура». Не вдаваясь в дискуссии по данному вопросу и не перечисляя современные трактовки данной дефиниции, можно отметить, что в связи с основной задачей данной статьи следует различать, прежде всего, культуру в широком смысле и культуру в узком смысле. В широком смысле под культурой, по нашему мнению, следует понимать особый способ взаимодействия человека с окружающим миром, особую сферу человеческой деятельности, в рамках которой происходит создание, хранение, преобразование, трансляция и потребление культурных ценностей (материальных и духовных). С этой точки зрения образование является лишь одной из подсистем культуры, наряду с такими подсистемами как искусство, наука, религия и т. д. (соответственно, образовательное пространство является лишь частью пространства культурного). В этом смысле совершенно очевидно, что процессы, протекающие в культуре в целом, отражаются на одной из ее подсистем – образовании. Действительно, по мнению современных ученых, «образование, являясь «производным» культуры, представляет собой ее определенную «проекцию» и в норме по своим морфоэпистемическим характеристикам адекватно признакам породившей его культуры. Поэтому нынешний кризис образования – закономерное следствие, отражающее противоречие между образовательной моделью, служившей индустриальной культуре, и нарождающимися признаками культуры нового типа».

Мир XXI в. мало похож на мир середины или начала XX века. Это уже другой мир. Трансляция культуры исключительно через специальную деятельность новых поколений в условиях особо организованных учреждений во все большей степени отходит в прошлое. Возрастает роль других типов трансляторов, ранее либо не использовавшихся в этих целях, либо не рассматривавшихся как трансляторы культуры. Сказанное относится к таким явлениям нашей действительности как субкультуры, Интернет, средства массовой коммуникации, средства искусства (музыка, кино, видео) и т.д.

В трансляцию культуры вовлечены такие социальные институты и организации, которые ранее в ней не участвовали, либо их участие было малозначимым и незаметным: крупные корпорации, некоммерческие и общественные организации, заповедники, туристические объекты, музеи, отели, магазины и т. д. и т. п. При этом в роли трансляторов культуры выступают различного рода виды деятельности, в которые включаются подрастающие поколения и направленные на преобразование природной или техногенной действительности.

Ранее образовательное пространство практически исчерпывалось учреждениями образования и культурно-просветительными учреждениями. Появление в образовательном пространстве новых субъектов трансляционной деятельности, зачастую конкурирующих с традиционными образовательными институтами, позволяет сделать вывод о необходимости отказа от сложившихся десятилетия назад подходов к анализу развития образования.

Итак, с одной стороны, культурное пространство выступает как вполне реальное физическое пространство, на котором располагаются конкретные учреждения культуры – библиотеки, театры, кинотеатры, музеи и др. С этой точки зрения культурное пространство четко локализуется в пространстве и задано в т. ч. и административными рамками. То есть культурное пространство города (области, региона) понимается как определенная территория, обладающая совокупностью учреждений культуры и находящаяся в оперативном управлении городского (областного, районного) управления (департамента) культуры. Этот аспект можно назвать институциональным.

С другой стороны, культурное пространство обязательно предполагает коммуникативно-деятельностную характеристику, причем включает в себя деятельность не только по созданию, но хранению, преобразованию и потреблению культурных ценностей. В данном случае содержанием культурного пространства является деятельность индивидов и групп – творцов и потребителей культурных ценностей. В данном случае речь идет о создании и посещении музеев, о постановке и посещении зрителями театральных спектаклей, о деятельности разного рода творческих кружков и секций и т. п.

В рамках третьего смыслового аспекта понятие культурное пространство сближается с понятием «культурной ауры», особого духа или даже «души города». Именно в этом аспекте мы говорим о своеобразии и уникальности культурного пространства конкретных городов.

Особенностью системы образования как специфичной подсистемы культуры (в широком смысле). Особенностью образования как подсистемы культуры является большая сосредоточенность на функции передачи социального и культурного опыта, нежели на культуротворчестве. Однако данный аспект культурного пространства применительно к пространству образовательному также может найти свое воплощение в том смысле, что в каждом городе складываются своеобразные педагогические традиции, научные школы. В разных городах структурообразующими элементами образовательного пространства выступают различные организации и учреждения, различные по профилю вузы, научные центры, а также музеи и библиотеки.

Функциональную природу образовательного развивающего пространства определяет педагогическое взаимодействие. Обучающийся не только испытывает воздействие объектов образовательного пространства, но и сам на них действует, обуславливая состояние образовательного пространства.

Само образовательное пространство представляет собой достаточно сложно устроенную пирамиду пространств. В нем достаточно просто выделяется ряд уровней, известных в педагогической литературе под различными обозначениями: глобальное образовательное пространство, образовательное пространство страны, региональное образовательное пространство, городское (территориальное) образовательное пространство, муниципальное образовательное пространство и так далее. Как видно из самих названий, ведущим основанием для структурирования пространства выступает система координат, территориальная составляющая пространства.

Актуальные художественные практики в трансформации постсоциалистического города /Actual artistic practices in transformation of a postsocialist city/

И.М. Лисовец, кандидат философских наук, доцент
Уральский федеральный университет
им. первого президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, РФ

Анализируется влияние актуальных художественных практик на ценностно-смысловые трансформации пространства постсоциалистического российского города, превращающегося в креативный город.

Ключевые слова: *культурологическая урбанистика, креативный город, арт-практики.*

I.M. Lisovets, Ph.D., associate professor

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin
Ekateriburg, RF*

The article concerns the analysis of the influence of actual artistic practices on valued-semantic transformations of space of a postsocialist Russian city transforming in a creative city.

Keywords: *culturological urbanistic theory, creative city, art-practice*

Процесс перехода России «от социализма к капитализму», происходящий в настоящее время, сказался и на изменении города и городского образа жизни, поставив множество вопросов о перспективах постсоциалистического города, направлении этих изменений и управлении ими. Формирование другого типа общества, культуры, человека, с необходимостью предполагает радикальную трансформацию городского пространства в условиях новой социокультурной ситуации. Корректировка соотношения исторического центра и городских окраин, промышленных зон и спальных районов, рекультивация территорий, вышедших из производственного цикла (старые, уже не работающие заводы – острая проблема, например, для уральских городов, которые возникали в период петровских преобразований именно как поселение при заводе), преобразование депрессивных городских районов, существующих вблизи заброшенных промышленных зон – вот далеко не все вопросы, которые потребовали своего решения. Эти проблемы имели свое основание в общей принципиальной особенности всех городов бывшего социалистического общества – их решающей экономической ориентации. Города развивались для развития системы производства и наращивания экономического потенциала общества.

В качестве фундаментальной задачи для постсоциалистических российских городов явилась необходимость радикальной переориентации города и городской культуры на возделывание человека, живущего в нем, взамен использования и городского населения, и городских районов для обслуживания предприятий, являвшихся или являющихся градообразующими. Прежний сугубо экономический подход, акцентирующий ресурсно-

финансовую составляющую города и ориентирующийся в планировании и развитии городов именно на этот компонент, обнаружил свою ограниченность. Все более становилось очевидным, что город – это прежде всего людские ресурсы, т. е. его жители!

Становление России XXI века обусловлено развитием личной инициативы человека творческого, живущего не при данных раз и навсегда обстоятельствах, но способного эти обстоятельства изменять. Актуальный для современной России процесс формирования гражданского общества предполагает других действующих субъектов в отличие от граждан социалистической, тоталитарной по существу культуры. Несомненно, что в этом направлении активно работает пространство, культура города, в котором человек живет. Возможности, которые открываются жителям развитых в культурном отношении больших городов, становятся основанием для формирования системы ценностей, соответствующих современному этапу развития человека и общества. Именно поэтому разворачивание инновационных культурных практик, является важной составляющей этого процесса.

Формирование города, живущего для людей, а не для производственных циклов, стала актуальной проблемой и для городской администрации, и для ученых уже в начале третьего тысячелетия. Развитие урбанистики привело к необходимости социокультурного анализа города и вычлениению культурологической урбанистики. Несомненное значение для российских урбанистических исследований имела книга Чарльза Лэндри «Креативный город», которая вышла и на русском языке [1]. А в лекции «Креативный город и экоурбанизм» в Московской высшей школе социальных и экономических наук 22 марта 2011 года, Ч. Лэндри выделил несколько принципов, которыми необходимо руководствоваться в рамках процесса преобразования городов: первый их которых - «Переосмыслить функционирование города», второй – «Позволить себе мечтать», и далее «Переосмыслить эстетику города!» Речь идет, таким образом, о том, что современный город должен стать выразительным пространством, направленным на его жителей, а ресурсом его развития, должен стать культурный ресурс. Город, по существу, должен создать себя заново как экологически чистое, заботящееся о благополучии жителей и побуждающее их к содержательной жизни, креативное пространство. В этом аспекте культурный ресурс города, образованный его историческим наследием и развивающийся в настоящем, становится основой преобразования города в пространство для людей. Кроме необходимых социально-экономических изменений, опирающихся на развитие градообразующего производства, в настоящее время городская культура становится главным фактором городского развития. В этом процессе активными участниками становятся практики современного искусства, на существенную субъектообразующую по отношению к простым жителям роль которых хотелось бы обратить внимание.

Исторически сложившиеся города получают переосмысление и новую жизнь вместе с людьми в них живущими, благодаря значимым событиям в сфере искусства, превращаясь в центры художественной культуры. Современные города меняют свой статус и свое функционирование в зависимости от возникших выставочных комплексов (музей Гугенхайма, созданный Ф. Гэри. и прославивший испанский Бильбао), фестивалей искусств (знаменитые венецианская и московская Биеннале современного искусства, а теперь уже и приближающаяся II Уральская индустриальная Биеннале современного искусства в Екатеринбурге). Развитию городского пространства в аспекте его образной выразительности способствуют, помимо архитектуры, и т. н. арт-практики – стрит-арт, граффити, флэш-моб, перформансы, паблик арт, современная городская скульптура. Широко раскинувшись на российских просторах первого десятилетия XXI века, они активно преобразуют пространство города, превращая его в эстетический артефакт и открытое арт-

пространство. Актуальное искусство в форме арт-практик, живущее прямо в повседневности, вовлекает жителей городов в контекст современной культуры, побуждая к активному переживанию, заставляя взглянуть на привычную среду по-новому.

К актуальному искусству эстетики, искусствоведы, культурологи относят новейшие виды и способы художественного творчества, разделяя искусство, возникшее и развивающееся в современной культуре от искусства исторических эпох, получившего наименование «изящное» [2]. Эти отличия обусловлены, прежде всего, особыми отношениями искусства с моделируемой реальностью и, соответственно, специфическим его бытованием, что и отражено во второй части имени (практики) и, конечно, выстраиванием специфического взаимодействия с публикой, без которой нет феномена искусства. Художественная реальность арт-практик вырастает непосредственно из до-художественного мира, в который человек погружен в своем повседневном существовании и который меняется в их присутствии. Несомненным достоинством арт-практик, определяющим их креативный статус, является то, что здесь не надо ходить в музеи, театры, концертные залы, они живут там, где пролегают обычные маршруты горожанина. Они и рассчитаны на человека «с улицы», приглашая именно его к сотворчеству.

Отметим, что актуальное искусство начало развиваться в России с конца 90-х годов прошлого века не случайно, в ситуации социокультурного перехода, в котором непонятный художественный феномен обозначил неосвоенные культурные трансформации. Именно проблемность, самопроизвольный распад везде и во всем социокультурной реальности выразило по-своему актуальное искусство, используя хаос повседневности в качестве средства художественной выразительности.

Способность явить проблемность культуры и человека, необходимую противоречивость их существования, прибегая при этом к кричащей, а потому не могущей быть незамеченной форме, впоследствии стало неотъемлемым качеством актуального искусства. Его особенностью стало и радикальное расширение круга интересов искусства. Отказавшись от разделения проблем человека на достойные и не достойные художественного осмысления, обратившись к деструкции и «обочинам» культуры, и, более того, принципиально акцентируя внимание на откровенно противоречивых и далеких от приемлемой формы сферах человеческого бытия, это искусство взяло на себя задачу очеловечивания и того, что, казалось бы, уже утратило приемлемый облик.. Сохранение качества художественности в новом профаном языке искусства происходит в случае использования формы, оправданной гуманистическими задачами, а не просто желанием привлечь публику.

Бурный расцвет арт-практик и дизайна среды способствовал превращению города в зрелищное событие человеческой жизни.

Заметные примеры этому есть в уральских городах: скульптуры прогулочной зоны центра и расцвет стрит-арта в Екатеринбурге, надкушенное зеленое яблоко (скульптура) перед зданием Публичной библиотеки, объемная буква П (ворота) в Перми. Преобразованное средствами актуального искусства пространство города, становится его органичной частью, будит воображение, настраивает на творчество жизни.

А в последнее пятилетие и в российской действительности проявилась тенденция, зародившаяся на европейских Биеннале современного искусства - использовать вышедшие из производственного оборота части городской территории в качестве места встречи современного искусства с публикой. В экспозиционное пространство превратились заброшенные промзоны, где устраиваются фестивали и выставки актуального искусства, в силу своей приближенности к повседневности органично включенные в новые площадки. Прошедшая осенью 2010 года в Екатеринбурге 1 Уральская индустриальная Биеннале современного искусства наглядно продемонстрировала художественные метаморфо-

зы исторического города-завода, инициированные актуальными арт-практиками. Выключенные из производственного оборота территории Свердловска-Екатеринбурга (типография «Уральский рабочий», цеха Свердловского камвольного комбината, Верх-Исетского металлургического завода, Уралмаша) оказались уникальным по своим декоративным возможностям пространством для специфичной художественной экспозиции. Произошло локальное, но очень выразительное арт-преобразование промышленных объектов Екатеринбургa, где эстетически значимым оказалось пространство старых заводов, в соседстве с актуальным искусством по-новому зазвучала архитектура конструктивизма, сформировавшая художественную формулу и уже и современный имидж города.

Переосмыслению городского пространства как экспозиционного для актуального искусства способствовало сближение искусства и дизайна, активно начавшееся в российских условиях с конца 80–х годов XX века. Развивающийся дизайн городской среды – эстетическое формообразование коммуникативных узлов города (остановок транспорта, например), рекреативных и прогулочных зон, публичных пространств – принципиально изменил облик города и направил его пространство к жителям.

Прямое внедрение эстетики актуального искусства на городские территории способствовало радикальному их переосмыслению в условиях культурного перехода рубежа веков. Использование города как выставочной экспозиции изменило его облик, создав пространство информационно насыщенное и эстетически значимое, в котором повседневная жизнь горожанина приобрела статус культурной ценности и явилась сферой духовного развития. Экспонаты, прежде заключенные в музейную и галерейную экспозицию, а теперь прямо вышедшие к жителю мегаполиса, не просто украсили его, но побудили обычного горожанина пересмотреть свое восприятие культурных смыслов территории и переоценить их.

Поворот города в сторону интересов его жителей – это и создание в городе публичных пространств, являющихся пространством жизни, общения, рекреации. Креативный город это и формирование публичных зон, расположение которых связано с культурно-историческими значимыми территориями, прежде всего. В Екатеринбурге преобразование площади городского пруда, где начиналась уральская металлургия еще в XVIII веке, в прогулочную рекреативную территорию способствовало радикальному преобразованию центра города в город для человека. Этому способствуют и обыгранные в пространстве площади исторические коннотации, акцентирующие культурную ценность территории, преобразованной в настоящее время в праздничное пространство, доставляющее удовольствие от жизни в городе-заводе. В современном формообразовании этих территорий необходимо совместное участие архитекторов, дизайнеров, художников и культурологов.

На примере такого крупного промышленного города, каким являлся Екатеринбург, основанный в XVIII веке как город-завод, и неожиданно меняющийся в город-праздник, радостное пространство для его жителей, можно увидеть значение вклада арт-практик в креативную трансформацию современного города. Оценивая значение этой культурной практики, захватывающей и большие, и малые города, можно согласиться с заключением «Лейпцигской хартии устойчивого европейского города»: «Европа нуждается в сильных городах и регионах, в которых стоит жить!»[3].

Литература

1. Лэндри Ч. Креативный город. Пер. с англ. – М.: Классика XXI век, 2011.
2. Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / Под. ред. В.В. Бычкова. – М.: РОСПЭН, 2003.
3. Лейпцигская хартия устойчивого европейского города. Пер. с нем. – [leipzig_charta_ru_2_cle65c185.pdf](#)

Личность исполнителя в городской культурной среде

/The identity of the performer in urban cultural environment/

С.С. Лукашева

Самарская государственная академия культуры и искусств
Самара, РФ

Статья посвящена проблеме личности исполнителя.

Ключевые слова: личность исполнителя, городская культурная среда.

S.S. Lukasheva

Samara state academy of culture and arts

Samara, RF

The article is devoted to the problem of the identity of an performer.

Keywords: *identity of the performer, urban cultural environment.*

Статья рассматривает некоторые основные моменты, связанные с проблемой реализации личности исполнителя в городской культурной среде. Именно творческое воплощение в культурной среде города способствует раскрытию таланта, развитию художественно-творческих способностей, дает возможность самосовершенствованию личности исполнителя.

В широком плане личность человека является интегральной целостностью биогенных, социогенных и психогенных элементов.

Личность – социальный индивид, субъект общественных отношений, деятельности и общения. Она, личность, есть целостность врожденных и приобретенных психических свойств, характеризующих индивида и делающих его уникальным, которая включает в себя и темперамент, и способности, и особенности эмоционально – волевой сферы, и характер. Но все-таки сущность личности – это ее ценностные ориентации, ее мотивационная сфера, ее система социальных отношений и установок, в том числе обязательно и самоотношение [1, 121].

Социальное «измерение» личности обуславливается влиянием культуры и структуры общностей, в которых человек был воспитан и в которых он участвует.

Латинский термин «культура» означает взращивание, совершенствование чего-либо. Соответственно, и применительно к человеку это взращивание, совершенствование, формирование его образа.

Так, культура выступает предпосылкой и результатом образования человека.

В процессе образования человек осваивает культурные ценности. Поскольку достижения познавательного характера представляют собой совокупность материального и духовного достояния человечества, также и освоение исходных научных положений является обретением культурных ценностей.

Подход к человеку как к личности позволяет решить ситуацию творческого воплощения в городской культурной среде.

Личность в культурном пространстве города занимает важное место. Она изменяет восприятие культурной среды города. Необходимо отметить, что значимой составляющей культуры является образование, в котором личность в настоящее время рассматривается как главный субъект учебного действия.

Городская образовательная среда представляет различные сферы наук, среди которых актуальным стало культурная подготовка к жизнедеятельности в обществе молодого поколения. Существенное место в этой деятельности отводится вузам культуры и искусств.

Самарская государственная академия культуры и искусств реализует образовательный процесс с учетом индивидуальных и личностных качеств студентов, поэтому личностно-ориентированное обучение, когда в центре находится личность обучающегося, ее самобытность, самоценность, субъектный опыт каждого, становится наиболее актуальным.

В качестве основного результата обучения исполнителей выступает развитие универсальных культурно – исторических способностей личности, и прежде всего, мыслительных, коммуникативных и творческих, постоянно рассматривается как всестороннее, гармоническое развитие личности.

Личностно-ориентированный подход в методике подготовки исполнителей, можно представить как признание ведущей роли внешних воздействий, а не саморазвития отдельной личности.

Личностно-ориентированное обучение основывается на понятии того, что личность является собой совокупность всех её психических свойств, которые составляют её индивидуальность. Технология личностно-ориентированного обучения основана на принципе индивидуального подхода, при котором учитываются индивидуальные особенности каждого студента, что, позволяет содействовать развитию личности обучающегося [2, 126].

Индивидуальность исполнителя рассматривается как неповторимое своеобразие каждого человека, осуществляющего свою жизнедеятельность в качестве субъекта развития в течение жизни. Это своеобразие определяется совокупностью черт и свойств психики, формирующейся под воздействием разнообразных факторов, обеспечивающих анатомо-физиологическую, психическую организацию любого человека.

Индивидуальность — обобщенная характеристика особенностей человека, устойчивое проявление которых, их эффективная реализация в игре, учении, труде, спорте определяет индивидуальный стиль деятельности как личностное образование. Индивидуальность человека формируется на основе наследованных природных задатков в процессе воспитания и одновременно — и это главное для человека — в ходе саморазвития, самопознания, самореализации в различных видах деятельности.

В обучении учет индивидуальности означает раскрытие возможности максимального развития каждого студента, создание социокультурной ситуации развития исходя из признания уникальности и неповторимости психологических особенностей обучающегося.

Индивидуально-своеобразным является проявление творческой инициативы в тех видах деятельности, которые могут выполняться по установленному стандарту и

не требуют творчества. В художественных профессиях индивидуальное своеобразие должно являться социально-типическим, поскольку каждое произведение, создаваемое художником, имеет творческую неповторимость.

Социальные способности, необходимые для творчества, сочетают в себе индивидуальное своеобразие с особым типом контакта со средой, где индивидуальные и общие интересы сливаются в одну общую потребность в созидании и совершенстве [3, 74].

Индивидуальные способности исполнителей в этом случае «просматриваются» через обучаемость, определяемую как способность к усвоению знаний.

Обучение исполнителей не столько задает направление развития, сколько создает для этого все необходимые условия. Тем самым существенно меняется функция обучения. Его задача – помогать каждому исполнителю с учетом имеющегося у него опыта познания совершенствовать свои индивидуальные способности, развиваться как личность. В этом случае исходные моменты обучения — не реализация его конечных целей (планируемых результатов), а раскрытие индивидуальных познавательных возможностей каждого исполнителя и определение педагогических условий, необходимых для их удовлетворения. Развитие способностей обучающихся – исполнителей — основная задача личностно-ориентированной педагогики, и направление развития строится не от обучения к учению, а, наоборот, от обучающихся к определению педагогических воздействий, способствующих его развитию. На это должен быть нацелен весь образовательный процесс.

Результат создания и управления личностно-ориентированным обучением исполнителей зависит не только от организации, но в значительной мере от индивидуальных способностей студентов как основного субъекта образовательного процесса. Это делает само проектирование гибким, вариативным, многофакторным.

Проектирование личностно-ориентированной системы обучения исполнителей предполагает:

- признание обучающихся основным субъектом процесса обучения;
- определение цели проектирования – развитие индивидуальных способностей;
- определение средств, обеспечивающих реализацию поставленной цели посредством выявления и структурирования субъектного опыта учащихся, его направленного развития в процессе обучения.

Результат создания и управления личностно-ориентированным обучением исполнителей зависит не только от организации, но в значительной мере от индивидуальных способностей студентов как основного субъекта образовательного процесса. Это делает само проектирование гибким, вариативным, многофакторным.

Для индивидуальной работы с каждым обучающимся, учитывая его психологические особенности, необходимо по-иному строить весь образовательный процесс.

Результатом работы системы музыкального образования исполнителей является воспитание самостоятельного творческого мышления художника, владеющего комплексом знаний, умений, необходимых в профессиональной деятельности. Сформированное мировоззрение, четкость идейно – нравственных позиций в жизни и в искусстве, умение переключаться на разные виды работы, сообразуясь с требованиями действительности, - неперенные слагаемые такого идеального образа современного музыканта [4, 7].

Творческое саморазвитие личности связано с такими понятиями как самоопределение, самоутверждение, самосовершенствование и самореализация, которые

являются уникальными и неповторимыми. В ходе которых формируется индивидуальный стиль деятельности и интегрированные структуры психологических компонентов профессионального становления личности [5, 336-337].

Личностно-ориентированное обучение исполнителей нацеливает обучающихся на реализацию их в городском пространстве. Непохожесть разных социальных групп и отдельных личностей и создает город. Город живет за счет трансформаций и обновлений. Город как культурное пространство представляет собой самоорганизующуюся систему, направленную на воспроизводство и обновление городского образа жизни с течением времени.

Каждый исполнитель имеет возможность проявить себя в праздниках, городских мероприятиях. Конкурсы, которые проводятся в музыкальной школе, подготавливают исполнителей для более высокого уровня. Участие в фестивалях дает возможность исполнителям самореализоваться и самосовершенствоваться как личности.

В настоящее время в Самарской государственной академии культуры и искусств проходит ряд мероприятий в музыкально-филармоническом центре «Консерватория», где звучит музыка и в исполнении студенческих коллективов и солистов, представляющих лучшие образцы академического классического, народного и эстрадного искусства, а также различные музыкальные (международный фестиваль им. С. Орлова), хореографические (конкурс – фестиваль исполнителей и балетмейстеров народного танца им. Г.Я. Власенко) и литературные конкурсы, которые дают возможность выхода в город, быть востребованными в Филармонии, Театре оперы и балета и на других сценических площадках города.

Таким образом, городская культурная среда, способствует раскрытию таланта, развитию музыкальных способностей, дает возможность самосовершенствованию личности исполнителя. Студенты Самарской государственной академии культуры и искусств органично «вписываются» в культурное пространство города, дают возможность развития и совершенствования культурной среды Самары.

Литература

1. Реан А.А., Бордовская Н.В., Розум С.И. Психология и педагогика. – СПб.: Питер, 2008. – 432 с.: ил. (Сер. Учебное пособие).
2. Бондаревская Е.В. Личностно-ориентированное образование: опыт разработки парадигмы. – Ростов-нД, 1997. – 211 с.
3. Ермолаева-Томина Л.Б. Психология художественного творчества: Учеб. пособие для вузов. – 2-е изд. – М.: Академический проект: Культура, 2005. – 304 с. (Gaudeamus).
4. Фортепианное обучение студентов разных специальностей в музыкальном вузе. – М., 1987. – 160 с. (Сб. тр. ГМПИ им. Гнесиных. Вып. 89) Под ред. Н.П. Толстых.
5. Психология музыкальной деятельности: Теория и практика / Учеб. пособие для студ. муз. фак. высш. пед. учеб. заведений / Д.К. Кирнарская, Н.И. Киященко, К.В. Тарасова и др.; Под ред. Г.М. Цыпина. – М.: Академия, 2003. – 368 с.

Изменения в общественном сознании населения Уфы в первые послевоенные годы /Changes in public consciousness of the population of Ufa in the first post-war years/

М.С. Мигранов, аспирант

Институт исторического и правового образования, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Уфа, РФ

Исследуются процессы, происходившие в общественном сознании населения города Уфы в первые послевоенные годы.

Ключевые слова: *послевоенный период, история Башкортостана, общественные настроения.*

M.S. Migrantov, graduate student

Institute of historical and legal education, the Bashkir state pedagogical university of M. Akmulla

Ufa, RF

The article investigates the processes taking place in the social consciousness of the population of the city of Ufa in the early postwar years.

Keywords: *post-war period, the history of Bashkortostan, the public mood.*

Серьезной вехой в развитии городов Среднего Поволжья явилась Великая Отечественная война. Размеренная провинциальная жизнь региона была нарушена. На смену «медленному» городу пришел стресс ускоренной военной индустриализации. Массовая эвакуация заводов и населения с западных областей страны повлекла за собой быстрый рост промышленного развития городов. Буквально «с нуля» на пустырях поднимались большие индустриальные комплексы, которые сразу же приступали к производству на нужды фронта. Аналогичные процессы происходили в тот период и в Уфе, являвшейся типичным представителем средневожских городов.

За годы войны Уфа превратилась в индустриально развитый центр. Сюда было эвакуировано 36 промышленных и транспортных предприятий [1]. Выбор города в качестве эвакуационного пункта объяснялся геостратегическими преимуществами (недоступностью для вражеской авиации и в то же время близостью к фронту), а также наличием достаточно сформированной промышленной базы черной и цветной металлургии, нефтепереработки, строительной отрасли. Вместе с заводами в столицу Башкирии эвакуировались рабочие и служащие со своими семьями – всего 106 тыс. чел. В результате к 1942 г. на каждого второго уфимца приходился один житель прифронтовой полосы [2]. Однако жилищный и социальный фонды города оказались не подготовленными к такому приросту населения. Тем не менее люди готовы были мириться с тяжелыми условиями жизни и труда во имя дела победы.

Ситуация изменилась с окончанием Великой Отечественной войны. Долгожданная победа была достигнута, но народ практически исчерпал все свои физические и эмоциональ-

ные ресурсы. Руководство страны тем временем по-прежнему делало ставку на административные механизмы развития. По инерции первое время это приносило определенный результат. Однако долго так продолжаться не могло. Отдав все свои силы и потеряв здоровье в деле защиты Родины в тылу и на фронтах, советские граждане ожидали естественных после всего пережитого послаблений. «Социализм в завтрашнем дне» отступал на второй план перед жизненными проблемами дня сегодняшнего. Общество желало перемен.

Одной из наиболее острых проблем, волновавших население Уфы в рассматриваемый период, было тяжелое материальное положение. Плохо обстоял вопрос с выдачей заработной платы, со снабжением продуктами питания, дровами, одеждой и обувью. Рабочие заводов, учителя, врачи, работники искусства и др. неоднократно обращались в Башобком с соответствующими жалобами. Так, в докладной записке секретаря ОК ВКП (б) С. Игнатъева от 4 марта 1946 г., адресованной Г.М. Маленкову, отмечалось: «Снабжение продуктами питания и промтоварами рабочих, служащих, специалистов сельского хозяйства, врачей, учителей и др. в БАССР проходит крайне неудовлетворительно и с большими перебоями. В обком ВКП (б) и Совнарком БАССР поступают многочисленные заявления трудящихся с просьбой об отоваризации карточек и оказании помощи в приобретении одежды, обуви...» [3]. За сухим языком официальных документов нередко скрывались полные отчаяния первоисточники. «...Я чувствую себя крайне плохо... Я и мои два ребенка не имеем обуви, одежды. Квартира холодная, отсутствует топливо» [4], – писала в торговый отдел ОК ВКП (б) начинающий композитор. «В настоящее время положение критическое, доизобретался до инвалидности второй группы – нетрудоспособен. Возможность работы временно исключена, а следовательно, нет выхода из положения. Получаю 300 гр. хлеба, картофеля нет, зарплаты, соцстраха не имею... Положение семьи тяжелое, топливом, теплыми вещами не обеспечены...» [5], – обращался за помощью в торговый отдел конструктор-изобретатель, бывший научный сотрудник Академии наук УССР, эвакуированный в Уфу.

Большое количество жалоб поступало от демобилизованных из Красной Армии солдат и офицеров, инвалидов Великой Отечественной войны, а также членов их семей. Их в первую очередь волновали вопросы, связанные с получением пенсии, устройством на работу, материальным обеспечением. «Я ничего не имею, ни родных, ни квартиры, ни одежды, обуви и постельной принадлежности, и с рынка купить тоже не имею средств. Вот в таком тяжелом положении я нахожусь сейчас» [6], – с горечью писал секретарю Башобкома С. Игнатъеву отставной офицер из г. Уфы. Нелегко в этот период приходилось семьям защитников Родины, погибших на войне либо оставшихся в рядах вооруженных сил. «Многие семьи фронтовиков живут в тяжелых материальных и жилищно-бытовых условиях, их квартиры не отремонтированы, топливом на зиму не обеспечены, значительное количество детей не посещают школу... из-за отсутствия обуви и одежды...» [7], – отмечалось в анонимном письме в Башкирский обком партии.

Еще более усугубляла положение городского населения жилищная проблема. За годы войны жилой фонд страны серьезно сократился, особенно в Европейской части СССР, оказавшейся в эпицентре военного театра действий. Между тем, и в тыловых областях, в том числе в Уфе, данный вопрос оставался остросоциальным. Плановое городское строительство не велось. Население ютилось в коммунальных квартирах и общежитиях, а также в непредназначенных для проживания подвалах, чердаках, сараях, где на одного человека зачастую приходилось менее одного квадратного метра жилплощади. Эвакуированные и мобилизованные рабочие по-прежнему были вынуждены жить в бараках и землянках. Серьезно осложняло данную проблему возвращение на прежнее место жительства демобилизованных из армии. Вернувшись на малую родину, они узнавали, что их дома и квартиры

уже заняты другими жильцами [8]. Все это в определенной степени влияло на атмосферу в послевоенном советском обществе. Большое количество жалоб и заявлений, адресованных Башкирскому обкому ВКП (б), были посвящены просьбам о выделении жилплощади, о разрешении жилищных конфликтов. «Я, сотрудница редакции газеты «Кызыл тан»... жена погибшего офицера с ребенком, больной матерью, тремя сестренками и братишкой... жили... в подвальном, сыром помещении в невыносимых условиях, где от сырости заболела мать туберкулезом и ребенок... Несмотря на неоднократные просьбы... о предоставлении мне... квартиры Кировский райсовет не принял никаких мер. Жилец этого же дома... в связи с переездом в другой город, зная мое тяжелое положение, оставил мне квартиру и постоянный ордер, и я на основании этого заняла квартиру. Сейчас сотрудник Ленинского райсовета... претендует на эту квартиру, тогда как у нее имеется вполне хорошая квартира для жилья, которую хочет оставить своей сестре – жене врага народа...» [9], – делилась своей проблемой вдова фронтовика. О тяжелых жилищных условиях сообщалось в заявлении жены военнослужащего, находящегося в действующей армии: «Это плохое полуподвальное помещение действует сыну. В течение 1941 г. переболел воспалением легких с осложнением... в данное время на учете тубдиспансера, болен с 1943... райсовет с 1943 г. обещает дать квартиру, но до сего времени я этого получить не могу, на детей эта сырая комната действует все сильнее и сильнее» [10]. Однако большинство этих обращений так и оставалось без адекватного ответа. В послевоенные годы страна не была готова удовлетворить потребности населения в жилье.

Тяжелое материальное положение влияло на эмоциональное и психологическое состояние городского населения, нередко побуждая его к более активным действиям, нежели просто жалобы и письма. Повсеместно на предприятиях отмечалось нарушение трудовой дисциплины: прогулы и опоздания [11, 12].

Не менее острой в рассматриваемый период была проблема, связанная со стремлением эвакуированных и мобилизованных в годы войны рабочих вернуться к прежнему месту жительства и работы. Однако данный вопрос еще более осложнялся тем, что дирекция заводов в условиях отсутствия квалифицированной кадровой замены вовсе не спешила отпускать последних домой. «В начале войны я вместе с заводом № 234 был эвакуирован в Уфу – теперь Черниковск, на завод № 26, где и работаю до настоящего времени. Я имею плохое состояние здоровья... Но коль самоотвержен[ного] труда в тылу требовал фронт и мне когда стало лучше, я опять пошел работать на завод. Ибо я знал, что это необходимо. – писал в ОК ВКП (б) рабочий завода № 26. – Теперь же все это позади, и я желаю вернуться к своей семье» [13]. Однако в большинстве случаев просителям поступал стандартный ответ: «...имея острый недостаток в квалифицированных кадрах, дирекция завода согласия на перевод... не дает...» [14].

Подобная практика, отягощенная к тому же неудовлетворительным материальным положением, вызывала у рабочих естественное возмущение, а подчас и апатию. «...Честно проработавши семнадцать лет на заводе. И в настоящее время нахожусь на грани душевной депрессии, то есть еще немного такого состояния и я буду вынужден или стать уголовным преступником или что-либо сделать с собой. Дальше оставаться в таком положении нет сил... – писал рабочий завода № 26 г. Черниковска. – И это у нас в советской стране. При Сталинской конституции. Почему администрация – директор завода № 26 – нарушают эти принципы Сталинской конституции, то есть положение на свободный труд?... это может привести к нехорошим последствиям. Ведь есть уже совсем недавние случаи, когда молодые рабочие повесились прямо в цехах завода» [15]. Возмущением проникнуто и заявление рабочего завода № 706 города Уфы: «...а только одно, иди работой там, как хочется админис-

трации, неужели мне не дано право работать, где я по своей способности могу больше дать пользы и быть свободным в работе, а не в подневольной работе. Я ведь не лишен права голоса и надеюсь, что законы правительства, как статья 12 конституции, статья 12 кодекса законов о труде... должны быть очень хорошо известны директору» [16]. Разочарование звучит в письме, адресованном секретарю обкома партии С. Игнатьеву: «Дело, конечно, не в том, что... [директор] – бюрократ, и дело у него поставлено по принципу: «Кто умеет, тот и ест», а дело в том, что неужели я за все годы не заработал себе обеспечения на тяжелый момент. Неужели сейчас износивший себя человек является обузой и без боя должен сдаваться смерти...» [17].

Нередко запрет на увольнение с предприятия вызывал и более негативную реакцию – самовольный уход с работы. В условиях действия трудового законодательства военного времени подобные поступки рассматривались властями не иначе как дезертирство со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тем не менее, это не останавливало стихийную реэвакуацию. Однако не всегда партийные работники адекватно оценивали происходящее: «Существенным недостатком по 26 заводу является и то, что партийный комитет завода и вместе с ним горком партии не сумели вовремя обуздать дезорганизаторов производства, которые, используя переживаемые заводом трудности, стремятся компрометировать авторитет завода в глазах трудящихся, дезертируют с производства» [18].

Таким образом, сложившаяся ситуация в определенной степени оказывала влияние на возникновение «нездоровых», с точки зрения властей, настроений, что неоднократно отмечалось в партийных документах разного уровня. В справке «О состоянии массово-политической и идеологической работы в Сталинском районе» сообщалось: «В цехе № 7 (завода № 26) среди молодых рабочих распространяются нездоровые настроения, выражающиеся в том, что человек, проработавший в этом цехе лет 6-10, потеряет процентов на 70 здоровья и быстро будет инвалидом: оглохнет, получит ревматизм, отравление организма, половое бессилие и облысение... Поэтому молодежь стремится с завода бежать, а если это не удастся, то впадает в другую крайность – увлекается картой, выпивкой» [19]. Там же отмечалось: «Рабочая молодежь, живущая в общежитии № 34, общаясь со студентами авиационного техникума, занимается ненужными разговорами. Молодежь из этого общежития рассказывает, что их товарищи – студенты авиатехникума – им передают, как их администрация за плохую учебу грозит отправить их на 26 завод работать для отбытия своего наказания. Отсюда курсируют такие выражения, как «Баландинский солдат», 26 колония» [20].

Стремясь получить информацию о настроениях среди населения, власти нередко прибегали к нарушению права граждан на тайну корреспонденции. «Информация МГБ СССР о положении дел на машиностроительном заводе г. Черниковска Башкирской АССР (по данным перлюстрации частной переписки) от 5 июля 1946 г.» содержит большое количество выдержек из писем рабочих завода. Не подозревавшие ни о чем работники писали о безобразиях, творимых на предприятии, о постоянной задержке заработной платы, открыто выражали свое недовольство сложившимся положением: «Программа заводом не выполняется... Зарплату рабочим и служащим не выдали еще за апрель, уже подходит четвертая получка, а деньги всё не дают и перспективы на выдачу очень плохие», «...продукцию не выпускаем, а поэтому денег не платят. Так что работать бесполезно», «У нас зарплату не дают третий месяц. Не увольняют, а делать совершенно нечего», «Здесь обещают рай, а на самом деле всё на самотек, нет настоящего хозяина» [21]. Однако содержание личной переписки сразу же становилось известно органам госбезопасности. Таким образом, даже в частных беседах и частной корреспонденции рабочие оказывались под неусыпным контролем со стороны государства.

Во многом именно поэтому определенную популярность получили такие формы выражения мнения, как анонимные письма, карикатуры и анекдоты. В частности, об этом свидетельствует Докладная Наркому юстиции БАССР Авзянову, в которой сообщается о фактах распространения подобных произведений «народного творчества»: «На станции Дема у ларька 30 января 1946 г. было обнаружено вывешенное объявление с карикатурой судьи Демского района... в этом объявлении указано следующее: «Как мать судьи... ворует овес для коровы на молочной ферме». Сторож ее поймал с мешком, она и говорит сторожу: «Ты сторож, а я мать судьи, когда ты попадешься, мы тебя и не осудим». «Дом судьи...». – «Это главбух с молочной фермы несет продукты судье, которому гласило десять лет тюрьмы, освобожден за продукты». «Судья... несет поросенка с молочной фермы – это судья взяточница» [22].

Однако «нездоровые» настроения, по нашему мнению, все же не носили какого-либо антисоветского характера, как это пытались преподнести партийные пропагандисты. Напротив, в лице центральной власти, в лице И.В. Сталина советские граждане видели гарант защиты своих интересов, единственную силу, способную привести страну к счастливому будущему. Об этом, прежде всего, свидетельствует тот факт, что свои заявления и письма они адресовали главным образом Областному и Центральному комитетам ВКП (б), а также их печатным органам (газетам «Красная Башкирия», «Правда», журналу «Крокодил»). Нередко вождю народов посвящались поэтические произведения [23].

В сложившемся положении советские граждане обвиняли, прежде всего, «ближнее начальство»: руководство своих предприятий, местные партийные и советские органы, – и нередко такие обвинения были справедливыми. «На заводе № 161 зарплата выплачивается нерегулярно, рабочие не имеют возможности выкупить по карточкам свои продукты, а дирекция завода не оказывает помощи, не увольняет с завода, а увольняют только тех, кто вступает в сожительство с замдиректора завода... и начальником производства» [24], – писала комсомолка завода № 161. «В ОТК на каждого работника имеется учетная карточка выдаваемых ему ордеров на промтовары, где на некоторых карточках фигурирует одна-две вещи, а на некоторых – по восемь-десять вещей» [25], – негодовали в своем письме в редакцию газеты «Красная Башкирия» работники ОТК цеха № 6 завода № 26.

Таким образом, в первые послевоенные годы городское население волновали, прежде всего, вопросы, связанные с решением насущных жизненных проблем: обеспечением продовольственного и промтоварного снабжения, своевременной выдачей заработной платы, выделением жилья, возвращением на прежнее место жительства и др. Однако все эти настроения, характеризовавшиеся в сводках как «сигналы с мест», в большинстве своем рассматривались властями в качестве «нездоровых». И хотя в партийных документах неоднократно отмечалось неудовлетворительное материальное положение советских граждан, прямой взаимосвязи последнего с распространением нежелательных мнений и суждений в стране не проводилось. Советский Союз стремился как можно скорее преодолеть последствия войны, в том числе за счет средств и ресурсов населения. Естественно, что в таких условиях проблему общественных настроений предполагалось решать не экономическими, а идеологическими методами. Способствовала этому и разгоравшаяся «холодная война».

Серьезным событием, повлиявшим на жизнь советского города, стала отмена карточек в 1947 г. На первый взгляд, исключительно экономическое мероприятие на деле оказалось пропагандистским шагом. Являясь олицетворением военного времени с его чрезвычайными мерами, карточки вызывали определенное недовольство со стороны советских граждан. Надо отметить, власти это прекрасно понимали, но руководствовались все

же в большей степени иными мотивами. Хотя официально целью реформы объявлялось улучшение жизни населения СССР путем введения в стране свободной торговли и стабилизации курса национальной валюты, однако на первый план здесь выходили не нужды и потребности советских граждан, а статус сверхдержавы и ее авторитет на международной арене. Скорейший возврат страны к мирному времени должен был показать «империалистическому Западу» превосходство социалистической модели развития, убедить его в неизбежности победы последней. Именно поэтому, в то время как в странах Европы и США даже не помышляли об отмене карточной системы распределения, в СССР в 1947 г. была предпринята соответствующая реформа.

Однако на деле страна оказалась не готова к ликвидации централизованного распределения. Совсем недавно она пережила тяжелый неурожай 1946 г., запасов продовольственных (прежде всего, хлеба) и промышленных товаров не хватало. Определенную роль играл и человеческий фактор. В регионах население столкнулось с откровенным местничеством, превышением должностных полномочий, спекуляцией. В условиях нехватки товаров в государственных магазинах, огромных очередей быстрыми темпами стали расти рыночные цены. Все это вызывало естественное недовольство в обществе.

«Я хочу рассказать о возмутительных беспорядках, которые происходят в г. Уфе за последнее время... Хлебные магазины торгуют по 2-3 часа, образовались огромные очереди... Получается страшная давка... Хлеб же можно купить, только применив силу и нахальство. Спекулятивные элементы не замедлили воспользоваться этим случаем и начали взвинчивать рыночные цены на продукты» [27], – сообщал в письме в редакцию газеты «Правда» уфимский пенсионер. Отчаянием проникнуто анонимное письмо из г. Черниковска в журнал «Крокодил»: «В г. Черниковске строятся громадные очереди у хлебных магазинов, и рабочий, стоя по 8-10 часов в этих бесконечных очередях, не уверен в том, получит ли он хлеб или отдаст свою жизнь за него, что имело место 17 февраля с.г... погибли «смертью храбрых» за хлеб 6 человек, не говоря о тех, которые лежат в больнице» [28]. Нередко такая ситуация вызывала у населения разочарование в жизни и апатию: «От этой вольной торговли хотя самоубийством жизнь свою кончай или голодом погибай. Я работаю на работе, а хлеба не могу получить, потому что за ним нужно стоять с 10 часов вечера до 9 утра... а там кошмар ужасный. Крик, визг, чать Берлин легче было взять, чем 2 кг черного хлеба в г. Уфе получить...» [29].

В официальных же сводках сообщалось о том, что население страны повсеместно приветствует постановление о свободной торговле. Надо признать, подавляющее большинство советских граждан действительно с ликованием встретило известие об отмене карточной системы. Данная реформа соответствовала представлениям народа о лучшей жизни после войны: карточки являлись символом военных лет с их дефицитом и очередями. Однако то, с чем в реальности пришлось столкнуться советским гражданам, явно противоречило их надеждам и устремлениям. В ряде случаев отмечалось распространение «нездоровых» настроений и вопросов: «В газетах «Правды» писали, что в Англии за продукцией (картофелем) занимают очередь с 6-7 часов утра. А у нас еще хуже. Сейчас у нас в Уфе получаем хлеба 400 гр. по списку или по бригаде. Вот так у нас существует вольная торговля» [30], «Кто должен нести ответственность за допущение такого безобразия со снабжением населения?» [31].

Однако в сложившемся положении в большинстве своем население страны обвиняло все же не центральную власть, а местное руководство. Кремль в глазах подавляющего большинства граждан по-прежнему предстал в роли защитника интересов и прав народа, в то время как «ближнее начальство» всячески обманывало его. «Постановление... о де-

нежной реформе и отмена карточек... были встречены нашим народом с большой радостью, так как в этом постановлении была выражена отеческая забота нашей партии и правительства о материальном и культурном благосостоянии нашего народа... пора уже вплотную заняться этими вопросами соответствующим органам, ибо исказить решение партии и правительства никому не давали право» [32], – писал в редакцию газеты «Красная Башкирия» уфимский пенсионер. Ярким примером стихийного понимания двойственности структуры власти – верховной и местной – и их ролей в государстве служит письмо учащегося 11-й мужской средней школы г. Уфы: «Я думаю, все это зависит лишь от министерства торговли БАССР. Правительство не стало бы отменять карточную систему, если бы в стране не было ресурсов» [33]. Следует признать, последнее представление о происходящем было наиболее распространенным в советском обществе.

Таким образом, послевоенная Уфа, как и остальные города страны, жила ожиданием лучшей жизни. За годы войны советское общество устало от лишений и жертв. С наступлением мира связывались надежды на определенные изменения в отношении государства к своим гражданам. В первую очередь городское население волновали вопросы улучшения условий жизни и труда, своевременной выплаты заработной платы, реэвакуации, отмены трудового законодательства военного времени. Однако руководство страны не спешило с решением всех этих социально-экономических проблем. В условиях нараставшей международной напряженности взоры партии и правительства были устремлены главным образом на развитие военно-промышленного комплекса. Естественно, что в таких условиях гражданские отрасли экономики финансировались по остаточному принципу. Мало того, государство стремилось и после войны черпать серьезные ресурсы из кармана собственных граждан. Все это вызывало недовольство среди населения. Определенный повод для возмущения подавали и местные партийные и советские органы, нередко пропитанные атмосферой местничества, семейственности либо беспредельным желанием выслужиться перед вышестоящим начальством. Недовольство сложившимся положением в большинстве случаев проявлялось в многочисленных письмах и жалобах, адресованных в Обком партии, Центральный комитет, республиканские и союзные печатные органы. Фиксировались «нездоровые» мнения в частной переписке, а также в распространяемых анонимных карикатурах и анекдотах. Однако прямой взаимосвязи между общественными настроениями и материальным положением советских граждан партийный и государственные функционеры не видели. Поступавшие «сигналы с мест» характеризовались как отдельные случаи, как деятельность «дезорганизаторов» и т.д.

Литература

1. Документы мужества и героизма. Башкирская АССР в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Документы и материалы. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1980. – С. 74.
2. Байбурина Т. Размещение эвакуированных предприятий в Уфе в годы войны // Ватандаш. – 2007. – № 5. – С. 105.
3. Докладная записка секретаря ОК ВКП (б) С. Игнатъева от 4 марта 1946 г. Г.М. Маленкову // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 537. Л. 9.
4. Письмо начинающего композитора в торговый отдел ОК ВКП (б) // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 554. Л. 39.
5. Письмо бывшего сотрудника АН УССР в торговый отдел ОК ВКП (б) // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 555. Л. 299.
6. Заявление в Башобком ВКП (б) от инвалида Великой Отечественной войны, гвардии лейтенанта, проживающего в г. Уфе // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 580. Л. 286.
7. Анонимное письмо в ОК ВКП (б) «Больше заботы о нуждах семей защитников Родины и инвалидах Отечественной войны» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 26. Д. 756. Л. 69.

8. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 55-56.
9. Заявление секретарю Башобкома ВКП (б) тов. Соболеву от жены погибшего офицера // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 580. Л. 16.
10. Заявление в Башобком ВКП (б) от жены фронтовика // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 580. Л. 282.
11. Аксютин Ю. Послевоенные надежды // Родина. – 1993. – № 12. – С. 41.
12. Информация МГБ СССР о положении дел на машиностроительном заводе г. Черниковска БАСССР (по данным перлюстрации частной переписки) от 5 июля 1946 г. // Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР, 1945-1953. / Сост. О.В. Хлевнюк, И. Горлицкий, Л.П. Кошелева, А.И. Минюк. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 287-288. (Город Черниковск был образован в 1944 г. в результате выделения в отдельную единицу Сталинского района Уфы. Воссоединен с Уфой в 1956 г.).
13. Письмо рабочего завода № 26 г. Черниковск БАСССР в Башкирский обком ВКП (б) // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 26. Д. 593. Л. 69.
14. Справка на заявление рабочего завода № 706 // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 418. Л. 7.
15. Письмо рабочего завода № 26 г. Черниковск БАСССР в Башкирский обком ВКП (б) // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 26. Д. 593. Л. 69.
16. Заявление рабочего завода № 706 г. Уфы в ОК ВКП (б) // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 26. Д. 593. Л. 16.
17. Письмо секретарю Обкома ВКП (б) С. Игнатьеву от рабочего г. Уфы // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 26. Д. 593. Л. 80.
18. Выступление товарища Вагапова на партсобрании г. Черниковска // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 12. Л. 24.
19. Справка «О состоянии массово-политической и идеологической работы в Сталинском районе» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 361. Л. 80.
20. Там же. Л. 84.
21. Информация МГБ СССР о положении дел на машиностроительном заводе г. Черниковска БАСССР (по данным перлюстрации частной переписки) от 5 июля 1946 г. // Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР, 1945-1953. / Сост. О.В. Хлевнюк, И. Горлицкий, Л.П. Кошелева, А.И. Минюк. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 287-288.
22. Докладная Наркому юстиции БАСССР тов. Авзянову // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 26. Д. 538. Л. 61.
23. Письмо инвалида Отечественной войны секретарю Башкирского обкома ВКП (б) С. Игнатьеву // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 555. Л. 147.
24. Справка по вопросу заявления комсомолки завода № 161 // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 26. Д. 593. Л. 34.
25. Коллективное заявление на имя Обкома ВКП (б) и редакции газеты «Красная Башкирия» от работников ОТК цеха № 6 завода № 26 «О неправильном подходе к отдельным работниками ОТК и злоупотреблениях со стороны начальника по распределению ордеров на промтовары» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 26. Д. 593. Л. 53.
26. Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы: 1945-1953 гг. – М.: Олма-Пресс, 2002. – С. 290.
27. Письмо в редакцию газеты «Правда» от пенсионера г. Уфы «О нарушениях постановления правительства о свободной торговле» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 768. Л. 71.
28. Анонимное письмо из г. Черниковска в журнал Крокодил «О нарушениях постановления правительства о свободной торговле» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 768. Л. 74.
29. Анонимное письмо в редакцию газеты «Правда» от жителя г. Уфы // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 768. Л. 312.
30. Письмо в редакцию газеты «Правда» от жителя г. Уфы // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 768. Л. 332.
31. Письмо в редакцию газеты «Правда» от уфимского пенсионера «О нарушениях постановления правительства о свободной торговле» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 768. Л. 68.
32. Письмо уфимского пенсионера в редакцию газеты «Красная Башкирия» «Еще раз о борьбе за культурную торговлю» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 768. Л. 65-65 об.
33. Письмо в редакцию газеты «Правда» от ученика 9А класса 11-й мужской средней школы г. Уфы // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 768. Л. 276.

Идентификация человека в координатах городского пространства¹ /Human being identification in city space coordinates/

Н.Л. Новикова,

доктор философских наук, профессор
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
Саранск, РФ

Переходный период, кризис культуры и идентичности характерны для России начала XXI века. Без изучения городской культуры невозможно целостное восприятие действительности, в центре которой находится человек с его жизненными интересами, потребностями, духовными и материальными ценностями.

Ключевые слова: город, городская культура, городское пространство, приметы города, диалог, повседневность, идентификация.

*N.L. Novikova, Dr. Ph., Professor
Mordovia State University named N. Ogaryov
Saransk, RF*

New type of culture, changes in everyday experience raise such problems as: city culture, human identity, dialogue, identification and many others. The paper tries to suggest that the rapture of identities transforms the city ordinary life of a human being into alien, incomprehensible and hostile world.

Key words: city, city culture, city space, city signs, dialogue, identification, daily life.

Каждый город как феномен культуры – «загадка; загадка, разгадать которую до конца невозможно, но разгадывать которую мы обязаны, чтобы постичь смысл своего существования» [1]. Любой город как организм, отражающий важные структуры, традиции и наследие, имеет свой образ: особый способ поддержания и развития социальных отношений, сохранение и воспроизводство ценностей и стереотипов, создание особой интеллектуальной и духовной атмосферы, понять которую возможно лишь «раскодирав» условность городской символики. Особые же приметы города – «не в гербах и не в музеях отраженные. И не в памяти конкретных людей закрепленные». Т.С. Злотникова точно замечает, что они существуют на странном, ассоциативном уровне, «связаны с преданиями, с литературными упоминаниями. С князьями и священнослужителями. С купцами и промышленниками. С трагическими любовными историями и военными доблестями» [2]. Иными словами, некая сущность – «душа города», «коллективное бессознательное города» – задает определенные правила взаимодействий в городском пространстве. Современная культура города, как любая культурная реальность, – результат активного и длительного взаимодействия культур, поэтому сам город чаще всего рассматривается исследователями как «процесс», «система взаимодействия».

Но, к сожалению, приходится констатировать, что традиционная система культурной коммуникации сегодня изменяется; современная культура во многом определяется новым мироощущением и мировосприятием, которые присущи современному человеку. Ценности культуры не исчезли, но существенно изменились: прежняя культура видела их в трансцендентной сфере, помимо жизни; новая культура открывает их в спонтанной области биологического и понимает как витальные ценности. Быстрые темпы социокультурных преобразований, изменение механизмов коммуникации внутри городского пространства, информационная насыщенность современной городской жизни будут и далее «обезличивать» и «размывать» взаимоотношения людей в крупном городе. Злотникова предупреждает, что «самое страшное – если замедляется активность взаимодействия людей внутри города и взаимодействия людей этого города с миром».

Как преодолеть границы, чтобы услышать «Другого?». Задавая данный вопрос, Н.И. Воронина дает понять, что «проблематика диалога – это, может быть, самая универсальная и одновременно самая интимная проблематика человеческого бытия» [3]. Все что окружает человека, как подчеркивал П. А. Флоренский, взаимосвязано между собой. Разнообразные взаимосвязи формируют особые миры, в которые погружается человек. «Все связано тайными узлами между собой, все дышит вместе друг с другом... Энергии вещей втекают в другие вещи, и каждая живет во всех, и все – в каждой...» [4]. Решая задачу индивидуального и «вместе с тем общительного присвоения культурного опыта, человек превращает любые формы своей детерминации в самодетерминацию», где всегда присутствует другой. А.Ю. Шеманов объясняет, что «эта общительная природа освоения в культуре представленной истории настолько существенна, что индивид уже внутри себя несет ориентацию на другого. Он внутренне открыт к нему, внутренне общителен, и поэтому обнаруживает и себя самого» [5]. Именно Другой, уверен ученый, «открывает человеку уникальный путь к себе, реализуемый лишь в диалоге».

В отношении пространства такая взаимосвязь идет не вширь, а вглубь, когда за внешними символическими формами скрываются глубинные внутренние коды культуры. Человек, находясь в культурном пространстве, аккумулирует его в своем внутреннем мире. А.П. Огурцов настаивает на том, что идентификация в культуре и через культуру, которая понимается как универсальная, необходима для современной культуры. Обращаясь к городской проблематике, исследователи говорят о важности анализа городской культуры с точки зрения ее пространственных характеристик, поскольку именно через исследование пространственной парадигмы возможно увидеть культуру и социум как системное единство, обладающее «элементами однородности и, одновременно, – многомерности». Сложность описания культурного пространства города, на наш взгляд, состоит в том, что оно не обладает той наглядностью, которая присуща физическому пространству. Недаром М. М. Бахтин призывал воспринимать пространство «не как неподвижный фон и раз навсегда готовую заданность, а как становящееся целое» [6]. Чем сложнее структурный уровень данного вида материи, тем сложнее и его пространственные характеристики. Социальное пространство, частью которого является культурное пространство города, как и социальное время, неразрывно связано с самими социальными процессами (глобализация, информатизация, визуализация, виртуализация), формирующими это пространство. Заметим, что одним из наиболее значимых последствий данных процессов является актуализация проблемы сохранения социокультурной идентичности как самими городами, так и людьми, их населяющими.

Оказываясь соотнесенной с социальным бытием во всех его аспектах, идентичность выступает как способ и механизм «структуриации» и «дешифровки бытия» – универсалий культуры

и «транслятор» знаний в культуру и социальную практику (В.С. Степин). Социальный мир, объясняет Х. Тхагапсоев, предстает как «мир идентичностей», создаваемых (конструируемых), распознаваемых и интерпретируемых в повседневной жизни в актах коммуникации, интеракции и деятельности людей. Уверены, что все это в полной мере относится и к городу. Более того, по утверждению Тхагапсоева, знамением времени ныне стала активная демонстрация всевозможными малыми группами своих идентичностей. В больших и малых городах мы постоянно сталкиваемся с целым «карнавалом» форм и типов идентичности – от бессмысленно-умилительных «флэшмобных», до идентичности жестокой агрессии; от идеально-позитивной, «сиропной» идентичности, до тревожно-напряженной идентичности «вечно гонимых» (у диспозитивных групп в городских гетто), так и отдающих не рефлексивным духом повседневности. Поскольку современный социум сильно дифференцирован, считает ученый, повседневная жизнь человека в городском пространстве протекает «в малых группах, в которых обыденное сознание проявляет себя, как правило, в опосредованных и некритично-доверительно воспринимаемых в группе формах, к каковым относятся: имидж, брэнд, новизна, уникальность, мода, мейнстрим, т.е. типы и формы идентичности (культурной, социальной)» [7].

Б. Марков проблему видит в том, что человек с его «сознанием или бессознательным», с его «свободой и ответственностью», наделенный «природой» и «сущностью», ориентированный вечными идеями и ценностями, стал стремительно «закатываться за горизонт и взамен его возшло нечто новое, что уже и светилом назвать нельзя, ибо это нечто аморфное, незаметное, и всепроникающее как сама повседневность». Отсюда «налицо кризис идеи человека, кризис ориентирования и как общее следствие... – кризис культуры» [8]. Философ замечает, что человек в новых условиях существования начинает «стремительно маргинализироваться» из-за разрушения порядка и власти кровно-родственных связей, когда деградируют религиозные, национальные ценности и ему не на что опереться. Добровольный отказ от высшего, нежелание посвятить себя служению чему-то возвышенному делают человека пассивным существом, утратившим критическую способность разума. Можно сказать, что в такой ситуации «люди смело отказываются от всякого смысла и объявляют смыслом намеренную бессмыслицу» [9].

В свою очередь, «на место рыцарей веры, знания, труда или капитала на авансцену истории выдвинулся «номад» – новый тип кочевника, интеллектуального бродяги, философа-туриста, как раз и порожденный феноменом больших городов» [10]. К «номадам» пришло осознание того, что везде есть повседневность, сетями порядков которой люди «опутаны» гораздо прочнее, чем какими-либо политическими институтами. Но мы должны отметить, что мир повседневной культуры не является беспорядочным вместилищем всего сущего и мыслимого, он ведет себя как незавершенная, но определенным образом организованная система, более или менее ограниченная по отношению к фактическому множеству природных и человеческих проявлений. С известных пор, говорит В. Порус, «культура» и «человек» – понятия соотносительные: мы люди, пока наше бытие определено культурой, но бытие культуры определено нашими духовными усилиями, и потому неправы те, кто полагают, будто культуры возникают и умирают по каким-то совершенно не зависящим от наших воли, мыслей и действий причинам» [11]. «Драма беспутья», переживаемая современной Россией «оборачивается поиском ценностных оснований в большом пространстве идей и традиций» [12]. Как говорил Гераклит, «природа любит скрываться». Так же обстоит дело и с идентичностью человеческой жизни. Может быть поэтому, пишет А. Ю. Шеманов, способы ее достижения, предлагаемые традициями, как правило, не любят света сознания. Остается вопрос, «насколько возможно прикоснуться к ним, исходя из европейской традиции формирования пространства свободной мысли. Осознания жизненных коллизий. И тут надеж-

ду на хороший результат дает включенность этого пространства в любой опыт самоидентификации, его принципиальную совместимость с любой живой традицией» [13].

Нуждаясь в упорядоченности своей жизни, каждый человек, подчеркивает Н.И. Воронина, должен добровольно принять господствующие в данном сообществе элементы сознания, вкусы, привычки, нормы, ценности и иные средства общения, принятые у окружающих его людей. Ведь усвоение всех этих проявлений социальной жизни группы, заключает философ, придает жизни предсказуемый характер и невольно делает его причастным к какой-то конкретной культуре [14]. Так, наблюдение российской городской действительности позволяет констатировать и выявить все время возрастающую роль самых разных (не сводимых к сословным, классовым или слоевым) новых классификационных критериев системы социальной стратификации, коими являются многочисленные стили жизни. Говоря о жизненных стилях, возникающих сегодня в современном российском городе, необходимо отметить их ярко выраженную обусловленность позициями, существующими в обществе. В переходную эпоху тот или иной стиль жизни не только наиболее скоординирован с определенными позициями в социальной структуре общества, но и сама возможность выбора (или отсутствие таковой) определяются занимаемым индивидуумом местом в системе социальной стратификации. Хотя в современном городе можно наблюдать и такой феномен, как имитация стилей жизни иерархически других социальных групп.

Поскольку социальный кризис обернулся для россиян кризисом идентичности, сложившаяся в российском обществе сложная, ролевая и статусная диспозиция актуализирует проблему различения, ведь решение каждодневных обыденных ситуаций и успешная коммуникация индивидов требуют, с одной стороны, узнавания субъектами друг друга, а с другой – корректного ограничения «своих» от «чужих». Процесс идентификации заканчивается оформлением нового, соответствующего данному стилю, образа жизни. Внешняя индикация индивида, его новая «жизненная философия» свежей струей врывается во все сферы жизнедеятельности человека. Но очевидно, предупреждает Тхагапсоев, что против «устойчивого существования структуры персональной идентичности работают едва ли ни все современные формы и механизмы бытия человека: рынок, Интернет, массовая культура, агрессивный напор политических и рекламных технологий, поскольку они предлагают множество заранее выстроенных и подаваемых в красочной форме комбинаций смыслов, ценностей, жизненных ориентиров, т.е. идентичностей». В этой ситуации, заключает философ, «персональная идентичность неизбежно обретает не только множественный, но и абберирующий, мерцательный, крайне неустойчивый характер, внушаемый действием привходящих факторов (малой социальной группой, модой, СМИ, политическими технологиями)» [15]. И мы вынуждены с ним согласиться.

Таким образом, городская действительность на самом деле не представляет нечто прочное и инвариантное; ее самодостаточности противостоит текущий саморазвивающийся процесс, открывающийся в сознании субъекта. Человек как субъект силой своего воображения конструирует свою жизнь посредством разума и воли, он создает свой контекст мира, который зависит с точки зрения интерпретативной способности от других контекстов. Человек не сторонний наблюдатель происходящего – он сам непосредственно включен в существующую действительность, поэтому одновременно изменяет как действительность, так и себя. В способности сохранять атмосферу жизни, соразмерной частному человеку (жизни осязаемой, а не виртуальной) видит причину заметно возрастающей ценности городов в меняющемся геополитическом и нравственно-психологическом пространстве современного мира Злотникова. Городская реальность, соглашается с ней Ермолин, имея непосредственное отношение к человеку, к его жизни, «дает средства и задает способ существования и ориентации в мироздании, культурной самореализации» [16].

Итак, все соглашаются с тем, что культура XX в. претерпела существенные изменения. Компьютерная революция, порожденная возникновением высоких и прежде всего информационных технологий, оказалась не этапом в поступательном развитии глобальной сверхсистемы, а, как точно замечает А. И. Ракитов, суммарным индикатором перехода к принципиально новому цивилизационному состоянию, а следовательно, и к изменению содержания и статуса этнических, профессиональных, локальных и региональных культур всех уровней и притом в глобальном масштабе. Формулы новой культуры, абсурдные с точки зрения старой, функционируют, сообщения новой культуры понимаются и принимаются. Всякая идея, по выражению Ю. М. Лотмана, «одно-временна», а жизнь – «поли-временна». Поли-временность жизни проявляется в культурных явлениях и в городском пространстве. Город – это «не только суэта сиюминутного бытия, но и универсалии, парадигмы, культурные традиции и катастрофы, это миф города как уникальная концентрация смыслов и сущностных выражений его культуры, запечатленных в памяти, это личность как творческий экстракт культурной жизни, это самобытный религиозный и мистический опыт, это искусство как рафинированный плод ментального опыта, конкретный образ урбаносферы» [17]. Чтобы понять культуру, выявить генезис культурных форм, следует руководствоваться методологическим принципом: разум человека, поднимаясь до всеобщего и общеобязательного уровня, производит культуру – разумность пронизывает все стороны культурного бытия человека. В деле постижения человеческой культуры, согласно кантовскому критицизму, лежит «самосознание творческого синтеза»; это понятие оказывается исходным пунктом для такого мировоззрения, которое понимает всякую культуру (культуру города в том числе) – будет ли она даже материальной культурой – как духовное производство, как культуру духа.

Литература

1. Воронина Н.И. Старый город в новой России. – Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т. – 2005. – С. 69.
2. Злотникова Т.С. Старый город как концепция // Старый город в новой России. – Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т. – 2005. – С. 16.
3. Воронина Н.И. Телерантность процесса идентификации // Гуманитарные науки и образование. – № 1 (1) (январь-март). – 2010. – С. 29.
4. Флоренский П.А. У водораздела мысли. М.: Правда, 1990. – Т. 2. – С. 93.
5. Шеманов А.Ю. Самоидентификация в традиционной и нетрадиционной культуре // Культурные миры: Мат-лы науч. конф. «Типология и типы культур: разнообразие подходов» (20-22 марта 2000, Москва). – М.: Росс. ин-т культурологии, 2011. – С. 122.
6. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 204.
7. Тхагапсоев Х. Идентичность как философская категория и мера социального бытия // Философские науки. – 2011. – № 1. – с. 10-25 // kavkazoved.info.
8. Марков Б. Знание, власть, капитал и либидо // Парадигмы философствования: Вторые междуна. философ.-культурол. чтения. – Вып. 2 (10-15 августа 1995, С.-П.). – С.-П.: ФКИЦ «Эйдос», 1995. – С. 133.
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 449.
10. Марков Б. С. Там же. – С. 134.
11. Порус В.Н. У края культуры (философские очерки). – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – С. 413.
12. Ермолин Е.А. Миф города Ярославля // Старый город в новой России. – Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т. – 2005. – С. 18.
13. Шеманов А.Ю. Проблема самоидентификации как предмет исследования // Постигание культуры. – М., 1998. – С. 178.
14. Воронина Н.И. Там же.
15. Тхагапсоев Х. Там же.
16. Ермолин Е.А. Там же.
17. Там же. – С.17.

Уровень развития региональных образовательных систем: инструменты сравнения /Level of the development of the regional educational systems: instruments of comparison/

В.А. Прудникова, кандидат психологических наук, директор Приволжского филиала Федерального института развития образования Самара, РФ

Сохранение и укрепление единого образовательного пространства страны требует единых инструментов для сравнения и оценивания. Нигде так болезненно не переживается разница между городами и регионами как в сфере образования. Предлагаемая ниже статья показывает, на каких доказательных критериях строится координация, организация и взаимообогащение образовательных систем разных городов и регионов. Методология автора вполне применима и в сопоставлении урбанистических образов, а также в формировании рейтингов локальных образовательных пространств.

Ключевые слова: образовательные системы, регион.

*V.A. Prudnikova, Ph.D.,
director of the Volga Federal institute of a development of education
Samara, RF*

Preservation and strengthening of the unate educational space of the country demands identical tools for comparison and estimation. Anywhere as in education the difference between the cities and regions is so painfully. The article below shows the criteria on which the coordination, the organization and the mutual enrichment of educational systems of the different cities and regions is possible. The methodology of the author is quite applicable in comparison of urbanistic images, and also in formation of ratings of local educational spaces.

Keywords: educational systems, region.

В образовании, как и вообще в социальной сфере, за редким исключением, нет объективных эталонов или аналитически рассчитываемых нормативов, сравнение с которыми позволило бы сказать, насколько эффективна та или иная региональная система образования, насколько хороши отдельные ее показатели, в том числе и показатели качества. Поэтому оценка состояния и результатов системы образования может быть сделана только на основе сопоставительного анализа, в сравнении с другими территориальными системами, находящимися в сходных условиях.

Основным инструментом, позволяющим дать качественную оценку системе образования, является анализ изменений показателей во времени (динамический анализ) и/или сравнение характеристик системы с аналогичными характеристиками других образовательных систем (сопоставительный анализа).

Задача создания системы критериев и индикаторов уровня развития региональных образовательных систем в Приволжском Федеральном округе связана с формированием программы объединения образовательных ресурсов регионов округа в интересах его социально-экономического развития. Общность условий и проблем регионального развития систем образования в субъектах округа позволяет использовать межрегиональное взаимодействие как ресурс модернизации систем образования.

Актуальность такого подхода связана, в том числе, с тем, что межрегиональные экономические связи сопровождаются взаимодействием систем образования, что позволяет использовать преимущества регионов в отдельных областях деятельности в интересах всех субъектов округа, формируя человеческий потенциал в соответствии с задачами экономического развития.

Разработка индикаторов уровня развития образования призвана обеспечить формирование базы сопоставимых в региональном разрезе показателей развития образования, позволяющих выполнить комплексную статистическую оценку образовательных комплексов субъектов. Задача сравнительного анализа позволяет определить тенденции и проблемы, понять, почему, например, при прочих равных условиях одни региональные образовательные комплексы достигают лучших результатов, и какой ценой, и почему другие отстают, и каков контекст этого отставания.

Основной проблемой специалистов в области управления системой образования является переработка огромных информационных потоков в формат, удобный для принятия решений. Отвечающая этому запросу задача сопоставления результативности и эффективности деятельности образовательных систем, построенная на анализе сопоставимых показателей и индикаторов заключается в том, чтобы из разнообразной и обширной статистической и иной информации выбрать ту, которая обеспечит квалифицированную, научно обоснованную оценку региональных образовательных систем, и представить ее в простом, прозрачном, подчиненном практическим (управленческим) задачам виде.

Индикаторы позволяют решать три группы задач управления [1]:

- анализ ситуации и оценка тенденций;
- оценка деятельности систем и структур;
- планирование и контроль, т.е. задание ориентиров и направлений движения и мониторинг их достижения.

Еще одно направление использования индикаторов — создание предметной основы для общественного обсуждения.

Приволжским филиалом Федерального института развития образования [2] проводятся исследование и сопоставление основных приоритетов региональной образовательной стратегии с приоритетами региональных экономик и федеральных образовательных стратегий. На основании чего формируются индикаторы развития региональных систем образования. За последние 3 года были предложены наборы индикаторов:

- уровня развития региональной системы профессионального и общего образования;
- сформированности новых организационных моделей повышения квалификации педагогических кадров;
- готовности региональной системы образования к введению Федеральных государственных стандартов НПО СПО третьего поколения.

В качестве примера приведем индикаторы уровня развития региональной системы довузовского¹ профессионального образования.

Структура индикаторов, соответствует двум приоритетным направлениям развития региональных систем профессионального образования (ПО):

- 1) доступность образовательных программ ПО,
- 2) соответствие образовательных программ ПО перспективам экономического развития региона.

Индикаторы по критериям обеспечения доступности образовательных программ ПО [3]. Разбиты на четыре кластера, каждый из которых соответствует одному из критериев доступности образовательных программ ПО.

1. Кластер «Доступность уровня профессионального образования» образован совокупностью показателей, которые демонстрируют общую картину реализации права доступа к образовательным ресурсам региональной системы ПО, в том числе по различным уровням образовательных программ ПО, на базе основного общего и полного общего среднего образования. В кластере присутствует показатель, позволяющий выявить степень реализации законодательно закрепленного права людей получить профессиональное образование бесплатно. Здесь же содержатся индикаторы, свидетельствующие о техническом потенциале сети учреждений системы ПО (загруженность проектных мощностей) и прогнозных характеристиках потенциальных абитуриентов системы ПО будущего учебного года.

2. Кластер «Доступность образовательных программ ПО запрашиваемого потребителями качества» содержит индикаторы, которые в совокупности характеризуют доступность начального профессионального образования с точки зрения определенных требований, предъявляемых потребителями услуг системы ПО.

Это специфическая характеристика феномена доступности ПО, которая показывает, имеет ли доступ потребитель услуг ПО к образовательным программам востребованного им качества (по конкретной специальности/ профессии ПО, с получением или без получения полного общего среднего образования и т. д.).

3. Кластер «Территориальная доступность системы НПО» включает индикаторы, которые информируют, насколько пространственная конфигурация сети учреждений системы ПО обеспечивает доступность образовательных программ ПО для молодежи региона. При этом в случае, когда учебные заведения, реализующие образовательные программы ПО, размещены в регионе неравномерно, доступность может обеспечиваться наличием общежитий и/или транспортной доступностью.

4. Кластер «Доступность ПО для молодежи с ограниченными возможностями здоровья» объединяет индикаторы, описывающие уровень обеспечения права доступа к программам ПО такой категории молодежи, а также условия этого доступа: обучение в обычных учебных группах (интегрированная модель) или в специальных группах (сегрегированная модель).

Индикаторы по критериям обеспечения соответствия образовательных программ ПО перспективам развития экономики региона. Указанные индикаторы включают 7 кластеров: первые два содержат индикаторы результатов деятельности (результативные показатели), а последующие — индикаторы условий деятельности (процессуальные показатели). Анализ процессуальных индикаторов в случае, если по ним выявлено полное соответствие требованиям рынка труда, не обязателен. Если по индикаторам результатов получен вывод о неполном соот-

ветствии (или несоответствии), необходим анализ процессуальных индикаторов с целью определения возможных причин несоответствия и факторов-резервов, позволяющих ориентировать региональную систему ПО на достижение соответствия образовательных результатов, полученных в ней, требованиям рынка труда.

1. Кластер «Количественное соответствие объемов подготовки в системе ПО актуальной и перспективной профессионально-отраслевой структуре экономики региона». Информация кластера позволяет выявить, насколько объемы подготовки по разным отраслевым группам профессий, а также соотношение этих групп в общей структуре подготовки соответствуют актуальным (по структуре занятости) и перспективным (по результатам среднесрочного прогноза) кадровым потребностям регионального рынка труда. Часть индикаторов данного кластера характеризует степень достижения изоморфности (структурного соответствия) структуры подготовки в региональной системе ПО актуальной и перспективной отраслевой структуре региональной экономики.

В состав кластера входят также косвенные индикаторы о трудоустройстве выпускников учреждений региональной системы НПО (ведомственная статистика), о количестве не трудоустроившихся выпускников в составе безработных и т. д.

2. Кластер «Качественное соответствие результатов профессионального образования требованиям рабочих мест в экономике региона» включает индикаторы, содержащие информацию о степени соответствия качества профессионального образования требованиям работодателей региона. Прямая внешняя оценка качества ПО возможна в процедурах сертификации выпускников региональной системы ПО на основе профессиональных стандартов, разработанных работодателями.

Рассматриваемые далее кластеры индикаторов включены в инструментарий мониторинга с целью анализа условий и факторов, созданных в системе ПО для усиления ее соответствия потребностям региональной экономики. Информация, полученная в ходе анализа этих показателей, позволит региональным органам образования определить причины несоответствия (или неполного соответствия) количественных и качественных результатов системы ПО требованиям рынка труда и выявить резервы усиления этого соответствия, а также совокупность необходимых управленческих решений, которые должны быть приняты на уровне региона с целью достижения указанного соответствия.

3. Кластер «Гибкость региональной системы ПО» объединяет индикаторы, совокупность которых демонстрирует внутренние адаптационные возможности организации деятельности образовательного учреждения и учебного процесса, обеспечивающие удовлетворение различных образовательных потребностей учащихся региональной системы ПО. Информация по индикаторам данного кластера позволяет выявить уровни диверсификации образовательных программ и условий их освоения потребителями, вариативности индивидуальных образовательных траекторий учащихся и т. д.

4. Кластер «Мобильность региональной системы ПО» включает индикаторы, которые в совокупности характеризуют способность системы оперативно перестраиваться в соответствии с запросами изменяющегося рынка труда. Индикаторы кластера демонстрируют соответствие/несоответствие динамики изменений в системе ПО конъюнктуре регионального рынка труда, позволяют оценить уро-

вень оперативности реагирования системы ПО на образовательные запросы работодателей и других социальных партнеров учреждений системы ПО.

5. Кластер «Взаимодействие системы ПО с работодателями региона» образован совокупностью девяти показателей и содержит информацию о степени реализации потенциала социального партнерства учреждений ПО и системы в целом, а также его неиспользованных резервах. Индикаторы кластера позволяют оценить устойчивость связей учебных заведений с партнерами работодателями, выраженность маркетинговой ориентации образовательных учреждений («захват рыночных сегментов»). В целом кластер характеризует группу условий, которые должны быть обеспечены для усиления соответствия качества профессионального образования требованиям рынка труда.

6. Кластер «Формирование адаптационных ресурсов личности в системе ПО» содержит индикаторы, которые характеризуют такой резерв повышения качества ПО, как формирование ресурса конкурентоспособности выпускников на рынке труда через освоение ключевых профессиональных компетенций, дополнительных навыков, востребованных на рабочих местах региона.

Кластер включает индикатор, демонстрирующий такой адаптационного ресурс выпускников системы ПО, как способность к трудоустройству в режиме самозанятости, когда выпускник начинает работать индивидуальным частным предпринимателем, занимается ремесленным трудом (без образования юридического лица), создает малое предприятие. Другой индикатор позволяет ценить условия, стимулирующие развитие готовности выпускников к эффективному поведению на рынке труда: поиску работы, переговорам с работодателями, адаптации на рабочем месте.

7. Кластер «Рыночная инфраструктура системы ПО» образован совокупностью показателей и предоставляет информацию о степени сформированности инфраструктуры системы ПО рыночного типа, которая обеспечивает устойчивые (в том числе, институализированные) связи сферы образования и сферы труда.

Разработка системы показателей, характеризующих состояние и уровень достижения целей и задач развития образования, а также разработки обоснованных критериев оценки деятельности образовательных систем различных иерархических уровней, учитывающих тенденции развития территорий, и др., является одним из условий успешной реализации государственной образовательной политики и должно создаваться в большей степени на уровне регионов. Тем более, это возможно сделать на уровне федеральных округов, в рамках которых гораздо легче, чем в российском масштабе, обеспечить эффективное функционирование интегрированных образовательных структур, выполняющих функции как объективной оценки деятельности в целом систем образования и отдельных образовательных учреждений, так и разработки стратегии развития регионального образования в конкретных социально-экономических и нормативно-правовых условиях.

Однако даже на уровне федеральных округов такая работа потребует значительных усилий как научной и педагогической общественности, так и органов исполнительной и законодательной власти. Это обусловлено тем, что при усиливающейся тенденции к регионализации образования все же развитие образовательных систем субъектов Российской Федерации происходит неоднородно и неравномерно. Объективными причинами диспропорций в эволюции региональных образовательных систем выступают социально-экономические и культурно-исто-

рические особенности развития конкретных территорий, которые определяют характер и темпы реализации национально-региональных инновационных моделей в сфере образования. В ряду субъективных причин неравномерности развития можно назвать некоторые отличительные черты региональной образовательной политики субъектов Федерации и действующих в них моделей управления образованием, они характеризуются уровнем развития регионального образовательного сообщества, в том числе – управленческой позицией регионального лидера образования и т. д.

Анализируемая тенденция, безусловно, имеет положительные аспекты, которые определяются включением внутренних потенциалов саморазвития регионов в процесс модернизации образовательных систем. В то же время реализация эффективной государственной образовательной политики, приоритетами которой являются сохранение и укрепление единого образовательного пространства страны, формирование непрерывного образования на принципах территориальности и многоуровневости, социальная адресность и сбалансированность социальных интересов, обуславливает необходимость согласованного развития систем образования субъектов РФ и, прежде всего, согласованности управления образовательными системами различных иерархических уровней, основанного на принципах правового регулирования. Это позволит получить дополнительный эффект, связанный с координацией процессов и организацией взаимодействия и взаимообогащения региональных образовательных систем.

Литература

1. Агранович М.Л. Индикаторы в управлении образованием: что показывают и куда ведут // Вопросы образования. – № 1. – 2008.
2. <http://www.pffiro.ru/>
3. Инструментарий для оценки состояния образовательных систем и рекомендации по его использованию / В.А. Прудникова, Д.Л. Константиновский, Е.А. Карпухина, Н.Ю. По-сталюк, С.Ю. Алашеев, В.Ф. Солдатов, А.В. Фирсова, Н.В. Тюрина, М.А. Шермет; под ред. В.А. Прудниковой – М.: Логос, 2006. – 356 с.

Петербург и время. Интервью с Ю.М. Лотманом

М. Райманн
Цюрихский университет
Цюрих, Швейцария

Анализируя один из последних текстов Ю.М. Лотмана, автор вычленяет методологические и имиджевые понятия: европейский город для России; будущее Петербурга; политемпоральность.

Ключевые слова: Ю.М. Лотман, европейский город.

*"Но назовите мне вещь, которая не является тайной.
Хотя бы одну вещь!"*

Методология анализа города Петербурга как целостного ансамбля, создававшаяся десятилетия и веками поэтами, философами, художниками, получила обобщение в книге М.С. Кагана «Град Петров в истории русской культуры» [1]. К ней вели классические исследовательские работы XX столетия: «Непостижимый город» Н.П. Анциферова [2], труды И.М. Гревса, В.Н. Топорова [3], Ю.М. Лотмана [4] и других.

Л.Н. Столович, суммируя в какой-то степени сложившиеся подходы, пишет: «Петербург не без основания сравнивали с Венецией и Амстердамом, Римом и Константинополем, называли «Северной Пальмирой» и «русскими Афинами». И вместе с тем город на Неве не стал Вавилонской башней и конгломератом культур. Он обрел свое неповторимое единство и цельность, сделав своих жителей петербуржцами-ленинградцами независимо от их национальности, преобразовав барокко и классицизм в «русское барокко» и «русский классицизм» [5, 10].

Обратим внимание на актуальные идеи Ю.М. Лотмана, представленные в примечательном и нетривиальном издании 1993 года «Метафизика Петербурга». В сборнике опубликованы новые тексты известных авторов, в том числе Б.В. Маркова, А.К. Секацкого, В.М. Уварова и других, а также фрагменты классических текстов В.Н. Топорова, П.Д. Гершензона [5].

В этом же сборнике «Метафизика Петербурга» была помещена ключевая, на наш взгляд, беседа Ю.М. Лотмана с Любовью Моревой и Игорем Евлампиевым (состоявшаяся в Тарту 28 декабря 1992 г., меньше чем за год до кончины Лотмана). Собеседники предложили тему «Город как время». Великий «тартуский затворник» и

старый ленинградец, сделавший так много для интерпретации культуры Петербурга, высказывает неожиданные идеи. На них следует остановиться подробнее.

Собеседница Лотмана, известный петербургский философ Л. Морева, предлагает вначале рассмотреть три темпоральных модели города на Неве: историческую, сакральную и вневременную. Первая модель – Петербург в реальном историческом времени; вторая – Петербург как вечный город, то есть сакральное время; и третья модель – модель Петербурга как эфемерного, несуществующего, вневременного города.

Довольно неожиданно Лотман снимает предложенную темпоральную схему и говорит о живой и поливременной модели города. Цитата: «Вся история человечества состоит в том, что мы пробуем реализовать идею, самую хорошую; а идею реализовать нельзя в принципе, она – одновременна. А жизнь поливременна. И поэтому Петербург все время занимался тем, что сам с собой воевал, сам себя передельывал, сам все время как бы переставал быть Петербургом».

Тогда беседа переходит к самосознанию города: в чем специфика петербургской точки зрения на самого себя и в разные времена?

Здесь Лотман выдвигает актуальную темпоральную координату и формулирует: Петербург – город будущего для России. По парадоксальному суждению Лотмана, Петербург не Европа, но и не Россия. Цитата: «Я бы сказал, что он – будущая Россия; это город, который должен ангажировать будущее, он должен наметить, он должен показать идеал».

Перефразируя одну героиню: маркетинговые отделы Петербургской мэрии дорого бы заплатили, чтобы продвинуть образ Петербурга, как это сделал академический и всемирно признанный знаток культуры Петербурга.

Однако ученый, в отличие от управленцев, представляет доказательства и аргументы, выстаивая ряды исторического времени, вскрывая мифы и символы.

Цитата: «Говорят, что Петербург – это европейский город; но в Европе в то время не было таких городов! Не было городов, когда стоят дом к дому. Это северогерманская деревня, которую Петр принял за город. В Германии, особенно в северо-восточных областях, есть такие деревни: стоят каменные дома, дом к дому, и они образуют каменные улицы. Европейские города в то время так не строились...».

Самосознание горожан закреплялось в символах города, хотя они могли не соответствовать исторической реальности. Цитата: «Первый символ, что это европейский город. Причем, понимаете ли, это совершенно разные вещи: европейский город и петербургское представление о европейском городе. Это совершенно разные вещи – Россия не Европа».

Второй символ, что город на Неве – это Венеция, то есть торговый, космополитический город. И с этим ученый не соглашается, утверждая, что Петр задумывал его как военный, римский лагерь, в котором ничего кроме военного нет.

Цитируем Лотмана: «Петр совершенно не понимал, что город – это экономическое понятие. Город для него был военным поселением, он считал: город – то, что можно брать штурмом, или же то, что можно основать и этим закрепить территорию. Поэтому пушкинская формула «Люблю тебя, военная столица...» очень точна.

...И Петербург был выстроен именно так, и долгое время в Петербурге существовала проблема – не хватало женщин. Пока не начал съезжаться двор и не привез своих крестьянок, и пока не начали вокруг города строиться населенные пункты. Но все равно долгое время жениться ездили в Москву. Потому что в Петербурге женщин не хватало, ведь в казарме им не положено быть».

Далее – тот самый неожиданный поворот в рассуждениях ученого, который переходит к актуализации образа города.

Лотман полагает, что вслед за стремительными процессами автономизации, не выдержав западной конкуренции и чужеродности, начнется возвратное центростремительное движение.

Цитата: «Сейчас, я думаю, мы будем присутствовать при очень интересном процессе – собирании России. Знаете, как у Гоголя свитка, которая срastалась, – она будет срastаться; сейчас ее разрежут, будет отдельно Украина и что-то еще. Но постепенно свитка будет срastаться, даже не понять, почему она будет срastаться, экономически это уже не обязательно».

Таким образом, академическая проблема «Время города Петербурга» побуждает далекого от политики ученого высказывать предположения, которые и сегодня вызвали бы серьезные дебаты. Даже через двадцать лет кажется, что только Лотману дозволено было сказать следующее.

Цитата: «Но вот я умру, а вы скажете: а он-то все соврал, или скажете: нет, что-то такое есть. Я думаю, что будет срastаться. И восстановится приблизительно в старых границах. Конечно же, исключая Польшу. Польша никогда не была Россией, это совершенно другое. А вот Кавказ – очень может быть, на каких-то особых правах, на отдельных условиях...».

Собеседница Лотмана в своем ключе суммирует его тезисы: «Петербург остается тайной. Все его символы оказались нереализованными, да они и не могли реализоваться: он не стал европейским городом, он не стал Венецией, не стал вторым Римом – он стал собственной тайной».

Перечитайте текст: Лотман говорил не только и не столько о нереализованности Петербурга, сколько о новом витке самосознания, на пороге которого стоит город. Наступило время, когда не европейский, но и не российский город может стать европейской проекцией будущего для России. Так слышал время города гений гуманитаристики XX века. Спорить не стал, но как красиво завершил беседу.

Цитата: «Если это – тайна, то назовите мне вещь, которая не является тайной. Хотя бы одну вещь!»

Литература

1. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города. – Семиотика города городской культуры. Петербург // Труды по знаковым системам XVIII. Ученые записки Тартуского государственного университета. – Вып. 664. – Тарту, 1984.
2. Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры / Отв. ред. Л. Морева. – СПб.: МСМХСIII, Эйдос, 1993.

St. Petersburg und die Zeit. Interview mit Y. M. Lotmann

M. Reimann

Universität Zürich

Zürich, Schweiz

Bei der Analyse der letzten Texte Y. M. Lotmanns, arbeitet der Autor die Methodologie und das Image als Begriffe für die Stadt St. Petersburg heraus: u.a. 'die europäische Stadt in Russland', die 'Zukunft St. Petersburgs', 'Politetemporalität'

Schlüsselwörter: Y. M. Lotmann, europäische Stadt.

«Nennen Sie mir eine Sache, die kein Geheimnis ist.
Nur eine einzige Sache!»

Das Methodologie der St.Petersburg-Analyse, welches in ihrer Vielfalt über Jahre und Jahrhunderte von Poeten, Philosophen und Künstlern entwickelt wurde, wurde kürzlich in dem Buch von M.S. Cagan «Grad Petrov v istorii russkoj kultury» („Das grosse St. Petersburg in der russischen Kulturgeschichte“)[1] aufgearbeitet. Dazu führten klassische Forschungsarbeiten des 20. Jahrhunderts: «Nepostišimij gorod» („Die unergründliche Stadt“) von N.P.Anziferova [2], I.M Greys, V.N. Toporov [3], Y.M Lotmann [4] u.a..

Diese schwierigen Ansätze summierend, schreibt L.N. Stolovič: „St.Petersburg wurde nicht ohne Grund mit Venedig und Amsterdam, Rom und Konstantinopel verglichen, ‚Das Nördliche Palmira‘ und ‚Russische Affinen‘ genannt“. Dennoch wurde die Stadt an der Ne-wa nicht zum Babylonturm oder Konglomerat der Kultur ernannt. Die Stadt bewahrte sich ihre unvergleichliche Einzigartigkeit und Ganzheit, indem sie ihre Bürger, unabhängig von ihrer Nationalität, zu Petersburgern-Leningraderern machte, indem sie Barock und Klassizismus in «Russisches Barock» und «Russischen Klassizismus» verwandelte [5,10].

Dabei muss man die Ideen Y.M. Lotmanns berücksichtigen, welche in der bahnbrechenden Ausgabe «Die Metaphysik St. Petersburgs» von 1993 veröffentlicht wurden. In der Ausgabe sind neuere Texte bekannter Autoren publiziert, u.a. von V. Markov, A.K. Seakzki, V. M. Uvarova, sowie Fragmente klassischer Texte von V. N. Toporov und P. D. Geršenson [5].

In der gleichen Ausgabe erschien auch die Schlüsseldiskussion mit Y.M Lotmann, geführt von Lubava Moreva und Igorj Evlampijev. Dieses fand am 28. Dezember 1992 in Tartau statt, weniger als ein Jahr vor dem Tod Lotmanns. Als Thema wurde „Stadt und Zeit“ vorgeschlagen. Der alte Leningrader Lotmann, der so viel für die Interpretation der Kultur St. Petersburgs tat, teilte unerwartete Ideen mit, welche im Folgenden betrachtet werden sollen.

Die anerkannte Philosophin L. Moreva schlägt für die Diskussion mit Lotmann zunächst drei temporale Modelle St.Petersburgs vor: das historische, das sakrale und das ausserzeitliche. Das erste Modell beschäftigt sich mit St. Petersburg in der realen, histori

schen Zeit, das zweite Modell mit St. Petersburg als ewige Stadt, d.h. in der sakralen Zeit und das dritte Modell mit St. Petersburg als nichtexistente, also ausserzeitlich bestehende Stadt.

Das erste Modell verwirft Lotmann sofort. Er sieht das Modell der Stadt stattdessen als ein lebendiges und polytemporales: Zitat „Die Menschheitsgeschichte besteht darin, dass wir nur eine Idee realisieren wollen, die beste Idee. Nur eine Idee kann aber nicht realisiert werden, denn sie ist monotemporal, während das Leben polytemporal ist. Genau aus diesem Grund war St.Petersburg immer damit beschäftigt sich selbst zu bekämpfen und umzugestalten, unterdessen hörte es auf St. Petersburg zu sein“.

Als das Gespräch mitunter zu dem Selbstbewusstsein der Stadt führt, kommt die Frage auf, worin die Spezifik der Selbsteinschätzung St. Petersburgs zu unterschiedlichen Zeiten liegt. Dazu führt Lotmann eine aktuelle, temporale Koordinate an und apostrophiert St. Petersburg als die Stadt der Zukunft für Russland. Laut seiner paradoxalen Einschätzung gehört St.Petersburg nicht zu Europa, jedoch auch nicht zu Russland. Zitat: „Ich würde sagen, dass die Stadt, die diese Bezeichnung verdient, eine Stadt sein muss, welche sich engagiert, welche die Zukunft entwirft und ein Ideal aufzeigt“.

Die Marketingabteilungen der Stadt St. Petersburgs würden viel dafür geben, dieses Bild der Stadt zu fördern, so wie es der weltweit anerkannte Kulturkenner Lotmann versteht. Aber der Wissenschaftler arbeitet anders als die Amtspersonen, er präsentiert Beweise und Argumente, stellt Reihen historischer Abschnitte auf, enthüllt Mythen und Symbole. Zitat: „Man sagt, dass St. Petersburg eine europäische Stadt ist, aber in Europa gab es zu dieser Zeit noch keine solchen Städte. Es gab keine Städte, wo Häuser an Häuser stehen. Es sind die norddeutschen Dörfer, die Peter der Grosse für europäische Städte hielt. Europäische Städte hingegen, wurden nicht so erbaut...“

Auch wenn es nicht der historischen Wirklichkeit entspricht, verfestigt sich das Selbstbewusstsein der Einwohner in den Symbolen der Stadt. Das erste Symbol ist St.Petersburg als europäische Stadt. Lotmann zweifelt dieses an und führt an, dass die europäische Stadt und das St. Petersburger Verständnis von der europäischen Stadt zwei ganz verschiedene Dinge seien. Das zweite Symbol ist St.Petersburg als zweites Venedig, als eine kosmopolitische Handelsstadt. Auch damit ist der Wissenschaftler nicht einverstanden und führt an, dass Peter der Grosse die Stadt als Kampfstätte, als eine römische Legion angelegt hatte. Zitat: „Peter der Grosse hatte überhaupt kein Verständnis von dem ökonomischen Verständnis der Stadt. Die Stadt war für ihn eine Legion und er verstand darunter etwas was entweder im Sturm erobert werden kann oder womit man eine Region sichern kann. Genau deswegen waren auch Puschkins Worte an St. Petersburg: „Ich liebe dich, liebe Militärhauptstadt“ auch so passend.“

Die spannendste Wendung in den Überlegungen Lotmanns betrifft die Aktualität der Stadt. Er behauptet, dass auf den rapiden autonomen Prozess - im Wettbewerbsdruck mit der westlichen Konkurrenz - eine rückwirkende, zentral gerichtete Bewegung folgen wird. Zitat: „Zur Zeit befindet man sich in einem interessanten Prozess – dem Sammeln Russlands.“ Auch wenn es ökonomisch nicht mehr notwendig ist, prophezeit der Wissenschaftler eine Wiederherstellung des alten Russlands. Damit erinnert er an das akademische Problem „Die Zeit von St. Petersburg“. Auch weit von der Politik gelegen, löst dieses Problem heisse Diskussionen aus. Selbst zwanzig Jahre später kann nur ein Lotmann sagen: Zitat „Wenn ich sterbe, werden Sie sagen, er hat doch alles gelogen, oder Sie sagen,

nein, da ist etwas dran. Ich glaube daran, dass Russland zusammenwächst und das wird ungefähr an den ursprünglichen Grenzen passieren“.

Lotmann spricht nicht so viel über die Realisation St. Petersburgs. Eher redet er von einer neuen Wendung im Selbstverständnis, an deren Schwelle sich die Stadt befindet. Die Zeit ist gekommen, St. Petersburg als eine nichteuropäische, aber auch nichtrussische Stadt, als eine Projektion der Zukunft Russlands zu verstehen. So empfindet Y.M. Lotmann, das Geisteswissenschafts-genie des 20ten Jahrhunderts, „St. Peterburg in der Zeit“.

Zusammengefasst von L. Moreva, lassen sich Lotmanns Thesen wie folgt darstellen: „St. Petersburg bleibt ein Geheimnis. Alle vor der Diskussion aufgestellten Symbole stellten sich als unerfüllt heraus. Diese konnten auch gar nicht erfüllt werden, denn St. Petersburg wurde im Verlauf seiner Geschichte keine europäische Stadt, kein Venedig, kein zweites Rom. Er wurde zu einem Geheimnis“.

Lotmann beendet die Diskussion mit der Aussage: Zitat „Wenn das ein Geheimnis sein soll, dann nennen Sie mir eine Sache, die keines ist. Nur eine einzige Sache!“.

Bibliographie

1. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города. – Семиотика города и городской культуры. Петербург // Труды по знаковым системам XVIII. Ученые записки Тартуского государственного университета. – Вып. 664. – Тарту, 1984.
2. Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры / Отв. ред. Л. Морева. – СПб.: МСМХСIII, Эйдос, 1993.

Пространства современного города

/Modern city spaces/

И.Л. Сиротина, доктор философских наук, профессор
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
Саранск, РФ

Город анализируется как единство физического и социального, символического и информационного, политического и художественного, коммуникационного и сакрального пространства. Автор обращает внимание на необходимость формирования креативного и пристального изучения ментального пространств.

Ключевые слова: город, человек, пространство, символ, смысл, информация, креативная индустрия, ментальность.

*I.L. Sirotnina, Dr. Ph., Professor
Mordovia State University named
N. Ogaryov*

City is performed in the paper as the unity of physical and social, symbolic and information, political and art, communication and sacral spaces. The author pays attention to the necessity of the formation of creative and the scrutiny of mental spaces.

Key words: city, person, space, symbol, sense, information, creative industry, mentality.

Проблема организации городского пространства ставится и изучается широким спектром наук: историей, географией, экономическими науками, социологией, философией, психологией. Свой вклад в исследование процессов формирования смыслов, курсирующих в этом пространстве, должна внести и культурология. Это связано с тем, что современное обществознание начинает постепенный поворот от изучения только объективированных сторон общества к проблемам человека.

При создании города на первый план выдвигается воля человека – архитектора и проектировщика. В архитектуре города, в его планировании выделяется причудливое сплетение физического пространства города (его ландшафтного местоположения, географических, климатических, пространственных особенностей) и одновременного его ментального понимания (назначения, смыслового значения отдельных объектов, сооружений, зданий, их взаимного расположения, их общей совокупности) с тем как город понимается, воспринимается и рассматривается человеком.

В городе сформировалось своеобразное единство физического и социального, символического и информационного, политического и художественного, коммуникационного и сакрального пространства, то есть пространство отношений, взаимозависимостей, символов, систем связей и закономерностей. Поэтому город и городское пространство

можно рассматривать как своего рода текст. Х.-Г. Гадамер, например, специально останавливается на понимании архитектуры. Он считает архитектуру самым благодатным материалом для рассмотрения проблем понимания.

Внутреннее пространство города организуют архитектурные сооружения, расставляя своего рода маркеры городского пространства, размечая его, диктуя статусное соотношение отдельных сооружений, частей города и города в целом. Человек одновременно и диктует этот своеобразный архитектурный текст и прочитывает его.

Город можно считать наиболее ярким проявлением сущности окружающего человека пространства, исторического и социокультурного процесса. По отношению к первобытному обществу город – преобразующая сила в развитии новой, исторически определенной социальности, соответствующей цивилизации. Именно в городе происходит изменение социального и географического пространства, содержания культурной жизни, усложнение социальных отношений и социально-стратификационной структуры населения, выработка символов и знаков, маркирующих это пространство.

В городе формируется социальное расслоение, дистанцируются и фиксируются различные социальные роли людей, отражающиеся в различных сторонах жизни горожан, начиная от различий в функциях, взаимоотношениях, этикете, одежде, пище, жилище, и заканчивая изменением и особой структурированностью городского пространства. Например, происходит организация пространств видов деятельности – производственные, экономические, идеологические, культурно-досуговые, образовательные и др. Оформляются структуры выполнения социально-политических ролей определенных групп населения – мест политического взаимодействия властей и управляемых, их взаимопритяжения и противопоставления, их идеологической (религиозной) и правовой поддержки. Оснащаются социально-экономические места взаимодействия: рынки, банки, различные финансово-экономические учреждения, Застраиваются места проживания имущих и неимущих, выделяются и отделяются территории для лиц с какими-либо ограничениями (производственными, этническими, асоциальными, медицинскими и др.). Выносятся за границы городских территорий места позора, казней, лишения свободы преступников (т. е. пространства репрессий), смерти (кладбища), медицинских учреждений для психических и неизлечимо больных и т.п.

В процессах становления городского пространства человек также исследовался как составная часть, как элемент городского сообщества, житель урбанизированной среды. Этого совершенно не достаточно. Необходимо рассмотреть горожанина как активного субъекта, воздействующего на среду своего обитания, конструирующего ее в соответствии со своими потребностями, создающего ее и одновременно под влиянием, как этой среды, так и своей деятельности изменяющего самого себя. Особого внимания заслуживают взаимосвязи и взаимоотношения человека и города. Следуя хайдеггеровской мысли о человеческом бытии-понимании, культурология открывает суть человека в его полифоничности: человек – творец города, человек – создатель самого города и городских условий и в то же время их продукт. Эти процессы строятся в основном на символической основе.

С. П. Гурин пишет: «Жизнь человека наполнена символами. Даже жизнь сельского жителя, тесно связанного с землей, хозяйством, выживанием, насквозь пронизана символами, как нам известно из фольклора. Тем более это справедливо для жизни горожанина, особенно в современности, когда все большая часть деятельности становится производством знаков и символов, их хранением, передачей и потреблением» [1]. Действительно, реальность горожанина – это символическая реальность. Труд горожанина – это,

прежде всего, работа с символами. Город – это место где преобладает символическая деятельность: мифология, религия, идеология, искусство, кино, реклама, виртуальная реальность.

Это можно объяснить, если символическую деятельность понимать как деятельность не с самими вещами, а с их смыслами, образами, идеями, символами, восходящими к универсальным архетипам, эйдосам, логосам. А такая деятельность целиком определяется мировоззренческими установками, мифологическими и религиозными представлениями, метафизическими основаниями культуры. В таком ракурсе город предстает, с одной стороны, как универсальный символ, архетип. А с другой, сам город является местом производства смыслов, создания и функционирования символов.

Этимологическое значение слова «город», «град» – ограда, граница, преграда, защита, укрытие. Город противостоит открытому месту, т. е. безграничному и неструктурированному, нечеловеческому пространству – символу хаоса и смерти. Город – это отгороженность и укрытие, защищенность и безопасность человека во враждебном мире. Город нужен человеку, чтобы преодолеть ужас перед пустым пространством, перед хаосом, перед пустотой, небытием,

Обозначение границ, пределов, строительство оградительных, пограничных, линий связано со стремлением человека жить в священном пространстве, является средством обозначения, организации, и упорядочения «своего» мира. Но священное пространство не есть пространство физическое, геометрическое, географическое. Это скорее пространство смысла, символическое пространство в самом широком смысле, когда символ понимается не просто как знак, а нечто онтологическое, имеющее общее бытие с тем, что символизируется. В городе встречаются, пересекаются два пространства: географическое, физическое (место, ландшафт) и семантическое, символическое пространство сознания (город-текст, город-символ, язык города, знаки города).

Знаки и символы выступают не только отражением уже существующих объектов, они вместе с их осмыслением создают мир. Город и городское пространство предоставляют большие возможности для человека прочитывать его при помощи символов и знаков, и, в свою очередь, награждать такими символами и знаками городское пространство. В семиотических знаках города кодируется восприятие и понимание человеком окружающей его среды, придание ему определенных смыслов, различение собственного личного индивидуального пространства и его соотношение с пространством «другого», с пространством «всех», с объективированным пространством поселения. Потому-то для исследования города необходимо обращение к исследованию семиотического смысла городского пространства.

В разные времена город для его жителей имел разное значение. Так, в представлении средневекового человека город – всегда огороженное, обособленное, защищенное пространство, центр которого фиксировался храмом, который в этой позиции имел градообразующее значение. «Не случайно в миниатюрах изображение города сокращено до одной схематизированной городской башни»[2]. Так формировалось сакральное пространство города. Попав в незнакомый город человек «читал» его, ориентируясь по хорошо ему известным символам. Например, высотность построек, их местоположение относительно центра (храма) зависели от социального статуса, рода деятельности их владельцев.

Социальное расслоение четко прослеживается в пространственном расположении самих зданий, где живут люди и в качестве помещений. Жилища людей всегда являются важными составляющими внутреннего городского пространства и говорящими характеристиками социального положения жителей. Жилище – это место, где человек живет, ме-

сто, где человек приклоняет голову на ночь, и в то же время символический знак его социального статуса, закрепленный местом проживания, характером жилища, его внутренним убранством, набором и назначением предметов домашнего обихода. Строительство дворцов закрепляло социальное неравенство не только в социальном пространстве, но и геометрическом и информационном.

Гурин отмечает: «Город реализует идею организации пространства обитания человека, включая различные формы телесности: самого человека и внешнюю телесность (жилища, коммуникации). Город-тело есть продолжение человека вовне, это символическое тело человека, культурное, социальное, коллективное тело. Город – это проекция сознания человека во внешнее пространство. Быть горожанином – значит “городить”, определять, структурировать мир вокруг себя и самого себя, строить храм и храм своей души»[3].

Отсюда и этимология слова. Авторы коллективной монографии «Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI-XVII вв.» отмечают, что понятие «город» могло относиться при этом 1) собственно к стенам, ограждению поселения, монастыря или отдельного двора; 2) самому защищенному пространству; 3) к внешнему по отношению к стенам пространству. Кроме того, за понятием «город» часто стояла конкретная социальная общность: «выступиша весь град»; «выидоша весь град въ оружьи отъ мала до велика»[4].

Храмы, площади, городская стена – это, прежде всего, духовные конструкции, символы, культурные формы. В древности градостроительное искусство предназначено для того, чтобы магическими средствами управлять поведением грозных стихий и потусторонних сил. При закладке города всегда совершались ритуальные действия, освящение, богослужения, жертвоприношения, в том числе и человеческие. Вольная или невольная жертва в основание города – универсальное архетипическое действие. Реальные городские стены – знаки, символы магических образов, иногда крестный ход вокруг города оказывался эффективнее каменных стен.

В наши дни осознание информации как необходимого общественного ресурса и связующего компонента (субстрата) человеческих отношений приводит к пониманию таких вещей, как информационное пространство личности, семьи, коллектива, любой социальной системы, в том числе и города. Таким образом формируется представление о городе как информационном пространстве, в котором функционирует информация, обеспечивающая самоидентификацию социальной системы и ее соответствующее развитие.

Вся информация, имеющаяся в городе, сосредоточена в головах его жителей и на материальных носителях (бумага, аудио- и видеопленки, компьютерные диски, стены домов, рекламные щиты и т.п.). Она функционирует в самых различных формах – это разговоры и слухи, средства массовой информации, все виды рекламы, служебные закрытые и открытые каналы и т.д. Мощные информационные технологии на порядок усиливают информационное воздействие на людей.

Информационное пространство города – также содержательный продукт символического творчества его жителей, а все информационные системы (доски объявлений, СМИ, компьютерные сети) являются одновременно и инструментами, и факторами воздействия на общественное сознание. Каждый из них воздействует в определенной степени на состояние информационного пространства, но ни один не управляет им целиком. Компьютерное информационное пространство не так легко выключить, как, к примеру, телеканал или газету, не так просто регламентировать по содержанию, как тексты и аудио-, видеоматериалы. Вопрос здесь, прежде всего, в том, как сами жители города относятся к качеству получаемой информации, как они декодируют заложенные в ней смыслы, какие действия они при этом предпринимают. Становление и техническое перевоору-

жение информационного пространства современного города – это сложный процесс, требующий подключения всех интеллектуальных сил и ресурсов.

Однако, информационное пространство не ограничивается компьютеризацией или функционированием электронного правительства. Символический капитал города потенциально пробуждает человека к «чтению» его знаков и смыслов, иными словами, к креативной деятельности. Сегодня российские города теряют существующие и не создают новых креативных пространств.

В последние десять лет развитие городских территорий происходило за счет инвестиций в коммерческую (ритейл, офисные центры, складские комплексы) и жилую недвижимость. В результате, самые лучшие территории теперь заняты офисами и крупными торговыми центрами. Казалось бы, характерная для них стеклянная и ангарная архитектура делает городскую среду современной, обновляет ее, но в действительности это далеко не так. Торговые центры не добавляют новых форм жизни, зато крадут силу сложившейся среды, размывают историческое ядро городов, напрямую конкурируют с ним и подавляют. Предоставляемый выбор товаров оставляет для креативной деятельности (коммуникации и самовыражения человека) практически единственную форму – потребление. Отданное на откуп бизнесу развитие территорий привело к исключению из тела крупных городов публичных пространств – мест, организованных под проявления индивидуальности, обмен идеями, любую свободную коммуникацию людей, им оставлена лишь свобода «шопинга».

В нынешних конкурентных условиях очевидно, что без коммуникации и атмосферы творчества – без того, что будит и развивает в человеке воображение, никакие инновации невозможны. В практике пространственного развития это такие же ключевые понятия, как демография и экономика. Утрачивая существующие и не создавая новые креативные пространства, город не сможет найти свое уникальное место в стране и мире. Жизнеспособность города и успех решения этой задачи всегда зависели от уникальности продукта в этом пространстве. Оказалось, что у современного города нет ответа на подобный вызов – современная торговля настолько универсальна, что побеждает местный культурный бизнес и предложения культурных институций.

Это проблема общая для многих городов именно потому, что творчество людей не культивируется как важный ресурс. Уникальные продукты и услуги заменяются массовыми, маскирующимися под оригинальные. Скажем, на сувенирных развалах в европейских и российских городах вам предложат копии «национальных» артефактов, произведенные в Китае. Наверняка каждый сталкивался с тем, как трудно найти местный, то есть сделанный тут же, на месте предмет, который говорит об особенностях, о самобытности того или иного города. Казалось бы, массовый туризм должен способствовать бурному развитию креативной индустрии, а рейтинговая современная профессия – дизайн – должна стать одной из ее основ. Но ведь в процессе создания суррогатной сувенирной продукции мы наблюдаем не создание самого дизайнера, а лишь его копирование, то есть креативная индустрия отсутствует.

В. Княгинин пишет: «В моем представлении креативная индустрия всегда претендует не на оригинальность, а на уникальность, не на массовое производство, а на производство того, что является продуктом творчества, куда вложена частичка души. Поэтому при культивировании таких свободных деятельных зон нужно всегда замечать, когда креативность заменяется попыткой имитировать ее путем замещения на фактически коммерческое и массовое, даже имеющее отношение к оригинальному дизайну, задуманному где-то еще»[5].

В России делаются первые шаги в этом направлении. С 2003 г. осуществляется совместная программа Совета Европы, Министерства культуры РФ и Института культурной политики (ИКП). Она называется «План действий для России». «Проекты Института культурной политики, осуществляемые в российских регионах, помогли внедрить в умы идею развития творческих индустрий. Там, где проходили дискуссии и семинары с участием экспертов Совета Европы, удалось преодолеть глубоко укорененное в российском сознании представление о невозможности соединить культуру и коммерцию, которое разделяют у нас не только люди творческих профессий или музейщики, но и власти»[6], – рассказывает директор ИКП М. Б. Гнедовский.

В своем интервью ученый поднимает проблему состояния информационно-креативного пространства города: «Если задать вопрос: “А имеются ли в России творческие индустрии?” – ответ: “Да. Безусловно и в большом количестве!” Но если спросить: “Знает ли кто-нибудь об этом?” – “Увы, нет”. Никто и не догадывается: ни государство, ни общество, ни даже сами творческие профессионалы, которые крайне разрознены и не осознают своего единства. На самом-то деле это огромное целое, отнюдь не ограниченное арт-рынком, охватывающее множество различных областей: и моду, и кино, и телевидение, и отчасти компьютерное программирование, и рекламу. Но рекламисты не чувствуют сходства с программистами, программисты – с кинорежиссерами, а те – с производителями мультимедиа-продукции или, допустим, с книгоиздателями»[7]. Исследователь даже призывает перефразируя известный лозунг «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!», воскликнуть: «Творцы страны, объединяйтесь!» Поскольку, считает Гнедовский, «наличие сплоченного, солидарного творческого класса, проникнутого классовым самосознанием, – одно из важнейших условий постиндустриальной креативной экономики, так же как рабочий класс – условие для экономики индустриальной»[8].

И вновь напрашивается вывод: подобное сплочение возможно только при наличии единого информационного пространства, в котором курсируют знаки и символы, основанные на исторической традиции и потому понятные жителям города.

Говоря о создании современного информационно-креативного пространства, не могу не привести весьма актуальное высказывание Михаила Гнедовского: «Одной из особенностей интерпретации творческих индустрий в России является то, что в качестве потенциальных сюжетов прежде всего всплывают народные промыслы и ремесла. Если же о творческих индустриях рассуждает англичанин, он первым делом назовет мультимедийные технологии, звукозапись, дизайн, моду и лишь в конце списка упомянет ремесла. Эти разногласия проявляются в любой совместной дискуссии: становится ясно, что для россиян культура – это, прежде всего, наследие и традиция, а для англичан – то, что производят сейчас представители творческих профессий. Разумеется, культура – это и то, и другое. Однако, смещая акцент в сторону традиции и наследия, мы фактически отрицаем новаторский потенциал культуры. Она оказывается скорее почвой под ногами, чем инструментом развития. Если же говорить о народных промыслах, то таковым в наше время является, по-моему, не плетение лаптей, а веб-дизайн, которым занимается каждый второй школьник»[9].

В провинции эти проблемы стоят еще острее. Часто, несмотря на наличие в городе университетов, материальный достаток и относительно низкий уровень безработицы, молодежь в большей своей части не связывает личное будущее с родным городом. Вполне вероятно, потенциальных возможностей здесь для ребят не меньше, чем в Москве, Нижнем Новгороде или Санкт-Петербурге, но пока здесь не обустроена коммуникация,

они не будут проявлены и осмыслены. Остро не хватает публичного и креативного пространства. Для их формирования совсем необязательно новое строительство: можно превратить в коммуникативные площадки первые этажи домов (как это сделал бизнес) и в них привлекать те самые креативные виды деятельности, которые способны предложить и активную форму досуга, и, самое главное – общение людей «глаза в глаза» в процессе деятельности, возможность для реализации нестандартных, неформатных идей. Опыт западных стран показывает, что эти пространства притягивают как магнит одаренных, талантливых людей, а за ними и капитал. Другим вариантом креативных зон являются публичные пространства, которые, по мнению многих исследователей (Д. Джейкобс, Р. Сеннетт, У. Уайт), является важнейшей составляющей городской жизни. Под публичным пространством города принято понимать, прежде всего, открытые, общедоступные пространства, приспособленные для пребывания людей, для «коммуникации незнакомцев» (Л. Лофланд), анонимных встреч горожан – улицы, площади, парки. Как пишет американская исследовательница публичных пространств Лин Лофланд, «городская жизнь стала возможной благодаря упорядочиванию городского населения по внешнему виду и расположению в пространстве таким образом, что люди в городе могут узнать об окружающих многое, просто глядя друг на друга»[10]. И происходить все это может в первую очередь в общедоступных публичных местах города (в России зачастую таким пространством становился двор родного дома).

Одной из черт городского образа жизни является его анонимность. Горожане в подавляющем большинстве друг с другом не знакомы, мало кто общается даже со своими соседями по лестничной клетке, не говоря уже о незнакомцах, встреченных, например, в парках. В условиях такой разобщенности и отсутствия постоянных каналов информации о жизни города информационным и коммуникативным пространством становятся именно открытые городские пространства, где все встречаются со всеми, они позволяют людям «найти общий язык тротуара»[11].

То есть фактически эти пространства выполняют роль обучающей, наблюдательной площадки, на которой люди видят и изучают друг друга, набираются опыта о том, какие есть социальные группы, образцы поведения и т.п. Особенно это принципиально для молодых людей, для которых публичные пространства – одна их площадок социализации. Развитию интереса к окружающей среде способствует сама организация пространства. Чем более она соразмерна человеку, тем более он готов воспринимать людей и сооружения, любоваться ими, чувствовать себя рядом с ними комфортно. И в то же время отсутствие новых впечатлений приглушает положительное восприятие среды, она начинает утомлять своей безликостью, однообразием, наступает информационное пресыщение, «усталость» и на этом фоне психологическое напряжение.

Поэтому традиционно собираемые городскими властями данные о количестве людей, занимающихся той или иной деятельностью, нам ничего не скажут. Нужно оценивать широту охвата креативных пространств, предполагая, что в тех или иных точках или объектах как раз и концентрируются люди, вовлеченные в коммуникацию между собой, люди, несущие идеологию современного города.

Отношение человека и города Ю. Ц. Тыхеева описывает термином «ментальность города»: «Ментальность города зависит от того, какое содержание и значение вкладывают горожане в город, а также от того, какой внутренний знаковый заряд несет в себе сам город, как его семиотическое содержание воспринимается и интерпретируется горожанами»[12]. Ментальное пространство города является выражением представлений о пространственной организации и особой собственной атмосфере города.

Чем больше становится город, тем труднее горожанину охватить его одним взором. Для ориентации в городе у каждого жителя обычно создается особая карта, которая как бы открывается его внутреннему взгляду. Тыхеева называет ее ментальной картой города. Она может ни во всем совпадать с общей ментальной картиной города, с физическим пространством, ибо фиксирует только те участки города, которые человек считает значимыми для себя. Иногда это доведенная до автоматизма дорога, обыденное передвижение от одной точки города до другой, иногда – отмечаемая несколькими яркими, позитивно или негативно окрашенными в психологическом плане ориентирами (знаками), схема пространства. Ментальная карта «прочитывает» городскую среду, наделяя ее дополнительными знаками: ориентировочными, ценностными, эстетическими, личностными и т.п. «Ментальная карта – не простой слепок действительности, это комплекс представлений человека, расставляющего координаты среды. В них даже могут быть вплетены звуки или запахи»[13].

Особое значение имеет, как уже отмечалось, сформировавшаяся в городе система символов, знаков, ценностей.

Таким образом, город – это не только и не столько географическое пространство, он всегда нечто большее, чем населенный пункт. Для города характерны семантическая нагруженность, смысловая сгущенность, эмоциональное напряжение, рациональная упорядоченность. Город – это место, которое всегда насыщено смыслами, своей историей, знаками и ценностями. Город является создателем нового типа пространства, где люди не только живут и занимаются разнообразной деятельностью, но создают новый тип отношений, новую многогранную структуру коммуникации, основанную на осознании необходимости оптимизации социокультурного взаимодействия.

Литература

1. Гурин С.П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты // <http://www.topos.ru/article/6747>
2. Дворниченко А.Ю. Город в общественном сознании Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы отечественной и всеобщей истории. – Вып. 10. – Л., 1987. – С. 21.
3. Гурин С.П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты // <http://www.topos.ru/article/6747>
4. См. Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI-XVII вв. / Под ред. В.В. Бычкова. – М.: Ладомир, 1996. – 560 с.
5. Княгинин В.Н. Возможности региональной кластерной политики в современных условиях // Презентация доклада. Круглый стол «Актуальные вопросы формирования кластерных инновационных проектов. Необходимые меры государственной поддержки развития кластеров в Санкт-Петербурге». Организатор КЭРПИТ (Санкт-Петербург, 31.03.09) // <http://www.csr-nw.ru/content/contacts/popup.asp?shmode=2&ids=1&idc=44>
6. Михаил Гнедовский: «Кризис – лучший стимул для креативной экономики» (30 октября 2009 14:07) // <http://www.newslab.ru/news/article/291960>
7. Там же.
8. Там же.
9. Гнедовский М. Б. Творческие индустрии: политический вызов для России // Отечественные записки. – № 4. – 2005.
10. Lofland L. A World of Strangers: Order and Action in Urban Public Space, 1973, p. 22.
11. Джекобс Дж. Закат Америки. Впереди Средневековье. – М.: Европа, 2006. – С. 58.
12. Тыхеева Ю.Ц. Человек в городском пространстве (Философско-антропологические основания урбанографии): Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13: Санкт-Петербург, 2003. – С. 312.
13. Там же.

Мегасобытия как часть популярной культуры

Е.Г. Трубина, доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, РФ

Статья помещает феномен мегасобытий в контекст современной городской популярной культуры с целью показать, что последняя по нарастающей становится активом городского развития.

Ключевые слова: мегасобытия, популярная культура.

Значимость образов для капиталистической культуры очевидна, но мы только начинаем понимать, что же это значит в силу нашей общей в нее погруженности. Грань между образом и реальностью, реальным и виртуальным, сущностью и кажимостью сегодня стерта. Возможно, это значит, что логика репрезентации более не работает, взрываясь, так сказать, посреди образов, ускользающих от реальности либо реальность оттесняющих. Фрагментация культуры, обусловленная господством визуальности, делает излишними все определявшие культуру в прошлом повествования и громкие слова. Сориентированная на образы коммодификация реального городского опыта выражается, среди прочего, в разнообразных организованных праздниках, зрелищах, событиях, которые, предполагается, люди созерцают, а не участвуют в них.

События, в том числе события высокого ранга и значения (их еще называют мегасобытия), готовятся, проводятся и остаются в прошлом. По причине их временности и эфемерности они часто ускользают от внимания исследователей (либо кажутся его не стоящими). Занимаясь такими культурными и политическими событиями, сталкиваясь с такими сложностями, как получение достаточного и убедительного эмпирического материала и поиск продуктивной теоретической рамки для интерпретации полученных результатов. Больше того, такие события обладают популистской природой, и, следовательно, исследователю нужно как-то определиться в отношении популизма. Сложность здесь состоит в том, что исследования современной культуры на Западе сами не лишены популизма: к примеру, здесь ведутся бесконечные поиски «сопротивления» господствующему социальному порядку, которые усматриваются даже в том, какие именно передачи смотрят люди по телевизору. Исследовательски поддерживать организацию и проведение значимых событий вряд ли имеет смысл, так как именно они, с моей точки зрения, воплощают логику позднего капитализма, а именно, его способность присваивать любую культуру либо компонент таковой, если они сулят прибыль. Несмотря на эти сложности мегасобытия продолжают привлекать внимание социологов и исследователей культуры именно по-

тому, что, несмотря на их временность (периодичность), они «наводят фокус» на многие важные тенденции, служа их «символическим выражением» (М. Рош). По мнению английского социолога Мориса Роша, начиная с 1900 года, когда в Париже была проведена самая крупная к тому времени Всемирная выставка, и заканчивая повсеместными церемониями по случаю наступления третьего тысячелетия, сегодня мегасобытия стали особенно важными, поскольку «сосредотачивают значительную часть процессов создания и связи между культурной, политической и экономической сторонами жизни современных обществ и современного мирового порядка [1]».

В самом деле, организованные события, «внутренние» либо международные, тесно связаны с популярной культурой. Почти любое событие, не говоря уже о мегасобытиях (к примеру, Олимпиадах), связано с политическим и антропологическим измерениями популярной культуры. Дело не только в том, что на популярную культуру конечно же воздействуют разные виды власти, но и в том, что именно популярная культура имеет дело, рефлектирует по поводу, а нередко и создает либо усиливает деление между «нами» и «ими». Популярная культура различными способами связана с этничностью, регионализмом и национализмом. По этому причине, когда мы оказываемся свидетелями таких событий, как чемпионаты мира по футболу, Евровидение либо Олимпийские игры, мы чувствуем не только их политическое значение, но и то, что факт «нашей» победы либо поражения много значит для большого количества людей. К примеру, даже если речь идет о победе группы музыкальной группы «Лорди» либо певца Димы Билана на Евровидении, это существенно для многих финнов и русских.

Многие события, организуемые в последнее время в России, не попадают под ранг мегасобытий, если иметь в виду предложенные Рошем критерии. Они определенно имеют международное значение и готовятся «меняющимся сочетанием национальных правительственных и международных неправительственных организаций», тем самым являясь важными компонентами «официальных версий публичной культуры» [2]. Иными словами, они отвечают лишь двум из сформулированных Рошем критериев мегасобытий. Что касается других критериев («массовая привлекательность» и «драматический характер»), то ими обладают лишь Олимпиады либо Экспо [3]. Но и без них многие организуемые события являются примером тенденции, без которой трудно представить современный мир, а именно, борьбы между городами за глобальную известность. Если политическое значение событий вроде Олимпиад либо Евровидения связано с их соревновательным характером, другое соревнование – соревнование между городами – происходит в глобальном масштабе. Как отмечает географ и публичный интеллектуал Дэвид Харви, этот вид соревнования действует, по-видимому, не как невидимая, но благотворная рука (Харви имеет в виду метафору Адама Смита «невидимая рука рынка» - Е.Т.), но как внешний принудительный закон. Города вынуждены становиться городами-предпринимателями, а организуемые в них события составляют значимую часть этой стратегии. Ставки настолько высоки, что «ни один город не может позволить себе принципиальное не-участие в этой игре» [4], не рискуя исчезнуть с карты мира. Это объясняет, почему такие огромные суммы денег тратятся повсеместно на события, почему политики энергично участвуют в кампаниях за право провести в своей стране Олимпиаду и почему перечни городских фестивалей одинаково длинны в Тампере и Тайбэе.

В изучении пост-советских городов мне особенно интересен контраст между ординарным и сверх-ординарным измерениями городской жизни и то, как он ис-

пользуется для принятия решений, мобилизации деятельности, производства идентичностей и – нередко – тревог. Моя точка отсчета достаточно проста: политические события, публичные юбилеи (к примеру, городов), церемонии, фестивали и другие культурные события должны не только способствовать повышению известности того или иного города, но и вовлекать граждан этих городов. Однако, как показывают уже описанные мною «кейсы», пространство гражданского участия в подобных событиях сужается, а решения о том, что праздновать и как «поставить» то или другое событие, принимаются без учета интересов жителей городов. К примеру, празднование 300-летнего юбилея Санкт-Петербурга в 2003 году было отмечено превращением праздника города как части национальной и городской культуры в событие, не только сконструированное в расчете, главным образом, на иностранных туристов, но и для позиционирования города на Неве как «президентской» столицы. Претерпевая самые разные неудобства по мере того, как город готовился к празднованию юбилея, опрошенные мною горожане не стеснялись подчеркивать, что праздник – не для них. Как сказал один из них, «для кого-то – это хороший шанс нажиться, а для кого-то – это политика». В то же время, ему было трудно ответить на вопрос о том, как же именно он представляет празднование «для всех»[5]. Образ самой себя, который складывается у городской общественности, остается, по-видимости, туманным и ускользающим от понимания. В самом деле, из чего может складываться присутствие либо участие «простых» людей в национальных либо интернациональных празднованиях? С одной стороны, все больше и больше мер в городах предпринимается с политическими целями, с другой стороны, налицо растущее отчуждение общественности от всех помпезно организованных событий. В любом случае подготовка и дискурсивное обрамление крупных событий с неизбежностью рождают вопрос о том, для кого, собственно, живут города. Усилия по продвижению городов, предпринимаемые властями, вызывают очень противоречивую реакцию именно по этой причине: продвижение городов редко происходит без борьбы. Быть видимым и заметным и означает сегодня существовать, и этому принципу в равной мере следуют миллионы пользователей социальных сетей и политики. Политика, понимаемая по нарастающей как бизнес, предполагает формирование предпринимательской политической культуры. Это проявляется, в частности, в хорошем понимании значимости телеинформационных технологий для формирования нации через он-лайн трансляцию мегасобытий. Будет уместно упомянуть, что в девятнадцатом веке национализм создавался и воспроизводился именно через массовые праздники и церемонии. Общее прошлое страны изобреталось в том числе и при их посредстве. Однако уже упомянутая мною высокая фрагментация современной капиталистической основанной на циркуляции образов культуры приводит к тому, что на эти, некогда столь удачно найденные и применявшиеся, модели автоматически опираться уже невозможно. Вот почему идет упорный поиск самых разных возможностей для подстегивания национализма и демонстрации миру лучших достижений и потенциала той или иной нации. Тем самым соединяются две функции популярной культуры: во-первых, ее задействование в качестве источника национальной идентичности и во-вторых, превращение ее в витрину национальных достижений.

Городские культуры России по нарастающей становятся глобализованными, однако в том, как организуются события можно проследить проявления зависимости от предшествующего строя. Поэтому я убеждена, что необходимо исследовать различные варианты, представления и смыслы, придаваемые событиям в тех или дру-

гих институциональных контекстах. Это необходимо, чтобы понять, отличает ли что-то глобализующиеся города Восточной Европы и России от городов в других частях света. В частности, интересно взаимоналожение советских традиций показухи и озабоченности благоприятным образом страны либо конкретного города и внимание к внешним сторонам городской жизни, включая разнообразные «имиджи», которое связано с поздним капитализмом и глобализацией, в том числе с политикой городского предпринимательства. В России образы чаемого развития России, популяризуемые федеральным правительством с помощью националистических повествований, связаны с тенденциями так называемого «нового регионализма» (и федерализма), а также с предпринимательской деятельностью городских правительств. Последняя сопровождается риторическими оправданиями, включающими такие выражения, как «национальный престиж», «ведущая роль России», «инновационный климат», «экономика знания». При этом далеко не всегда проясняется, чьи интересы являются доминирующими и как именно они реализуются. Продвижение (или конструирование) мест таким образом становится процессом, в котором тесно переплетены и геополитика, и нацеленные на рост коалиции элит, и нужда масс-медиа во все новых сенсациях и информационных поводах, и желание людей принадлежать к чему-то большому и значимому. В результате возникают гибридные стратегии организации крупных событий, объединяющие советские традиции официально санкционированных праздников и неолиберальные способы конструирования мест, нацеленные на извлечение прибыли.

Литература

1. Roche, Maurice (2000) *Mega-Events and Modernity: Olympics and Expos in the Growth of Global Culture*. New York: Routledge, p. ix.
2. Ibid, p.1.
3. Ibidem.
4. Harvey, David (1989) 'From managerialism to entrepreneurialism: the transformation in urban governance in late capitalism'. *Geographiska Annaler, Series B, Vol. 71, 1989*, pp. 3 – 18.
5. Trubina, Elena (2006) *Between refeudalization and new cultural politics: the 300th anniversary of St. Petersburg*. In H Berking et al (Eds) *Negotiating Urban Conflicts*. Transcriptverlag, Bielefeld, 155-167. In German: «Dreihundertjahrfeier in St.Petersburg», in *Stadtbauwelt*, 2005, # 24.

Mega-Events as Part of Popular Culture

E.G. Trubina, Dr. Phil., Professor
Ural Federal University
Ekaterinburg, RF

The article places the phenomena of mega-events in the context of contemporary urban popular culture in order to show that the latter increasingly becomes an important asset of urban development.

Key words: mega-events, popular culture.

That capitalist cultures are image-based is hardly news for anyone, but by virtue of our common immersion in them, we only begin to understand what it means. Line between image and reality, real and virtual, and being and appearing has now been erased. Perhaps this means that the logic of representation no longer works, since it is exploded amidst the images that manage to eclipse reality. The commodification of actual experience creates various urban spectacles which are witnessed rather than experienced. This fragmentation of culture that is caused by visuality's reign makes obsolete all master narratives and great notions.

Spectacles, or events, including the high-rank events, by virtue of their fleeting, or ephemeral, nature often don't seem to be worthy of scholarly attention. While doing research on "one-off" cultural and political spectacles, it is difficult not only to provide sufficient empirical backing but to find a productive theoretical framework. I mean that, on the one hand, one takes the risk of being accused of populism, first, because of the obviously populist nature of the events themselves and, second, because part of cultural studies research is marked by populism, that is by looking for traces of resistance in the society of spectacle that many popular culture scholars are famous for. On the other hand, one is reluctant to give celebratory accounts of events as being the most striking expression of late capitalism logic, namely, its ability to appropriate any culture it can find a use for. In spite of these uncertainties, mega-events and spectacles continue to interest both sociologists and cultural studies scholars precisely because, although periodical, they provide "focal points" and serve as "symbolic expressions" of many important tendencies. According to British sociologist Maurice Roche, beginning from 1900, when then the biggest Expo in modern history was staged in Paris, to the Millennium celebrations in the year 2000, mega-events become particularly important today since "They contain much about the construction of, and connections between the cultural, the political, and the economic in modern societies and in the contemporary world order (1)."

Indeed, events, international or otherwise, are of particular relevance to the theme of popular culture for the following reason. Almost any event, not to mention mega-

event, is connected to the political and anthropological dimensions of popular culture. Not only has popular culture been affected by various forms of power, but it deals with, reflects, and often constructs or amplifies the us/them division. Popular culture is variously linked to ethnicity, regionalism and nationalism. So whenever we witness such mega-events as World Cups, Olympics, or Eurovision, we sense not only that a lot of politics is at stake but that “our” victory or loss means a great deal to many people. Recall what “Lordi”’s or Dima Bilan’s victories at the Eurovision song contest meant, consequently, for Finns and Russians.

Many events which have been currently organized in Russia do not meet all the criteria of a mega-event that Roche outlines. They definitely have international significance and are organized by “variable combination of national governmental and international non-governmental organizations,” thus being important elements of “official versions of public culture,” to use two of Roche’s characteristics (2). At the same time, they lack the “mass popular appeal” and the “dramatic character” that the Olympics or Expos usually have. (3). However, they exemplify one particular tendency the contemporary world is difficult to imagine without, namely, the struggle among cities for global visibility. If the political significance of events like the Olympics or Eurovision is related to their being based on competition, another kind of competition—interurban competition—takes place globally. As geographer David Harvey points out, this kind of competition seems to operate not as a beneficial hidden hand but as an external coercive law. Cities are forced to become entrepreneurial while, I should add, cultural spectacles comprise a large part of this strategy. The stakes are so high that “no city can afford principled non-involvement in the game” (4) without risking vanishing from the world map. This explains why enormous amounts of money have been spent on events globally, why politicians everywhere invest huge amounts of energy in Olympic bids or film festivals and why the lists of the city festivals are equally long in Tampere and in Taipei.

In the work I’ve been doing on post-Soviet cities, a key point of interest to me is how the contrast between the ordinary and the extraordinary in city life and urban culture is something that has been put to work and is used to make decisions, mobilize activities, and produce identities and anxieties. My basic point is simple: political events, public celebrations, ceremonies, festivals, and other cultural events are not only supposed to raise the profile of this or that city but to provide an important opportunity for citizens’ engagement. However, in the research cases that I’ve previously studied, it was obvious that the space for citizen participation in these events and ceremonies has been shrinking, that the decisions about what to celebrate and how to stage this or that event have often been made without taking into consideration the interests of the city inhabitants. For instance, what differentiated St. Petersburg’s 300th anniversary in 2003 is that it signified the development of a city festival from being part of the national and city culture to a constructed event designed not only to attract tourists but to turn the city into a “presidential” capital. While being exposed for months to all sorts of inconvenience related to the major face-lift their city was given prior to the celebration, the city inhabitants were not shy in pointing out that this event was not actually “for them.” As one of my interlocutors put it, “For some it is a good chance to make a fortune while for the others it all is about politics.” He said that a city celebration concerns all its inhabitants, but, when asked how he thought it would be possible to make the celebration “for all,” he had difficulties answering (5). It seems that the post-Soviet public’s image of itself remains vague and elusive. Indeed, what does establish the public presence of “simple

people” when it comes to national (or international, for that matter) celebrations? On the one hand, more and more things in cities have been done for sake of “politics,” while on the other, there is a growing public alienation from all lavishly organized events.

The preparation and framing of big events, inevitably raise the question of whom cities are for. The efforts of place-making that the authorities undertake receive, as a rule, a very mixed response for exactly this reason: place-making rarely occurs without struggle. Being visible and even exposed to the world means today to exist and this principle is equally valuable to millions of social network users and to politicians. Politics, understood predominantly as business, presupposes, in part, forming the entrepreneurial political culture. The importance of teleinformational technologies in shaping the national community via simultaneous broadcasts of mega-events is well understood. It is worth recalling that in 19th century it was exactly the mass ceremonies through which nationalism was engineered. A common past was invented through public spectacles. However, given the degree of fragmentation characteristic of the capitalist image-based culture, today one cannot count on these once very successful models. This is why the search for occasions to spur nationalism and to show the world our best achievements and possibilities becomes persistent and widespread. Thus two functions of popular culture coincide: one, its being the everyday realm where people search for their identity, including national one, and two, its being a showcase.

The urban cultures in Russia increasingly become globalized but in the ways the events are organized one can witness a great deal of path-dependence. Thus I am convinced that the investigation of different inflections, visions, and meaning attached to events in various institutional contexts is needed in order to formulate what differentiates the globalizing cities of Eastern Europe and Russia. In particular, there is a peculiar overlap between the Soviet traditions of showcasing and projecting a favorable image of the country or a particular city and the focus on globalization-related appearances and images characteristic of the late capitalist development. In Russia, the wishful images that the federal government constructs through nationalist narratives relate to the “new regionalism” tendencies and the growing city governments’ entrepreneurial activities. This form of entrepreneurship emerges in rhetorical justifications that invoke visions such as “national prestige,” “a country’s leading role,” “innovational climate,” and “knowledge economy” without always clarifying whose interests have been considered and how. Place-making thus becomes a process in which geopolitics of statecraft, elitist growth coalitions, the mass-media sensationalism, and people’s desire to belong to something important are inextricably intertwined. The hybrid strategies of showcasing and projecting a favorable image of the country or a particular city emerge: those combining the Soviet-era traditions of officially sanctioned public celebrations with the neoliberal ways of place-making driven by profit-making.

References

1. Roche, Maurice (2000) *Mega-Events and Modernity: Olympics and Expos in the Growth of Global Culture*. New York: Routledge, p. ix.
2. Ibid, p.1.
3. Ibidem.
4. Harvey, David (1989) ‘From managerialism to entrepreneurialism: the transformation in urban governance in late capitalism’. *Geographiska Annaler, Series B, Vol. 71, 1989, pp. 3 – 18.*
5. Trubina, Elena (2006) *Between refeudalization and new cultural politics: the 300th anniversary of St. Petersburg*. In H Berking et al (Eds) *Negotiating Urban Conflicts*. Transcriptverlag, Bielefeld, 155-167. In German: “Dreihundertjahrfeier in St.Petersburg”, in *Stadtbauwelt, 2005.# 24.*

Массовая музыка как образ времени /Mass music as image of time/

А.М. Цукер, доктор искусствоведения, профессор
Ростовская государственная консерватория им. С.В. Рахманинова
Ростов-на-Дону, РФ

В статье идет речь о массовой музыке как образе времени.

Ключевые слова: массовая музыка, время.

A.M. Tsuker, Dr. of Art., Professor

Rostov state conservatory of S.V. Rakhmaninov

Rostov-na-Donu, RF

In article there is a research about mass music as an image of time.

Keywords: mass music, time.

Немного теории. В написанной около 40 лет тому назад статье «О массовой музыке» А. Сохор пишет о наимоднейших в 20-е годы XX столетия танцах, получивших широкое распространение в Европе и США: танго, фокстроте, шимми, румбе, вальсе-бостон, чарльстоне... Эта новая бытовая музыка вызывала в свое время у деятелей советского искусства резкую критику. В ней обнаруживали признаки упадка и разложения буржуазной культуры, грубую чувственность, бездушную механистичность. Отмечая этот факт, А. Сохор, вместе с тем пишет, что в той же музыке была «ярко запечатлена духовная атмосфера эпохи, наполненная смутными, порой трагическими ощущениями неблагополучия и тревоги, что таились под покровом бездумной жажды развлечений» [1, 24].

Это частное высказывание по сугубо конкретному поводу (как это нередко бывает в работах замечательного ученого, если в них внимательно вчитываться) дает основание для размышлений более общего порядка. По сути, здесь речь идет о том, что разновидности массовой музыки, претендующие не более чем на заполнение досугового времяпрепровождения, на «обслуживание» танцплощадок и дансингов, несли на себе отпечаток умонастроений эпохи, служили ее барометром, становились неким катализатором эмоциональной, духовной атмосферы общества, своеобразным портретом времени. И такая способность может быть распространена на массовую музыку в целом.

Как не вспомнить в этой связи знаменитый фильм Этторе Скола – «Бал»? Никакой фабулы в общепринятом смысле этого слова, никакого кинематографического перемещения в пространстве (действие от начала до конца не выходит за пределы одного помещения), ни одного слова диалога или авторского текста, только дансинг, его безымянные посетители, музыка и танцы, самые обычные, не эстетизирован-

ные, простые и «прозаичные»... Но через них раскрываются судьбы, отношения, характеры, страсти, мода, меняющиеся настроения и нравы, а в итоге – полувековая история Франции XX века, шире – Европы, с ее светлыми и трагическими страницами. «Бал» – блестящий пример того, как средствами только бытовых жанров, которые мы часто считаем чем-то эстетически низким и обыденным, может быть создано глубокое, сложное и масштабное художественное полотно, своего рода современный эпос, несущий для будущих поколений живой и пульсирующий образ минувшего столетия.

И механизм подобной информационной насыщенности массово-бытовой музыки в принципе понятен. Будучи феноменом полифункциональным, социомузыкальным, она лишь одной своей гранью относится к области автономно-художественной. Другая же грань связана с ее духовно-практической функцией, включенностью в социум, в повседневную общественную жизнь. Она – неотъемлемая составная часть этой жизни, а потому несет на себе отпечаток ее важнейших тенденций, оперативно и непосредственно реагирует на все изменения, происходящие в ней – политические, социальные, культурные, технологические, экономические... Не случайно столь активны в массовой музыке процессы жанротворчества, которые своими темпами много превышают музыку академической традиции и, тем более, фольклор.

Так происходит сегодня, но так же было и в прошлом – это природное качество музыки, ориентированной на массовое потребление. Наверное, трудно найти более наглядное подтверждение сказанному, чем небольшой историко-культурный «сюжет» в книге Б. Яворского «Сюиты Баха для клавира». Размышляя над причинами, по которым сарабанда, сопровождавшая погребальную церемонию, была вытеснена траурным маршем, ученый дает этому следующее объяснение. И тот, и другой жанры были связаны с шествием, но до конца XVIII века существовал обычай хоронить знатных покойников в склепе под полом церкви. Таким образом, прощание с умершим ограничивалось пространством храма, причем кортеж обходил вокруг стоящего посередине катафалка. Сарабанда с ее трехдольным метром и отвечала требованиям кругового движения. На рубеже XVIII и XIX веков – по-видимому, со времен Великой французской революции, когда получили распространение пышные и многолюдные траурные процессии, – сложился новый обычай хоронить умерших на специальных кладбищах у окраин города. В этом случае масса прощающихся шла через весь город уже не по кругу, а по прямой, чему должен был соответствовать двух- или четырехдольный жанр, каковым и явился похоронный марш [2, 24].

Обстоятельств, влиявших на процесс жанротворчества, в истории музыкальной культуры обнаруживается великое множество. С одной стороны это факторы, условно говоря, «идеальные», «романтические»: духовные потребности людей, психологический климат общества, мироощущение, мирочувствование, присущее тому или иному времени и т.п. С другой – факторы менее «высокие», сугубо материальные, а то и прагматические, такие как финансово-экономические отношения, платежеспособность публики, различного рода физические реалии, например особенности звуковой среды, акустические характеристики жизненного пространства музыки (где она существует, звучит, воспринимается слушателями). Последние детерминируют целый комплекс музыкально-выразительных средств: динамику, темпо-ритм, агогику и артикуляцию, информационную насыщенность, временную организацию, плотность музыкальной ткани, тембральный состав, масштабы, степень «монументализации» или, напротив, камерности. Все это, объединяясь, образует, в конечном счете, стиливой портрет того или иного жанра, складывается в целостный жанровый стиль.

Приведу только один, но достаточно характерный пример. В конце XVIII века Французская буржуазная революция вывела на улицы и площади огромные массы людей. Шествия, митинги, манифестации, речи ораторов, трубные фанфары и пушечные залпы – этот грандиозный звуковой массив естественным образом породил музыку, которая своей экспрессией, мощью и динамизмом, по-видимому, шокировала и оглушала публику тех лет, воспитанную на совершенно иных звучаниях, в неменьшей степени, чем современные массовые жанры, типа тяжелого рока. Различие состояло лишь в том, что достигались эти качества не средствами звукоусилительной техники, а привлечением невиданного числа музыкантов. Известно, что в исполнении кантаты «Взятие Бастилии» на Марсовом поле участвовали несколько военных оркестров, триста барабанщиков, свыше шестисот певцов из разных оперных театров Франции, огромный хор и даже орган. Понятно, что музыка для подобных составов должна была отличаться особой величественностью, подчеркнута укрупненной подачей материала, и композиторы хорошо знали жанрово-стилевые возможности и ограничения, создаваемые условиями исполнения. Несоблюдение или незнание этих условий приводило к разительному несоответствию между музыкой и средой ее предполагаемого обитания. Один из таких случаев приводит в своей книге Ж. Тьерсо, рассказывая, как Бонапарт, предпочитавший итальянскую музыку французской, заказал Дж. Паизиелло похоронный марш на смерть генерала Гоша. Известный оперный композитор и капельмейстер из Сицилии, весьма отдаленно представлявший себе реальную атмосферу Парижа, для которой предназначалось его произведение, создал траурную музыку, исходя из своих собственных творческих намерений. Впечатления от нее описывает Тьерсо: «Когда в библиотеке Консерватории, где она бережно хранится, я раскрыл украшенную гордой надписью тетрадь, признаюсь, меня охватило сначала чувство изумления, смешанное с беспокойством. Я спрашивал себя – не захотел ли Паизиелло подшутить над своим могущественным покровителем, или не ошибся ли он сам, подумав, что ему заказали написать отрывок из оперы-буфф? Современный «Похоронный марш марионетки» дает довольно точное представление о его замысле... Получается нечто приятное для рассеянного слуха, что-то мягко баюкающее» [3, 212-213].

Как мы видим, автор книги обескуражен не столько качеством музыки, сколько ее определенным жанровым «непопаданием». Французская революция изменила звуковую среду не только в узком смысле данного понятия, то есть применительно к Парижу и звучащей в нем музыке, но и в широком – она трансформировала звуковой облик времени, привнесла в него новые интонации и ритмы, новый динамизм, безмерно расширила его жизненное пространство и звуковую амплитуду.

Социальные потрясения – войны и революции, крупные общественные движения – всегда в той или иной мере меняли звуковую среду и этим, а отнюдь не только своими идеями и господствующими настроениями, влияли на музыкальное искусство, его жанровый облик. Это относится и к научно-технической революции: процессы урбанизации, появление новых промышленных предприятий, новых видов транспорта, радио-, теле-, электронная аппаратура с ее запредельными акустическими возможностями, многие другие достижения современной цивилизации – все это наполняло жизнь новыми звучаниями, повышало их интенсивность, а вместе с ней и порог слухового восприятия людей. Человек XX века все реже слышал тишину («Тишины хочу, тишины», – писал Андрей Вознесенский), звуки природы и все чаще грохочущие шумы современного мира. И если звуковой колорит жанров XX столетия

существенно отличается от «звучаний» прошедших эпох (а это очевидно даже для музыкально непросвещенного слушателя), если романтические изображения журчания ручья или «сцен в полях» для нас являются рудиментом музыки XIX века, а образы машинерии напрямую ассоциируются с веком XX-м, то одной из причин тому является радикальное изменение звуковой среды обитания. Она самым непосредственным образом повлияла на динамику жанрообразования. Это и понятно, ведь речь идет о возникновении новых условий бытования и социального функционирования, установлении новых отношений между музыкой и слушателями, новых форм коммуникации, а это, как известно, прямой путь к преобразованию старых и рождению новых жанров.

В свою очередь, складывающиеся в определенной среде жанры массово-бытовой музыки, будучи теснейшим образом связанные с миром повседневной жизни, временем, общечеловеческими эмоциями, воздействуют на слушателей не только своими внутренними качествами, собственной системой средств, но и всем социокультурным контекстом, становящимся частью их содержания. Поэтому даже те из них, которые мы причисляем к числу наиболее простых, непритязательных с собственно музыкальной точки зрения, не отягощенных какими-либо языковыми, стилистическими изысками, могут быть чрезвычайно емкими в информационном отношении, становиться знаками далеко не простых, многозначных образов, носителями разнообразных жизненных аллюзий, могут приводить в движение целый механизм образных ассоциаций.

Весьма перспективной в этом плане представляется идея, высказанная в свое время Е. Ручьевской, рассматривать художественную информацию применительно к музыкальному искусству с количественной и качественной сторон. Количественная информация – это информация внутритекстовая, связанная с плотностью собственно музыкальных событий; качественная информация – содержательно-концепционная, включающая в себя также коммуникативный момент, то есть характер взаимодействия текста с тезаурусом (жизненным опытом, сознанием) воспринимающего субъекта. Количественная информация есть величина абсолютная, качественная – относительная, поскольку «связана с тем личностным смыслом, который является непосредственным следствием художественного воздействия произведения». Из этого музыковед делает важный вывод: «Не существует прямой зависимости между количественной информацией и качественной информацией» [4, 39-42].

Следуя предложенной логике, можно констатировать, что в массовых жанрах качественная информация, как правило, доминирует над количественной, поскольку даже при малой плотности и насыщенности музыкального текста в них задействовано множество внемузыкальных факторов, богатый ассоциативный ряд.

Именно это и позволяет массовой музыке, всегда мобильной и «деловой» становиться знаком времени, и, изменяясь вместе с ним, отражать его социальные, нравственные, духовные запросы и потребности, осуществлять утерянную академической музыкой связь искусства и жизни¹, пусть не всегда глубинную, но непосредственную. Причем, на различных исторических этапах из бесчисленного многообразия разновидностей и жанров массовой музыки выдвигаются те, или иные, берущие на себя роль некоей основной модели, своего рода парадигмы, типизирующей умонастроения времени и породившей их среды обитания.

¹ Н. Арнонкур еще три десятилетия назад с тревогой писал о том, что существовавшее в прошлом единство жизни и культурного творчества, когда настоящая живая современная музыка должна была все время создаваться заново, должна была отвечать новому способу бытия, новой духовности, и когда слушатель хотел слушать ее и только ее - такое единство нарушилось. "Этот разрыв единства музыки и жизни привел к тому, что мы утратили естественность взгляда на меру наивысшего в современности" [5, 83].

Песня – дело государственное. В свете всего вышесказанного обратимся к отечественной массовой музыке советского и постсоветского периодов. Как известно, на протяжении десятилетий, вплоть до 60-х годов, абсолютным монополистом в этой области было творчество профессиональных композиторов и поэтов-песенников, а главным жанром, соответственно, – советская массовая песня. Все другие разновидности бытового музицирования находились под ее влиянием. Для массовой музыки и ее законов бытия такое положение дел нельзя признать абсолютно естественным. Она от природы обладает особым рода амбивалентностью: при тяготе к или принадлежности к различным формам музыкального профессионализма она в то же время имеет отчетливо выраженную тенденцию к любительству, фольклоризации, с присущей последней коллективностью творческого акта, часто анонимностью, многовариантностью и импровизационностью. Так она реализовывала себя во все времена и повсеместно, но... только не у нас. Советская массовая музыка, отражая неповторимые социальные реалии нашего государства – «отдельно взятой страны», – развивалась по своим законам, имела собственные жанровые приоритеты.

К советской песне было особое отношение. Она своим полновластием в мире массовой музыки вписывалась в тоталитарное устройство государства, пользовалась вниманием и поддержкой властей, на нее возлагались важные социальные функции, она рассматривалась как идеологическое оружие, как мощное средство воспитания молодежи. Можно сказать больше: массовая песня была эталонной моделью советского искусства в целом, идеальным воплощением культурной политики государства. Особенностью этой политики было отсутствие деления культуры на элитарную и массовую. В тоталитарном обществе вся культура объявлялась массовой, а на самом деле вся должна была выражать идеологию государственно-политической элиты. Эта высшая правящая каста, корпоративно обладавшая абсолютной властью, – по сути, особый социальный класс, называвший себя партией, – постоянно нуждалась в идеологической обработке сознания масс, внушении им своей исключительной роли, крайней необходимости. Искусство же обладало в этом плане безграничными возможностями зомбирования. Для этого только оно непременно должно быть народным, то есть массовым, и партийным, то есть идеологически выдержанным. Советская песня, как нельзя лучше, отвечала всем этим требованиям. Она имела всенародную распространенность «от Москвы до самых до окраин», обладала огромной силой эмоционального воздействия и при этом в лаконичных и емких формулах заключала в себе нужные идеологические установки.

Авторы, работавшие в песенном жанре в полной мере отдавали себе в этом отчет. «Песня – это и музыка, и политика, и идеология» – писал М. Фрадкин. «Сегодняшняя песня... давно уже перестала быть только стихами, положенными на музыку. Песня в наше время, по своему звучанию и значению, – это Дело Государственное» – продолжал ту же мысль Р. Рождественский [6, 16]. И власть щедро платила творцам за это понимание, награждая званиями, премиями и орденами, материально поощряя, приближая к номенклатурному классу через различные бюрократические структуры (в их числе и Союз композиторов). Надо отдать должное власти, она была небезразлична к художественным достоинствам песенной продукции, создаваемой в «предлагаемых обстоятельствах», и поддерживала все наиболее яркое и талантливое. А в песенном жанре творил целый отряд блистательных мастеров, тонко чувствующих его природу, обладавший в рамках его жестких законов яркими

творческими индивидуальностями. Ими было создано немало произведений, вошедших в историю советского музыкального искусства, ставших знаковыми, своего рода музыкальными символами времени.

Новый городской фольклор. Сбой в устройстве безукоризненно налаженных механизмов произошел в период знаменитой хрущевской «оттепели». Она была непродолжительной, но «джин уже был выпущен из бутылки», и массовая музыка немедленно на это отреагировала, причем всей своей структурой. Она стремительно вошла в естественное русло своего развития и двинулась от монополии одного жанра к жанровому многообразию, от профессионализма к любительству, от индивидуального музыкально-поэтического творчества к коллективному. Самодеятельная песня, рок-музыка, продукция ВИА стали порождением неформальных и непрофессиональных художественных движений. Всем им по-разному, но в равной степени был присущ синкретизм творческого процесса, объединяющий в одном лице, или лицах, создателя музыки, поэта и исполнителя – певца и инструменталиста – и предполагающий спонтанно-нерасчлененный, как в фольклоре, художественный акт, охватывающий весь путь – от замысла до самостоятельной и полной его реализации. Не случайно в литературе применительно ко многим явлениям широко заявившего о себе любительства часто можно встретить такие определения, как «новый городской фольклор» или «фольклор индустриальной эпохи».

Любительское, фольклоризованное искусство имело одну важную особенность, принципиально отличавшую его от институтированного и официально поддерживаемого в нашей стране, начиная с 20-х годов, самодеятельного творчества. Последнее было ориентировано, как правило, на воспроизводяще-копирующий тип деятельности, существовало, как подражание профессиональному, в котором оно видело эталонные образцы. Чем ближе приближалась самодеятельность по своему мастерству к искусству художников-профессионалов, тем выше был ее эстетический статус. Указанные же разновидности любительства являли собой абсолютно самостоятельную, автономную область. Они не только не уподобляли себя профессионалам, но, напротив, нередко оказывались в жесткой оппозиции по отношению к ним.

Все более расширявшаяся сфера любительского музицирования, противопоставившая себя композиторской песне, не ограничивалась только областью творчества. В условиях, когда государство еще обладало полной монополией на средства массовой информации, были созданы и свои, самодеятельные, формы популяризации собственной продукции. Возникла принципиально новая ситуация: минувшие официальные органы пропаганды, СМИ, студии звукозаписи, издательства, государственные концертные организации, новая массовая музыка получила огромное распространение, обрела миллионы поклонников. Используя бытовую технику, кустарным способом стали выпускаться многочисленные рок-альбомы, начали выходить свои музыкальные журналы, появилась любительская журналистика, критика, «подпольное музыковедение». Более того, применительно к бардовской (авторской) песне, рок-музыке можно говорить о формировании целой инфраструктуры, об организованных движениях, которые включали в себя клубы, существовавшие во всех крупных городах и объединявшие сотни тысяч почитателей, систему концертов, в том числе обменных между городами, организацию гастролей, фестивалей, собиравших огромную аудиторию.

Отношения любительской и профессиональной массовой музыки складывались непросто, подчас доходили в своей враждебности до открытого антагонизма. Моти-

вы подобных эксцессов эстетически и психологически понятны. Изменения ситуации прежде всего ударили по престижу композиторов, ограничили сферу их влияния. Любительская массовая музыка постепенно, на протяжении ближайших десятилетий, начала теснить в правах советскую песню, отодвигая ее на периферию динамичных процессов, происходивших в массовом музыкальном творчестве, тем самым снижая ее авторитет, а значит и авторитет ее создателей. Наиболее обидным для мастеров-профессионалов было то, что борьбу за аудиторию приходилось вести с «необразованными дилетантами». «Я знаю, что многие прекрасные, талантливые и серьезные мастера, писал Э. Колманский, – посвятившие жизнь этому жанру, рыцарски преданные своему искусству, авторы замечательных песен, ставших национальным достоянием, страдают от необходимости конкурировать с малограмотными дельцами, искателями легкого успеха, угодниками «моды», поделки которых, тем не менее, нередко получают на эстраде большее распространение, чем произведения настоящих художников» [7, 11].

Сегодня, по прошествии времени, мы можем взглянуть на ситуацию спокойней и объективней, излишне не драматизируя ее. Произошло то, что неминуемо должно было произойти: по мере того, как ослабевали механизмы административного регулирования и сдерживания, массовое искусство входило в русло свободного, естественного развития, и на смену господству одного жанра – знака некоей идейной монолитности всего советского народа, – пришли множественность и жанровый плюрализм, отразившие многообразие (социальное, национальное, возрастное, психологическое и пр.) людей, населявших одну шестую земного шара. Постепенно массовая музыка возвращалась к своим естественным, природным началам, начиная функционировать по присущим ей внутренним законам.

Первым альтернативным направлением, новой парадигмой массовой музыки стала бардовская, или, как ее позже стали называть – авторская песня. Она явилась реакцией на засилие декларативности и идеологической конъюнктурности массовой песни. Сами создатели песен не раз провозглашали свою оппозиционность по отношению к официальному массовому искусству, причем на деле эта оппозиционность была еще шире и острее: за объектами эстетического характера стоял определенный общественный уклад, сложившаяся в нем система духовных, этических, социальных ценностей, и система эта виделась им далекой от совершенства. В. Высоцкий выразил это просто и лаконично: «Нет, ребята, все не так, все не так, ребята».

В 70-е годы еще одна разновидность массовой музыки попыталась на какое-то время взять на себя роль основного выразителя мыслей и чаяний поколения, прежде всего молодежи. Эта разновидность получила весьма неопределенное но утвердившееся в качестве жанровой дефиниции, название – ВИА (вокально-инструментальный ансамбль). ВИА возникли на волне невиданной популярности первых, дошедших до СССР в середине 60-х записей группы «Битлз», а затем и других западных рок-групп, совершивших переворот в массовом музыкальном сознании. По всей стране стало появляться огромное число молодых поклонников этого нового вида музыки – «битломанов», которые, не ограничиваясь только слушанием и перезаписью, начали организовывать собственные бит-группы, копировавшие своих кумиров.

Однако этап подражания не мог быть продолжительным, возникала естественная потребность найти свои пути и способы самовыражения. ВИА взяли на вооружение сугубо внешние стороны рок-стилистики: исполнительский состав (электрогита-

ры, клавишные, ударные), сочетание вокального и инструментального начал в одном лице, энергетику битового ритма, оглушительную громкость звучания, достигаемую мощной усилительной аппаратурой, некоторые элементы сценического имиджа рок-музыкантов. Но все то, что в роке, западном, а затем и отечественном, несло в себе дух протестности, неудовлетворенности, нигилизма, в ВИА обрело характер вполне благопристойный, выражало настроения молодого задора, безраздельного оптимизма, юношеской спортивности, в полном соответствии с эстетическими стереотипами советской массовой и эстрадной песни. ВИА и ориентировались на эти модели, на эстрадно-концертные формы исполнительства.

Это касается как групп, обретших профессиональные формы деятельности, так и чисто самодеятельных ансамблей. Количества последних точно никто не знал и не знает. Они организовывались повсеместно: в школах, институтах, сельских и городских клубах и домах культуры... По некоторым данным в середине 70-х годов число только зарегистрированных ВИА по стране приближалось к 160 тысячам.

Поначалу настороженное официальное отношение к этому поветрию постепенно сменилось вполне благосклонным, и это понятно. ВИА избрали для себя наиболее компромиссный путь. Он представлял собой совершенно безобидный, социально толерантный способ творческого самовыражения молодежи и состоял в попытках адаптировать выразительный комплекс средств рок-музыки к общепринятым канонам и нормам, к господствующей системе ценностей (социальных и художественных), к существующим – профессиональным и самодеятельным – культурным институтам. И, в конечном счете, ВИА достигли искомого результата, заняв на полтора десятилетия господствующее положение на советской музыкальной эстраде.

Но выразителем меняющихся умонастроений нового поколения стали не вокально-инструментальные ансамбли, за редким исключением мало различимые, как две капли воды похожие друг на друга и к середине 80-х годов как жанр и как форма массового музыкального творчества исчерпавшие свои возможности. В этой роли выступил русский (советский) рок. Это была музыка, которую молодежь, не желая более доверять решение своих проблем старшим, создавала сама, заговорив о себе куда проблемней и социально острее. Рок взял на себя миссию в застойную эпоху лицемерия и фальши, именуемую «развитым социализмом», противопоставить идиллическим мифам советской пропаганды, официальной массовой культуры иную, куда менее радостную картину современной жизни.

Лучший в мире рок-андеграунд. Становление отечественной рок-музыки происходило в атмосфере жесточайшей борьбы и неприятия со стороны бюрократических структур (от партийно-комсомольских до творческих союзов) и официальной прессы. Ее обвиняли во всех возможных и невозможных грехах: наркомании, проституции, сатанизме, примитивности, полной бездуховности. Но едва ли не главным уничтожительным аргументом была прозападная ориентация отечественной рок-музыки, ее подражательность, вторичность, грозившая подрывом национальных традиций, разложением наших нравственных устоев.

В действительности же отечественный рок, довольно быстро освоив сущностные структурно-языковые средства и приемы западной рок-музыки, приняв их как необходимые, устойчивые, архитипические свойства жанра, избрал свой путь развития, весьма далекий от копирования зарубежных образцов. Иные традиции, иные социальные и культурные условия неминуемо трансформировали исходную модель. Советская рок-музыка не имела прямых зарубежных аналогов, была самобытна, и,

при всех заимствованиях, представляла собой плоть от плоти часть нашей жизни, реального социума.

Вспомним, что в эти годы не только в умах узкого круга инакомыслящих, но в обществе в целом все сильнее назревало скептическое отношение к официальной идеологии, к политическим лозунгам. Яркое подтверждение тому – огромное количество политических анекдотов, гулявших по стране. В этом контексте официальная массовая и эстрадная песня, да и продукция ВИА неминуемо воспринимались как часть общей ложной риторики, вызывая раздражение и иронию, особенно в молодежной среде.

Именно на этой, иронической, скептической волне в качестве новой парадигмы отечественной массовой музыки выдвинулся советский рок как язык нового поколения и культурный знак нового мироощущения. Его появление фактически ознаменовало собой начало «перестройки», которая в сфере массовой музыки, мобильно и чутко отражающей сдвиги в общественном сознании, началась намного раньше, чем в политике или экономике. Гротесково-пародийный способ самовыражения ставший важнейшей, неотъемлемой составляющей советского рока – явление исключительно отечественное, он никогда не занимал такого места в западной рок-музыке. Поэтому разговоры о вторичности и подражательности отечественного рока сильно преувеличены, а зачастую и попросту безосновательны. Более того, на этапе своего рождения и становления отечественная рок-музыка была фактически «обречена» стать непохожей на западный рок: у нее не было материальных возможностей ей подражать, разве что пародийно.

Обращу внимание на изначальную парадоксальность возникновения отечественной рок-музыки, несущую на себе отпечаток всего нашего существования: детище технического прогресса – рок – родился в СССР в обстановке бедности и убогости. А советская идеологическая машина довела эту «странность» до полного абсурда. Эта машина была уже достаточно слаба, чтобы уничтожить рок-движение, но системой запретов и ограничений она лишила советский рок возможности легального существования, оставив ему единственно приемлемую форму жизнедеятельности – «андеграунд». Само это понятие, естественно, также пришло к нам с Запада, но советский андеграунд оказался несравним с заграничным; можно сказать, это был лучший в мире андеграунд. В западной рок-культуре данное понятие носило в значительной степени метафорический характер, у нас же оно обрело буквальный смысл: рок рождался в подземельях, подвалах, кочегарках. Многие создатели его – интеллигенты по своей духовной сущности – вели люмпенский образ жизни: в котельной сочинял свои песни кочегар В. Цой, сторожем служил П. Мамонов, дворником – А. Башлачев, написавший в своей песне: «Что же теперь ходим круг да около на своем поле, как подпольщики?».

Но скудность ресурсов оказалась по-своему продуктивной, подсказав иной путь развития: с акцентом не на собственно музыкальной, инструментальной (как в хард-роке), а на вокально-поэтической стороне создаваемых сочинений, где бы главным элементом стало слово. Этот путь имел свои глубокие традиции в русском музыкально-поэтическом искусстве и своего ближайшего предшественника – авторскую песню. Поэтому не стоит драматизировать материальную бедность нашего рок-движения и его представителей в то время.

Подобный способ существования был своего рода жизнетворчеством, театрализованно-карнавальным формой бытия, несшей в себе игровое начало, абсур-

дистски-гротесковую концепцию жизни, которую замечательно точно описал В. Пьецух: «Я человек, видать, не совсем нормальный, человек, немного тронувшийся на почве чреватого противоречия между образом мышления и способом бытия; достаточно сказать, что на досуге я, гекзаметром же, сочиняю продолжение «Одиссеи», и уже дошел до греко-персидских войн, а живу в забубенном коммунальном кавардаке, где весной и осенью капает с потолков, тараканы, как голуби, уже не опасаются человека, и по утрам нужно занимать очередь в туалет. Мнится мне, что тут виновато «окно в Европу», прорубленное государем Петром Великим; так я и жил бы, как эскимос, и думал, как эскимос, а то думаю, как Паскаль, а живу, как обходчик Штукин» [8, 96]. В резонанс с этим звучат слова из песни К. Кинчева («Алиса»): «Беседы на сонных кухнях, танцы на пьяных столах, где музы облюбовали сортиры, а боги живут в зеркалах... – все это рок-н-ролл». Добавлю – рок-н-ролл советского разлива.

Быт, в котором пребывала и который отражала наша рок-музыка был, действительно, убогим и невзрачным. Его красочно описал в своем романе «Путешествие рок-дилетанта» А.Житинский: «Он (рок) – дитя коммунальных коридоров и кухонь, родительских склок, последних дней до полочки, соседей-алкоголиков, ранних абортов, одиночества, отчаяния» [9, 220].

А это уже из песни «Аквариума» про интеллигента Иванова:

*Он живет на Петроградской
В коммунальном коридоре
Между кухней и уборной,
И уборная всегда полным-полна.
И к нему приходят люди
С чемоданами портвейна
И проводят время жизни
За сравнительным анализом вина.*

Алкоголь (чаще всего портвейн, но возможны и другие напитки) – почти обязательный элемент этого буднично-обшарпанного быта. Фактически же он – нечто значительно более существенное. Искусство прошлого выработало различные приемы и формы гротескового остранения, карнавализации: всевозможные куклы, игрушки, механизмы, излюбленные мотивы сна, безумия, уродства и т. п. В современном отечественном искусстве в этой роли все чаще стал выступать алкогольный фактор как способ препарирования, искажения реального мира, его «окошения» и вместе с тем как форма выхода в другую реальность. Непревзойденный пример в этом плане – знаменитые «Москва – Петушки» В. Ерофеева. Советский рок – явление того же порядка. Другая реальность в нем – это не что иное, как абсурдистская фантазия с изрядной долей стеба, глумления с невозмутимо-серьезным видом, как в «Двух трактористах» Б. Гребенщикова:

*Широко трепещет туманная нива,
Вороны спускаются с гор.
И два тракториста, напившихся пива,
Идут отдыхать на бугор.
Один Жан-Поль Сартра лелеет в кармане,
И этим сознанием горд;
Другой же играет порой на баяне
Сантану и Weather Report.*

Мифологемы иной жизни и иной культуры опрокидываются в современный быт, в повседневность, образуя острые, парадоксальные антитезы, гротесковую игру в возвышение-снижение, игру нередко веселую, комедийную, но зачастую наполненную печальным скепсисом и даже трагедийностью. Вот «уездный город Н» М. Науменко из «Зоопарка», где вся жизнь превратилась в один сплошной анекдот: «Наполеон с лотка продает ордена... Диск-жокей кричит: «А все-таки она вертится» – вы правы, это Галилей... Маяковский в желтой кофте, доходящей ему до колен, везет пятнадцать пудов моркови на рынки города Н». А вот более мрачные антитезы, наполняющие едва ли не каждую ключевую строку в песнях «Наутилуса Помпилиуса»: «скованы одной цепью, связаны одной целью» – жутковатый портрет советской тоталитарной машины, «шар цвета хаки», «праздник общей беды», «Ален Делон», не пьющий «тройной одеколон» или «Казанова» – непонятное, но красивое слово («зови меня так, мне нравится слово»), образ «другой» жизни в обстановке коммунальной бедности и грязи.

Пародийность, площадной юмор, артистическое юродство, эксцентричность, шутовство, ерничанье или так называемый «стеб», поэтика абсурда наполнили отечественную рок-музыку, придав ей совершенно специфический характер. Эта линия уходила своими корнями в богатую отечественную традицию, начиная с русского скоморошества, народной низовой, в частности, частушечной, культуры (не случайно, одна из первых отечественных групп, созданная А. Градским в середине 60-х годов так и называлась – «Скоморохи») и кончая эстетизированным абсурдизмом обэриутов, их «битвой со смыслами». Вполне созвучна она была и современному советскому литературно-художественному андеграунду: творчеству А. Еременко, Т. Кибирова, М. Сухотина и в еще большей степени группы Митьков.

Но чтобы более полно определить место и роль рок-музыки как катализатора умонастроений 70-х – 80-х годов, следует подчеркнуть что гротесковость, абсурдизм, социальный негативизм составляли лишь одну ее грань; другая же была связана с возвышающей тенденцией, движением от обыденного, грязного, телесного к поэтическому, духовному, эстетическому. Не случайно столь сильны были в ней ожидания ветра перемен, неприятие серого обывательского существования, томление духа и скрытый за иронической остротой пронзительный лиризм, жажда человеческой любви и нежности, наполнившие творчество кумиров молодежи А. Макаревича, Б. Гребенщикова, В. Цоя. По сути своей рок-музыка, соединившая в себе иронию и лирику, низкое и высокое, быт и бытие, стала явлением ярко романтическим, отразившим атмосферу надежд, иллюзий, духовного романтизма предперестроечной и ранне-перестроечной эпохи.

Пришедший ей на смену жесткий, даже жестокий прагматизм привел к формированию новой системы приоритетов в интересующей нас сфере, отодвинув рок на периферию массовой музыкальной культуры и поставив на ее место в корне иные модели.

Фабрика звезд. В постсоветский период под влиянием экономических преобразований, происходивших в стране, массовая музыка стала активно вовлекаться в систему рыночных отношений, становиться привлекательным, сулящим немалые прибыли товаром, тотально коммерциализироваться. С присущей ей мобильностью, быстротой реакции, готовностью приспособливаться к любым жизненным обстоятельствам, она почувствовало себя в этой новой среде вполне вольготно: ситуация, когда спрос рождает предложения, для нее всегда была привычной. А то обстоятель-

ство, что идеологический заказ сменился экономическим (с соответствующим вознаграждением) создало только дополнительные стимулы для жизни и процветания (пусть, с художественной точки зрения, зачастую весьма сомнительного).

В этих условиях уже не творческий, а экономический фактор стал играть решающую роль, а он, как показывает практика, был куда более всемогущим, нежели бывший идеологический диктат. Если в период идеологического регулирования художественными процессами изыскивались, вопреки бюрократическим запретам, возможности творческого самовыражения, неофициальные, но не менее действенные каналы распространения музыкальной информации, то в новой экономической ситуации рынок стремился подмять под себя все, что пользуется спросом и может приносить гарантированные доходы.

Наиболее прибыльной по вполне понятным причинам стала развлекательная, коммерческая поп-музыка (общеупотребимое сленговое понятие – «попса»). В новой роскошной аранжировочной и визуальной экипировке она заняла место лидера в мире массового музыкального творчества, беспредельно расширив средствами современных СМИ среду своего обитания и оттеснив другие, более содержательные и творчески инициативные направления на периферию современного музыкального быта.

Лишь немногие исполнители и коллективы, относящиеся к другим разновидностям массовой музыки, продолжали функционировать на волне сложившейся ранее популярности. Куда больше представителей «непопсовой» музыки, тех, что не оставили публичных выступлений, вынуждены были вести узколокальные, иногда клубные формы деятельности, став своего рода «новым андеграундом». Характерна судьба целого ряда музыкантов, ранее талантливо работавших в сфере джаза или рок-музыки. Обладатели исполнительских данных, намного превосходящих требования современной поп-продукции, они были вынуждены уйти в сферу развлекательной эстрады, значительно сузив свой творческий диапазон.

Сегодняшняя поп-индустрия по большому счету и не нуждается в ярких личностях или, во всяком случае, благополучно без них обходится. Крайне унифицированная по своей природе, она «подгоняет» под некий усредненный стиль даже отдельные явления, выбивающиеся из общего стандарта. Процесс создания песенного ширпотреба представляет собой огромное поточное производство, музыкальный конвейер, требующий постоянной замены одних «изделий», быстро приедающихся в силу отсутствия индивидуальных качеств, на другие, но аналогичные, похожие. Это своего рода музыкальная инженерия, где главными действующими лицами становятся не композитор, поэт или даже исполнитель, а иные фигуры, владеющие экономическими (продюсер) или технологическими (звукорежиссер, аранжировщик) средствами и способностями. Появляющиеся на эстрадном горизонте с необычайной стремительностью и в огромных количествах так называемые «звезды» на деле оказываются нередко так же не более чем продуктами этого экономико-технологического процесса – «фабрики звезд».

В современной поп-индустрии ставка делается вообще не на качество музыки или ее исполнения. Гораздо важнее оказывается визуальная сторона представляемой слушателю-зрителю продукции. На эстраде предельная визуализация проявляется в создании эффектных шоу, где песня возникает в интерьере бесчисленных световых, цветовых, сценографических эффектов. На телевидении эта тенденция реализует себя в производстве музыкальных видеоклипов, насыщенных парадок-

сально смонтированными микроэпизодами, операторскими трюками, компьютерной графикой. Требования к собственно музыкально-поэтической стороне песенной продукции в таких условиях оказываются, естественно, заниженными.

Из лагеря – в эфир. Бесконечное тиражирование поп-музыкой набивших оскомину штампов, безмерное эксплуатация, особенно на радио и телеканалах, одних и тех же «раскрученных звезд», вдалбливание, до оскомины, одних и тех же шлягеров привели к началу XXI столетия к некоторому охлаждению и «усталости» аудитории. Поп-музыка начала сдавать свои позиции, уступая место новому жанровому образованию. Им стал так называемый «русский шансон». Впрочем, он имел и другие, более принципиальные причины, чтобы стать новой парадигмой отечественной массовой музыкальной культуры.

Само определение «русский шансон» – это, фактически, жанровый эвфемизм – призванный заменить отталкивающее своей неблагозвучностью и антиэстетизмом понятие «блатная песня». Но по сути «шансон» является ее осовремененным производным, в одних случаях более откровенным, в других – несколько закамуфлированным и облагороженным. Масштабы его распространения впечатляют. Он собирает огромные залы с многотысячной аудиторией, дворцы спорта, на его основе организуются клубы. «Шансон» стал позиционировать себя как глубинное явление национальной культуры. У него появились свои идеологи, размышляющие о его традициях и исторических корнях. Всенародной «раскруткой» его занялось специально созданное «Радио “Шансон”», и таким, образом, у песен блатных и приблатненных появился свой собственный радиформат. И хотя организаторы радиостанции настойчиво декларируют, что предметом их интереса является городской фольклор в самом широком понимании данного явления, и, действительно, включают в эфирное вещание городские романсы, авторские песни и даже стилистически близкие им образцы советской композиторской песни, специализация радио «Шансон», тем не менее, не оставляет сомнений. За десятилетие своего существования радиостанция выбилась в число лидеров радиорынка, получила права на вещание во всех крупных городах страны, учредила ежегодную «всенародную» премию «Шансон года», вручение которой проходит, как и положено всенародной акции, в Кремлевском дворце. Таким образом, все то, что некогда томилось в застенках тюрем и лагерей или было вынуждено вести эмигрантское существование, наконец-то обосновалось в Кремле.

Очевидно, что перед нами определенный феномен современной культуры. Но он имеет глубокие традиции, уходящие корнями в огромный песенный пласт, соответствующий масштабам советского «архипелага ГУЛАГ» и вобравший в себя приметы той среды, в которой он бытовал: конкретных ситуаций, реальной обстановки, психологической атмосферы. Абрам Терц (А. Синявский) в статье «Отечество. Блатная песня» предлагает еще более широкий контекст, считая, что блатной песенный мир отразил в себе какие-то важнейшие стороны мира народного. «Посмотрите, – пишет он. – Тут все есть. И наша исконная, волком воющая грусть-тоска – вперемежку с диким весельем, с традиционным же русским разгулом... И наш природный максимализм в вопросах и попытках достичь недостижимого. Бродяжничество. Страсть к переменам. Риск и жажда риска... Вечная судьба-доля, которую не объедешь. Жертва, искупление...» [10, 161].

В период массовой реабилитации 50-х – 60-х годов блатной фольклор вместе с его носителями вырвался на свободу, он обрел невероятную популярность не толь-

ко в уголовном мире, но и в кругах интеллигенции, в среде молодежи. В период «оттепели» лагерная тема вошла в советскую литературу вместе с именами А. Солженицына, А. Жигулина, В. Шаламова. Интеллигенция, студенчество зачитывались их книгами, ощущая свою причастность к общенациональной трагедии. В этом контексте распевание блатных песен с их антиофициозом, пусть и с элементом легкой иронии, игры, давало ощущение внутренней свободы, чуть ли не инакомыслия.

Нужно отметить и другое: блатная песня, в сравнении с другими формами неофициального массового музицирования, едва ли не первой начала выходить из полуподпольной среды обитания, обретая все большую открытость и респектабельность, стала записываться уже не под гитару, а с оркестром, исполняться в ресторанах в сопровождении инструментальных ансамблей. Фактически, это было начало, или, скажем точнее, преддверие ее коммерциализации.

Можно сказать больше: коммерция в области массовой музыки, пусть поначалу подпольная («нелегальный шоу-бизнес») началась с блатной продукции. Таким образом, уже в доперестроечный период сложились все предпосылки для того, чтобы она развернулась в новых экономических условиях.

Активная эксплуатация данной «культурной модели» в наши дни со всей очевидностью отражает иерархические изменения в современном обществе, повышение в нем роли и статуса того социального слоя, который является заказчиком (и одновременно – носителем) этой модели.

В советский период таким заказчиком и соответственно спонсором было государство. В этом своем качестве оно было безлично и, требуя идеологической выдержанности, почти никогда не навязывало индивидуально-вкусовых норм и при строгих ограничениях идеологического характера, оставляло определенную свободу художественного выражения и поддерживало профессиональную и эстетическую планку на необходимо высоком уровне. Современная ситуация может быть охарактеризована как диктатура индивидуального вкуса инвесторов, тех, кто платит и заказывает музыку в соответствии со своими эстетическими запросами, пристрастиями, и кто навязывает эти вкусы и пристрастия массовой аудитории. Именно их художественным ожиданиям и отвечает, разумеется, не бескорыстно, современное массовое искусство: кино, телевидение, литература, пронизанные «новобандитской романтикой», и в этом контексте – блатная песня и ее современный эквивалент «русский шансон».

Нужно отдать должное творчеству современных шансонье. В их продукции есть немалая доля искренности (или ее имитации), живые эмоции (или их подобие), апелляция к простым человеческим чувствам, тон доверительной беседы со слушателем, каждым в отдельности (в условиях многотысячного зала), в чем этот самый слушатель испытывает в наше жесткое время острый дефицит. Жанр стал активно дистанцироваться от тюремно-криминального прошлого, хотя «блатные уши» время от времени все равно проступают. Вокруг «русского шансон» идут сегодня горячие споры, которыми заполнен интернет, социальные сети, в судьбах его известных представителей принимают участие видные политики и бизнесмены, кумиры жанра оказываются сегодня чуть ли не национальными героями, глашатаями, гуру. Многие с недоумением и даже страхом взирают на их чудовищную популярность, в сравнении с которой бледнеют звезды отечественного шоу-бизнеса. Недавно высокопоставленный чиновник от культуры и ее бывший министр Михаил Швыдкой высказал в этой связи мрачный прогноз, назвав ситуацию «знаком беды»: «Это не вопрос эстрады, а

вопрос будущего страны... И если мы создали за время последних лет публику, для которой Ваенга и Михайлов являются кумирами, то шансов на модернизацию страны у нас практически нет» [11].

Сказано резко и откровенно, но, мне думается, проблему следовало бы поставить «с головы на ноги». Ведь процессы, происходящие в сфере массового искусства, не являются исключительно результатом его внутреннего бытия, они напрямую зависят от социума, жизни общества, в котором данное искусство функционирует.

Что день грядущий нам готовит? В ситуации жесточайшего контроля над всем рынком массовой музыкальной продукции, полностью ориентированной на коммерцию (а о смягчении режима в обозримое время говорить не приходится), рассчитывать на естественный путь саморегулирования или появления каких либо стихийных новолюбительских движений, способных создать альтернативу ныне существующим, было бы абсолютно безосновательным.

Изменения если и могут произойти, то, скорее всего, не снизу, а исключительно сверху. Для этого должен измениться социальный портрет, а, следовательно, и культурный уровень заказчика, «элиты» общества. Если оптимистически смотреть на общее социально-экономическое развитие России, ориентируясь на западные цивилизации, можно предположить, что число подобных заказчиков-инвесторов будет расти, а это неминуемо будет формировать и новый массовый спрос. Тогда найдут свое место и многочисленные разновидности массового искусства, которые станут, отвечая многообразию потребностей, функционировать в соответствии с их эстетическим статусом и социальной предназначенностью: «Богу – богово, а кесарю – кесарево».

Литература

1. Сохор А. О массовой музыке // Вопросы теории и эстетики музыки. Вып. 13. – Л., 1974.
2. Яворский Б. Сюиты Баха для клавира. – М.-Л., 1947.
3. Тьерсо Ж. Песни и празднества Французской революции. – М., 1933.
4. Ручьевская Е. Мелодия сквозь призму жанра // Критика и музыковедение. Вып. 2. – Л., 1980.
5. Hannoncourt N. Musikals Klangrede // Wegezukeinem neuen Musikverst?ndnis. – Wien, 1982.
6. Продолжаем разговор о массовых жанрах // Сов. музыка. – 1978. – № 12.
7. Колмановский Э. Поддерживать огонь // Музыка России. – Вып. 9. – М., 1991.
8. Пьецух В. Я и сны // Столица. – 1991. – № 24.
9. Житинский А. Путешествие рок-дилетанта. Музыкальный роман. – Л., 1990.
10. Терц А. Отечество. Блатная песня // Нева. – 1991. – № 4.
11. <http://www.newsland.ru/news/detail/id/864321/>

«ГЛОБАЛИЯ»: методология и образ города

Развитие города как проблема общественного договора: европейский опыт и российская практика /Development of the city as a problem of the social contract: European experience and Russian practice/

И.М. Бусыгина, доктор политологических наук, профессор кафедры сравнительной политологии
Московский государственный институт международных отношений (МГИМО)
Москва, РФ

Будучи живыми организмами и отвечая на внешние и внутренние вызовы, города подвержены постоянным трансформациям. Как показывает опыт современных европейских городов, решения в отношении таких трансформаций являются предметом общественного договора - между городскими властями и жителями города (или региона). В России, как показывает пример Москвы, важнейшие реформы, меняющие логику развития города, по-прежнему носят административно-бюрократический характер.

Ключевые слова: город, трансформации, общественный договор, концепция "Большого Парижа", "Штутгарт 21", практики современного развития в Москве, формальная экзистенция.

*I.M. Busygina, Dr. of political sciences,
professor of the chair of comparative political science
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
Moscow, RF*

Being living organisms and answering external and internal calls, the cities are transforming. As an experiment of the modern European cities shows, decisions concerning such transformations are a subject of the social contract - between the city authorities and residents (or the region). In Russia as sets an example Moscow, the major reforms changing logic of a development of the city, still have administrative character.

Keywords: the city, transformations, the public contract, the concept "Big Paris", "Stuttgart 21", practitioners of modern development in Moscow, a formal exsistens.

Города – это живые организмы, «гигантские коммутаторы» по выражению французского географа Клаваля. Мы говорим о процессе урбанизации как о процессе универсальном, однако дальше начинаются различия: у каждого исторического периода, страны, нации складываются свои неповторимые города. Так, немецкие средневековые города ничуть не похожи на античные полисы, а современные города вдоль Рейна – на моногорода на территории России. Отличается все – положение, устройство, облик, стратегии развития. Более того, как прекрасно подметил Андрей Трейвиш, «города впитывают присущее культурам отношение к природе», а отношение это принципиально различно: если в христианских городах всегда ценились вид из окна и перспектива, то на жарком

и сухом Востоке города были обращены вовнутрь, ценились внутренние пространства, защищающие от жары [1].

Города – живые организмы, а это значит, что они подвержены постоянным трансформациям, которые, по крайней мере, если речь идет о современном западном городе, есть результат сознательной политики, сознательных усилий. В этом случае возникает резонный вопрос: кто, в чьих интересах, и на каких основаниях принимает решения в отношении стратегии развития города?

Ответ на этот вопрос как будто очевиден: это одна из очевидных задач городских властей. Этот ответ, однако, будет далеко не полным, а, значит, и неправильным. В городах Западной Европы решения, которые затрагивают жителей города (граждан города!) не могут быть им безразличны, а потому являются предметом общественного договора между городскими властями и гражданами города.

Это договор особого рода. Так, если понимать эту идею буквально, как заключение неких формальных договоренностей между государством и общественными группами, то в рамках любого договора возникает принципиально нерешаемая проблема недобросовестности обязательств сторон. Через договор невозможно создать условия, при которых государство будет заинтересованно не нарушать договоренности, достигнутые на любой стадии такого процесса – напротив, всегда будет действовать принцип «кто сегодня сильнее, тот и прав». На самом же деле, как подчеркивает Максим Трудолюбков, «общественный договор — это не договор или торг с государством, но, скорее, дискуссия о том, на каком основании государство принимает те или иные решения. Такая дискуссия может быть долгой, это не вопрос пяти или десяти лет. И разговор этот не должен сбиваться на торг по образцу «лояльность в обмен на стабильность». В таком торге мы (общество – курсив мой) не раз проигрывали... и этот обмен неустойчив» [2]. Если «по трудолюбковски» рассматривать общественный договор как (постоянно поддерживаемую и развивающуюся) дискуссию, то становится понятным, что основным лейтмотивом этой дискуссии должна быть тема подотчетности власти, в том числе городской.

И одно из важнейших измерений подотчетности городских властей – это поддержание постоянной дискуссии с гражданами города относительно городского облика и его изменений. Простой пример: французы задумали сделать концепцию «Большого Парижа» - и этот процесс (который займет не год-два, а лет тридцать!), как и избранная в результате стратегия развития города, не только предусматривают общественные дискуссии, но напрямую зависят от их итогов и найденного консенсуса.

Еще более яркая иллюстрация – ситуация в Штутгарте. В ноябре 2011 года в немецкой федеральной земле Баден-Вюртемберг состоялся референдум о судьбе проекта «Штутгарт 21», предусматривающего кардинальную реконструкцию железнодорожного вокзала Штутгарта – столицы Бадена-Вюртемберга. Начало реализации этого проекта вызвало массовые протесты среди горожан, считающих, что строительные работы связаны с чрезмерными бюджетными расходами, наносят ущерб окружающей среде и лишают Штутгарт исторического облика. По итогам референдума 58,8 процентов населения земли высказались за дальнейшую реализацию проекта «Штутгарт 21». Против – 41,2 процента.

У правящей сейчас в Бадене-Вюртемберге коалиции не было общей позиции относительно проекта «Штутгарт 21»: если зеленые высказывались категорически против проекта, то их партнеры по коалиции, социал-демократы, сомневались. Назначенный на 27 ноября референдум должен был поставить точку в споре, который длился более года. Итоги народного голосования стали неожиданностью для многих, в том числе для социологов: победа сторонников реконструкции вокзала оказалась внушительнее, чем предполагалось согласно последним опросам. Сторонники проекта «Штутгарт-21» уверенно победили

в таких крупных городах Бадена-Вюртемберга, как Гейдельберг, Карлсруэ, Мангейм и Фрайбург. Даже в самом Штутгарте, где проходили наиболее массовые акции протеста, против нового вокзала проголосовали лишь 47 процентов населения.

Хочу еще раз обратить внимание: судьба исторического облика Штутгарта решалась на референдуме, который проходил не только в самом городе, но на территории всего региона. Что и показывает, что исторический облик города есть общее, коллективное благо.

Принципиально иная ситуация сложилась в России. Отличный, и совсем недавний, пример административно-бюрократического реформирования – решение об увеличении площади столицы более чем в два раза. На Экономическом форуме в Санкт-Петербурге в июне 2011 года Президент Медведев выдвинул предложение расширить границы Москвы, а также вывести за МКАД федеральные учреждения. Основание: без такой модернизации столичной инфраструктуры Москва не может стать международным финансовым центром. 1 июля Президент поручил Москве и области представить конкретные предложения по изменению границ столицы в целях расширения ее территории, в том числе для размещения законодательных и исполнительных органов федеральной власти и создания и развития международного финансового центра. Поручение следовало выполнить уже к 10 июля 2011 года, что и было сделано. Руководители Москвы и Московской области представили президенту предложение об увеличении площади столицы в 2,4 раза. 7 декабря 2011 года Московская городская дума утверждает проект решения о расширении. Процесс, как видим, идет чрезвычайно динамично – при этом общественное обсуждение столь масштабного проекта не только не проходило, но даже не предполагалось. Примечательно, что первоначально Президент говорил не только о расширении территории города, но и о создании нового «Столичного федерального округа», однако впоследствии эта мысль как-то «потерялась».

Выступая на заседании Московского международного урбанистического форума «Глобальные решения для российских городов» 8 декабря 2011 года, Алексей Новиков, глава Московского офиса агентства “Standard & Poor’s”, говорил о том замешательстве, которое вызвало у финансовых аналитиков решение о расширении Москвы – «странный выброс на Юго-Запад». По его мнению, сама идея – постановка задачи – о централизованном управлении агломерацией представляется попросту говоря безумной. Подобные административные решения смущают не только граждан, но и инвесторов. По мнению Новикова, Москве следовало бы не расширять, но, напротив, сужать границы.

В современной московской практике вопрос решается властями. Между тем, вопрос о расширении границ Москвы и – более того – о стратегии развития столицы – это не вопрос мэра столицы или московского правительства, это как раз самый что ни на есть вопрос общественного договора. И этот договор чрезвычайно значим не только для ныне живущих «граждан города», но и для будущих поколений.

В глобальном аспекте бытие города, лишённые договора как одной из форм социальной коммуникации, становятся церемониалом, о чем нам уже приходилось писать [3]. С. С. Аверинцев определял это еще применительно к теократическим монархиям Средневековья следующим образом: «формальная экзистенция в самом строгом смысле слова» [4].

Литература

1. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. – М: Новый хронограф, 2009. – С. 248.
2. Ведомости // http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1333675/dogovor_s_leviafanom
3. Бусыгина И. Сжимая пространство до образа мест // Отечественные записки. – 2002. – № 6.
4. Аверинцев С.С. Символика раннего Средневековья (к постановке вопроса). <http://ru.wikipedia.org/wiki>

О методе синтаксического описания территории

/On the syntax-oriented method of territorial interpretation/

М.К. Голованивская,

доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, РФ

Описывается возможность интерпретации внутритерриториальных связей с точки зрения принятых в лингвистике синтаксических моделей. Впервые вводится понятие синтаксиса территории.

Ключевые слова: связь, дорога, территория, план города, синтаксис, философия территории.

*M.K. Golovanivskaya, Dr. Phil., Professor
The Lomonosov Moscow State University
Moscow, RF*

This article reveals that it is possible to interpret regional infrastructure in terms of linguistic syntax. Thus is introduced the concept of territorial syntax.

Key words: roads, city planning, communication, syntax, philosophy of the concept of territory.

Внутритерриториальная связанность. О связанности внутри территориальных границ можно толковать с позиции самых разных наук и практик. Если речь идет о связанности вербальной, языковой, то именно это изучает лингвистика, оперируя понятием (национального) языка [1, 2]. Если предметом рассмотрения является связанность общественным договором, системой законов, гражданством, то эти вопросы активно исследовались и исследуются историками, философами и политологами [3, 4, 5]. Если мы рассматриваем связанность через общую культуру, менталитет и социальные практики, то это является непосредственным предметом исследования культурологии, этнографии, исторической антропологии, социологии и этнопсихологии [6]. Можно продолжить перечисление видов взаимосвязей внутри одной территории, но среди академических дисциплин, мы, пожалуй, не найдем такой, которая описывала бы материализованную связанность внутри территории (дороги с разным покрытием, мосты, реки, используемые в качестве водных путей, соединяющих различные точки региона, и т.д.) через гуманитарно или регионоведчески значимую систему понятий.

Предлагаемая в работе система координат может быть соотнесена с такими дисциплинами как философия территории, культуры, семантическая география [7].

Дорога и коммуникация. Неожиданно находим аналогичный взгляд на дорожные сети в семиотике [8], нередко объяснявшей природу языкового знака с помощью знака дорожного. Но основоположники семиотики не были нацелены на изучение системы дорог

и «языка дороги» как объекта исследования и использовали дорожные знаки просто для примера, не проводя никаких аналогий между дорогами как таковыми и связностью, коммуникацией как семиотической системой. Хотя связи, существующие между отдельными автомобильными дорогами, во многом аналогичны синтаксическим: главная дорога и второстепенная, примыкание одной дороги к другой и др.

Эта аналогия между дорожными сетями и языковыми системами возникла сама собой, в естественном языке. **Коммуникациями** на языке строительной индустрии и индустрии перевозок называется любое соединение двух точек, пригодное для циркулирования по ним необходимых сущностей. Инженерные коммуникации предполагают пути, по которым вода, тепло, газ, электричество могут идти от адресанта к адресату. Наружные коммуникации, например шоссейные или железнодорожные, должны обеспечивать соединение разных точек путями, по которым могут циркулировать люди и грузы. Так или иначе, сегодня понятием «коммуникация» в европейской цивилизации обозначается и вербальный, и материализованный в дорогах и проводах тип связи, а само понятие «общение» одинаково используется и в коммуникативистике, и в системе дорожного обеспечения (неслучайно министерство железных дорог давно уже называется Министерством путей сообщения, по-английски Ministry of transport and communication lines, по-французски Ministère des transport et voies de communication, по-немецки Ministère der Verkehrswesen, со значением «военные сообщения», и т.д.). Очевидно, что европейские языки в этом вопросе наследуют латинскому *communicare*, означавшему не только «беседовать», но также и «делать общим, соединять, связывать, передавать» [9]. Социальные науки видят лишь часть феномена коммуникации, изучая межличностное и социальное взаимодействие. Наша задача – включить в гуманитарный блок исследований в качестве объекта исследования материализованные системы коммуникаций, найти в человеческой деятельности по связыванию элементов территории гуманитарно значимый аспект. Так, известный специалист Маршал Макклюэн в своей знаменитой книге «Понимание медиа» отмечает: «Термин «коммуникация» в широком смысле употребляли в связи с дорогами и мостами, морскими маршрутами, реками и каналами еще до того, как он стал в электрическую эпоху означать «движение информации». Нет лучшего способа определить характер электрической эпохи, нежели изучить сначала, как сформировалось представление о транспортировке как коммуникации, а затем — как транспортировка грузов уступила место в этом представлении перемещению информации с помощью электричества» [10].

Приведенное наблюдение с точностью указывает на принципиальную общность реки, дороги, газеты, радио и интернета. Позволим себе еще одну цитату из этого автора, парадоксально связывающую вроде бы не связанные вещи: «С началом движения информации в печатной форме вступили в игру колесо и дорога. В Англии печатание с печатного прессы вызвало в восемнадцатом веке появление дорог с твердым покрытием. Книгопечатание, или механизированное письмо, вызвало разделение и расширение человеческих функций, невысказанное даже во времена Рима. Почтовые дороги в Англии оплачивались в основном газетами. Быстрый рост дорожного движения вызвал появление железной дороги, которая, в отличие от обычной дороги, дала применение более специализированной форме колеса». [11]

Синтаксис и связь. Само понятие связи используется в технике, химии, архитектуре и инженерном деле, психологии, социологии, философии, лингвистике [12, 13, 14]. В самом общем виде связь в этих областях знания определяется как отношения общности, соединения, согласованности. Переходя на уровень, релевантный для различных наук,

мы можем говорить, что связь – это передача информации (сигнала) на расстоянии, взаимообусловленность, наличие канала для передачи информации, сообщений, возможности и ограничения, накладываемые на перемещения физических тел [15].

Достаточно очевидно, что все существующие связи могут быть разделены на две принципиальные группы: связи, установленные людьми, и связи, ими не установленные. Субъектами не установленных людьми связей являются физические законы (закон всемирного тяготения, например), тогда как связи, которые установлены человеком, выступают в качестве объекта его деятельности, нередко имеющей тот или иной мотив.

Если вернуться к теме дорог, соединяющих различные точки на карте (населенные пункты, пункты производства и потребления, паломничеств, области, предназначенные для освоения, и пр.), все они были построены в разное время людьми, определяющими стратегию развития территории (или с их ведома), с определенными целями (охота, доступ к воде, завоевание, развитие торговых отношений, централизация власти и т.д.), то есть дороги представляют собой развернутую в диахронии систему мотивированных действий по установлению внутритерриториальных связей.

Само по себе понятие связи, как мы видели, достаточно универсально и представляет собой один из архетипов человеческой деятельности и мышления. Связывая явления или факты, выстраивая их в логическую цепочку, мы получаем эффект понимания и интерпретации [16]; связывая отдельных людей и группы, мы получаем социум [17]; связывая территории внутренними связями, мы осмысливаем их как целостный концепт (империя, индустриальная держава, многовершинная раздробленность, безусловным примером которой может служить средневековая Европа, равноправный союз территорий в США, Объединенная Европа и т.д.) [18]. В случае с территорией связывание ее и придание движению векторности в известном смысле и есть управление. Диктатура строит дороги, потому что без них нет власти: для проведения сигнала, информации, распоряжения, для целенаправленного развития нужны каналы, которые и представляют собой дороги. Слабоуправляемая территория, как правило, бедна коммуникациями, которые способны проводить властные импульсы, дорожная сеть там обрывочная, низкого качества и не покрывает всей территории государства [19].

Здесь уместен вопрос о причине и следствии, о том, что первично – дороги или технологии государственной власти. Одно определено: упорядоченная система дорог однозначно свидетельствует о том, что сильная власть на этой территории либо была, либо существует в настоящий момент.

Описание территории через систему материализованных связей, установленную внутри нее, позволяет увидеть ее интерпретационную модель со стороны структур, генерирующих политическую волю (распространяющуюся и на векторы экономического развития) и прочесть ее как актуальный или исторический смысл. Эти связи запечатлены в картах территорий разных периодов, по которым этот смысл и может быть реконструирован. Очевидно, что современные карты суммируют управленческие смыслы разных эпох, демонстрируют своего рода итог цивилизационного развития, анализировать которые поэтапно возможно лишь через последовательное прочтение карт различных исторических периодов.

Но можно ли обобщить, универсализировать сами типы внутритерриториальных связей?

Синтаксис территории: определения и примеры. Рассмотрение территориальных связей в терминах лингвистического синтаксиса открывает неожиданные перспективы и, в случае доказанности, позволит говорить об универсальности всех типов устанавли-

ваемых человеком связей. Очевидно, что синтаксические типы связей также универсальны и присущи всем типам языков, так как они отражают глобальные способы мышления и действия, а не отдельные локальные языковые коды.

Само понятие синтаксиса произведено от аналогично звучащего греческого слова, обозначавшего построение, порядок, составление. Это раздел языкознания, изучающий строй связной речи [20].

Функциональный синтаксис – синтаксис, использующий в качестве метода исследования подход от «функции к средству», то есть выясняющий, какими грамматическими средствами выражаются отношения пространственные, временные, причинные, целевые и др. Все это буквально применимо к территориальным связям. Не греша против истины, мы можем сказать, что синтаксис территории – это модели внутритерриториальной связи, использующие в качестве метода моделирования подход от «функции к средству», то есть выясняющий, какими материализованными средствами выражаются отношения пространственные, временные, причинные, целевые и др.

Аналогии здесь очевидны на самых различных уровнях построения дорожных коммуникаций. Вот как выглядит соответствие реальных дорожных схем глобальным синтаксическим моделям, приведенным даже в школьных учебниках:

Сочинение – отношение синтаксического (грамматического) равноправия между словами в простом предложении, а также между предикативными частями сложного предложения. По значению сочинительная связь подразделяется на следующие виды:

- соединительная связь (союз «и» и др.) – двустороннее движение;
- противительная связь («а», «но») – одностороннее движение;
- градационная связь («не только – но и») – дорога, в которой есть спецполоса для другого вида транспорта;
- разделительная связь («или») – дорога с попеременным пропускным режимом.

Подчинение – неравноправная связь, односторонняя зависимость одного компонента связи (слова либо предложения) от другого. Аналогична связь между главной и второстепенной дорогами.

Примыкание – подчинительная связь, при которой грамматически зависимым является слово, не имеющее формоизменения, а также деепричастие, инфинитив и форма сравнительной степени. Этой связи соответствуют круг-развязка, Т-образный перекресток.

Приведенные примеры относятся к цивилизационному микроуровню, впрочем, представляющему весьма универсальным, который может быть интересен для философов и социологов, изучающих особенности выработки территориально-пространственных прикладных решений. Все сказанное вполне применимо и на макроуровне, в отношении не конкретных дорожных развязок, а моделей межцивилизационных взаимодействий.

Факторы глобальных пространственных коммуникаций и типы дорог. История государств и межгосударственных отношений позволяет выявить мотивы, определявшие и определяющие способы пространственных коммуникаций и типы связи. Все они сосредоточены в трех известных направлениях:

1. Вектор силы (завоевания), очевидно ассоциирующийся с установлением подчинительной связи и соответствующего набора территориальных коммуникаций (например, Via Domitia и другие римские стратегические дороги, Via Militaris и другие «военные дороги», первоначально строившиеся в военных целях, а затем сыгравшие большую роль в развитии римской империи).

2. Вектор знания (открытие территорий), на первом этапе представляющий собой очевидную модель примыкания.

3. Вектор обмена (поиск сотрудничества), однозначно представляющий логический тип связи, связанный с сочинительной синтаксической моделью.

Приведем некоторые примеры, которые могли бы проиллюстрировать нашу мысль. Для этого необходимо провести аналогии между различными ключевыми для мировой цивилизации дорогами (информация о дорогах взята из книги Элизабет Дюмон-Ле Корнек «Мифические дороги» [21]) и обозначенным набором мотивационных факторов.

Стратегические (военные и административные) дороги: королевский путь Дариуса в Персии, Аппиева дорога (торговля и война), Виа Домиция в Галлии, Дорога Токайдо (в Японии, вдоль восточного берега острова Хонсю, между Эдо (современный Токио) и Киото), Кхapak Нан (государство инков), Трансатлантический путь, Путь рабов (Европа, Африка, Америка), Трансиб (от Санкт-Петербурга и Москвы до Владивостока), Трансамазонская магистраль. Тип связи здесь – подчинительный.

Торговые пути: Нил, Дорога олова (из британского Корнуэлла или бретонского Арморика в Грецию и Персию), Дорога рабов (из Африки в Европу и Америку), Путь фимиама (из Йемена, Омана и Сомали в Габу и Александрию), Великий шелковый путь (из Китая в Сирию), Дорога специй (из Китая и островов Юго-Восточной Азии в Венецию), Древний путь чайной лошади (из китайских провинций Сычуань и Юньнань в Тибет), соляной путь (в Центральной Африке), кофейный путь (из стран Карибского бассейна в Габу) и др. Тип связи – сочинительный.

Коммуникация и туризм (деловые поездки, развлечения, путешествия по историческим местам): Национальная дорога №7 (Франция), Восточный экспресс, Стюарт-хайвэй (Австралия), Дорога Route 66 (США), дорога Ганди (паломничество) и пр. Ранее: морские и сухопутные пути, проложенные по звездам в целях открытия новых земель, среди них трансатлантический морской путь из Испании в Сан-Сальвадор, кругосветный путь Магеллана и другие. Тип связи – примыкание.

Очевидно, что по каждому из этих путей помимо товаров и вооруженной силы перемещались также и цивилизационные смыслы. Так, по Пути фимиама передавались религиозные и метафизические практики. По Пути олова галлы, финикийцы и этруски передавали знания и навыки обработки металла, знания в области военного дела и прикладных искусств. Первое пересечение Африки на автомобиле – «Черный рейд» по маршруту Алжир-Мадагаскар, совершенный 28 октября 1924 – 26 июня 1925 года – пропагандировало на весь мир идеи технического прогресса, гуманизма и демонстрировало новые подходы к рекламным коммуникациям (в каком-то смысле оно стало первой ласточкой процессов глобализации).

Главный смысл, который транслировался в завоеванную римлянами Европу посредством римских дорог, смысл, различимый в европейской цивилизации до сих пор (помимо романских и близких к ним языков), заключался в рационализации управления территорией, создании государственной машины, опирающейся на законы и гуманистические идеалы. По этим же дорогам пришла и сама идея империи, будоражившая умы многие европейских правителей – от Карла Великого до Наполеона и Муссолини. Сомнения нет, книги, рукописные и печатные, также явились мощным каналом, по которому шли и приходят смыслы, но без дорог никакие другие каналы просто не смогли бы заработать.

Город как тип территориальной связности. Типы городов. Осмыслению социокультурной природы городов, проблемам старой и новой урбанистики сегодня посвящено множество работ, так или иначе соотносящихся с известной книгой Макса Вебера «Город» [22].

Какие же коммуникационные инварианты представляют собой основные типы городских планировок, если описывать их с точки зрения моделей связности?

Изучение карт городов приводит нас к выводу, что существует как минимум четыре основные модели внутригородской связности: «солнце» – когда из окружности в центре горо-

да выходят во все стороны радиально расходящиеся дороги; «решетка» – когда город разбит на квадраты правильной формы, нередко со стандартными параметрами [23]; «круг» – когда город окружен стеной и к нему ведут одна-две дороги; «пирамида», или «звезда» – когда внутри города есть несколько влиятельных центров, соединенных с сердцевиной города одинаково значимыми дорогами. Так, типичным «солнцем» являются торговые города типа Москвы, Парижа, Лондона, Мюнхена, а также множество других европейских городов, облик которых сформировался в Средние века и которые находятся на перекрестке торговых путей. Главный признак внутритерриториальной связности – хаотичность, иррациональность, происходившая от стихийно складывавшейся торговой конъюнктуры.

Очевидно, что история городов длится дольше одной эпохи, вектор торговли легко меняется на вектор силы, а он, в свою очередь – на вектор познания и интереса, отчего развитие городских кварталов может воспроизводить любую из перечисленных моделей, наслаивая их друг на друга и пространственно развивая одну территориальную модель за другой. Но первоначальное решение, как правило, все же можно обнаружить: города в разные эпохи преимущественно возводились по некоторому плану, который и воплощал идеи функционального синтаксиса, определяя характер связи. В нашем случае с «солнцем» – сочинительной, где каждый лучик – предикативная валентность. Примерами «решетки» могут служить все рационально управляемые территории, осуществлявшие экспансию или бывшие под оккупацией и построенные при ней. Это Древний Рим, Александрия, Санкт-Петербург, большинство столиц, построенных во времена СССР, Нью-Йорк, многие из колоний, например, многократно переходившая из рук в руки (финикийцы, греки, римляне) столица Мальты Валетта. Этот тип внутригородской связи, безусловно, подчинительный. Территорией, разбитой на квадраты, внутренне согласованной, взаимообусловленной, легко управлять, ее рациональное устройство и есть результат подчинения единой воле и логике развития, а примененная в градостроении решетка и есть вершина идеи контроля.

«Круг» с выходящими немногочисленными дорогами, воплощающий идею обособления, отгороженности от внешнего мира, представляют собой такие города (территории) как, например, Ватикан или древний Шанхай, развитие которых было связано с возможностью существования в них сокрытых, сокровенных практик: в Ватикане – религиозных, в Шанхае – мирских, связанных с плотскими прихотями приходивших в этот порт моряков. Город типа «круг» все вбирает в себя, ничего не экспортируя наружу. Суть связности, которая в нем воплощена – примыкание, обеспечивающее герметичность структуры.

Примером многовершинной «звезды», или одновершинной «пирамиды», опирающейся на принципиально важные грани, безусловно, является Токио. Официально Токио является не городом, а одной из префектур, точнее, столичным округом. Округ Токио состоит из 62-х административных единиц, и, когда говорят: «город Токио», обычно имеют в виду входящие в столичный округ 23 специальных района, которые с 1889 по 1943 год составляли административную единицу – город Токио, а ныне сами приравнены по статусу к городам; у каждого есть свой мэр и городской совет [24]. Тип внутритерриториальной связи «звездой» представляет собой иероглифический конструкт, инкорпорирующий в себя готовые смыслы и единицы подобно матрешке. Эта структура представлена также, к примеру, средневековой Италией, соединяющей города-государства в единую территорию, но не государство. Если за сочинением стоит соположение, а за подчинением – субъектно-объектное управление, то за принципом матрешки стоит скорее примыкание, соединяющее видоизменяемые формы.

Представленная система понятий, аналогий и примеров обозначает лишь подход к возможным интерпретациям территориальных связей. Очевидно, что следующим шагом

работы должна стать классификация большого массива городских карт и существенного количества различных межтерриториальных соединений, представленных историческими и новыми дорогами.

Интерпретация территории в терминах синтаксиса, возможно, поможет установить существенные цивилизационные параметры, о которых до сих пор не было речи, например, принципиальную идентичность всех связей, устанавливаемых людьми во всех областях своей деятельности. Очевидно, такой подход к территории позволит перепрочитать старые карты, а также научит по одному лишь взгляду с высоты птичьего полета определять тип управления территорией и специфику ее политической истории. Схожесть микросхемы, электронного чипа и территориального устройства, типов их внутренней связности представляет новый когнитивный вызов для современной философии территории.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 604-609.
2. Anscombe, E. The question of Linguistic Idealism. – Oxford, Blackwell, 1981. – P. 112-113.
3. Rousseau, J-J. Oeuvres completes. – Paris, Gallimard, Bibliotheque de la Pleiade, t 3, Ecrits politiques, 1964. – P. 283, p. 1446.
4. Durkheim, E. Montesquieu et Rousseau precursieurs de la sociologie. – Paris, Librerie Marceq Riviere, 1966. – P.166.
5. Villey, M. La formation de la pensee juridique modern. – Paris: PUF, 2003. – P.113.
6. Ерасов Е.Б. Социальная культурология. – М.: Учебник, 2000. – С. 43-76.
7. Тютюник Ю.Г. Философия географии. – Киев: Украина, 2011. – 204 с.
8. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Сборник переводов. Под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1982.
9. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2009. – 944 с.
10. Макклюэн М. Понимание медиа. – М.: Гиперборей, 2007. – С. 114.
11. Там же. С. 117.
12. Гаранин М.В., Журавлев В.И., Кунегин С.В. Системы и сети передачи информации – М.: Радио и связь, 2001. – 336 с.
13. Маррел Дж., Кеттл С., Теддер Дж. Химическая связь. – М.: Мир, 1980. – 384 с.
14. Берёзкин Е.Н. Курс теоретической механики. – М.: Изд-во МГУ, 1974. – 645 с.
15. Харкевич А.А. Очерки общей теории связи. – М.: Гос. изд-во тех.-теор. лит., 1955. – С. 27.
16. Фреге Г. Мысль. Логическое исследование // Философия. Логика. Язык. – М., 1985. – С. 19.
17. Переслегин С. Связность социальных систем как мера развития инновационных процессов // Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/521>, свободный. – Загл. с экрана.
18. Макклюэн М.С. 104.
19. Анатолий Чабурин: Без дорог нет развития страны // Торгово-промышленные Ведомости [Электронный ресурс] / Издание Торгово-промышленной палаты РФ. – Москва, 30 января 2012 г. – Режим доступа: http://www.tpp-inform.ru/analytic_journal/1976.html, свободный – Загл. с экрана.
20. Лингвистический энциклопедический словарь. С. 448-450.
21. Dumont-Le Cornec, E. Les routes mythiques. – Geneve, 2009. – 120 p.
22. Вебер М. Город. – Петроград: Наука, 1923. – 138 с.
23. Саваренская Т.Ф. Западноевропейское градостроительство XVII-XIX веков. Эстетические и теоретические предпосылки. – М.: Стройиздат, 1987. – 192 с.
24. Токио // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Токио>, свободный. – Загл. с экрана.

Исторический город и идентичность

/The historic city and identity/

А.С. Абрамова,
Самарский
государственный
университет
Самара, РФ

С.Е. Чичёва, кандидат
исторических наук
Самарский государственный
университет
Самара, РФ

Рассматривается проблема формирования и актуализации городской идентичности и анализируется роль исторического города в этом процессе.

Ключевые слова: *идентичность, городская идентичность, исторический город.*

*A.S. Abramova, S.E. Chichova, Candidate of Historical Sciences
Samara State University
Samara, RF*

This article investigates issues of actualization and forming of urban community identity and analyzes a role of the historical city in this process.

Keywords: *identity, urban identity, historic city.*

В реалиях современного постиндустриального мира, характерными чертами которого являются информатизация, коммерциализация, унификация и другие глобальные процессы, особое значение приобретает проблема трансляции культурно-исторической памяти, которая в свою очередь неразрывно связана с проблемой сохранения культурного пространства исторического города.

Если мы сфокусируем внимание на положении исторических и не только городов современной России, то обнаружим, что здесь отсутствует сформулированная и общепризнанная концепция наследия, то есть ясное понимание того, какую роль играют объекты наследия в современном городе и зачем именно их нужно сохранять. Сложившаяся непростая ситуация с охраной памятников на наш взгляд, во многом вызвана тем, что российское общество в значительной мере утратило представление о своей культурной и исторической идентичности. В массе своей оно не видит за отдельными объектами культурного и исторического наследия самого наследия, не способно воспринимать те культурные и исторические коды, которые несут в себе сохранившиеся памятники, и городская среда в целом. Самара в этом отношении не является исключением, скорее даже, все выше описанные симптомы проявляются здесь с еще большей остротой и напряженностью. С одной стороны, мы имеем свой, неповторимый уголок истории города, а с другой, варварское отношение к нему как со стороны собственников и горожан, так и со стороны государства. С нашей точки зрения, виновных в сложившейся ситуации искать не продуктивно. Лучше постараться понять «Что делать?»

России в XX столетии много раз приходилось отказываться от своих прежних ценностей и идей, от своих взглядов на мироздание и часто – от своей собственной иден-

тичности. И если после октябрьской революции, взамен старой была предложена новая, то в 90-е гг. общество лишилось всякой идентичности.

По мнению многих очевидцев, Самара до начала XXI века, была совершенно иным городом, нежели сейчас. На сегодняшний день город медленно, но верно утрачивает свое неповторимое обаяние и привлекательность. Между тем, еще в 90-е годы самарцы чувствовали свою причастность к судьбе города, и это ощущение усиливалось в исторической его части, когда памятники наследия еще не были столь подвержены разрушающей силе человеческого безразличия и безответственности.

Тем ни менее, старая Самара еще обладает своей душой, дыханием времени, от которого человек переносится в совершенно иное пространство и время, когда на улицах города встречались предприимчивые купцы, делавшие огромные состояния от продажи хлеба, кирпича или электрического оборудования. Эти люди были готовы отдать существенную часть своего состояния для процветания своего города, для того, чтобы накормить голодающих в неурожайные годы. Потому что они понимали, что только тогда можно достичь успеха, когда деловые и межличностные отношения строятся на принципах трудолюбия, чести и справедливости. И этим принципам они старались следовать как по отношению к себе, так и по отношению к окружающим их людям. И в итоге городок, по которому еще в середине XIX века свободно гулял домашний скот, превратился в прекрасный «Чикаго на Волге», в город, которым поистине можно было гордиться.

В дальнейшей своей судьбе город претерпел ряд изменений. Из небольшой купеческой красавицы Самара превратилась в мощный индустриальный центр. Рядом с мягкими и грациозными линиями стиля модерн появились строгие и лаконичные очертания конструктивизма и отдающее холодом величие сталинского ампира. Да, Самара стала другой, но не менее от этого прекрасной, ибо она находилась под властью демиурга, а не хаоса. Если в Губернский период воплощением демиурга был предприимчивый человек, человек-купец, преобразующий окружающее его пространство, то в советский период его воплощением стало коллективное целое. А на рубеже XX-XXI вв. место демиурга постепенно занимали польза и выгода, выражающиеся в абсолютном безразличии ко всяким человеческим ценностям и городу, который является истинным их воплощением.

Закономерно возникает вопрос: может ли исторический город, в отсутствии какой-либо национальной и прочей идеи стать тем смыслообразующим полем, которое способно восстановить нашу идентичность, способствовать осознанию нашей ответственности и причастности за вверенное нам предками богатство, которое мы столь безрассудно и беспощадно разрушаем? Скорее да, чем нет. И для того чтобы понять, каким образом взаимосвязаны и взаимозависимы история и современность в пространстве города, как город аккумулирует культурные коды, можно обратиться к замечательному опыту исторических городов, которые сумели через века и тысячелетия сохранить свой уникальный исторический облик и идентичность. Их, к счастью, достаточно много в Европе.

Постучимся в городские ворота Кведлинбурга – одного из самых древних немецких городов. История города началась в X веке, когда саксонский король Генрих I построил в 922 году на горе Шлоссберг королевский пфальц. Одновременно с возведением замка под горой началось строительство города. После смерти короля в 936 году его вдова Матильда основала на территории замка женский монастырь, который по сей день является символом города.

Интересна легенда о происхождении названия Кведлинбург, которая упоминается в древнерусском сказании о Петре и Февронии Муромских. Рязанская крестьянка Феврония, сидя за ткацким станком, слушает волшебного зайца, рассказывающего старинное немецкое предание о том, как дьявол домогается прекрасной Матильды, дочери императора Генриха.

Однако, продажа ее души состоится лишь в том случае, если девушка хоть на миг уснет в течение трех ночей. “Чтоб воздержаться от сна, Матильда сутки напролет ткала драгоценную ткань, а перед нею прыгала собачка, по имени Кведл, которая лаяла и махала хвостом...” [1].

Это красивая легенда, однако Кведл и ее хозяйка Матильда являются реальными историческими персонажами. Кведл громким лаем предупредила жителей города о приближении врага. В память об этом ее изображение увековечено на гербе города. Название же город получил в честь своего основателя Квитило.

Около городской ратуши, на рыночной площади, стоит один из самых маленьких в Германии Роландов высотой 2,7 м. Статуя Роланда всегда являлась символом свободного города.

В XV веке Кведлинбург восстал против власти аббата монастыря на горе Шлоссберг, а в последствии вступил в Ганзейский союз. В тот период на городской площади появилась скульптура Роланда. Город не долго был свободным, в 1477 году монастырь восстановил свое владычество, а Роланда по велению аббата убрали. Почти четыреста лет скульптура пролежала во дворе Ратуши, только в 1869 году ее отреставрировали и установили на площади.

Сегодня Кведлинбург – это город-музей. Ни в одном городе мира фахверковое строительство, не представлено в таком объеме, как в Кведлинбурге. Свыше 1600 домов объявлены памятниками архитектуры. Весь исторический центр города находится под охраной ЮНЕСКО.

На пересечении Дороги Крепостей и Романтической Дороги, над долиной реки Таубер, расположен еще один интересный, и красивый город Германии – Ротенбург-на-Туабере. Расположенный на вершине высокой горы, у подножья которой течет река Таубер, Ротенбург некогда был богатым процветающим вольным имперским городом. История Ротенбурга началась в 970 году, когда дворянин из Восточной Франконии Рейнгер основал в деревне Детван, лежащей на берегу Таубера, церковный приход. В 1172 году Ротенбург получил статус города, и вокруг него начали возводить первые фортификационные сооружения, от которых до наших дней сохранились две башни: Белая башня и башня Св. Марка. Период с середины XIII века до начала XVII века – эпоха наивысшего расцвета Ротенбурга, и именно в это время сформировался дошедший до нас архитектурный ансамбль города.

В дальнейшем, Тридцатилетняя война и эпидемии привели к тому, что обнищавший город с сильно сократившимся населением превратился в провинцию, а нехватка финансов на несколько веков остановила строительство. Однако в XIX веке Ротенбург, полностью сохранивший средневековый облик, привлек внимание историков и был объявлен национальным достоянием.

В настоящее время Ротенбург представляет собой редкий и удивительный ансамбль, в котором нет ни одной инородной встройки (Власти Ротенбурга издали указ, запрещающий перестраивать старинные здания). Здесь можно посетить несколько уникальных музеев: Музей игрушек, Музей Рождества, Музей средневекового уголовного права и другие, но главной достопримечательностью являются проходящие несколько раз в год карнавалы, посвященные различным событиям из истории города. Так, в сентябре празднуется Городской карнавал, на котором проводятся костюмированные представления и фейерверк. Жители Ротенбурга, переодеваясь в костюмы своих предков, устраивают средневековые судебные разбирательства, ярмарки и другие сценки из жизни горожан. Традиционная и наиболее значимая сценка называется «Мастерский глоток».

Еще два карнавалы горожане устраивают летом (на Троицу) и в ноябре. Несколько раз в год в городе проводятся фестивали старинного пасторального танца, в память об овцеводах и их ремесле, процветавшем в Ротенбурге в средние века. Горожане облачаются в старинные одежды и превращаются в лавочников, солдат, купцов и ремесленников, по городу скачут всадники и маршируют отряды мушкетеров.

Приведенные примеры красноречиво демонстрируют взаимосвязь и взаимозависимость прошлого и настоящего в пространстве рассматриваемых городов. В Кведлинбурге на первый план выступает неповторимая средневековая атмосфера, городские легенды, необыкновенный синтез истории и современности. Город репрезентирует себя как музей под открытым небом. Отличительной особенностью Ротенбурга является сезонное проведение карнавала, который позволяет прочувствовать горожанам их принадлежность и причастность к прошлому и современности города. Исторический город является важнейшим фактором и контекстом формирования культурной идентичности городского сообщества.

Самара в этом отношении не является исключением. Об этом в частности свидетельствует то, что свое имя любая улица Самары получала не случайно, и отражала в себе специфику обозначаемого локуса. В качестве примера рассмотрим улицу Саратовскую, для чего обратимся к книге Ирины и Андрея Демидовых «Теплые руки самарских улиц» [2], в которой авторы во многом смогли «прочувствовать» и «уразуметь» душу старой Самары.

Авторы рассказывают, что в городе целый ряд улиц получали названия соседних с Самарой городов. В этом оживала идея Единой и Неделимой России. Каждый горожанин понимал, что он не одинок, не замкнут в своем местечке, рядом другие города, где бьет ключом российская жизнь, процветание которой зависит от благополучия всех. Таким образом, через названия улиц воспитывалось уважение к огромной Державе, жить в которой выгодно, удобно, безопасно. Крестьяне могли ехать за лучшей долей, рабочие искали новые трудовые места, купцы беспощинно везли свои товары, и все жили под одним российским Законом. Вот почему по указанию городской Думы в Самаре появилась улица Саратовская, соседка главной улицы Дворянской. Авторы отмечают, что Саратов ассоциировался с какой-то разухабистой народной культурой, со своим юмором и колоритом. Все это вместе с названием оказалось перенесенным на самарскую улицу. И действительно, больше не найдется такой улицы, где бы так парадоксально слились прошлое и настоящее, великое и смешное. Как следствие, на этой улице родилось немало анекдотов. Например, самарский фольклор сохранил следующий. Знаменитый актер Константин Александрович Варламов, сын не менее знаменитого композитора, любил совершать поездки по волжским городам и неоднократно бывал в Самаре. Однажды, заканчивая гастроль в Казани, он вышел проститься с публикой, прослезился и сказал, что ему особенно дорога Казань, ибо он родился и воспитывался в этом городе. Недели через две Варламов выступал в Самаре и после спектакля со слезами умиления проникновенно говорил: «Мне так дорого ваше внимание! Ведь я родился в Самаре!».

Самара, безусловно, обладает своей неповторимой историей и атмосферой, которая выражается как в городской топонимике, так и в памятниках культурно-исторического наследия, которые являются наилучшими свидетелями и рассказчиками того, что было свершено в прошлом. Вопрос лишь в том, как сделать достижения прошлого достоянием настоящего, поскольку это достояние и является основой нашей городской идентичности. В контексте данных размышлений актуально высказывание российского специалиста в области средневековой городской культуры И.М. Гревса о городе. Город – это «одно из сильнейших и полнейших воплощений культуры... но надо уметь подойти к сложному предмету познания, в частности, понять город, не только описать его, как красивую плоть, но и почуять, как глубокую, живую душу, уразуметь город, как мы узнаем из наблюдения и сопереживания душу великого и дорого нам человека» [3].

Литература

1. Сказания о чудесах: Т. 1. Русская фантастика XI-XVI вв. / Сост., послесл. и коммент. II раздела Ю.М. Медведева. – М.: Сов. Россия, 1990. – 528 с.
2. Демидова И., Демидов А. Теплые руки самарских улиц. – Самара: Новая техника, 2000.
3. Гревс И.М. Предисловие // Анциферов Н.П. Душа Петербурга. – Пг., 1922.

Маркеры городского пространства, их смысл и функции

/Die Marköre des Städtischen Raumes,
ihr Sinn und die Funktion/

С.А. Голубков, доктор филологических наук, профессор
Самарский государственный университет
Самара, РФ

В статье идет речь о городе как знаковой системе. Помимо таких значимых доминант городского пространства, как храм, театр, университет, парк, музей, городская среда имеет еще и специфические маркеры, позволяющие дифференцировать города по их внешнему облику, по их административному, экономическому, историко-культурному, сакральному статусу. Такими маркерами выступают: соотношение вертикали и горизонтали в общем силуэте города; геометрические элементы городской планировки; приметы опасности, таящиеся в городском пространстве; своеобразное "минус-пространство", свидетельствующее об утратах в исторической жизни города.

Ключевые слова: город, знаковая система, университет, парк, музей.

S.A. Golubkov, Dr. Philologie, Professor
Samara State University
Samara, Russland

Im Artikel geht es um die Stadt als Vorzeichensystem. Außer solcher bedeutenden Doninanten des städtischen Raumes wie Tempel, Theater, Universität, Park, Museum hat die städtische Umgebung auch ihre spezifischen Marköre, die Städte nach ihrer äusserlichen Gestalt differenzieren lassen, nach ihrem administrativen, ökonomischen, historisch-kulturellen, heiligen Status. Als solche Marköre fungieren das Verhältnis der Vertikale und der Horizontale in einer allgemeinen Silhouette der Stadt, die geometrischen Elemente der städtischen Anlagen, die Merkmale der Gefahren, die in städtischen Raum geheimgehalten werden, der gesonderte "Minus - Raum", der vor Verlusten im historischen Leben der Städte zeugt.

Schlüsselwörter: Stadt, Vorzeichensystem, Universität, Park, Museum.

Город – семантический комплекс, отражающий всю совокупность культурных и цивилизационных смыслов эпохи. В городском континууме спрессованы столетия, эпохи, судьбы. В одном и том же городе сосуществуют целые миры, порой совершенно ничего не знающие друг о друге (мир дворцовых интриг, мир науки, мир богемы, мир торговли, криминальный мир...). Выступая самодостаточным целым, город имеет свой набор ценностей подлинных и мнимых, свою шкалу их измерения. Будучи единой знаковой системой, город имеет несколько смысловых доминант: Храм, Парк, Музей, Театр, Университет. Перечисляем их не по степени той или иной значимости, а по степени

их общего распространения. Не в каждом городе (особенно в малых городских поселениях) есть театр, а тем более высшее учебное заведение, но в каждом непременно будет церковь, какой-нибудь старинный городской сад, местный музей. Соотношение этих доминант, их длящийся веками продуктивный диалог между собой придает каждому городу «лица необщего выражение». Но, кроме этого, есть еще специфические маркеры городского пространства, позволяющие дифференцировать города по их административному, экономическому, историко-культурному, сакральному статусу: столица; портовой город; моногород при заводе или руднике; город с былой многовековой славой, ставший ныне музеем, туристической Меккой (например, Суздаль); город, приобретший сакральный смысл и превратившийся в место паломничества богомольцев (например, Сергиев Посад с его Троице-Сергиевой лаврой). К таким маркерам можно отнести соотношение вертикальных и горизонтальных линий в общем силуэте города; геометрические элементы городской планировки (например, московские «кольца», стягивающие, собирающие вокруг себя пригороды, соседние губернии; петербургские прямолинейные проспекты, выводящие вовне – к балтийским водам, к европейским горизонтам и т.д.); значимая оппозиция тесноты и простора; приметы опасности, таящиеся в городских пространствах; наконец, своеобразное «минус-пространство», намекающее на утраты целых сегментов городской среды (сношенные здания, исчезнувшие улицы, переулки, площади).

Рассмотрим перечисленные маркеры подробнее и попытаемся определить их смысл и функции.

Человек живет среди разных взаимодействующих между собой знаковых систем. Это и знаки дорожного движения, и вывески, и рекламные слоганы. Лозунги советской эпохи тоже были вариантом социальной рекламы – они легкомудро обещали стопроцентно счастливое будущее и акцентировали позитивные моменты в настоящем. Эти знаковые системы подвижны, переменчивы – что-то уходит, что-то появляется впервые. Из самарской жизни ушли призывные заводские гудки, заменявшие жителям города будильники. Ушли синие флажки на трамваях, указывавшие на сильный мороз и отмену занятий в школах. Ушли цветные огоньки над трамвайным лобовым стеклом, комбинация которых позволяла издали определить номер маршрута. Новые реалии – бегущие строчки электронной рекламы, огромные экраны с цифровым изображением у дороги, компьютеры в магазинах и офисах – это уже стало привычным для сознания современного человека. Возникает парадокс: провинция утрачивает свой прежний герметизм, а весь мир «становится одной огромной деревней», по словам американского футуролога Олвина Тоффлера.

Город можно сравнить и с книгой, и с кинолентой. Если сопоставить город с книгой, улицы-страницы которой необходимо неспешно прочитать и перечитать, то можно сказать, что в системе каждого города имплицитно заложена стратегия такого вдумчивого чтения и перечитывания. Своей архитектурой и планировкой город как бы «программирует» восприятие наблюдателя. Своей системой набережных, парковых аллей, центральных улиц город определяет маршруты соблазнительных блужданий, он предлагает сценарий собственного восприятия, свою покадровую разбивку виртуального фильма, который каждый горожанин может проиграть в своем сознании. Проем узкой улочки или переулка, аркады, ворота, выступы балконов, эркеры «задают» рамку такого «кадра», отсекая «все лишнее». Наблюдатель принужден видеть исключительно то, что «предписывает» ему архитектор в данном месте городского пространства. Большой город как неделимое целое вдруг распадается на серию автономных панорам и внезапных «стоп-кадров» (в блуждании по улицам и переулкам города в поисках таких неожиданных ракурсов есть своя прелесть!). Причем специфика го-

родских построек и архитектурных решений предоставляет прохожему довольно часто в обычной уличной толчее созерцать самого себя. Мимолетные отражения в стеклах огромных витрин, в зеркальных окнах первых этажей, в сверкающих поверхностях автомобилей как бы дают развитие актуальной для каждого горожанина темы «Его (горожанина) Я в городском контексте». В картинах города, таким образом, неизбежно присутствует лицо созерцателя. Идущий по улице всматривается и в город, и в себя.

Городской пространство постоянно напоминает о себе разнообразными звуками. «Набор» таких звуков – по сути, тоже вполне конкретный маркер пространства. Пароходные гудки, удар причального колокола, крики речных чаек, скрип дебаркадера, пронзительный лай взбалмошной собачонки на берегу, тарыхтенье припозднившейся моторной лодки на уснувшей реке – все это неизбежно напоминало проезжему человеку, оказавшемуся в ночной Самаре, о близости Волги, о специфическом мире «русского Нила». Или другое – звуки вокзала, рыночной площади, заполненного машинами шоссе. Тревожные сирены пожарных и милицейских машин, «Скорой помощи». Шелест троллейбуса, чуть-чуть оседающего набок. Говор толпы. Переливы-перезвоны бесчисленных могильников. Звончок маленького велосипедиста. Гитарные переборы во дворах. Стук костяшек в стареньких двориках и редкие возгласы забивающих «козла». Из всех этих разнородных элементов складывается звуковой образ города. Этот образ не абстрактен, он исторически узнаваем, он отражает ту или иную эпоху.

Маркером городского пространства могут стать приметы физической тесноты или, напротив, широкого простора (в этом отношении улочкам, переулкам и тупичкам старой Москвы противостоял захватывающий дух простор петербургских проспектов и набережных). Но восприятие этой оппозиции теснота/простор во многом зависит и от избранной точки зрения. В 1920-е годы образ города в русской литературе оказывается прочно связанным с мотивом тесноты. Причем, это касается и российских столиц, и уездных городков, и даже далекого эмигрантского Парижа. В сочинениях М.Зощенко, М.Булгакова, А.Платонова теснота становится угрожающе тотальной, ибо это не только чисто физическое измерение («А кухонька, знаете, узкая. Драться неспособно. Тесно. Кругом кастрюли и примуса»), но и измерение духовной и душевной жизни изображаемых «мелких» людей. Например, важное значение приобретает минимизированное пространство в образной системе «Трагикомических рассказов» С. Заяицкого.

В литературе русского Зарубежья так же часто присутствует наполненная горькой иронией пространственная литота. Парижские кварталы, преимущественно заселенные российскими эмигрантами, писатели называют «Парижском», как бы отделяя пространство своей жизни в изгнании от большого Парижа и остальной Европы. Жизнь редуцировалась, сократилась до унылого существования в небольшом городке, где все друг друга знают. Что-то уездное слышится в самом слове «Парижск». В категориях провинциального захолустья описывает, к примеру, Тэффи «русский Париж» в своей книге «Городок»: «Городок был русский, и протекала через него речка, которая называлась Сеной. Поэтому жители городка так и говорили:

– Живем худо, как собаки на Сене».

Город нередко воспринимается человеком как испытание. И потому в городском пространстве можно обнаружить приметы опасности. В книге статей Андрея Белого «Арабески» есть отдел «Литературный дневник», в который вошли публицистические и полемические заметки, призванные в совокупности своей дать панораму историко-культурной эпохи. Среди них есть две важные для нас зарисовки, выполненные в экспрессионистской манере, – «Город» и «Радужный город». Обе написаны в 1907 году.

В заметке «Город» беспредельно сгущены мрачные краски, от нее веет ужасом и безысходностью. Город ассоциируется у писателя с гигантским спрутом, который выпустил щупальца и высосал пространства земли» [1, с. 321]. Автомобили напоминают «красных драконов» [1, с. 322]. В автомобилях раскатывают блудницы, сверкая алмазами. Вот одну из них ведет «под руку безногая смерть, облеченная в пальто и цилиндр, цинично скалясь на равнодушных людей» [1, с. 322]. Ритм города не рождает у автора оптимизма, стремительное движение людей, лошадей, автомобилей, огней рекламы оборачивается в глазах автора непродуктивной суетой. Это лихорадочное «бегство от жизни» [1, с. 322]. Людям все время некогда, некогда для общения с близкими, для проявления самых элементарных человеческих чувств – «утром бегают на службу, а вечером бегают в кабаки» [1, с. 322]. Так бездарно проживается жизнь, и приближается неотвратимый финал. «И бегут, бегут – в призрачных городах призрачные люди – бегут, бегут в могилу» [1, с. 322]. Город у А. Белого – пространство, продуцирующее иллюзии. Одним из таких механизмов, производящих иллюзорную, мнимую реальность, стал кинематограф, или «синематограф», как пишет А. Белый. «Город, извративший землю, создал то, чего нет. Но он же поработил и человека: превратил горожанина в тень. Но тень не подозревала, что она призрачна» [1, с. 324]. Правда, заканчивается эта заметка утверждением, что человеческая мысль преодолеет химеры, «рассеет смертный сон» [1, с. 325].

И это утверждение становится центральным в заметке «Радужный город», где А. Белый поет настоящий гимн тем, кто преодолел «вязкую глину повседневной жизни», «тиски гранитной скуки» [1, с. 345]. Люди, «нашедшие свою душу», по мысли А. Белого, «любят город новой любовью, любовью победивших» [1, с. 346]. «И город превращается в сплошное обетование для победивших соблазн» [1, с. 348].

Таким образом, город, изображенный А. Белым, двулик. Одной стороной он открывается тем, кто лишен души, потерял себя, бездумно растратил. Другой стороной он предстает перед теми, кто стал человеком «с пролетом в душу» [1, с. 348]. «Город – химера, город – чудовище, пока не сумеешь его попить. Город – мост к будущему. Он – радуга, перекинутая от земли к небу, от того, что есть, к тому, что должно быть» [1, с. 348].

В.Н. Турбин размышлял над топографией художественного мира «Белой гвардии» М. Булгакова, выделяя в качестве сегментов художественного пространства следующие: «1. Квартира, комната. 2. Двор. 3. Улица, переулок. 4. Площадь. 5. Равнина. Комната, квартира – мир своих, посвященных. Отгороженный от всего остального, скажем, кремовыми шторами «Белой гвардии», этот мир хранит для человека необходимый душевный комфорт. Вход сюда охраняем; у входа – привратник. Роль привратника в мире Булгакова вообще чрезвычайно важна, и желающие без труда найдут у него целый сонм привратников...» [2, с. 429]. В.Н. Турбин предлагает своеобразную типологию городских пространств: дом – «поистине крепость»; «двор спасителен постольку, поскольку ведет он в комнату»; «улица полна неожиданностей» – «там стреляют, там рубят головы»; «площадь хуже еще: на площади – хаос, путаница» [2, с. 430-431]. «А равнина – и вовсе проклятое место: там замерзают в реденькой жидкой цепи офицеры; там и пусто, и страшно» [2, с. 431]. В.Н. Турбин заключает: «Мир Булгакова – апология комнаты, апология очага» [2, с. 431]. Литературовед пишет об особой семантической наполненности такого булгаковского городского пространства, как перекресток. Крест, крестная мука, перекреститься, перекресток – все это ставится в один очень значимый ряд. Герои как бы распяты скрещением городских улиц. Так умирает полковник Най-Турс.

Город, попавший в страшную и роковую круговорот трагических потрясений, предлагает лучшим обитателям свои голгофы, бесконечно повторяя и варьируя центральную ситуацию христианского вероучения.

В городе мы нередко встретим некие минус-пространства. Таким минус-пространством может стать и целый город. Речь идет об исчезнувшем городе. Причины разные. Он, этот исчезнувший город, напоминает о себе фантомной болью отрезанной ноги. Память как нервный импульс, как кровоточащая рана. На месте исчезнувшего города вырос другой. Другая планировка, другая архитектура. Другие люди живут своей беспокойной жизнью. Течет другое время.

Когда Генрих Шлиман раскапывал легендарную Трою, он обнаружил на одном и том же месте девять разных городов, выращавших в разные эпохи один на месте другого. Все эти города равно принадлежат общечеловеческой истории. Они находились в разном историческом времени, но теперь их уравнило пространство. Не только физическое пространство, ставшее обозримым благодаря усилиям неутомимых археологов. Но и пространство Памяти, в котором найдется свое место для всего и для всех. Это пространство суммирует накопленный человеческий опыт.

И. Анненский в стихотворении «Петербург» истолковывает город как своеобразное «минус-пространство»:

*Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.
Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета
<...>
Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки [3, с. 186].*

В рассказах Е. Замятина 1918-1920 гг. («Пещера», «Мамай») Петербург, напротив, предстает как пустое место, подвластное студеным омертвляющим вихрям какого-то нового ледникового периода. И это понятно: 1918 год – время разрухи, исчезновения прежних параметров городской жизни.

Город всегда создавался как отлаженная, упорядоченная система, не допускающая господства своенравных стихийных сил. И, тем не менее, тот или иной город порой оказывался жертвой неумолимой стихии. Наводнения, землетрясения, пожары, войны, мятежи порой разрушали города до основания. В таком случае урбанистически организованное пространство становилось полем почти вселенской битвы Космоса и Хаоса. Население воспринимало подобный поединок в апокалипсических тонах как свершившийся Армагеддон. Конец города мыслился как конец света вообще. Такое обостренное восприятие объясняется тем, что чрезвычайно наглядным, очевидным становился результат трагического разрушения. Распадались знаковые составляющие «городского текста». Возникала угроза не только физического, но и духовного исчезновения всей той грандиозной пирамиды смыслов, которой был город. Погибла и навеки осталась в легендарном прошлом древняя Помпея, погребенная под пеплом разбушевавшегося Везувия. Как

свидетельствует историк И.Е. Забелин, пожары неоднократно наносили огромный урон Москве. Знала она и «трус великий» – отголоски больших землетрясений. Можно вспомнить подвергшиеся атомной бомбардировке японские города Хиросиму и Нагасаки, ставший мертвым после Чернобыльской катастрофы украинский город Припять, разрушенный страшным землетрясением армянский Спитак. А история знает и оставленные города в Азии, Африке (эпидемии или какие-то другие бедствия заставляли людей спешно покидать обжитые места).

«После катастрофы» – это особое состояние города как комплекса знаковых и значимых величин. Город, переживший чудовищную катастрофу, будь то война или природный катаклизм, неизбежно вступает в процесс перестройки всей своей системы ценностей. Какие-то акценты утрачиваются, возникают пугающие своей обнаженной пустотой «минус-пространства». А какие-то другие реалии становятся знаковыми доминантами. Исчезнувшая часть города (скажем, исторический центр, подвергшийся полному уничтожению) остается дорогим воспоминанием, постепенно мифологизируется и связывается с мотивом «утраченного рая». Меняется статус. В сознание людей входит новая хронология, ключевым элементом которой становится разделительная черта в истории города – между «до» и «после» катастрофы. Пережитое потрясение основ городского бытия приобретает функцию точки отсчета нового времени, новой судьбы.

Русская литература знает описание разных вариантов образной модели города (город как миф, как идеологема, как проект, как греза, как испытание, как «утраченный рай», как «островок памяти», как наваждение, ад и т. д.) [4]. Проблема маркеров городского пространства, их смысла и функций – только часть большой темы «Городской текст» в русской культуре».

Литература

1. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2-х томах. Т.2. – М.: Искусство, 1994. – 571 с.
2. Турбин В.Н. Михаил Булгаков: катакомбы и перекрестки // Турбин В.Н. Незадолго до Водолея: Сб. ст. – М.: Радикс, 1994. – 508 с.
3. Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии / Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. А.В.Федорова. – Л.: Сов. писатель, 1990. – 640 с.
4. См. подробнее книгу автора данной статьи: Голубков С.А. Семантика и метафизика города: «городской текст» в русской литературе XX века: учебное пособие. – Самара: Самарский университет, 2010. – 167 с.

Социальная хромодинамика городского пространства

Ю.А. Грибер, кандидат философских наук, доцент
Смоленский государственный университет
Смоленск, РФ

Анализируются социальные аспекты временной динамики городской колористики. Выделяются действующие в цветовом поле города социальные акторы. Анализируются принципы участия цвета в формировании социальных иллюзий. Рассматриваются попытки цветового проектирования джентрификации в европейских городах.

Ключевые слова: социальная хромодинамика, городское пространство, цвет, городская колористика.

На протяжении всей истории городской жизни мы используем цвет для социальной маркировки городского пространства. В процессе урбанизации происходит не только интенсивный территориальный рост городов, но и уплотнение их существующей застройки. При этом в проектировании вновь возводимых зданий используются многообразные композиционные принципы и приемы, а главная богатая цветовая палитра. Новые здания соседствуют с историческими, создавая проблему соотношения исторической и новой застройки.

Быстрый рост городов медленно превращает их в «чудовищные» нагромождения построек, внутри которых проходит ежедневная городская жизнь.

Горожане не могут избавиться от существующей архитектуры. Однако они могут использовать этот накопившийся архитектурный материал как основу для выражения новых идей с помощью цвета.

В современном городе цвет доступен и очень информативен, а потому активно используется жителями для «самопрезентации» и «управления впечатлением», которое, по мнению И. Гоффмана [1], они хотят производить на окружающих. Люди выбирают цвет своих домов, заборов, растений, которые они выращивают на своих клумбах и балконах.

Однако наряду с индивидуальными, в цветовом поле города действуют коллективные акторы (социальные слои, профессиональные группы, этнические общности, возрастные группы и различные социальные институты), которые оказывают на его цветовые качества гораздо более существенное влияние.

Обладая огромными ресурсами, коллективные акторы с помощью цвета «редактируют город» [2]. Они могут наносить на городской ландшафт геометрические или сильно стилизованные фигурные узоры, которые Г. Мина предлагает называть «цветовыми созвездиями» и «суперфигурами» [3]. По принципам своего создания, наделяя

значением и восприятия использование цветочных символов в городском пространстве приблизилось к доисторическим геоглифам. Как и в случае с гигантскими Линиями Наски или Уффингтонской белой лошадью, цветочные образы здесь невозможно распознать с земли, с позиции простого горожанина. Они выросли до размеров «градостроительной живописи» [4], понимаемой как вид изобразительного искусства, связанный с передачей зрительных образов с помощью красок и цветочных материалов.

Цветочные созвездия и суперфигуры в городском пространстве влияют на попадающих в них людей, создавая цветочные иллюзии, внушая, что внутри этих пространств есть определенные (на самом деле несуществующие) качества. Цвет здесь может выражать представления о престижном стиле жизни и демонстрировать высокое общественное положение определенной социальной группы, создавая своего рода барьер между этой группой и другими членами общества (И. Гофман [5] называет такие места «символами статуса»), отражать коллективные представления общества («коллективные символы»), ассоциироваться с девиантным поведением отдельных личностей или социальных групп (служить своего рода «символом-стигматом»), вводить окружающих в заблуждение и создавать иллюзии, способствуя, в том числе, «мистификации» («дезориентирующие символы»).

Цвет в быстрорастущих городах становится важным социальным средством - ресурсом джентрификации. Термин «джентрификация» (от англ. «gentry» – «нетитулованное, мелкопоместное дворянство») был предложен Р. Гласс [6] для обозначения процессов преобразования заброшенных, запущенных городских территорий в эксклюзивные городские районы путем изменения их непривлекательного образа при помощи различных культурных мероприятий.

Многочисленные попытки цветочного проектирования джентрификации в европейских городах стали ярким проявлением участия цвета в формировании социальных иллюзий. Первые исследования джентрификации касались североамериканских, британских и канадских [7], позже немецких [8] и голландских городов [9]. Изучение процессов джентрификации приобрело особую популярность в Европе в 1980-х годах в связи с процессами ревитализации городов. Однако несмотря на то, что применение цвета для повышения статуса квартала, района или целого населенного пункта отмечено в истории колористики города неоднократно, до сих пор нет ни одного исследования, посвященного анализу цветочного проектирования городского пространства как одного из ресурсов джентрификации.

Наиболее интересный материал для изучения джентрификации представляют собой проекты первых десятилетий XX века, предложенные Б. Таутом, Ле Корбюзье, В. Гропиусом, М. Вагнером, Э. Майем, О. Хэслером, А. Гиакометти и др. на территории Германии, Франции, Швейцарии и других европейских государств, где, в отличие от предыдущих проектов цветочной организации пространства архитекторы рассматривали цвет не как художественное средство, а скорее как средство социальное – как способ улучшения жизни простых людей; проекты джентрификации городского пространства, предложенные в советский период представителями художественных объединений ВОПРА, АРУ, АСНОВА, ОСА в России; применение цвета в Тиране (Албания), Бухаресте (Румыния) как социальное и политическое действие в масштабах целого города; возможности использования искусственных цветочных палитр городов Марн-ля-Вале (Франция), Нойштадт в Шварцвальде (Германия), Лонгирбиен (архипелаг Шпицберген, Норвегия). Существовавшие архитектурные проекты цветочной джентрификации до сих пор не только не систематизированы, но зача-

стью имеют локальную известность из-за того, что ни они сами, ни даже их характеристика не переведены на другие языки.

В целом, изучение возможностей социального воздействия цветочных маркеров городского пространства и механизмов их темпоральности оказывается очень важным шагом для дальнейшего развития теории архитектуры и градостроительства, поскольку помогает расширить теоретические, концептуальные и методологические подходы к исследованию феномена городской колористики и способно существенно улучшить качество городской жизни.

Литература

1. Goffman E. Symbols of Class Status // *British Journal of Sociology*. 1951. No. 2. P. 294–304.
2. Тарханов А. Рем Колхаас: Я не строю здания-трюки. Я строю здания-эксперименты // *Коммерсантъ*. 5.06.2007.
3. Minah G. Blackness, Whiteness, Chromaticness. – P. 28.
4. Бархин М.Г. Архитектура и человек. – М.: На ука, 1979. – 240 с. С. 158-159.
5. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York: Doubleday, 1959. P. 126.
6. Glass R. Introduction // *Center for Urban Studies [Hg.]: Aspects of Change*. London: MacGibbon&Kee, 1964. S. XIII.
7. Clay Ph. L. *Neighborhood Renewal*. Toronto: Lexington Books, 1969; Laska Sh.B., Spain D. [Hg.]. *Back to the city. Issues in Neighborhood Renovation*. New York: Pergamon Press, 1980; Smith N., Williams P. [Hg.]. *Gentrification of the city*. Boston: Allen & Unwin, 1986.
8. Dangschat J.S. *Gentrification: Der Wandel innenstadtnaher Wohnviertel* // Friedrichs J. [Hg.]. *Soziologische Stadtforschung. Sonderheft 29 der Koelner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1988. S. 272–292; Dangschat J.S., Friedrichs J. *Gentrifikation in der inneren Stadt von Hamburg*. Hamburg: Gesellschaft für Sozialwissenschaftliche Stadtforschung, 1988.
9. Muster S., van Weesep J. *European Gentrification or Gentrification in Europe?* // *Urban Housing for the Better-Off: Gentrification in Europe*. Utrecht: Stedelijke Netwerken, 1991. S. 11–16.

Social chromodynamics of urban space

Yu.A. Griber, Ph.D., Associate Professor
Smolensk State University
Smolensk, Russia

The article analyzes social aspects of temporal dynamics of color design in urban space. Social actors in urban space are marked out. The principles of participation of color in shaping of social illusions are analysed. Attempts of color design of gentrification in European cities are considered.

Key words: social chromodynamics, urban space, color, color design.

As long as we have lived in cities we have used color to create peculiarities in urban space. There is not only an intensive territorial growth of cities in the course of the urbanization but also the growth in the concentration of existing spaces. New buildings are constructed adjacent to historical ones and thus create a problem of correlation of historical and new buildings. At the same time the design of newly constructed buildings uses multiple compositional principles and devices, and a rich color palette that is more important.

The rapid growth of urban communities is gradually transforming the cities into the monstrous accumulation of constructions with its everyday urban life inside.

Citizens can not get rid of the existing architecture; however they can use this formed architectural material as the base for new ideas that may be expressed by means of color.

In a modern city color is available and highly informative, and that is why it is successfully employed by citizens in their 'self-presentation' and 'manipulating of impression' that they wish to make on others (Goffman E. (1)). People choose the color of their houses, fences and plants that are grown in their flowerbeds and on the balconies.

Nevertheless together with individual actors in the color space of the city we find collective actors as well (they are social and professional groups, ethnical communities, age groups and various social institutions), and the influence of these actors on color characteristics of the city is much more essential.

Having a great amount of recourses the collective actors 'modify the city' (2) by use of color. Collective subjects can add to urban landscape geometric or highly stylized figured patterns, that Mina offers to call 'color constellations' and 'superfigures' (3). By the principles of their creation, bringing sense and perception the use of color in urban space is approaching prehistoric geoglyphs. Like the giant Nasca Lines and the Uffington White Horse these color images can not be recognized from the perspective of a citizen who finds himself on the ground. These color images have grown to the extent of 'town-planning pictures' (4), that is regarded as a kind of fine art connected with the reproduction of visual images with the help of colors and colored materials.

Color constellations and superfigures bring in urban space powerful influence on living in these surrounds people. This influence is reached by creating color illusions and impressing that these spaces have particular qualities inside (non-present in reality). Color may express an impression of a prestige lifestyle and display a top position of a certain social group. This way color creates some kind of a barrier between this group and others members of society (Goffman (5) calls such places 'status symbols'), reflects collective ideas of society ('collective symbols'), it may be associated with deviant

behavior of some individuals or social groups (be a stigma-symbol), color may misinform people and build up illusions contributing among other things to 'mystification' ('deceptive symbols').

Color in the fast-growing cities can be used as an important social means – resource of Gentrification. The term Gentrification (from English 'gentry' – 'untitled minor aristocracy') was suggested by Glass (6) for naming the process of transformation from abandoned neglected urban territories into exclusive districts by changing their unattractive image with the help of different cultural events.

Numerous attempts of color design in the course of Gentrification in European cities present a vivid example of color contribution to creating social illusions. The first research of Gentrification dealt with North American, British, Canadian (7), later German (8) and Dutch cities (9). The research became especially popular in Europe in the 1980s in connection with the process of revitalization of cities. Despite the fact that the use of color for promotion of a quarter, a district or an urban center was registered in the history of coloristics for several times, there is not a single research devoted to the analysis of color design in urban space as one of the resources of Gentrification.

The most interesting material for the study of Gentrification are the projects of the first decades of the 20th century proposed by Bruno Taut, Le Corbusier, Walter Gropius, Martin Wagner, Ernest May, Otto Hesler, Alberto Giacometti, etc. on the territories of Germany, France, Switzerland and others European states, where in distinguish to the previous color projects of space arrangement, the architects considered color not as an artistic means but as a social means, a way of improving common people's life; projects of Gentrification of urban space, proposed in the Soviet period by the representatives of the artistic associations VOPRA, ARU, ASNOVA, OSA in Russia; the implementation of color as social and political actions within the range of a city in Tiran (Albania), Bucharest (Rumania); the adaptability of the artificial color palettes of cities Marne La Vallee (France), Neustadt in Schwarzwald (Germany), Longierbien (archipelago Spitsbergen, Norway).

These architectural projects of color Gentrification have not still been systematized and frequently have only local publicity due to the fact that nor the projects neither their descriptions are translated into other languages.

The study of social influence opportunities of color surrounds in urban space is of great theoretical importance for the development of the theory of architecture and urban planning. The study can further develop theoretical, conceptual and methodological approaches to the study of color phenomena in urban space and have impact on the lives of poor and vulnerable people.

References

1. Goffman E. Symbols of Class Status // *British Journal of Sociology*. 1951. No. 2. P. 294–304.
2. Тарханов А. Рем Колхаас: Я не строю здания-трюки. Я строю здания-эксперименты // *Коммерсантъ*. 5.06.2007.
3. Minah G. Blackness, Whiteness, Chromaticness. P. 28.
4. Бархин М.Г. Архитектура и человек. М.: Наука, 1979. 240 с. С. 158-159.
5. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York: Doubleday, 1959. P. 126.
6. Glass R. Introduction // *Center for Urban Studies [Hg.]: Aspects of Change*. London: MacGibbon&Kee, 1964. S. XIII.
7. Clay Ph. L. *Neighborhood Renewal*. Toronto: Lexington Books, 1969; Laska Sh.B., Spain D. [Hg.]. *Back to the city. Issues in Neighborhood Renovation*. New York: Pergamon Press, 1980; Smith N., Williams P. [Hg.]. *Gentrification of the city*. Boston: Allen & Unwin, 1986.
8. Dangschat J.S. *Gentrification: Der Wandel innenstadtnaher Wohnviertel* // Friedrichs J. [Hg.]. *Soziologische Stadtforschung. Sonderheft 29 der Koelner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1988. S. 272–292; Dangschat J.S., Friedrichs J. *Gentrifikation in der inneren Stadt von Hamburg*. Hamburg: Gesellschaft für Sozialwissenschaftliche Stadtforschung, 1988.
9. Muster S., van Weesep J. *European Gentrification or Gentrification in Europe?* // *Urban Housing for the Better-Off: Gentrification in Europe*. Utrecht: Stedelijijke Netwerken, 1991. S. 11–16.

Книга профессора М.С. Кагана «Град Петров» –
в Самаре, Дюссельдорфе, Бонне, Брюсселе: 2002 г.
Культурологическая теория и имиджевые практики
/Das Buch von Professor M. Kagan «Grad Petrov»
in Samara, Düsseldorf, Bonn, Brussel: 2002.
Kulturwissenschaft und City Branding/

М. Добрякова, Е. Филатова, И. Гулеватенко

Институт Stadt-Land-Globalia

Дюссельдорф, ФРГ

В 2002 г. нам довелось быть свидетелями презентаций М.С. Кагана в разных аудиториях Германии и Бельгии. До этой зарубежной программы профессор Каган неоднократно бывал в Самаре, прямо участвуя в формировании ее современного образа, о чем подробно рассказывал и в Дюссельдорфе. Грех было бы не воспользоваться этим перекрестком городов и людей: Самара – Петербург – Дюссельдорф.

Ключевые слова: профессор Моисей Каган, классический анализ города, идентификация немецких городов, роль музеев.

M. Dobriakova, E. Filatova, I. Gulevatenko

Institut "Stadt-land-Globalia"

Düsseldorf, Deutschland

Professor Moisej Kagan vom Sankt-Petersburg war im Jahr 2002 in Düsseldorf, Bonn und Köln. Er präsentierte sein Buch über die Stelle der Stadt Petersburg in russischer Kultur in verschiedenen deutschen Museen (Institut-Museum H.Heine, Haus der Geschichte). Die Organisatoren dieser Veranstaltungen erinnern sich und vergleichen Bilder von verschiedenen Städten.

Schlüsselwörter: Professor M.S. Kagan, Sankt-Petersburg, klassische Analyse und Identifizierung von Städten, die Rolle der Museen für das Stadtimage.

На очередной самарской ассамблее Моисей Самойлович Каган начал свое выступление шутливой фразой: «Трагическая ошибка моей жизни состоит в том, что я родился НЕ в Самаре». Это был «камешек» в огород гипертрофированного «регионоведения».

Напомним, что это был период, когда управленцев начали убеждать в наличии «волшебной палочки», способной, по меткому замечанию Е.Г. Трубиной, облегчить бремя городских проблем [1]. Всякому губернатору или мэру, который «тащил» слабеющую «оборонку» и неподъемную «социалку», хотелось верить в спасительную силу культурных ресурсов и креативных групп. Возможно, эта вера еще принесет плоды: Пермь открыла свои представительства в шикарных офисах Берлина и Брюсселя, рассчитывая быть уже не просто третьей российской столицей, но «столицей Европы – 2014».

Прошедшие годы показали, что урбанистические концепции являются идеализированным продуктом своего времени [2]. Наиболее востребованными остаются англоязычные авторы (например, географ Дэвид Харви или экономист Ричард Флорида).

Уникальные послевоенные урбанистические практики немецких городов в отечественном контексте упоминаются значительно реже. Прекрасное исключение – книга И.М. Бусыгиной «Регионы Германии» и ее же статьи о менталитете – образе – экономических стратегиях Баден-Вюртенберга – одного из успешных регионов современной Германии и всей Европы.

В контексте немецкой урбанистической практики хотелось бы представить материалы института Stadt-Land-Planet (StaLaPlan), организовавшего в городах на Рейне, в том числе Дюссельдорфе, Бонне и др., презентации книги М.С. Кагана «Град Петров в истории русской культуры».

Институт и альманах StaLaPlan сформировались, заполнив дефицит русскоязычных изданий, семинаров и образовательного туризма по немецким городам. Ниша была почти пустой и востребованной. В середине 1990-х хлынул из России поток бизнесменов, туристов, эмигрантов. На фоне информационно-культурного голода, сформировавшегося в период «железного занавеса», StaLaPlan оказался востребован и поддержан. Мы легко находили контакты с государственными немецкими музеями; издавали альманахи при поддержке городских администраций на Рейне и фирмы «Рургаз», заинтересованных в подобной работе. Институт имел свой круг деловых запросов от крупных фирм, нуждавшихся в культурологических и имиджевых комментариях, о чем – ниже.

Рецензия на первый выпуск альманаха, посвященный образу Дюссельдорфа, появилась в газете «Райнише Пост» и сопровождалась звонком крупнейшего немецкого слависта, профессора В. Козака, похвалившего «огромную работу». Словом, StaLaPlan и его бессменный руководитель Елена Бурлина, пригласив петербургского профессора для презентаций в Германии его книги о Санкт-Петербурге, могли подготовить встречи с авторитетными немецкими учеными. В программе презентаций книги «Град Петров» центральное место занимала лекция профессора М.С. Кагана в Институте, музее Генриха Гейне в Дюссельдорфе. Присутствовали, главным образом, научные сотрудники, работавшие с архивами Гейне, его библиотекой и разнообразными локальными и глобальными программами. Лекция петербургского ученого, состоявшаяся 27 января 2002 г., прошла с успехом.

Основной тезис лектора: хотелось создать книгу о городе, достойную времени. Петербург, наконец, расстался с имиджем «великого города с областной судьбой». Гимн лучшему в мире городу и фундаментальное источниковедение работы М.С. Кагана складывались в образ самого главного, самого культурного и справедливого центра России. Процитируем Л.А. Закса, писавшего уже после ухода из жизни Моисея Самойловича Кагана к его 85-летию: «Вместе с ними, подлинными петербуржцами, он был уверен, что град Петров – лучший, прекраснейший город на Земле» [3].

В Институте Г. Гейне концепцию автора поняли сразу и о методологии книги говорили как в родном петербургском университете: «Град Петров» раскрывает культурологический смысл и символику Петербурга; выявляет онтологическую сущность феномена Петербурга и его синергетический, межпредметный статус [4]. Подводя итоги, директор музея имени Г. Гейне госпожа Хайдемария Фаль сказала о том, что комплексный анализ Петербурга, предпринятый автором книги, был подлинным образцом классического анализа города.

Было отмечено также мастерство Ильи Энкашева, который синхронно переводил сложнейшие философские построения петербургского профессора. Так следует из наших записей, сделанных на обсуждении, и из фотографий Татьяны Строгановой, фиксирующих атмосферу диалога.

Вместе с тем в вопросах, которые задавали немецкие слушатели, скоро обнажился некий разрыв интересов: Кагана спрашивали о сегодняшнем Петербурге, об альтернативных течениях, национальной дискриминации в прошлом и сегодня; о культурных ресурсах в спальных районах. Методология комплексного анализа культурных наследий, представлен-

ная российским философом, не всегда совпадала с вопросами немецких музейщиков, хотя и они были профессионалами академического толка, в основном – сотрудниками университета и литературных музеев. Всплывали вопросы, лежавшие в сфере других, не культурологических дискурсов.

Здесь надо дать некоторые разъяснения к биограмме наших коллег. Институт и музей Г. Гейне сыграли роль локомотива в выступлениях «68-х», то есть важнейшем социал-демократическом повороте, пережитом немецкой культурой и политикой через двадцать лет после войны. Разрушенная до основания, лежавшая в позоре и поражении, страна нуждалась в новых политических идеях, и в том числе в новых образах городов. Музейщикам – архивариусам и хранителям – выпало сыграть значительную роль в процессах самоопределения общества. Несомненным итогом огромной идентификационной деятельности Института и музея Г. Гейне стали торжества, посвященные 200-летию со дня рождения поэта (уже в 1997 г.). Не случайно юбилей Г. Гейне и эпохальную выставку «Дурачок счастья» открывал президент Германии Йоханес Рау [5].

Крутые повороты рельефно видны на примере Дюссельдорфа, связавшего свой послевоенный имидж с именем и судьбой Генриха Гейне. В послевоенные годы образ Гейне стали продвигать во всех мыслимых формах: в городской топонимике, памятниках, выставках, разнообразных инсценировках как в музее, так и прямо на улицах и площадях. Чтобы «войти людьми, свободными от предрассудков, в новое время», как сказал один известный политик. К середине 1960-х гг. главная улица называлась «Аллея Генриха Гейне»; Дюссельдорфский университет стал носить имя Генриха Гейне; в центре города установлена трагическая пластическая композиция работы Берта Герисхайма. Посредником всех этих креативных акций как раз и стал крупнейший немецкий интернациональный институт и музей имени Генриха Гейне, в котором выступал профессор Каган в начале 2002 г.

Научные сотрудники института и музея приложили огромные усилия, чтобы скрепить поэзию Гейне с современным миром и с молодежными движениями; интегрировать на его поэзии интеллектуалов и аутсайдеров; приобщить к новым изданиям зарубежных переводчиков 120 языков мира. Повторим, академические ученые стали креативщиками, работавшими на стыке теории и разнообразных практик в духе демократических ценностей в переходный период немецкой истории.

Безусловно, петербургский ученый оценил смысл мировоззренческого поворота, заставившего «вклеить» во все значимые места города имя Г. Гейне, – главная улица, университет, центральный памятник, музей. Перескажем нашу беседу после выступления Кагана в Институте Г. Гейне, в которой также принимала участие сотрудница Русского музея в Петербурге, искусствовед Инесса Натановна Липович. Ключевой темой была биограмма немецких музейщиков, работавших с образом города.

В ходе дискуссии возникла памятная аналогия с Петербургом и именем Анны Андреевны Ахматовой. Предположим, что в образе современного Петербурга, в самых заметных и репутационных точках было бы увековечено ее имя: набережная вдоль Фонтанного дома Анны Ахматовой; университет – Петербургский университет имени Анны Ахматовой. Почему же нет? Не она ли восславила русскую речь, не ее ли образованность и пронизательность преобразили современное представление о классике, не она ли была в страшные годы Ленинградской блокады со своим народом? А как бы к этому отнеслись старые профессора, работавшие в университете имени Жданова?! В Дюссельдорфском университете трижды переголосовывали присвоение имени Гейне, пока не состарились и не ушли довоенные мэтры. Петербургу не обойтись без современной пластической композиции, где Ахматова должна быть в кругу «своих»: Гумилева, Бродского и «Шостаковича, в эпоху которого жила».

Обсуждались некоторые самарские аналогии и креативный класс города. Рассказы и романы В.П. Аксенова поместили Самару в центр мировых проблем. Выставка кельнских коллекционеров Бар-Гера «Второй русский авангард» не задела город, потому что некому было ее продвигать.

Вывод мудрого Кагана был классичен: границы научной методологии в формировании имиджа города задаются отношениями власти и культуры. Сколь бы ни были продвинуты креативщики, они нуждаются в политической поддержке.

Следующее представление книги «Град Петров» проходило также в знаковом месте: Бонн, «Дом немецкой истории». Мощный научный центр и современный интерактивный музей, открытый в 1986 г., в Правительственном квартале послевоенной столицы западной Германии. Идентификация немцев в послевоенном мире, образы покаяния и самоопределения сконцентрировались в экспозиции и сменных выставках [6].

Каган – солдат Великой Отечественной, до мозга костей патриот России – принял «Дом немецкой истории» без всяких оговорок. Его буквально захватили «черные комнаты» покаяния; плакат «Твой сосед всего лишь иностранец?»; аттракционная подача взаимодействия и переписки Аденауэра с Хрущевым и Бен-Гурионом. Не было ни одной музейной инсталляции, ни одного сюжета или плаката, которые он бы не осмотрел.

После тщательного изучения экспозиции мы отправились на встречу с коллегами, проходившую в кабинете тогдашнего директора музея профессора Г. Шеффера. Можем засвидетельствовать, что петербургский профессор восторженно говорил об интерактивности музея, вовлекающей в диалог людей разных уровней, возрастов и информированности. Он сделал особый акцент на музейной методологии, выделив коммуникативность и междисциплинарность.

Излагая далее идеи своей книги о Петербурге, Каган показал, что это – готовая платформа для совместных научных проектов. Поразило тогда воздействие его концепций, умение убеждать и деловая «хватка». Немецкие коллеги были готовы незамедлительно начать сотрудничество: подготовку докторантов, организацию совместных культурных «событий».

И последний сюжет этих дней, связанный с поездкой в Брюссель. Совсем другой аспект образа города и другое окружение. В программе выдался свободный день, который было решено совместить с плановой поездкой института StalaPlan. Это был специальный семинар для российских ВИПов. В «портфеле» института было около 40 музеев самого урбанистического региона Западной Европы. Сложилась техника лекционного представления образа города, которая оказалась привлекательной как для обыкновенных слушателей, так и для специалистов. Рабочий день Елены Бурлиной, лектора и ведущей, растягивался на 8-10 часов.

Итак, мы поехали в Брюссель вместе с профессором Каганом и некими успешными российскими бизнесменами, у которых подобные просветительские программы были востребованы. «По этой дороге, – началась прямо в автобусе лекция, – тянулись 500 лет назад изгнанники из Брюсселя и Антверпена, бежавшие от религиозных войн и насилия. В толпе была и семья брюссельского юриста Яна Рубенса. Им удалось добраться до Кёльна, где и родился младший сын брюссельских изгнанников. Ему, сыну беженцев, и выпало стать «королем живописцев, живописцем королей. Пространство, по которому мы проезжаем, буквально усеяно картинами, которые во имя мира и толерантности Петер Пауль Рубенс дарил местным монархам, монастырям и церквям». Таков сюжет первой лекции по пути в Брюссель. Религиозные войны, которые вытолкнули тысячи беженцев-протестантов из городов цветущей Фландрии XVI века. Эти тексты опубликованы в одном из наших альманахов «Антропология места и времени» (2005 г.). Дорога в Брюссель засвечивалась как трагический перекресток, на котором были пролиты реки крови.

Потом была следующая полуторачасовая лекция: про современные распри между Фландрией и Валонией, исключительно напоминающие республиканские конфликты элит бывших советских субъектов. Брюссель подтолкнул и к чудесным комментариям об Эгмонте, Бетховене, гражданским символам Ратушной площади и раблезианской символике победительно писающего мальчика.

Закончился 10-часовой рабочий день. Дождь прошел, было холодно, и у нас было ровно полчаса, чтобы согреться в кафе. Елена Яковлевна попросила шефа одной успешной кондитерской фирмы придумать для всех что-нибудь «креативное». Всем был подан бокал золотистого пива и чашка горячего шоколада. Петербургский профессор подвел итог: «Красиво, стильно и актуально. Образ города».

В ходе презентаций книги «Град Петров в истории русской культуры» зимой 2002 г. состоялись еще встречи в Театральном музее Дюссельдорфа с его директором – доктором В. Майсцисом, в университете Г. Гейне, в Институте культурологии Эссена под руководством профессора К. Леггеве [7].

Оглядываясь сейчас на беседы М.С. Кагана, думается, что ученый исключительно точно воспринял особенности профессиограммы немецких музейщиков, культурологов, которые не боялись внести в образ города трагические переломы и драмы истории, сплетая их с открытым обсуждением настоящего и будущего. Тогда академические музеи и выставки оказываются витриной города, даже если это выставка «Гамлет – трансфер» или собрание модерна на Рейне [8].

Презентации книги М.С. Кагана «Град Петров в русской культуре» в немецких музеях навсегда запомнятся благодаря успеху петербургского профессора, а также молниеносной чуткости автора к коллегам из других стран, к другим предлагаемым обстоятельствам и условиям. До сих пор стоит в ушах: «Обмен Петербург – Дюссельдорф – Самара. Проект назовем «Антропология места и времени».

Литература

1. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М.: Новое литературное обозрение, 2010.
2. Уваров М.С. Культурная география в культурологической перспективе (аналитический обзор). Миры культурологии и культурной географии сегодня существуют независимо друг от друга. Специалисты в области культурной географии используют семиотическую, философскую и культурологическую методологию, но редко обращаются к культурологическому и философскому знанию непосредственно. Международный журнал исследований культуры. Шеф-редактр А.В. Конева. – № 4(5). – 2011.
3. Закс Л.А. К 85-летию профессора М.С. Кагана // Известия Уральского гос. ун-та. – 2006. – № 47.
4. Праздников Г.А. Мир петербургской культуры // Всеросс. конф., посвящ. 85-летию М.С. Кагана // [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0047\(01_12-2006\)&sln=showArticle.xslt&id=a41&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0047(01_12-2006)&sln=showArticle.xslt&id=a41&doc=../content.jsp)
5. Krause J.A. Ich Narr des Glück. – 1998. – Изд. института, музея Г. Гейне к 200-летию юбилею поэта и выставке «Дурачок счастья». – Дюссельдорф, 1998.
6. Haus der Geschichte / Дом немецкой истории: выставка с названиями: Krauts – Fritz – Piefkes...? Deutschland von außen. «Краутс – Фриц – Пифкес...? Германия извне». О серии идентификационных выставок в Доме немецкой истории, см.: Альманах «Города и музеи земли Северный Рейн-Вестфалия. 7 нот в пространстве без границ». Институт, Альманах Stadt. Land. Planet. – 2001-2002.
7. Entwicklungsfaktor Kultur. Studien zum kulturellen und ökonomischen Potential der europäischen Stadt. S. Gudrun Quenzel (Hg.). Bielefeld 2009; Claus Leggewe in: Globalisierung. Ein interdisziplinäres Handbuch. Andreas Niederberger / Philipp Schink (Hrsg.). J.B. Metzler, April 2011.
8. Hamlet. Europe. Transfer. Hamlet-Transfer. Theaterästhetik, Sprache, Politik. Театральный музей Дюссельдорфа также принимал профессора Кагана, обсуждался многолетний выставочный марафон музея: «Гамлет. Европа. Трансфер», «Театральная эстетика, язык, политика», «Гамлет – национальный»; «Гамлет – интернациональный», <http://www.duesseldorf.de/theatermuseum/hamlet-transfer/deutsch/hamlet-konferenz-archiv.shtml>.

Многомерность города /Multidimensionality of the city/

В.А. Конев, доктор философских наук, профессор
Самарский государственный университет
Самара, РФ

Анализируется гетерогенность пространства города, определяемая особенностями архитектуры пространства человеческого мира, мерой которого является граница (предел).

Ключевые слова: город, city, границы, различие.

*V.A. Konev, Dr. Ph., professor
Samara state university
Samara, RF*

The article deals with the heterogeneity of space, which is defined by architectural space features of the human world, a measure of which is its boundary (limit).

Keywords: city, city, borders, razlichaniye.

*О город! О сборник задач без ответов,
О ширь без решенья и шифр без ключа!*

Б. Пастернак

Приехал человек в незнакомый город. Он хочет узнать дорогу к нужному ему месту и обращается к прохожему. Тот объясняет: «Идите прямо до книжного магазина, там поверните направо, и через квартал будет большое здание библиотеки, прямо от него улица, которая и приведет вас туда, куда вам нужно». Пошел, заплутал, спрашивает другого прохожего. Тот: «Вот идите прямо, там будет киоск «Пиво-воды», от него сворачиваете налево и доходите до гастронома «24 часа», потом будет «Рюмочная», налево – отделение милиции, а уж там спросите, и каждый покажет вам».

Вот вам два разных измерения города. А если спросить еще какую-нибудь даму, то обязательно получится еще одно измерение города, не совпадающее с первыми двумя.

Город, и это очевидно, есть некое пространственное образование. Само название «город» говорит – это какое-то огороженное место. Этимология английского слова city – от латинское situs, положение, расположение также указывает на пространственные коннотации. Но город как пространство, как особая местность, хотя и предъявляет себя расстояниями и «измеряется ногами» – далеко или близко расположен какой-то пункт города – все-таки особое пространство и метрика его суще-

ственно отличается от метрики физического пространства, представленной классическими Декартовыми координатами. Город – это пространство человеческого бытия, а потому и метрика его определяется характеристиками этого бытия.

Метрика указывает на строение самого пространства, на его архитектуру – на начало (архе!) его строения (выстраивания). В геометрии этим началом и одновременно метрикой физического пространства выступают известные понятия Евклида: точка, линия, плоскость, объем. А что может стать началом отчета и метрикой для пространства человеческого мира?

Если мир человека есть мир существование и проявления смысла, то и пространство человеческой жизни своей метрикой (своими началами) должно создавать условия проявления смысла, быть формой бытия смысла (коль скоро пространство, как и время, являются универсальными формами бытия). Смысл (или значение) существует в том пространстве, в котором он реализуется, свершается. Это пространство человеческого действия, которое существует как отсылание, как соотношение вещей и состояний. Поэтому, если пространство тел исходно есть место, то есть точка, положение тела (это, как известно, отмечает Аристотель, а затем и Евклид), то пространство осмысленного человеческого действия исходно не положение, а направление. Это вытекает из самого способа бытия смысла, который бытийствует через отнесение, благодаря тому, что нечто отсылает к иному (например, цель отсылает к результату, смысл флага = ткань, отсылающая к определенной общности людей). Направление изначально (имплицитно) предполагает различие, так как есть данная, начальная позиция и та, к которой направлено действие и которая сопряжена с исходной точкой.

Таким образом, можно утверждать, что основой архитектуры пространства человеческого бытия выступает различие позиций. Это пространство всегда соотносит нечто как различное. Все, что попадает в это пространство, указывает на свое отличие от иного (иных): этот предмет – чашка, и сразу – это не чайник, не бутылка, не графинчик, но этот предмет организует область связанных предметов и действий. Это и есть проявление особого пространства, особого «соседства» предметов, имеющих смысл. И обратно – там, где проводится, устанавливается различие, там структурируется пространство смысла (среди серии почтовых марок вдруг замечается некое отличие какого-то выпуска, и коллекционеры выделяют особую группу, особую область, отделяя их в своих альбомах, на своих стендах и т.п.). Если началом жизненного пространства человека оказывается различие, то это пространство должно предъявлять меру различного, способ его распознавания. Такой мерой выступает граница, в пределах которой все в жизни человека получает свое определенное различие – различие значимого и незначимого, тем самым превращая бытие в значимое бытие.

Город и возникает благодаря отгораживанию одного места от всех остальных, город возникает как благоприятная среда обитания в отличие от чуждой природной среды. Ограда, крепостная стена, ров – граница этой среды, граница значимая, это акт означивания своего места, акт отделения значимого от незначимого, жилого от нежилого. Именно в этом заключен исток, начало культуры как культуры. Культура есть там, где проводится граница, где проводится разделение значимого и незначимого. Поэтому город своим строением, своим физическим обликом символизирует бытие культуры. Недаром город (*civitas*) дал название цивилизации, неслучайно именно город становится носителем, хранителем и источником развития

культуры. Его городская стена – это исходный ген тела культуры. Разрушь стену, сотри с лица земли город и исчезнет культура. Так и было в истории, когда завоеватели рушили города. Так хотел поступить нацисты, когда готовили разрушение Кракова, Ленинграда, Москвы как оплотов славянской культуры.

Итак, важнейшая характеристика городского пространства – быть средоточием значимого бытия, быть репрезентантом культуры, представлять культуру как особым образом оформленный мир, как предметно существующий мир. Город отделен от природы, он противопоставлен ей своими стенами. И первое понимание культуры, как известно, было осмыслено в оппозиции культура – натура.

Проведя границу между культурой и натурой, город вводит границу в самую культуру, в само человеческое бытие. Такой границей становятся улицы и проулки города, стены, двери и окна домов, ворота, въезды-выезды и пр. Не случайно в столицах выстраиваются триумфальные арки (ворота), которые никуда не ведут, но становятся символами значимых событий. Если голос бытия, который был услышан философией, был только голосом истины = бытие есть, то культура благодаря границе придает бытию многоголосие, бытие разделяется и теперь разное бытие имеет собственный голос, голос имени, голос своего определения. Причем, поскольку исходная мера пространства значимого бытия является граница как разделение, то вся архитектура пространства человеческого мира выстраивается как мир различия [1], мир дифференц/Сиации [2], и пространство бытия человека выступает пространством определения различия.

Отсюда и вытекают возможные измерения пространства города – это выделение его различий, меры различного в городе, разные голоса территорий города.

Поскольку социальное пространство организует (выделяет, оформляет) значимость, оно обладает особой «гравитационной» силой, силой интенсивности (динамичности, энергии, я бы даже сказал волюнтарической силой [не от «gravitas» – тяжесть, а от «voluntas» – воля]). Это пространство изначально активировано, т.е. требует от любой «точки», попадающей в его архитектуру активности, проявления своего направления, т.е. объявления своего смысла.

Городское пространство – это пространство определенных действий, оно размещает (помещает) те или иные цели (а действие всегда целерационально, по Веберу) в определенных пунктах. Есть места производственных действий (промзоны), есть места отдыха, места управления, торговли, образования, развлечений, жилья и т.п. Городское пространство картографировано, и эта карта отражает энергичную (волюнтарическую) силу пространства города. Каждая городская зона инициирует определенную активность человека. Так в городах когда-то существовали слободы определенных цехов, ремесленников, торговцев со своим укладом жизни, своими порядками и обычаями. И современный город продолжает сохранять деление на кварталы, в которых концентрируются те или иные виды деятельности.

Городское пространство как пространство целенаправленного действия становится цивилизационным измерением, или цивилизационным пространством. Оно организует действие человека с вещами и предстает как вещное, предметно организованное пространство – постройки определенного типа, обустройство улиц (мощение, освещение и т.п.), инженерное обеспечение функционирования города (водопровод, канализация, транспорт и т.п.). Само цивилизационное пространство имеет свои параметры измерения, которые указывают на уровень благоустройства городской территории, и рассматриваются в градостроительстве.

Наряду с цивилизационным пространством город демонстрирует иной тип пространства – пространство коммуникации, или собственно социальное пространство как пространство общения. Известный американский социальный географ Дэвид Харви (Harvey) называет этот тип городского пространства релятивным, относительным пространством, в отличие от абсолютного пространства, где обращаются вещи (товары) [3]. Это пространство вводит в городскую среду новое измерение – иерархию мест. Иерархичность порождает различие позиций в пространстве человеческого бытия, которые определяют и направляют возможное поведение, организуют социальную мобильность. В пространстве города появляется не просто различие, дифференциация мест, а выделяются привилегированные позиции, привилегированные направления. Так возникают центр и периферии – центры власти, центры образования, центры культурной жизни и т.п. Социальное пространство выделяет в городской среде публичные места – площади, бульвары, парки, пляжи, кафе, рестораны и т.п. как места общения. Публичное пространство современного города создает основания для коммуникации и для демократии прямого действия [4] через неформальное взаимодействие и диалог различных групп, через выработку различных компромиссов и консенсуса. Публичное пространство реализует фундаментальное право горожан – право на город, на доступ к его ресурсам. «Утверждая себя в публичном пространстве путем создания своих публичных мест, – пишет американский географ Дон Митчелл в книге «Право на город», – социальные группы сами становятся публичными» [5].

Но в то же время социальное пространство как пространство различных социальных позиций и иерархических значений вычерчивает в городской среде свои границы. Эти границы указывают на степень притягательности мест городского пространства. В притягательности мест социального пространства города, также как в волюнтации мест цивилизационного пространства, проявляется энергичная (динамичная) сила пространства человеческого бытия. В действии человека притягательность проявляется в выборе и оценке престижности, комфортности, транспортной доступности и т.п. мест и регионов города. Граница как ген культуры, выражая притягательность, модифицируется в пространстве общения в границы регионирувания и сегрегации. В ряде случаев эти границы часто превращаются в преграды, в запреты – «служебный вход», «служебный лифт», «только по пропускам» и т.п., или в ограждения каких-то мест, для воспрепятствования доступа к ним, например, ограждение Триумфальной площади в Москве для строительства подземного гаража после того, как ее начало использовать движение «31 число» в защиту 31 Статьи Конституции РФ.

Неравноценность притягательности различных регионов города, что для каждого горожанина очевидно и выражается, например, в рыночной стоимости квадратного метра жилья, открывает еще одно измерение города – его ценностное пространство. Пространство членится (разграничивается) как благодаря человеческим действиям, так и благодаря человеческим пристрастиям, благодаря тем значениям и смыслам, которыми наделяют его люди. Тогда в городском пространстве выделяются места. Именно таким образом разделил место и пространство один из основателей так называемой гуманистической географии И-Фу Туан. «Пространство трансформируется в место, как только получает определение и значение», – писал он [6]. В этом случае энергичная сила (волюнтация социального пространства) выступает как *genius loci*, *spiritus loci* – дух места, сила места, гений места. А гений (даймон), по греческой мифологии, внутренний голос человека, его личное божество. И сейчас в Париже, например, сохраняется дух Монмартра, дух Сорбонны, *spiritus loci* плас Пигаль и т.д.

Городское пространство как средоточие культурных смыслов становится хроно-топом, местом объявления истории в данной городской «точке». Тогда появляются в пространстве города исторические центры, охраняемые культурные достопримечательности, памятники, монументы, памятные доски и т.д. Места, получившие ценностное наполнение, рожают особое чувство, которое И-Фу Туан назвал топофилией. Это чувство «родного пепелища», чувство Родины, чувство дома. Каждому из нас оно известно, и это чувство ведет человека к памятным для него местам. Они могут быть сугубо личными, корпоративными или общественно значимыми.

Культурное (ценностно-смысловое) измерение города видит в нем значимые места, места священные, мистические, любимые, привлекательные и т.п. Всегда можно составить карту топофильности города или местности. Ценностно-смысловое пространство города порождает атмосферу города, бессознательное города, рождающее тип и стиль жизни горожан. Так появляется различие москвичей и ленинградцев (питерцев), особенность одесситов, менее четкое различие жителей провинциальных городов, которое, однако, также может быть уловлено, так самарцы, например, отличаются от саратовцев.

Особым пространственным измерением города является его личностное проявление. Город исторически формируется как город-государство, в котором все его полноправные обитатели являются гражданами, наделенными определенными правами и обязанностями. Конечно, между ними существуют социальные различия, что выражается в социальном измерении города, о чем уже шла речь, но именно в городе зарождается и личностное различие людей, что находит свое выражение в особых государственно-городских «мероприятиях». В греческих городах-полисах – это театральные представления, в Риме – ристалища и бои гладиаторов. И в том и в другом случае зрители, граждане города, оказывались в ситуации эмоционального переживания, а эмоциональное состояние всегда сугубо лично, индивидуально. Дальнейшее развитие городов в европейских странах вело к росту самостоятельности горожан (бюргеров, буржуа), к росту их инициативы и свободы. В конечном счете, свобода стала историческим детищем городов, а свобода – это пространство личностного бытия.

Как свобода представлена в архитектонике города?

Во-первых, в анонимности городского образа жизни, который обеспечивается многочисленностью населения, требующей массовой застройки городской территории.

Во-вторых, в мобильности городского образа жизни, ставящего индивида перед необходимостью смены места работы, жилья, мест отдыха и развлечения.

В-третьих, в многообразии видов деятельности в городе.

В-четвертых, в сосредоточии в городе культурных ценностей и образования.

В-пятых, в политическом лидерстве города в жизни любого государства.

Наконец, в возможности реализации не только различных выборов, но, главное, в возможности выстраивания апофатического пространства. Поливалентность городского пространства создает благоприятные возможности для отказа, отрицания, нетствования, порождающих пространство Дантовых координат [7], в апофатическом пространстве которых происходит самоутверждение индивидуальности.

Личностное измерение города выстраивается как траектория присвоения индивидом городского пространства, которая (траектория) живет в биографии индивида, но может получить культурное проявление, если индивид становится публичной фигурой. Так можно говорить о Петербурге Пушкина и Петербурге Достоевского, Блока, в Самаре памятными досками обозначена жизнь В. И. Лени-

на и т.п. Это личностное измерение города, личный город, город данного человека и позволяет встречному объяснять приезжему движение по городу по своей собственной карте городского пространства. Вот как пишет о личном городе французский писатель Жюльен Грак в эссе о городе Нанте, в котором некогда преподавал в лицее историю: «Своими каждодневными хождениями взад и вперед люди ткут сеть путей следования вокруг главных осей города. Эти ежедневные перемещения, связанные с ритмами работы, актом прихода и ухода, ведут из периферии в центр, потом из центра на периферию. Таким образом, весь комплекс улиц и площадей взят в сознании человека в единую цепь. Поэтому не существует никакого совпадения между планом города, который дает карта, и образом, который возникает в воображении человека при звучании его названия, при воспоминаниях» [8].

Итак, город – это произведение человеческой истории, имеющее сложную и разнородную структуру, это не просто место жительства и работы, это «семиотический механизм, представляющий собой котел текстов», это «генератор культуры», это «стыковка различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов» (Ю.М. Лотман). Но все-таки исходно город – это пространственное образование, это материально преобразованное пространство природы, поэтому все возможные пространственные измерения города, в конечном счете, находят свое выражение в физическом пространстве, в пространстве *res extensa*, которое хорошо известно каждому человеку по его повседневному опыту. Цивилизационное пространство города напрямую связано с физическим пространством вещей, ибо использует их для выстраивания материального тела города. Иерархия социальных позиций находит свое выражение в различии комфортности занимаемого жилья, в привлекательности ландшафта мест проживания, в застройках кварталов и т.п., а возможность участия в городской жизни – в доступности площадей и общественных зданий. Ценностное измерение города, его культурная и историческая аура также опирается на пространство вещей – исторические и культурные памятники, архитектурные формы. Эта связь всех значимых для города форм его проявлений с физическим пространством, с природным окружением и делает эти проявления различными пространственными измерениями города.

Литература

1. См.: Деррида Ж. Различие / Деррида Ж. Письмо и различие. Пер. с фр. В. Лапицкого. СПб: «Академический проект», 2000; Автономова Н. Деррида и грамматология / Деррида Ж. О грамматологии. М.: «Ad Marginem», 2000.
2. Делёз Ж. Различие и повторение. Пер. с фр. Н.Б. Маньковской и Э.П. Юровской. СПб: «Петрополис», 1998. С. 257.
3. См.: Harvey D. Space as a Key Word // David Harvey: A Critical Reader. N. Castree, D. Gregory (eds.) Oxford: Blackwell Publishing, 2006. P. 270–263.
4. См.: Amin A., Thrift N. Cities: Reimagining the Urban. Cambridge: Polity, 2002.
5. Mitchell D. The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space. New York: Guilford Press, 2003. P. 129.
6. Tuan Y.-F. Space and Place. The Perspective of Experience. 9th ed. Minneapolis/L.: University of Minnesota Press, 2002. P. 136.
7. См. подробнее: Конев В.А. Дантовы координаты (проблема определения ценностного бытия) / Конев В. Онтология культуры (Избранные работы). Самара: Самарский университет, 1998; Конев В.А. Дантовы координаты как координаты культурного пространства // «Топос», 2011, № 1. С. 91-106.8. Gracq J. La forme d'une ville. – Paris, 1985. P.111.

Трансформация границ городского пространства: теоретический и практический аспекты /Transformation of city space boundaries: theoretical and practical aspects/

А.В. Костромицкая, аспирант

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
Симферополь, Украина

Рассмотрены теоретические и практические аспекты трансформации пространства города Симферополя на современном этапе его развития. В контексте компаративной урбанистики представлен анализ некоторых границ городского пространства, что способствует углубленному аналитическому исследованию города как феномена. Симферополь – крупный город на Крымском полуострове в долине реки Салгир; административный, научный, политический, экономический, культурный, промышленный центр, столица автономной республики Крым. Население – 360 тыс. (2001 г.)

Ключевые слова: городское пространство, граница, образ города, хронотоп, культурный ландшафт, джентрификация.

A.V. Kostromitskaya, postgraduate student

Tavrida National Vernadsky University

Simferopol, Ukraine

The paper is about theoretical and practical aspects of city space transformation on the example of Simferopol in the modern period of its development. In the context of comparative urban studies the analysis of some of boundaries of city space is submitted. It favours the advanced analytical investigation of city as phenomenon.

Key words: city space, boundaries, image of the city, cultural landscape, gentrification.

Культурологическое освоение города – актуальная современная практика. Различного рода составляющие пространства выступают многочисленными аттракторами, определяющими настоящее и будущее развитие городской ткани. Исследование основано на трактовке такой составляющей пространства, как «граница». Цель статьи – доказать, что современный этап трансформации границ пространства г. Симферополя происходит не обособленно от мировых процессов.

Для понимания и глубокого изучения феномена границ в пространстве города необходим междисциплинарный подход, следовательно, в ходе работы над статьей мы обращались к таким дисциплинам, как культурология, философия, социология, география, история, экономика.

Представления о пространстве тем или иным образом всегда связаны с границами. В научной литературе выделяется немалое количество терминов для обозначения процессов разграничения территории: районирование, сегрегация, зонирование, ранжиро-

вание и другие. В этом контексте наиболее часто исследуются приграничные территории государств, однако осмысление границ городского пространства представляется не менее актуальным, поскольку способствует постижению города через его образ.

Сконструировать образ города – значит выявить символические доминанты в пространстве городской ткани, чтобы структурировать их для придания целостности разрозненным элементам. Образ города не статичен, как и сам город, где существуют различные пространственно-временные отношения, без объяснения которых невозможно понимание трансформации границ городского пространства. Полноценный образ динамичен и непрерывен, «там, где эта непрерывность не состоялась и не может состояться, действительность – недоступна» [1, 260], а значит, познание и конструирование образа невозможны.

Рассмотрение пространственных границ в статье осуществляется обособленно от границ административного деления, которое по историческим меркам существует недолго и, как следствие, не может обеспечить полного представления о целостности пространства. Изучение разновременных фактов способствует выстраиванию причинно-следственных связей, помогающих «разглядеть ядро идентичности» анализируемого пространства, «выявить сеть объектов, формирующих его устойчивый образ» [2, 215].

Елена Трубина, российский урбанист, отмечает, что, несмотря на устоявшееся представление о соотношении пространственных границ «по принципу матрешки», для постижения интенсивно трансформирующейся ткани города, актуальна трактовка границ как системы сетей взаимодействия, «способных к образованию новых соединений и пересечений» [3, 4], пространственная близость которых не обязательна. Несмотря на статичность архитектурных и коммуникационных границ, как справедливо замечают Амин и Трифт, «пространственная и временная пористость города держит его открытым для следов прошлых и нынешних связей» [4, 16].

Что касается иерархичности границ, то мы находим интересные замечания об этом у Кевина Линча, американского специалиста по проблемам города: «Если важная граница приобретает множество зрительных и коммуникационных связей с общей структурой города, она становится той ведущей особенностью, с которой соотносится все остальное» [5, 95]. В пространстве Симферополя в качестве такой границы мы выделяем главную водную артерию Крыма – реку Салгир, отдельные участки которой «можно рассматривать как барьер, препятствие связям территорий на разных берегах» [6, 138]. Другие участки трактуются как интегрирующая граница, устойчивая доминанта образа Симферополя в различные периоды его трансформации, благодаря чему обеспечивается преемственность.

Д.С. Лихачев отмечает, что взаимоотношения города и природы могут носить различный характер. Применительно к Симферополю мы можем утверждать, что здесь проявляется такой тип взаимопроникновения природы и «второй природы», когда город «пропускает» реку через себя», которая подобно Волхову в Великом Новгороде служит «центральной его улицей», «создавая гармоническую связь города с природой», носит «успокаивающий, целебный характер».

Город – не только «структурированная непрерывность пространственной формы» и совокупность читаемых территорий, но и «подвижные элементы» (определение К. Линча): население, городское сообщество, которое также неоднородно и имеет различного рода границы.

Д.С. Лихачев, говоря о культурной границе, обозначает ее как «творческую сферу», «сферу общения» и «обмена опытом» [7]. Он настаивает на том, что противопоставление

«свой-чужой», которое мы достаточно часто встречаем в научной литературе, посвященной проблеме границ, (например, Юрий Лотман считает его основой культуры), неблагоприятно влияет на развитие граничащих культур, ведет к распространению враждебности, национализма и, в итоге, к умиранию культуры. Стремление к взаимообогащению, «добролюбивое отношение» – основополагающий принцип взаимодействия граничащих культур. Рассмотрение границ пространства Симферополя в контексте полинационального населения города с этих позиций представляется актуальным не только с теоретической точки зрения, но и с практической.

Обратимся к современному этапу трансформации границ взаимодействия этносов Симферополя. В статье «Этническая составляющая социокультурной рубежности Крыма» О. Шевчук и А. Швец с проблемой пространственных границ связывают феномен полиэтничности полуострова в целом, что обусловлено барьерностью территориального расселения этносов в прошлом. На разных этапах развития межнациональных отношений барьеры (природные, социокультурные, политические) могут служить как разграничивающим, так и связующим началом. Сегодня крымские культурологи, географы, социологи отмечают трансграничный характер, условность границ в области межнациональных отношений, что связано не только с процессами аккультурации и ассимиляции на местном уровне, но с глобальными процессами стандартизации, техногенностью цивилизации и другими причинами. Отдельно стоит назвать постоянно возрастающее антропогенное давление на ландшафт, так как именно оно «существенно ослабляет эмоционально-когнитивную связь этноса с природной средой, создает условия для разрушения у него бессознательной субъективной привязанности к тому или иному ландшафту» [8, 168]. Ландшафты современного Симферополя предлагается трактовать как трансформирующиеся и подвижные, что связано с процессами взаимопроникновения текстов различных этносов. Пространство города принадлежит пограничным культурам, «прилегающим семиосферам... это фильтрующая мембрана, которая трансформирует чужие тексты» [9, 262].

На территории Крымского полуострова проживает около 125 этносов, основная масса из которых представлена и в Симферополе. Напоминание о границах исторического ареала расселения этносов мы находим в топонимике улиц города: Русская, Турецкая, Караимская и другие. Не смотря на то, что сохранились районы с высокой этнической концентрацией (например, Ак-Мечеть, где преобладает крымскотатарское население) на современном этапе развития Симферополя этнических кварталов в городе нет. Вероятно, подобная тенденция расселения характерна для многих постсоветских городов, где «компактного расселения отдельных этнических групп... зачастую не наблюдается» [10, 138].

Культурный ландшафт Симферополя является интерэтническим, трансграничным и кросскультурным, в нем, как и во всех крымских ландшафтах, отсутствует «функция этноформирования». Однако говорить о стирании границ между этносами мы не можем. Напротив, возрастает внимание к культурному и историческому прошлому, о чем свидетельствуют открытие национальных телеканалов (крымскотатарский «ATR», основная масса программ на украинском языке на «Черноморской» телерадиокомпании), внимание к языковому наследию (открытие бесплатных курсов чешского языка при Симферопольском чешском обществе «Влтава»), ежегодное проведение национальных праздников (Масленица, Ураза Байрам), носящих ритуальный характер, и другие сходные процессы. В статье А. Бреславского, посвященной анализу постсоветского Улан-Удэ, мы находим сходные процессы: «актуализация локальной истории, ее (ре)конструирование и расширенное воспроизводство» [10, 39].

Несмотря на процессы консолидации внутри этнических сообществ, в Симферополе, на наш взгляд, нарастает безразличие внутри городского сообщества. Призывы власти к толерантности (а не ко взаимному уважению, участливости, добрососедству), которые актуальны для многонациональной крымской земли, влекут ко «взаимоприспособлению через разобщение», то есть в бесконфликтной среде «то, что может показаться проявлением сдержанности и вежливости, на деле проявление безразличия» [11, 172]. Блазированность (термин Зиммеля) ведет к «утрате любопытства к другому» [12, 104], а «бытие с другими... не только держится чаще во внешних границах, но входит в модус отстраненности и сдержанности» [13, 122]. Так, на основе анкетирования, проведенного нами в 2011 году, выяснено, что 33% респондентов считают симферопольцев безразличными.

Вопрос городских границ и границ города поднимается в статье «Глобализации, регионализации и переход к постметрополии» Эдварда Сойя, американского урбаниста-постмодерниста и географа. Уделяя внимание политическим и социальным процессам, процессам экономического и культурного обмена, исследователь говорит о трансграничном характере отношений на мировом и региональном уровнях. Переход метрополии к состоянию постметрополии связан с появлением, исчезновением, динамичной сменой и перестройкой структуры границ, определяющих городскую жизнь. Область влияния города на прилегающие и отдаленные территории «растянута» предельно, до глобальных масштабов. С одной стороны, локальная активность приобретает глобальный характер, с другой – «город более не продукт только ближайшей региональной культуры, но все в большей степени отражает все мировые культуры» [14, 41]. Региональные урбанизационные процессы, процессы глокализации, выражены в стирании границ между городом, городским центром, сердцевинной, ядром (core) и субурбией, периферией, окраиной (fringe). Внутри этого нового образования происходит пространственная и социальная поляризация, наблюдаемая и в Симферополе: стирание границ между центральной частью города и пригородом, реставрация пространств публичного пользования и приобретение земель в частную собственность, расслоение населения на богатых и бедных, нарастание безразличия по отношению к горожанам и появление общественных объединений, борющихся за права человека. Город, где наблюдаются такие процессы, Сойя предлагает называть фрактальным. Термин, пришедший из математики, означает надломленность, прерывистость. Пространство такого типа дифференцировано, мозаично, оно, как калейдоскоп, непрерывно порождает множество сложнейших конфигураций. По наблюдениям Сойя, в городах наблюдаются процессы урбанизации субурбии и перифериализации центра, но нам они кажутся не актуальными для Симферополя.

Статья вошла в альманах, который, как указано в предисловии, посвящен анализу современного состояния пространственных границ, следовательно, большинство теоретических выводов мы можем использовать применительно к городской проблематике. О неупорядоченности и полисемантической границ пространства мы догадываемся, взглянув уже на название сборника: «B/ordering Space». Слэшное написание дает нам метафоричное и неоднозначное представление о пространстве и его границах: с одной стороны мы понимаем исследуемый феномен как граничащее и ограничивающее (bordering), с другой – как некоторое упорядочивающее и управляющее начало (ordering). Во многих статьях говорится о необходимости формирования нового теоретического аппарата для осмысления пространственности не как статичного вместилища границ, а как меняющейся структуры. Мы находим мнения о том, что «необходимо глубокое внимательное исследование социальных практик и дискурсов, в которых границы продуцируются и репродуцируются»

[14, 18], при этом многие авторы обосновывают важность междисциплинарного подхода для наиболее полного анализа пространственных границ ни макро- и микроуровнях.

По мнению многих исследователей (Э. Соия, Е. Трубина, Д. Джекобс, Т. Барнес, Д. Харвей и др.), современный город – постфордистский полицентричный город «торговых центров, разнообразного сервиса, скоростных дорог, «сообществ за воротами» и других новых вариантов организации жилищ» [3, 315-316]. Описывая один из крупнейших коммерческих комплексов зданий в Нью-Йорке – Рокфеллер Центр – Роберта Грац называет главным его достоинством чувство сопричастности посетителя к городу, а не к торговому центру, где обычно человек чувствует себя «оторванным от города». Симферопольские торговые центры, напротив, стремятся к замкнутости, обособленности пространства и изоляции посетителей от города, что враждебно ему, но свойственно торговому центру. «Фуршет», «Metro», «Епи-Центр», «FM» как бы окружают город, так как расположены на выезде из него, неподалеку от конечных остановок пригородного транспорта. Все они трансформируют бывшие окраины, способствуют их разрастанию и сращиванию с пригородом. Противопоставляя себя городу, «работают как улицы, а не как центры и подчиняются городской логике» [15, 331], подобно американским прародителям. Они выполняют многие функции города: пространства для публичного пользования (роллердром в ТЦ «Центрум»), площадка, «где протекают процессы самоидентификации, «обучения» социальной структуре, проведения социальных границ и маркирования различий» [16, 330], главная улица как «театр» (выставочный ряд в любом торговом центре), место для зрелищ, «в котором аудитория воспринимает представляемые ей действия» (разнообразные акции для привлечения клиентов) [17, 10] – некоторые из них.

Торговые центры, обладая многими привлекательными качествами города, не смогут заменить его даже частично. Центральная часть города – аттрактор, «главный, активный, организованный, целеполагающий компонент, интегрирующий систему изнутри» [18, 106 -107], несмотря на кажущуюся районную полицентричность. Мы часто говорим не в центр, а «в город», что является еще одним напоминанием о доминировании центра в ткани города и о том, что «зона существования чего бы то ни было тяготеет к центру» [19, 79]. На практике это проявляется в устойчивости и узнаваемости образов городского пространства, обычно связанных с центром. Об этом свидетельствуют исследования Петербурга (Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев), Луганска (И.Ф. Кононов), Днепропетровска (А.А. Солнышкина) и других городов. Несмотря на то, что население Симферополя не достигает полумиллиона, наблюдается некоторая отчужденность его частей, под «городом большинство жителей начинает понимать только исторический центр» [17, 91].

Обратимся к подвижности границ. Роланд Аткинсон, специалист в области урбанистики, доктор философии в Йоркском университете, исследует процессы перемещения, сдвигов в городском пространстве на примере Лондона, используя данные переписи населения. Автор доказывает, что данный процесс затрагивает все уровни городского пространства: Большой Лондон (Greater London), охватывающий административную часть города и прилегающие пригороды, внутренний Лондон (Inner London), то есть центральную часть города, и внешний Лондон (Outer London), отдаленный, «наружный». Анализируя развитие представлений о пространственных перемещениях, автор статьи отмечает сложность конструирования дифиниции данного вида перемещения. Теоретические представления о процессе перемещения связаны с переселением семей одного дома на другое место жительства в связи с окончанием аренды. Выделяются масштабы потоков переселения, уровни, методы, типы, характеры, социальные характеристики пространственных сдвигов. Следующий этап развития представлений о перемещении характеризу-

ется переходом на глобальный уровень, то есть выходом за границы городов и пригорода. Перемещения анализируются в контексте джентрификации – процесса «кардинального строительного и социального преобразования городского района, который раньше считался неблагополучным, в элитные кварталы для богатых» [21] Эти два процесса взаимобусловлены и предстают как континуум. Аткинсон подчеркивает: «Конечно, подобные границы – условность, тем не менее, нет оснований полагать, что процессы джентрификации не будут происходить в субурбии» [21, 292].

Подобные перемещения также влияют на политические, социо-экономические, миграционные процессы. Джентрификации – «лишь видимый пространственный компонент сложной социальной трансформации городских процессов» [22], «центр частично пересекающихся глобальных связей» [23, 2947]. Это наталкивает на мысль о том, что такой незначительный сдвиг в городском пространстве может привести к более масштабным изменениям. В этом, на наш взгляд, проявляется один из аспектов самоорганизации города, который рассматривается как неустойчивая фаза существования пространства, предполагающая «множественность сценариев дальнейшего развития» [24], подтверждением того, что «система — это система вероятностей» [25, 19].

Что касается подвижности грани образа города, то они проявляются во временной трансформации. Образ городского пространства не статичен, и, следовательно, не мыслим без взаимосвязи пространства и времени, то есть множества хронотопов. Хронотоп, по Бахтину, – «взаимосвязь временных и пространственных отношений» [26, 234]. Город в таком случае, предстает как «текст, занимающий какое-то определенное место в пространстве, то есть локализованный; создание же его, ознакомление с ним протекают во времени» [26, 401] с определенной последовательностью и необратимостью.

Современный образ города – коллаж, «не простая смесь старого и нового. Это результат эстетической оценки и художественного суждения, осознанное сопоставление, казалось бы, несвязанных элементов, с тем, чтобы форма и значение каждого усиливали одна другое и вместе с тем достигалась бы общая цельность» [5, 205]. Ключевое место здесь занимает история, рассматривающаяся как «аналитический инструмент», способный объяснить трансформацию пространства «во времени, т. е. в историческом развитии, чтобы увидеть различные элементы, из которых он возникает» [27, 97]. Это происходит для обозначения невидимых границы и способов соотнесения совокупности элементов, которые невозможно выделить только в современном завершенном пространстве.

Исследуя пространственно-временные отношения в естественных науках, Н. В. Багров, крымский ученый-географ, определяет пространство как «вместилище объектов, явлений, событий», в котором «отображена вся совокупность прошлых и современных процессов» [28, 12], а «время – шкалой, с которой соотносится длительность и/или последовательность событий» [28, 13]. Применимо и к гуманитарным наукам, это замечание позволяет рассматривать город как устойчивое сочетание пространств, живое образование, закрепленное «в каком-то мертвом материале» [26, 401]. Подобным материалом, на наш взгляд, выступает архитектура.

Современная «игровая и галлюциногенная» зеркальная архитектура отражает «окрестности, возвращая им же их собственный образ», она – «пространственно-временной гаджет», который дезориентирует и лишает привычных ориентиров. Подобные здания «скорее отделяются от города, чем взаимодействуют с ним» [11, 132]. Тем не менее, в пространстве современных городов зеркальная поверхность – не редкость. Симферополь не является исключением, что говорит о его вовлеченности в мировые процессы. Вяче-

слав Глазычев, российский эксперт в области дизайна, проектирования и городского развития, считает, что «недолгому господству зеркал приходит конец, что означает возрождение воды в этой роли» [29, 25]. В этом случае Симферополь также не отстает: создание ландшафтного комплекса из двух прудов, ротонды и мостиков около Симферопольского музыкального училища им. П. И. Чайковского, реставрация набережной Салгира и фонтана Саввопуло.

Представления об образе города тесно связаны с представлениями о культурном ландшафте. Российский географ В.Л. Каганский представляет культурный ландшафт как супертекст, как цельное, дифференцированное, непрерывное, поликонтекстуальное и полииерархичное пространство. Анализ работ Каганского, посвященных культурному ландшафту России, позволяет нам предположить, что сходные процессы характерны и для украинского, в частности крымского культурного ландшафта. Современное ландшафтное пространство Крыма «не очищено» от содержимого, оно наращивает все новые ландшафты, представляя сегодня их совокупность, континуум, который активно осваивается, трансформируется и используется. «Жизнь-в-ландшафте – это один из способов обретения-восстановления-наращивания единства собственного жизненного мира» [6, 143] и мира городского пространства, символическое выражение которого мы можем проследить в образе города.

«Очень важно для полноценной жизни в городе – понимать, что ты живЕшь в месте, которое имеет яркую специфику и богатый образ» [30], поэтому крайне актуальным является формирование этого образа на различных уровнях, в том числе через брендинг.

За последние два-три года у многих украинских и крымских городов появляются брендинговые стратегии (Львов, Евпатория, Одесса, Ялта, Судак), не всегда грамотно продуманные и удачные (Одесса, Ялта), но иллюстрирующие вовлеченность нашей страны в мировые процессы. Симферополь пока не выработал стратегию своего продвижения, но, как нам кажется, находится на пути к этому и, следовательно, пребывает «около точки бифуркации» [30], подобно российскому Новокузнецку. Властями столицы регулярно предпринимаются попытки улучшения городского пространства. Надеемся, что сегодня Симферополь пребывает в стадии рефлексии прошлого опыта и анализа материала для дальнейшего пути развития.

Многими исследователями обосновывается важность инновационного креативного подхода к развитию городского пространства (Ч. Лэндри, Э. Амин и Н. Трифт, Р. Грац, Е. Трубина, В. Бабурин, Ф. Котлер, А. Панкрухин и другие). Урбанистические инновации являются антагонистическими аттракторами, непрерывное генерирование которых определяет дальнейшее существование и темп развития современного города.

Локальная история и локальные знания могут послужить удачным толчком для разработки брендинговой стратегии. Симферополь внесен в Список исторических населенных пунктов Украины, однако не все исторически ареалы города рассматривается властями как часть ценного исторического наследия. Например, древнейшая историческая часть столицы – Ак-Мечеть, основанная на рубеже XV-XVI веков, – не внесена в границы исторических ареалов и зоны регулируемой застройки. Поскольку вопрос сохранения исторического наследия в статье подробно не рассматривается, ограничимся упоминанием городских брендинговых стратегий, успешно реализованных на основе сохранения исторического достояния в контексте застройки и расширения территории города. Не только вычленили и ограничили, но структурировать и упорядочить пространство удалось благодаря модернизации исторических границ Евпатории (Малый Иерусалим), Львова (Средместье), Минска (Троицкое предместье), Москвы (Царицыно). Мы полагаем, что перед нами приме-

ры «превращения реконструкции культурного ландшафта для экспонирования в его общее возрождение» [6, 142], что представляет редчайшее исключение. Здесь присутствует резкое, четкое разграничение ткани города, а не постепенное мягкое ее встраивание, следовательно, граница выступает «разъединяющим барьером», а не «связующим швом» [5, 65]. Старый город «Ак-Мечеть» в пространстве современного Симферополя расположен достаточно локально и, как нам кажется, при условии продуманной реконструкции-возрождения, смог бы пополнить ряд удачных примеров.

Наличие разновременной застройки в городе предполагает не «только раритеты музейного типа, отнюдь не только старые здания, доведенные до великолепного состояния дорогостоящей реставрацией... но также и множество простых, обычных, недорогих старых зданий, в том числе и находящихся в неважном состоянии» [31, 199]. Джейн Джекобс, американско-канадская писательница, урбанист, рассматривает это как необходимое условие разнообразия городского пространства, основу для дальнейшей жизни города, которую постоянно подрывают новые здания с «поверхностным блеском благополучия – весьма скоропортящийся товар» [31, 205].

У Ж. Бодрийяра, французского философа, культуролога и социолога, мы находим описание убранства дома эпохи постмодерна. Мы полагаем, что основываясь на этом примере, можно представить образ современного города (в том числе Симферополя), где часто «нет места традиционному вкусу, создававшему красоту через незримое согласие» предметных пространственных составляющих, в основе которых «их упрощенность как элементов кода и исчислимость их отношений» [32, 30]. В основе создания города и его реконструкции видится функциональность и утилитарность, решение конкретных задач на основе рекламы, а не создание «особой атмосферы», индивидуального характера, необходимого для постижения города.

В процессе создания новых городских пространств не всегда удается достичь взаимоналожения ранее сформировавшихся пространств. В этом случае «границы склонны создавать вдоль себя пустоты, полосы недостаточного использования» [31, 271], на практике это проявляется в некоторой изоляции и неиспользовании участка пространства. Примеров подобных планировочных промахов немало и в Симферополе, мы остановимся на границе Парка культуры и отдыха им. Ю. Гагарина и Городской клинической больницы № 6. Этот небольшой участок дороги (около 80-100 метров) ограничен высоким забором больницы, пятиэтажным жилым домом, подъезды которого находятся внутри двора, а все магазины, обращенные к дороге, закрыты и неухожены. Узкий тротуар, не стриженные деревья, открытые люки, небольшое здание морга, «замороженная» стройка, полуразрушенный мост через р. Салгир в парк заставляют прохожих невольно ускорить шаг. Преодолев описанную зону, мы либо входим в парк, где расположены аттракционы и уютные скамейки, либо идем из парка к остановке, где недавно были открыты кафе, оборудована стоянка, что несколько оживило улицу.

Наличие подобных границ негативно сказывается на общем облике города, следовательно, необходимо их устранение или смягчение, то есть перевод барьера в статус шва. Теоретическое изучение, рефлексирование и дальнейшее продуманное конструирование городских территорий предполагает устранение неблагоприятных пространственных локусов, которые сформировались в городе и предупреждение появления новых.

Таким образом, в статье проанализированы некоторые границы городского пространства в контексте компаративной урбанистики, посредством сопоставления пространственных границ Симферополя с границами других городов, что способствует углубленному аналитическому исследованию города как феномена.

Литература

1. Зиммель Г. Избранные работы. – К.: Ника-Центр, 2006. – 440 с.
2. Беспрозванный Н. Ю. Культурно-историческое районирование для изучения территориальной структуры поселений, вошедших в состав Москвы // Вестник Томского государственного университета № 303, 2007. – С. 213-216.
3. Трубина Е.Г. Современная урбанистика. Учебное пособие. – Екатеринбург, 2008. – 319 с.
4. Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос №3 (34), 2002. – С. 1-25.
5. Линч К. Образ города. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
6. Каганский В.Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. № 1, 1997. – С. 134-145.
7. Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. – СПб., 1996. – С. 97-102.
8. Шевчук О.Г., Швец О.Б. Етнічна складова соціокультурної рубіжності Криму // Стратегічні пріоритети №2 (3), 2007. – С. 165-170.
9. Лотман Ю. М. Семіосфера. — С.-П.: Искусство-СПб., 2000. – 704 с.
10. Антропологический форум №12. Исследования города. – 210 с.
11. Бодрийяр Ж. Америка. – СПб: Владимир Даль, 2000. – 204 с.
12. Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос №3 (66), 2008. – С. 95-107.
13. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.
14. Houtum H., Kramsch O., Zierhofer W. B/ordering Space. – Wiltshire: Ashgate, 2005. – 262 с.
15. Грац Р. Город в Америке: жители и власти. – М.: Общ-во развития родной культуры, 2008. – 416 с.
16. Желнина А.А. Социокультурное значение пространств потребления в постсоветском городе (на примере торговых центров Санкт-Петербурга) // Вестник СПбГУ. Сер. 12, вып. 1, 2010. – С. 330-335.
17. Глазычев В. Л. Политическая экономия города: учеб. пособие. – М.: Дело, 2009. – 192 с.
18. Агишева О.В. Образ города в российском политическом пространстве // Вестник Томского государственного университета №2 (3), 2008. – С. 99-115.
19. Дэй К. Места, где обитает душа: Архитектура и среда как лечебное средство / Пер. с англ. В. Л. Глазычева. – М.: Лады, 2000. – 280 с.
20. Витушкин Д. Исторический центр Петербурга ждЕт джентрификация. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.zaks.ru/new/archive/view/79736>
21. Atkinson R. Professionalization and displacement in Greater London // Area 32.3, 2000. – p. 287-295.
22. Вагин В. Социология города. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Vagin/index.php
23. Devadason R. Cosmopolitanism, Geographical Imaginaries and Belonging in North London // Urban Studies №47 (14), 2010. – p. 2945–2963.
24. Культурология. XX ВЕК. Энциклопедия в 2-х томах / Под ред. Левит С.Я. – СПб.: Университетская книга, 1998 – 409 с.
25. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – М.: Петрополис, 1998. – 432 с.
26. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худ. лит., 1975. – 504 с.
27. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
28. Багров Н.В., Боков В.А., Черванев И.Г. Пространственно-временные отношения в самоорганизации геосистем // Геополитика и экогодинамика регионов. – №1, 2005. – С. 12-20.
29. Глазычев В. Л. Урбанистика. Ч.3. – М.: Европа, 2008. – 179 с.
30. Каганский В.Л. Новокузнецк: город – образ – стратегия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://culturolog.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=708&Itemid=12
31. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2011. – 460 с.
32. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино, 2001. – 224 с.

Город и время: как вы понимаете?¹

/City and time: how do you understand?/

М.С. Петровский, писатель, литературовед, культуролог
Издательство "Дух и літера"
Национальный университет "Киево-Могилянская академия"
Киев, Украина

В интервью известного писателя и культуролога, по материалам которого подготовлена данная публикация, представлены глубокие методологические соображения о значении исторической памяти для города.

В своих многочисленных работах, в том числе в книге "Городу и миру" (1991 г.), автор разворачивает сходные идеи на материале разных городов мира.

Ключевые слова: город, сохранение времени в городе, Киев, исторические памятники, локальные и мировые символы.

*M.S. Petrovsky, writer, literary critic, culture expert
Publishing house "Spirit and litera"
National university "Kiyev-Mogilyansky Academy"
Kiev, Ukraine*

In the interview of the famous writer and the culture expert are presented deep methodological reasons about value of historical memory for the city.

In the numerous works, including, "To the city and the world" (1991) author develops similar ideas on a material of the different cities of the world.

Keywords: the city, time preservation in the city, Kiev, historical monuments, local and world symbols.

Город – время, превращенное в материал. В трагической истории Украины непрерывно приходилось все начинать сначала. Даже Киев, в котором мы живем, очень условно может быть назван тем же городом, в котором княжили Ярослав и Владимир. На момент татарского нашествия середины XI – II века Киев зашкаливал за сто тысяч, что по тем временам было размерами мирового города, а потом, на протяжении более чем 400 лет, неизвестно ни об одном каменном памятнике. Это означает, что город был стерт, превратился в поселение другого типа, полусельское.

В пушкинские времена в Киеве едва ли было 30 – 40 тысяч населения. Город начался снова где-то уже после реформ 1860-х годов, когда было введено свеклосеяние и сахароварение, и на этой, так сказать, сладкой жизни выросал новый Киев. Заметьте, то, что мы называем старым Киевом, за исключением древних памятников – это сооружения 1870 – 1910-х годов.

Потом революция и гражданская война снова его прекратили, началась история так называемого социалистического Киева, которая обернулась особенно

трагическими последствиями – после перевода столицы из Харькова в 1934 г. начали рубить Киев под корень.

За 1934 – 1936 годы было уничтожено больше памятников первоначального, древнего Киева, чем за предыдущую тысячу лет, включая татарское нашествие. Мы как-то даже не отдаем себе отчета в этом. За два года стерли самые ценные его сооружения.

Может быть, я излишне субъективен, но для меня это чудовищное преступление стоит наравне с геноцидом крестьянства.

Ведь, понимаете, город – специфическое образование. Я бы так сказал: село – это парное молоко. Оно всегда свежее. А город – как сгущенка в банке. Это концентрат, созданный для хранения. Село на протяжении столетий остается таким, каким оно есть и было. Город накапливает историю. Создает, накапливает и хранит. Это как консервы, которые сохраняют время.

Бытует расхожее представление об архитектуре как застывшей музыке. При всем уважении к Гете, автору этой романтической метафоры, я не считаю ее верной. На самом деле город – это не застывшая музыка, а овеществленное время. Время, превращенное в материал. Это и есть культурный смысл города.

И город, движущийся в своем развитии вперед – потому что кроме сохранения, есть еще и развитие – на своих исходных памятниках держится, как корабль на якорях. Если их отрубают, корабль превращается в «летучего голландца», который блуждает по морям и океанам вне времени, вне человеческих смыслов.

Вот сейчас город восстановил свои исторические памятники. Мы понимаем, что это уже не памятники, а памятники памятникам, вторая степень, но все равно, тем самым город как бы хотел сказать, что у него есть прошлое, история, что он продолжается, что он не без корней. Но ведь одновременно с этим происходит ужасное уничтожение других, быть может, менее высокопарных памятников и какая-то просто ошалелая застройка – по сути, исторический центр уже не существует, он уже только в литературе, но не в натуре.

При советской власти безумное разрушение проводила власть, перед которой были бессильны даже большие деньги. Сейчас разрушают в погоне за деньгами настолько большими, что перед ними бессильна даже власть. Опять-таки, в качестве крошечного примера: Ющенко, когда шел на выборы, обещал, что первым делом он эту застройку на Январского восстания, ныне Мазепы, которая нависает и над Днепром, и над Верховной Радой, либо совсем уберет, либо понизит. Забыли все, об этом даже речи нет. Потому что перед теми деньгами, что там крутятся, даже власть президента пасует. Вот что такое дикий первоначальный капитализм с его антикультурной сущностью. Этим историческим экскурсом я хотел показать, как в истории Киева все время приходилось начинать сначала, каждый раз мучительно восстанавливать связь с историей.

Любимые места и маршруты. Есть несколько дорогих для меня мест. Прежде всего, район, где прошло детство, – между Лютеранской и нынешней улицей Городецкого, особенно площадь возле театра имени Франко. Она находится в самом центре города и в то же время дает рекреационный эффект, ощущение соразмерности человека с застройкой и ландшафтом. Ее необширность, уютность, связанные с памятью детства – очень дороги. Для меня это как курортная зона. Я часто туда хожу, когда нуждаюсь в разрядке, когда нужно от одной тяжелой работы перейти к другой тяжелой работе. Для меня в этом месте есть что-то исповедальное

– вот как человек идет на исповедь от грехов очиститься, так и я туда хожу. Очень люблю, условно говоря, булгаковский маршрут – Владимирскую от университета до Андреевского спуска и далее до Подола. Я воспринимаю эту улицу не столько как место действия, по которому бегают взад-вперед мечущийся герой знаменитого романа, сколько как своего рода исторический проспект, на котором особенно хорошо прослеживается время.

Перспектив исторической памяти. Давайте будем двигаться не так, как я сейчас сказал, а наоборот, снизу вверх, начиная с Гончаров-Кожемяк, где на моей памяти были еще постройки из камыша, обмазанного глиной. Потом застройка конца XIX века, – особнячки, домики Андреевского спуска, потом здание нынешнего главного телеграфа, такое ренессансное, потом жилые дома начала XX века, потом древняя София и присутственные места в стиле полицейского классицизма конца XIX века, и так до классицистского университета. То есть на этом маршруте представлены все исторические эпохи — чуть ли не от мазанок до современных построек.

Накопление в Киеве исторического времени очень хорошо здесь видно; эклектика чудовищная, но познавательная и характерно городская. Поэтому когда я вожу своих гостей, условно говоря, по маршруту булгаковского романа, то я вижу не только это, но еще и работу города, который накапливает время, запечатленное в своих постройках. Там представлены почти десятилетия истории с выходами в еще более глубокую древность. Поэтому для меня это своего рода исторический проспект, о котором мечтал Гоголь: можно провести человека по улице и показать ему все эпохи, все стили. Движешься сквозь пространство, как сквозь время. Мне душевно это очень необходимо.

История и ландшафт города. К сожалению, Киев в своем историческом развитии не очень хорошо использовал дар, который ему достался. Застриваясь, город съел ландшафт.

Киев в литературе иногда называли вторым Иерусалимом — тот тоже на холмах и на оврагах. Но там застройку осуществляют только на вершинах холмов, что подчеркивает сохраненный ландшафт. Киев застривали сплошь, и застройка съела ландшафт. Это уже непоправимо. Например, Большая Житомирская идет по краю оврага. Но строители совершили ошибку, застроив правую часть, если идти от центра. Мы не видим, что движемся по краю оврага. Мне кажется, в свое время была допущена оплошность, и застройка стала скрывать связь города с его ландшафтом. Представляете себе, если бы двигаясь по Большой Житомирской, мы бы видели, что движемся по краю оврага и нам открывались бы прекрасные архитектурные и природные виды? Правда, эту ошибку сейчас пытаются немного исправить созданием аллеи над Кожемяками. Но все-таки Киев еще виден и в его чисто визуальном, зрительном понимании, и, наверное, в символическом — я имею в виду те семь холмов, на которых должен располагаться Вечный город.

Символ национального и общечеловеческого. Когда ко мне приезжают гости из других городов или стран, я их, естественно, вожу по городу, и среди прочего мы идем к Софии. Мысль о том, что София сохранилась чудом, что она была предназначена к взрыву, как Михайловский собор, приводит меня в ужас. Это как страшный сон... Вы знаете, что София дошла до нас не в первоначальном виде — изначально все киевские храмы были византийского устройства, работали чистыми геометрическими формами — куб, барабан и полусфера, и были гораздо бли-

же к конструктивизму XX века, чем более поздние постройки. Потом они были бароккизированы и в таком барочном виде дошли до нас. По-видимому, первоначально София не была оштукатурена. И сейчас в этой штукатурке оставлены так называемые ревизии — чтобы можно было посмотреть на камень, из которого София сделана. И там виден древний, тонкий, сантиметра четыре в толщину и очень произвольной длины кирпич — плинфа. Но по ширине он точно такой же, как современные кирпичи. Более того. Если взять кирпичи из московского Кремля, из индийских пагод, из других построек древнего мира — они могут быть из глины, из самана, из камня, различаться по толщине и длине, но ширина будет у всех одинакова. Сегодня есть понятие мирового стандарта. Скажем, лампочка, выкрученная из патрона в Нью-Йорке, спокойно входит в патрон в Киеве. Но в ту пору, когда строилась София, об этом не было даже представления. Тем не менее, исторический стандарт кирпича существует. Если из построек разных эпох вынуть некоторое количество кирпичей, то можно сложить стену, однородную по толщине. Возникает вопрос: каким образом люди догадались сделать так?

Человеческая рука! Раствор человеческой ладони везде одинаков – что в Древнем Египте, что у индейцев в Америке, что у индусов, что у японцев. Необходимость этого захвата создала мировой стандарт.

Культурное созидательное усилие человечества буквально было засвидетельствовано раствором человеческой руки, отразившимся в строительном бруске. А уже что мы строим этим бруском – это наше национальное, локальное усилие. Получается, что понятие единства человечества было проявлено человеческой рукой задолго до того, как люди додумались до этого головой. По-моему, это замечательная метафора соотношения общечеловеческого и национального. Но это и метафора Киева.

Освящение времени: штрихи к описанию хронотипа малого города

*/Time consecration: strokes to the description
chronotype the small city/*

Е.Я. Римон, доктор филологии, профессор
Университетский центр г. Ариэль
Ариэль, Израиль

В статье использованы данные опроса жителей Гар-Браха – небольшого поселка в Самарии, проведенного в 2011 г. От Гар-Браха до ближайшего города Ариэля полчаса езды на машине, но машины есть не у всех. Автобус в Ариэль ходит два раза в день, в остальное время можно рассчитывать на попутку. Попытка синтеза временных парадигм – старой и новой – осуществило национально-религиозное направление, возникшее в XX веке. В данной работе дается описание хронотипа этого направления в пространстве малого города.

Ключевые слова: время, хронотип, традиция, новые профессии жителей малого города в Израиле.

*E.J. Rimon, Doctor of philology, professor
University center Ariel
Ariel, Israel*

In this article the author used the data of a poll of inhabitants of Gar-Brakh – the small settlement in Samaria, carried out in 2011. The attempt of a synthesis of temporary paradigms – old and new – carried out the national and religious direction which has arisen in the 20th century. In this work is given the description of chronotype this direction in space of the small city.

Keywords: time, chronotype, the tradition, new professions of inhabitants of the small city in Israel.

Раб времени – раб раба.

Раб Господа – я свободен.

Иегуда Галеви, XI в.,
(пер. Александра Воловика)

«Формы времени». В «Путешествиях Гулливера» Джонатана Свифта есть примечательный эпизод. Исследуя содержимое карманов Гулливера, лилипуты были озадачены при виде найденном ими «диковинной машины». Этот «предмет оказался похожим на шар, одна половина которого сделана из серебра, а другая из какого-то прозрачного металла; когда мы, заметя на этой стороне шара какие-то странные знаки, расположенные по окружности, попробовали прикоснуться к ним, то пальцы наши уперлись в это прозрачное вещество. [...] Мы полагаем, что это либо неизвестное нам животное, либо почитаемое им божество. Но мы более склоняемся к последнему мнению, потому что, по его уверениям (если мы правильно поняли объяснение Человека Горы), он редко делает что-нибудь, не советуясь с ним. Этот предмет он называет своим оракулом и говорит, что он указывает время каждого шага его жизни».

Что это был за предмет? Мы догадались, это часы! А вот лилипуты решили, что это божество (или, точнее, идол) европейского человека.

Литературный прием, который применил здесь Джонатан Свифт, называется «остраннение» – изображение привычного как странного и удивительного, позволяющее взглянуть на обычные вещи «со стороны». Но остраннение существует не только в литературе. В сущности, этнография и этнопсихология никогда не занимались ничем другим, как только «остраннением». Любопытство к быту (к «содержимому карманов») и к особенностям восприятия мира различных народов и национальных групп дает возможность познать жизнь и «других», непохожих на нас людей, а затем взглянуть на себя их глазами и увидеть самих себя с новой точки зрения.

Такую попытку предпринял американский психолог Роберт Левин в книге «География времени» [1]. Левин исследовал темп жизни (pace of time) в более чем пятидесяти странах по всему миру, в городах, деревнях и местечках. Оказалось, что не только темп жизни, но и параметры ощущения и измерения времени в разных местах и у разных народов различаются очень сильно. Например, в деревне африканского народа бурунди на вопрос «когда?» могут ответить не «в восемь тридцать», а «перед закатом, когда стадо вернется с пастбища». Пожалуй, для бурунди европейская привычка сверять время по часам показалась бы не менее странной, чем для лилипутов. Может быть, и они могли бы сказать, что в европейской подчиненности линейному времени, измеряемому синхронизированными часовыми механизмами, есть нечто рабское и даже присутствует некий элемент идолопоклонства...

Говорят, что время – это ткань, из которой соткана наша жизнь. Но эта ткань соткана из разных нитей, которые по-разному прядутся и по-разному сочетаются. Наше индивидуальное восприятие времени моделировано культурой. Ребенок, живущий в естественном природном ритме (сытость – голод, еда – отправление естественных надобностей, бодрость – усталость, сон – пробуждение), должен научиться дополнительным параметрам восприятия и ощущения времени, принятым в его общине, в его культуре – иначе он не сможет в них вписаться и станет изгоем.

Эти параметры и их соотношения, очевидно, в разных культурах очень разные. В отличие от ньютоновских абстрактных и единых координат пространства и времени, время культуры множественно. Бахтин в работе «Формы времени и хронотопа в романе» показал, что время является основой организации литературного сюжета: особые концепции времени характерны для любовного романа, пикарески, биографического романа воспитания и т. д. Бахтин назвал эти «формы времени» хронотопами. Авторы романов не изобретают хронотопы, но опираются на парадигмы, существующие в жанре, в его «памяти», то есть в своего рода «коллективном бессознательном» культурной традиции.

Но ведь и реальная повседневная человеческая жизнь моделирована и организована в соответствии с определенными «формами времени», существующими в культуре. Двадцать лет назад в Стэнфордском университете вышел сборник *Chronotypes: The Construction of Time*, редакторы которого, ссылаясь на бахтинский термин «хронотоп», предложили называть эти формы реального времени «хронотипами». Хронотипы – это модели, внутри которых время получает практическое и\или концептуальное значение. Время в культуре не дается нам готовым. Оно постоянно конструируется, строится. Хронотипы создаются и изменяются на индивидуальном, социальном и общекультурном уровне. Они взаимодействуют друг с другом – и очень часто находятся в конфликте. [2]

В мультикультурном обществе одновременно действуют разнонаправленные процессы унификации и диверсификации. «Мир стал очень тесным и очень разным» (Александр Вайль, Петр Генис). В кварталах мегаполисов, населенных различными этнически-

ми и культурными общинами, не только говорят на разных языках, там и время течет по-разному. В современном Израиле живут евреи, израильтяне – но и они очень разные, и эта «разность» видна очень отчетливо. В одном небольшом государстве сосуществуют люди, живущие в совершенно разных временных парадигмах. В центральных и северных кварталах Иерусалима утром в пятницу кипит жизнь, магазины полны народом, в домах гудят пылесосы. Ближе к закату движение становится все более лихорадочным, а затем замирает. За полчаса до того, как гудок сирены возвещает зажигание субботних свечей¹, улицы стихают, становятся безлюдными, а затем из домов к синагогам потянутся мужчины и дети, торжественно шествующие на вечернюю молитву (женщины в это время обычно накрывают на стол). А в это время в Тель-Авиве бурлит жизнь, зажигаются огни, поток машин становится все более интенсивным, кафе и бары наполняются народом, из дискотек залпами вырывается громкая музыка – нечто совершенно невыносимое в Иерусалиме. Тель-Авив и Иерусалим живут по одним и тем же синхронизированным часам, но в разных ритмах. Но и внутри некоторых израильских городов (Иерусалим, Хайфа, Нетания) разные кварталы различаются по хронотипам.

В данной работе предпринята попытка сопоставить разные хронотипы: хронотип современного развитого индустриального общества (на основе данных американских и европейских антропологов) и еврейский традиционный религиозный хронотип (на основе данных, собранных мной и моими студентами). Мне кажется, они вполне способны «остраннить» друг друга.

На начальном этапе исследования было собрано 12 интервью. Исследование было осуществлено в июле-августе 2011 года в израильском поселении Гар-Браха (Самария). Студенты, собиравшие и обрабатывавшие материал, старались так формулировать вопросы, чтобы не подсказывать информантам ответы, а дать им возможность высказаться самим². Однако тема интервью – организация личного времени – оказалась для информантов чрезвычайно актуальной, они постоянно размышляли о ней.

Изучение личного времени – захватывающее занятие, оно как окошечко в личную, семейную жизнь человека. Никто в этих интервью не делает душераздирающих признаний, не пытается раскрыть тайны своего подсознания. Все информанты описывают обычный образ жизни, одновременно и личный, и типичный. Использование времени дает яркое представление об идентичности – о том, к какой общности принадлежит человек и в чем его индивидуальная особенность внутри этой общности.

Мучительная спешка. Журнал «USA Today» регулярно проводит опросы на тему «использование времени». Результаты опросов оказывают, что восприятие времени американцами «драматически изменилось» с 1987 года. Жизнь американцев от года к году становилась все более напряженной. Вот некоторые из результатов. В 1987 году с утверждением «в прошлом году ваша жизнь стала более напряженной» согласилось 47 % информантов, в 2008 – 51 %. «Наша семья сидит вместе и обедает каждый вечер»: в 1987 году с этим утверждением согласились 59 % опрошенных, в 2008 – 20 %. «Вы хотели бы проводить больше времени с семьей и друзьями»: 1987 – 80 %, 2008 – 90 %. «Если бы у вас было свободное время, вы бы провели его с семьей»: 1987 – 46 %, 2008 – 31 % [3]³. Расхождение между ответами на два последних вопроса – это разница между тем, чего бы человек вообще желал, и что бы он сделал, если бы мог. Даже если бы у американцев вдруг стало больше свободного времени, они бы потратили его на работу. Американский

¹ Женщины зажигают свечи за 20 минут до заката (в Иерусалиме – за 40 минут). В субботу не принято зажигать огонь, включать электроприборы, готовить пищу, мыть полы, вытирать пыль или стирать – поэтому все приготовления должны быть сделаны заранее, до зажжения свечей.

² Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность студенткам университетского центра Ариэль в Самарии Аяле Кесслер и Юдит Коэн (обе – молодые мамы и школьные учительницы), которые не жалели своего времени и сил, чтобы помочь мне в проведении интервью.

³ http://www.usatoday.com/news/health/2008-08-04-time-paradox-happiness_N.htm.

социолог Филипп Зимбардо рассказывает: «Мы спросили: «Представьте, если бы у вас было восемь дней в неделю – что бы вы сделали?» В основном отвечали: «Это здорово, я бы больше работал, чтобы достичь большего!» Это не то, что люди хотели бы, но это то, что они выбрали: не друзья, не семья, даже не сон!»⁴

Хотя во второй половине XX века в повседневную жизнь обитателей развитых стран вошло множество приспособлений, высвобождающих время – от памперсов, микроволновых печей и стирально-сушильных машин с разными программами до скоростных поездов и Интернета, это не освободило их обладателей от спешки. Интересно, что глагол *hurry*, в современном английском языке имеющий значение «спешить», вначале употреблялся в значении «захватывать территорию» (первое зафиксированное употребление – IX век), и только с XIII века начинает употребляться применительно ко времени [4]. В XIV – XVI веке это слово приобретает еще более абстрактные значения, близкие к *harass* (беспокоить, изводить), и даже *torment* (мучить, пытаться). Спешка – это пытка, но она же, как ни парадоксально, может служить показателем социального статуса и предметом гордости. Шведский социолог Стеффен Линдер назвал свою книгу, вышедшую в 1970 году, «Спешащий праздный класс» [5]. Речь в ней шла как раз о том, что в развитых современных обществах чем выше уровень жизни, тем более человек спешит, *hurried*, «замучен». Зимбардо отмечает, что в США провели рейтинг 60 городов в соответствии с высокими или низкими темпами жизни, и оказалось (как и следовало ожидать), что у жителей городов с высоким темпом жизни наиболее высокий уровень сердечных заболеваний.

Важно отметить, что возрастание спешки не всегда связано с увеличением количества работы. Изменилась сама структура времени. В последней четверти XX века в жизни развитых стран появилось еще одно новшество: более гибкий график работы. Стандартный, общий для всех временной график «от 9 до 5» и «от понедельника до пятницы» уходит в прошлое. Его место занимает «общество 24 часов», с индивидуальными временными ритмами [6]. Сокращается количество и временная протяженность жестко организованных ритуалов, таких как вечерняя семейная трапеза [7]. Казалось бы, что может быть лучше свободы? Можно развлекаться, когда хочется, а не именно в выходной или в праздник; работать в соответствии с желанием, с утра, вечером или ночью, принимать пищу, когда есть аппетит, а не тогда, когда ее готовят и подают всем... Однако, как ни парадоксально, согласно исследованиям начала XXI века, де-стандартизация времени приводит к еще большему ощущению напряжения.

Как любая свобода, освобождение личного времени от внешней регламентации создает новые проблемы. Первая из них – рассогласование жизни семьи. Если у каждого члена семьи свой собственный жизненный график, им не только не удастся вместе пообедать или поужинать – зачастую им вообще не удастся пересечься⁵. Отчуждение между супругами, между родителями и детьми (не говоря уже о более отдаленной родне) обостряется не из-за того, что все заняты, но из-за того, что все заняты в разное время. Возникает ощущение, что работа вторгается в частную жизнь, которая превращается в *temporal prison* («тюрьму времени») [8]. Вторая проблема – повышенное ощущение ответственности за организацию времени, поскольку теперь она в большей степени поддается личному контролю (и сопровождается чувством вины). По наблюдениям английского антрополога Дейла Саутхертонна, люди страдают от спешки не оттого, что они много работают, а оттого, что они одновременно живут в разных временных рамках, одна накладыва-

⁴ В свою очередь, согласно исследованию Робинсона и Гудби, в 1985 г. американцы чувствовали себя более загруженными, чем в 1965 г., хотя объективно у них стало больше свободного времени. См. [3].

⁵ Philip Zimbardo, John Boyd, *The Time Paradox*

ется на другую, и это является источником стресса. Однако тут как раз заложена возможность решения первой проблемы. Некоторые информанты Саутхертон рассказывали, что они составляют координированные графики с тем, чтобы проводить больше времени с семьей и друзьями [9]. Это значит, что если члены семьи имеют четкий порядок приоритетов, они в принципе могут решить проблему рассогласования семейного времени. Но это требует больших личных волевых усилий и самоконтроля, поскольку общество и традиция все меньше регламентируют извне индивидуальные временные графики.

Регламентаций становится все меньше, но неизменным остается общий хронотип, за которым просматривается архетипичная форма времени: время – деньги (отсюда выражение «бюджет времени» и т. п.) Время, как деньги, может быть измерено, сосчитано и поделено на сравнимые единицы [10]. Точнее, время – это своего рода сырье, которое человек получает бесплатно и из которого он должен извлечь как можно больше прибыли (в том числе и из свободного времени). Тот, кто зря, бездарно, некачественно тратит время – дурак или даже преступник: он ворует время у себя и у других. В этом смысле и деньги, и время имеют своего рода метафизическую ценность: наличие денег и одновременно отсутствие времени придают жизни смысл, показывают, что человек живет правильно, он востребован. Интерпретация времени как стоимости у Маркса исходит именно из этой модели.

Таким образом, на вопрос о том, кто или что заставляет информантов «USA Today», Зимбардо, Саутхертон (и других упомянутых социологов) превращать свою жизнь в мучительный марафон, – нет однозначного ответа. С одной стороны, это их личный выбор, которым они гордятся. С другой стороны, это форма времени, принятая в той социальной страте, к которой они принадлежат. Среди англичан, принадлежащих к high middle class, «высше-среднему классу», опрошенных Дейлом Саутхертоном, большинство выражали гордость и удовлетворение тем, что много успевают и выдерживают напряженный жизненный ритм, – и одновременно признавались, что у них, в сущности, нет выбора: они обязаны много успевать, чтобы держаться на общепринятом уровне жизни и не ударить в грязь лицом перед соседями, родственниками и сослуживцами. Напряженный ритм их жизни продиктован отнюдь не угрозой голода или потери крыши над головой, а необходимостью соответствовать социальному статусу, заставляющей все время сравнивать себя с другими в двух важнейших аспектах: карьера и уровень потребления. В полном соответствии с гегелевской диалектикой рабства и свободы гордые обладатели времени, конвертируемого в материальные ценности (например, дом, сад, машина, отдых, соответствующие определенному социальному статусу), превращаются в его мучеников и рабов.

Святость времени. В еврейской традиции время неоднородно. Время – один из аспектов сотворенного мира, в отличие от доначальной бесконечности, в которой времени не было. В то же время, поскольку творение связано с Творцом, в пространстве и времени сотворенной реальности материального мира присутствует некоторая связь с вневременной бесконечностью Первотворения. Эту связь можно назвать «кдуша». Обычно это слово переводится как «святость», но у него есть и другие значения: «отделенность», «полнота», «изобилие», «энергия». Когда мистики говорят, что Храм – святое место, имеется в виду, что это место пересечения миров, через которое материальная реальность насыщается энергией высших миров. В аспекте времени святости Храма соответствует святость Субботы⁶. В отсутствие Храма и вообще всякого собственного места Суббота на много веков стала еврейским святилищем, доступным в пространстве изгнания.

⁶ Частный случай этой проблемы – возросшая географическая мобильность, в результате которой физиологические ритмы приходят в противоречие с графиком работы.

Обсуждение философских проблем времени в еврейской религиозной философии очень часто связано с экзистенциальной проблематикой рабства и свободы. Раб отличается от свободного человека именно тем, что он не властен над своим временем. Заповедь о соблюдении Субботы проводит параллель между еврейскими этиологическими мифами: о сотворении мира, об Исходе из Египта (сотворении народа) и о грядущем мессианском избавлении. См., например, у р. Авраама Йеошуа Гешеля: «Шесть дней в неделю мы заняты освоением мира, это время, которое принадлежит цивилизации. Седьмой день, Суббота, посвящен напоминанию о сотворении мира и об Избавлении евреев из Египта, исходу из великой цивилизации в пустыню, в которой было явлено слово Бога. Трудясь в течение шести дней, мы участвуем в историческом времени; освящая седьмой день, мы вспоминаем о вневременном начале истории и одновременно о выходе из нее. [...] Быть евреем – значит утверждать мир, не превращаясь в его раба; быть частью цивилизации и одновременно преодолевать ее, осваивать пространство и освящать время» [11].

«Освящение времени», киддуш га-zman – это не только обычай, но и заповедь, категорический императив. Однако встреча субботы называется не «началом», а «принятием» субботы. Ее, как и другие заповеди, можно и не принять. Это вопрос выбора: если еврей не хочет соблюдать субботу, он имеет реальную возможность этого не делать, точно так же как информанты Зимбардо и Саутхертон в принципе имеют возможность работать меньше. (Более того, этим людям платят за работу, тогда как соблюдение Субботы – требует воздержания от работы, которое как раз влечет за собой отказ от некоторой части заработка). И здесь есть диалектика субъективного выбора и объективной принадлежности к группе.

Здесь нет возможности подробно говорить о различных течениях в иудаизме. Но стоит упомянуть, что одним из аспектов «сионистской революции» было, как писал поэт Авраам Шлионский, «новое отношение к времени – освящение шести дней труда» [12]. Это новое освящение времени вступило в конфликт с традицией. Попытку синтеза этих временных парадигм – старой и новой – осуществило новое направление ортодоксии, возникшее в Израиле в XX веке – национально-религиозное. В данной работе я попытаюсь дать описание хронотипа этого направления. Еще раз подчеркну, что оно не единственное. Это не вся израильская культура, это только одна из ее многочисленных форм.

В этой статье использованы данные новейшего (июль-август 2011 года) опроса жителей Гар-Браха, небольшого поселка в Самарии. Вся жизнь Гар-Браха строится вокруг высшего религиозного училища – йешивы Гар-Браха, в которой учатся или преподают почти все мужчины⁷. От Гар-Браха до ближайшего города Ариэля полчаса езды на машине, но машины есть не у всех. Автобус в Ариэль ходит два раза в день, в остальное время можно рассчитывать на попутку. Транспортная проблема накладывает отпечаток на ритм жизни поселка: многие женщины работают дома, иначе они не смогут отвести детей в садик и забрать их⁸.

Поселенцы Гар-Браха принадлежат к национально-религиозному направлению, внешним знаком которого служат разноцветные вязаные кипы (шапочки, прикрываю-

⁷ Понятие "освящение времени" (киддуш а-zman) появляется уже в Вавилонском Талмуде (Трактат Брахот, 49). Изучение Торы в ортодоксальном иудаизме само по себе является ценностью, ее изучают не для того, чтобы получить диплом и профессию, ее можно учить всю жизнь. Многие из студентов йешив после нескольких лет обучения начинают сами преподавать и оказываются так или иначе связанными с той или иной системой образования.

⁸ Большинство детских садов в Израиле закрываются в полдень.

щие темя) у мужчин, косынки и береты у замужних женщин. Приверженцы этого направления стремятся найти если не гармонию, то хотя бы некий баланс между религиозным и светским образом жизни. Это означает, что почти все они совмещают учебу в ешиве с работой и службой в армии, почти все параллельно получают светское образование и специальность. При этом в религиозных семьях принято рано жениться и выходить замуж, рожать много детей. Учеба, работа, семья – это как бы несколько жизней, в каждой из которой надо многое успеть.

Литература

1. Robert V. Levine. A Geography Of Time: On Tempo, Culture, And The Pace Of Life, Basic Books, 1998.
2. John Bender, Davis A. Wellberry, Introduction, Chronotypes: The Construction of Time, Ed. By, Stanford University Press, Stanford, California, 1991, p. 4.
3. John Robinson and Geoffrey Godbey, Time for Life: The Surprising Ways that Americans Use their Time. Pennsylvania: Pennsylvania State Press, 1997.
4. Philip Zimbardo, John Boyd, The Time Paradox
5. Steffen B. Linder, The Harried Leisure Class. Columbia: Columbia University Press, 1975
6. Manfred Garhammer (1995) 'Changes in Working Hours in Germany', Time & Society 4 (2): 167–203, Koen Breedveld, 'The Double Myth of Flexibilization: Trends in Scattered WorkHours and Differences in Time Sovereignty', Time & Society (1998) 7:1.
7. Marion Kerr and Nickie Charles, Women, Food and Families. Manchester: Routledge, 1988.
8. Arlie R. Hochschild, The Time Bind. New York: Metropolitan Books, 1997.
9. Dale Southerton, 'Squeezing Time' : Allocating Practices, Coordinating Networks and Scheduling Society, Time & Society (2003) 12: 5.
10. Barbara Adam, Richard Whipp, and Ida Sabelis, 'Choreographing Time and Management: Traditions, Developments, and Opportunities', in R. Whipp, B. Adam and I. Sabelis (eds) Making Time. Time and Management in Modern Organizations, New York: Oxford University Press, 2002, pp. 1–28.
11. Avraham Jehoshua Heschel, God in Search of Man, FSG, p 417-418
12. Avraham Shlionsky, Yalkut Shirim, Tel Aviv: Yahdav, 1983, am' 12

Шок в большом городе: Берлин, Париж, Москва, Самара, Лион, Дрезден

М. Сан'оль, атташе по делам культуры, Посольство Франции в Москве, писатель, ученый, "гость-профессор" университетов Берлина и Потсдама Париж, Франция

Представлено несколько тезисов о трех значительных европейских больших городах, которые сегодня в большей степени "создают" континент, а именно о Париже, Берлине и Москве. Ввиду факта проведения конференции в Самаре и сотрудничества с Кёльном и Дюссельдорфом упомянуты известные, сходные города средней величины – Лион, Дрезден и Самара.

Ключевые слова: Г. Зиммель, В. Беньямин, индустриальные города, шок большого города.

Введение

В начале XX века благодаря Георгу Зиммелю (а прежде всего его статье «Большие города и духовная жизнь» и его главной работе «Философия денег») в Германии появились теории о доходах и развитии больших городов, большую роль в которых играли понятия шока и эмоций. «В этом должен заключаться важнейший момент социологии большого города. Движение в нем, по сравнению с маленьким городом, отражает громадный перевес зрения над слухом, и не только потому, что встречи на улице в маленьком городе происходят с относительно большим количеством знакомых, с которыми можно перекинуться несколькими словами, но и, прежде всего, из-за общественного транспорта. До появления автобуса, железной дороги и трамвая люди в XIX веке вообще не имели возможности в течение нескольких минут или часов разглядывать друг друга и при этом не разговаривать» [1].

Чувство принадлежности к толпе в анонимности городского транспорта терпимо только в силу хлопотливых отношений, которые не требуют знакомства людей друг с другом. В большом городе человек может чувствовать себя более одиноким, чем в маленьком. «Городская культура прижимает к стенке огромное количество людей и заставляет их разочаровываться, когда объективная линия нарушает внутреннюю границу и вообще ломает всякие ограничения. Либо очевидная, либо прикрытая тысячей одежек деловитость отношений увеличивает дистанцию между людьми и является защитой от напирющей со всех сторон близости» [2].

В статье «Большие города и духовная жизнь» Зиммель впервые исследует психологическое воздействие большого города на его жителей: «Психологической основой, на которую поднимается тип сити-индивидуальности, является увеличение

повседневной нервозности, вытекающей из быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений» [3].

Вальтер Бенджамин поддерживает Зиммеля в его исследованиях, говоря о Париже XIX века: «Точное замечание Зиммеля о беспокойной атмосфере большого города и неврастениках, в подавляющем количестве случаев только наблюдающих, но не слушающих, доказывает, что корни психологии наверняка уходят в желание снизить ощущение беспокойства» [4]. В дополнение к «повышению жизненной нервозности» и «внешним и внутренним впечатлениям» Зиммель будет развивать понятие раздражения или шока (обычно он пишет его на французском – *Choc* или *Chock*). При этом он опирается на удовольствие, чтобы выявить, какую функцию в сознании людей выполняет защита путем раздражения: «Для живого организма защита путем раздражения – задача даже более важная, чем восприятие раздражения (рецепция); организм наделен собственным энергетическим запасом и в первую очередь должен стремиться к охранению имеющихся у него особых форм внутреннего энергетического обмена от уравнительного разрушающего влияния внешней энергии» [5]. Бенджамин комментирует: «Опасность этой энергии – шок. Чем сознательнее вы становитесь, тем меньше эффект такого шока расценивается как травматичный» [6]. При данном раскладе важнейшей ежедневной работой оказывается защита от такого шока. «Чем выше в отдельных впечатлениях доля шоковых моментов, тем больше сознание ориентировано на защиту от шока, и чем успешнее происходит эта защита, тем меньше полученный вами опыт и тем раньше вы удовлетворяете потребность в переживаниях» [7].

Бенджамин интерпретирует поэзию Бодлера как проявление шоковой обороны против постоянных раздражителей и впечатлений от пребывания в толпе большого города: «Шоковый опыт – это то, что стало определяющим для бодлеровской фактуры» [8]. Бенджамин опирается также на рассказ Эдгара По «Человек толпы», переведенный Бодлером на французский язык. В этом рассказе описывается лондонская толпа с наступлением темноты, когда люди идут домой при свете газовых фонарей: «У большей части прохожих вид был самодовольный и озабоченный. Казалось, они думали лишь о том, как бы пробраться сквозь толпу. Они шагали, нахмутив брови, и глаза их перебегали с одного предмета на другой. Если кто-нибудь нечаянно их толкал, они не выказывали ни малейшего раздражения и, пригладив одежду, торопливо шли дальше» [9].

Париж – Берлин – Москва

Париж. Город остается важнейшей культурной и модной столицей на европейском континенте уже с тех пор, когда Бенджамин провозгласил его «столицей XIX века». После того, как Париж перестал быть культурной столицей и передал эту функцию другим городам, он сохранил статус города, задающего своему жизненному стилю интернациональный тон (например, в киноиндустрии, гастрономии и т. д.), города, в котором приятно просто прогуляться [10]. После правления президента Миттерана появились роскошные постройки (Пирамида Лувра, Большая арка Дефанс, Новая аранцузская уациональная библиотека, Новое финансовое министерство Берси и т. д.), после Ширака – Музей примитивного искусства на набережной Бранли (искусство из Африки), а теперь ожидаются новые идеи по обновлению города.

Берлин. Берлин – первый значительный город, который в XX веке заработал звание большого города и был отражен в экспрессионистских фильмах («Берлин: симфония большого города»), или, например, в авангардном романе Деблина «Берлин, Александерплац» [11], или в социологических трудах Зигфрида Кракауэра («Орнамент массы», «Служащие») [12], Франца Хесселя («Прогулки по Берлину») [13], Вальтера Бенджамина («Берлинское детство», «Улица с односторонним движением») [14]. После разрушительных катастроф XX века (национализм, бомбардирование, разделение Берлина, Берлинская стена) Берлин приведен в чувство и сегодня большой город переживает значительный подъем в перспективе фантазмагорий, начавшихся с «упаковки» Рейхстага Кристо, продолжившихся постройкой стеклянного купола над Рейхстагом и Потсдамской площадью, а также сооружением памятных мест «игрового характера» (памятник жертвам холокоста в виде детской площадки). Однако Берлин ни в коем случае нельзя сопоставить с Парижем или Москвой, хотя его роль как центра искусства и сильно возросла.

Москва. В XX веке Москва была центром коммунизма и рабочего движения и своей особенной архитектурой (7 огромных высоток в важнейших местах города, очень широкие аллеи, разрушенные церкви, роскошное московское метро и т. д.) засвидетельствовала победу рабочего класса и должна была таким образом показать другим народам верный путь. Сегодня Москва стала, с одной стороны, новой столицей капитализма и олигархии, что доказывает здание Центра торговли и финансов Moscow-City из стекла и стали. С другой стороны, Москва снова является ведущим центром культуры и искусства с ее нескончаемыми московскими ночами, заново открытыми выставками («Винзавод», «Гараж», «Красный Октябрь») и силой языка и литературы, достигшими больших высот.

Лион – Дрезден – Самара – Киев

Лион. Лион, второй по величине город во Франции в устье Роны и Соны, имеет долгую историю. Вначале, во времена Римской империи, город был столицей Галлии, позднее, в эпоху Возрождения – важнейшим городом Франции с процветающей литературой и итальянской архитектурой, а после – важным производителем шелка, прославившимся в XIX веке восстанием силезских ткачей. Затем, во время Второй мировой войны, Лион стал центром военного сопротивления, а сегодня он известен как столица высокого кулинарного искусства. С 30-х годов Лион стал привлекателен своим высокоскоростным поездом Lyon Turin Ferroviaire, который позволил добираться до Парижа не пять, а два часа. Кроме того, Лион добился большого успеха благодаря предпринятым мерам децентрализованного управления: постройке высшей элитной школы Ecole Normale supérieure (ранее находилась в Сэнт-Клоде, ныне – в Лионе), сходной с парижской Консерваторией искусств и ремесел, организации выставки современного искусства Биеннале, реабилитации старого города эпохи Ренессанса и дальнейшим строительным проектам. С 1925 г. в Лионе имеется современное метро.

Дрезден. Дрезден – средний по величине немецкий город – совмещает в себе парадоксальное: с одной стороны, это столица одной из земель, имеющая прославленную историю (управлялась саксонскими королями Августом II и Августом III) и собравшая одно из самых значительных и прекрасных собраний картин в Германии. Дрезденскую галерею с хранящейся в ней Сикстинской Мадонной Рафаэля сегодня

можно отнести к важнейшим европейским музеям. С другой стороны, Дрезден все еще находится в омертвлении и отличается некоторой провинциальностью, что подталкивает людей к эмиграции. Дрезден живет за счет туризма и своего прославленного прошлого, которое чуть ли не было утрачено в результате бомбардировки 1945 г.

Самара. Самара – большой город на Волге, среди прочего – с процветающей автоиндустрией. Больше я пока ничего не могу сказать.

Киев. Так как я ничего не могу сказать о Самаре, то стоит сказать несколько слов о Киеве. Киев считается «матерью городов русских» и имеет долгую славную историю, особенно когда речь идет о периоде от начала существования Киевской Руси (X-XIII век) и до завоевания и разрушения ее татарами. Потом часть Киева перешла во владение Польско-Литовского Союза, пока он в 1654 г. не был присоединен к России, что означало, что ребенок стал сильнее, чем его мать. В Российской Империи Киев был долгое время только пятым по своей величине городом после Москвы, Петербурга, Варшавы и Одессы, а в Советском Союзе – третьим по величине после Москвы и Ленинграда. С 1991 г. Киев является столицей независимой страны Украины. Как крупный город с двухмиллионным населением Киев определенно является большим городом с метро, толпами людей, снующими по центру, собственным производством и внушительной архитектурой, а также с великой культурой (театры, филармонии, музеи). Также этот город – настоящий источник вдохновения для писателей, каким в особенности он был для Куприна, Шаломы Алейхема, Гроссмана и современного автора Куркова.

Литература

1. Georg Simmel. «Versuch über die Soziologie der Sinne», in Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung, Berlin 1908, 4. Auflage 1958, S. 486; S. auch: Georg-Simmel-Zentrum, Stadtethnologie // http://www.gs-zentrum.de/index.php?article_id=10&clang=0
2. Georg Simmel. Philosophie des Geldes, Leipzig 1900, S. 514.
3. Georg Simmel. «Die Großstädte und das Geistesleben», aus Die Grossstadt. Vorträge und Aufsätze zur Städteausstellung. (Jahrbuch der Gehe-Stiftung Dresden, hrsg. von Th. Petermann, Band 9), Dresden 1903, S. 185-206.
4. Walter Benjamin, Das Passagen-Werk (Paris, Hauptstadt des 19. Jahrhunderts) (1940), in Gesammelte Schriften, Bd. V, 1, Frankfurt/M. 1982, S. 560.
5. Sigmund Freud, Jenseits des Lustprinzips, 3. Auflage Wien 1923, S. 34-35, zitiert bei Benjamin, Über einige Motive bei Baudelaire, in Gesammelte Schriften, I,2, Frankfurt 1974, S. 613.
6. Walter Benjamin, Über einige Motive bei Baudelaire, ebd.
7. Ebd. S. 615.
8. Ebd. S. 617.
9. Edgar Allan Poe, Der Mann der Menge, zit. bei Benjamin, ebd. S. 625; Эдгар Аллан По. Человек из толпы. Перевод русс. // <http://www.poe.su/chelovek-tolpi/>
10. Vgl. Louis Aragon, Le paysan de Paris, Paris 1926; André Breton, Nadja, Paris 1927.
11. Alfred Döblin, Berlin Alexanderplatz., Die Geschichte vom Franz Biberkopf. Roman, Berlin 1929. (Viele Neuauflagen, zB. DTV München 1975).
12. Siegfried Kracauer, Die Angestellten, Aus dem neuesten Deutschland, Frankfurt 1930, Das Ornament der Masse, Frankfurt 1963, Straßen in Berlin und anderswo, Frankfurt 1964.
13. Franz Hessel, Spazieren in Berlin, Berlin 1929.
14. Walter Benjamin, Einbahnstraße, (Berlin 1928), in Gesammelte Schriften, IV, 1, S. 83-148; Berliner Kindheit um neunzehnhundert, (1933) ebd., S. 234-304.

Der Schock der Großstadt: Paris, Berlin, Moskau

M. Sagnol,
ehemaliger Kulturattaché an der französischen Botschaft in Moskau,
Lehrer, Schriftsteller und Wissenschaftler in Paris, ehemaliger
Gastwissenschaftler an den Universitäten Berlin und Potsdam
Paris, Frankreich

In diesem Artikel werde ich ein paar Punkte über die drei großen europäischen Städten, die nun weitgehend "geschaffen" den Kontinent, nämlich, Paris, Berlin und Moskau. In Anbetracht der Tatsache, dass die Konferenz in Samara und der Kooperation mit der Köln und Düsseldorf, erwähne ich auch das bekannte, ähnlich wie bei mittelgroßen Städten - Lyon, Dresden, und Samara.

Schlüsselwörter: G. Simmel, Benjamin W., Industrie-Stadt, der Schock einer großen Stadt.

Einleitung

Am Anfang des 20. Jahrhunderts sind insbesondere in Deutschland bei Georg Simmel (vor allem in seinem Aufsatz «Die Großstädte und das Geistesleben» und in seinem Hauptwerk *Philosophie des Geldes*, 1900) Theorien zum Aufkommen und zur Entwicklung der Großstadt entstanden, bei denen die Begriffe des Schocks und der Emotionen eine große Rolle spielen.

«Hierin muss ein für die Soziologie der Großstadt bedeutendes Moment liegen. Der Verkehr in ihr, verglichen mit dem in der Kleinstadt, zeigt ein unermessliches Übergewicht des Sehens über das Hören Anderer, und zwar nicht nur, weil die Begegnungen auf der Straße in der kleinen Stadt eine relativ große Quote von Bekannten betreffen, mit denen man ein Wort wechselt, sondern vor allem durch die öffentlichen Beförderungsmittel. Vor der Ausbildung der Omnibusse, Eisenbahnen und Straßenbahnen im 19. Jh. waren Menschen überhaupt nicht in der Lage, sich minuten- bis stundenlang anblicken zu können oder zu müssen, ohne miteinander zu sprechen» (1).

Dieses Gefühl des Gedrängtseins in der Anonymität der Verkehrsmittel ist nur durch die Geldhaftigkeit der Beziehungen erträglich, die das Kennenlernen zwischen fremden Menschen nicht erfordert. In der Großstadt kann der Mensch sich viel alleiner fühlen als in der Kleinstadt. «Dass man sich mit einer so ungeheuren Zahl von menschen so nahe auf den leib rückt, wie die jetzige' Stadtkultur es bewirkt, würde den menschen völlig verzweifeln lassen, wenn nicht jene Objektivierung des Verkehrscharakters eine innere Grenze und Reserve mit sich brächte. Die entweder offenbare oder in tausend Gestalten verkleidete Geldhaftigkeit der Beziehungen schiebt eine funktionelle Distanz zwischen den Menschen, die ein innerer Schutz gegen die allzugesdrängte Nähe ist» (2).

Im Aufsatz «Die Großstädte und das Geistesleben» untersucht Simmel zum erstenmal die psychologischen Auswirkungen des Lebens in der Großstadt auf deren Einwohner: «Die psychologische Grundlage, auf der der Typus großstädtischer Individualität sich erhebt, ist die *Steigerung des Nervenlebens*, die aus dem raschen und ununterbrochenen Wechsel äußerer und innerer Eindrücke hervorgeht» (3).

Walter Benjamin stützt sich auf Simmel in seinen Forschungen zum Paris des 19. Jh.: «Simmels zutreffenden Bemerkung über die Beunruhigung des Großstädters durch den Nebenmenschen, den er in der überwiegenden Mehrzahl der Fälle sieht, ohne ihn zu hören, zeigt, dass im Ursprung der Physiologien jedenfalls unter anderem der Wunsch war, diese Unruhe zu bagatellisieren» (4). Im Anschluss an Simmels «Steigerung des Nervenlebens» und «äußere und innere Eindrücke» wird er den Begriff des Reizes oder auch des *Shocks* entwickeln (den er meist auf französisch *Choc* oder *Chock* schreibt). Dabei stützt er sich auf Freud, um in dem Bewußtsein des Menschen die Funktion des Reizschutzes zu sehen: «Für den lebenden Organismus ist der Reizschutz eine beinahe wichtigere Aufgabe als die Reizaufnahme; er ist mit einem eigenen Energievorrat ausgestattet und muss vor allem bestrebt sein, die besonderen Formen der Energieumsetzung, die in ihm spielen, vor dem gleichmachenden, also zerstörenden Einfluss der übergroßen, draußen arbeitenden Energien zu bewahren» (5). Benjamin kommentiert: «Die Bedrohung durch diese Energien ist die durch Chocks. Je geläufiger ihre Registrierung dem Bewußtsein wird, desto weniger muss mit einer traumatischen Wirkung dieser Chocks gerechnet werden» (6). Damit erscheint die wichtigste tägliche Leistung des Großstadtmenschen die Abwehr gegen diese Chocks. «Je größer der Anteil des chockmoments an den einzelnen Eindrücken ist, je unablässiger das Bewußtsein im Interesse des Reizschutzes auf dem Plan sein muss, je größer der Erfolg ist, mit dem es operiert, desto weniger gehen sie in die Erfahrung ein; desto eher erfüllen sie den Begriff des Erlebnisses.» (7).

Benjamin interpretiert die Poesie Baudelaires als einen Ausdruck jener Chockabwehr gegenüber den ständigen Reizen und Eindrücken aus den Mengen der Großstadt: «Die Erfahrung des Chocks gehört zu denen, die für Baudelaires Faktur bestimmend geworden sind» (8). Dabei stützt sich Benjamin auch auf die Erzählung Edgar Poes, *Der Mann der Menge*, die Baudelaire gerade ins Französische übersetzt hatte. In dieser Erzählung wird die Londoner Menge bei Anbruch der Dunkelheit, wenn die Menschen im Gaslicht nach Hause gehen, beschrieben: «Die meisten, die vorbeikamen, sahen aus wie Leute, die mit sich zufrieden sind und mit beiden Füßen im Leben stehen. Sie schienen nur daran zu denken, sich durch die Menge den Weg zu bahnen. Sie runzelten die Brauen und warfen Blicke nach allen Seiten. Wenn sie von benachbarten Passanten einen Stoß bekamen, zeigten sie sich nicht weiter ungehalten; sie brachten ihre Kleider wieder in Ordnung und hasteten weiter» (9).

Paris – Berlin – Moskau

In diesem Beitrag werde ich einige Thesen zu drei bedeutenden europäischen Großstädten äussern, die das Kontinent heute am meisten prägen, nämlich Paris, Berlin und Moskau. Angesichts der Tatsache, dass die Konferenz in Samara stattfindet und in Zusammenarbeit mit Köln und Düsseldorf entsteht, werde ich dann auch mir bekannte mittelgroße Städte erwähnen, die einen ähnlichen Ausmaß haben, nämlich Lyon, Dresden, Samara.

Paris. Nachdem Paris von Benjamin als «Hauptstadt des 19. Jh.s» deklariert wurde, bleibt es heute die wichtigste Kulturhauptstadt und Hauptstadt der Mode auf dem europäischen Kontinent. Nachdem Paris seine Funktion als Hauptstadt der Kunst zugunsten anderer Kunstsentren eingebüßt hat, bleibt es weiterhin die Stadt, die in ihrer Lebensart international den Ton angibt (z.B. im Film, in der Gastronomie, usw.), die Stadt, in der es angenehm ist zu flanieren (10). Nachdem unter Präsident Mitterrand große prestigevollen Bauten entstanden sind (Louvre-Pyramide, Große Arche der Défense, neue Bibliothèque Nationale de France, neues Finanzministerium in Bercy usw.), unter Chirac das Musée du quai Branly (mit Kunst aus Afrika), wartet man jetzt auf die nächsten Ideen, die Stadt zu erneuern.

Berlin. Berlin ist die erste bedeutende Stadt, die im 20. Jh. den Namen einer Großstadt verdient hat, die sich in den expressionistischen Filmen (z.B. *Berlin, die Sinfonie der*

Großstadt), oder in dem Avantgarde-Roman von Döblin *Berlin Alexanderplatz* (11), in den soziologischen Arbeiten von Siegfried Kracauer (*Das Ornament der Masse, Die Angestellten*) (12), Franz Hessel (*Spazieren in Berlin*) (13), Walter Benjamin (*Berliner Kindheit, Einbahnstraße*) (14) niedergeschlagen hat. Nach den Zerstörungen der Katastrophen des 20. Jhs. (Nationalsozialismus, Bombenangriffe, Teilung Berlins, Mauer), erlebt Berlin heute eine gewisse Wiederbelebung seines Großstadtcharakters mit fantasmagorischen Aspekten, die mit der Verpackung des Reichstags durch Christo angefangen haben, sich dann mit der Glaskuppel des Reichstags und des Potsdamer Platzes fortführen sowie auch mit dem fast spielhaften Charakter der Gedenkorte (Holocaust-Denkmal als Kinderspielplatz). Jedoch kann sich Berlin keineswegs mit Paris und Moskau messen, auch wenn die Kunstszene gewachsen ist.

Moskau. Nachdem Moskau im 20. Jh. die Hauptstadt des Kommunismus und der Arbeiterbewegung war, die mit ihrer besonderen Architektur (7 riesige Hochhäuser an bedeutenden Punkten der Stadt, sehr breite Alleen, Zerstörung der Kirchen, prestigevolle und luxuriöse Moskauer Metro usw.) den Sieg der Arbeiterklasse feiern und den anderen Völkern den Weg zeigen sollte, ist heute Moskau einerseits eine neue Hauptstadt des Kapitalismus und der Oligarchen geworden, die im neuen Finanz- und Handelszentrum «Moskau-City» in Stahl- und Glasarchitektur ein völlig neues Gesicht zeigt, andererseits wieder ein bedeutendes Kunst- und Kulturzentrum mit den nicht enden wollenden Moskauer Nächten, mit den neueröffneten Ausstellungsorten (Winzavod, Garage, Krasny oktiabr), mit der Kraft der Sprache und Literatur, die sehr weit reicht.

Lyon – Dresden – Samara – Kiev

Lyon. Lyon, die zweitgrößte Stadt Frankreichs an der Mündung von Rhône und Saône, hat eine lange Geschichte, zuerst als «Hauptstadt Galliens» im römischen Reich, später als wichtigste Renaissance-Stadt Frankreichs mit einer blühenden Literatur, und in der die neue Architektur aus Italien ausprobiert wurde, dann als wichtige Seidenindustriestadt, bekannt durch den Seidenweberaufstand der «Canuts» im 19. Jh., später im zweiten Weltkrieg als Hauptstadt der Resistance, heute weltweit als Hauptstadt der hohen Gastronomie. Lyon hat seit 30 Jahren durch den Hochgeschwindigkeitszug TGV sehr viel gewonnen, der die Reisezeit nach Paris von 5 auf 2 Stunden verkürzt hat. Außerdem hat Lyon durch die Dezentalisierungsmaßnahmen der verschiedenen Regierungen auch viel gewonnen: die Eliteschule Ecole Normale supérieure (früher Saint-Cloud, heute Lyon), das (dem Pariser gleichwertige) Nationale Konservatorium CNSM, die Biennale für zeitgenössische Kunst, die Rehabilitierung der Altstadt aus der Renaissance, und weitere Bauprojekte. Seit ca. 25 Jahren hat Lyon ein modernes Metro.

Dresden. Dresden ist in Deutschland eine mittelgroße Stadt, die paradoxe Züge aufweist: auf der einen Seite ist sie eine Landeshauptstadt, die über eine ruhmreiche Geschichte verfügt, als die sächsischen Könige August II. und August III. regierten und die bedeutendste und schönste Gemäldesammlung Deutschlands erwarben, die heute noch die Gemäldegalerie Dresden mit der berühmten Sixtinischen Madonna des Rafael zu den wichtigsten Museen Eurtopas zählen lässt; auf der anderen Seite ist Dresden immer noch etwas eingeschlafen und trägt eindeutig provinzielle Züge, die einen Teil der Bevölkerung zum Auswandern bringt. Dresden lebt vom Tourismus und von seiner glorreichen Vergangenheit, die in den anglo-amerikanischen Bombenangriffen von 1945 auf einmal fast verschwunden ist.

Samara. Samara ist eine große Stadt an der Wolga, unter anderem belannt durch die Autoindustrie. Mehr kann ich vorläufig nicht sagen.

Kiew. Da ich über Samara nichts sagen kann, einige Worte über Kiew. Kiew gilt als «Mutter der russischen Städte» und hat eine lange, ruhmreiche Geschichte, insbesondere aus der Zeit der «Kiewskaia rus» im 10.-13. Jh., bis es von den Tataren erobert und zerstört wurde.

Dann wurde Kiew Teil der Polen-Litauischen Union, bis es sich 1654 an Russland anschloss, d.h. an das Kind, das mächtiger als die Mutter geworden war. Im russischen Imperium war Kiew lange Zeit nur die 5 größte Stadt (nach Moskau, Petersburg, Warschau und Odessa), dann in der Sowjetunion die drittgrößte Stadt nach Moskau und Leningrad. Seit 1991 ist Kiew die Hauptstadt der unabhängigen Ukraine. Als bedeutende 2-Millionen-Stadt hat Kiew eindeutig Großstadt-Charakter mit Metro, mit Mengen von Menschen, die im Zentrum flanieren, mit Industrie und mit imposanter Architektur, auch mit großer Kultur (Theater, Philharmonie, Museen). Es ist auch eine wichtige Inspirationsstadt für große Schriftsteller, insbesondere Kuprin, Bulgakov, Scholem Aleikhem, Grossman, heute Kurkov.

Bibliographische Liste

1. Georg Simmel. "Versuch über die Soziologie der Sinne", in Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung, Berlin 1908, 4. Auflage 1958, S. 486; S. auch: Georg-Simmel-Zentrum, Stadtheologie.
2. Georg Simmel, Philosophie des Geldes, Leipzig 1900, S. 514
3. Georg Simmel, "Die Großstädte und das Geistesleben", aus Die Grossstadt. Vorträge und Aufsätze zur Städteausstellung. (Jahrbuch der Gehe-Stiftung Dresden, hrsg. von Th. Petermann, Band 9), Dresden 1903, S. 185-206,
4. Walter Benjamin, Das Passagen-Werk (Paris, Hauptstadt des 19. Jahrhunderts) (1940), in Gesammelte Schriften, Bd. V, 1, Frankfurt/M. 1982, S. 560.
5. Sigmund Freud, Jenseits des Lustprinzips, 3. Auflage Wien 1923, S. 34-35, zitiert bei Benjamin, Über einige Motive bei Baudelaire, in Gesammelte Schriften, I,2, Frankfurt 1974, S. 613.
6. Walter Benjamin, Über einige Motive bei Baudelaire, ebd.
7. Ebd. S. 615.
8. Ebd. S. 617.
9. Edgar Allan Poe, Der Mann der Menge, zit. bei Benjamin, ebd. S. 625.
10. Vgl. Louis Aragon, Le paysan de Paris, Paris 1926; André Breton, Nadja, Paris 1927.
11. Alfred Döblin, Berlin Alexanderplatz., Die Geschichte vom Franz Biberkopf. Roman, Berlin 1929. (Viele Neuauflagen, zB. DTV München 1975).
12. Siegfried Kracauer, Die Angestellten, Aus dem neuesten Deutschland, Frankfurt 1930, Das Ornament der Masse, Frankfurt 1963, Straßen in Berlin und anderswo, Frankfurt 1964
13. Franz Hessel, Spazieren in Berlin, Berlin 1929.
14. Walter Benjamin, Einbahnstraße, (Berlin 1928), in Gesammelte Schriften, IV, 1, S. 83-148; Berliner Kindheit um neunzehnhundert, (1933) ebd., S. 234-304.

Бирмингем — Бирмингемский университет — русские ученые

/Birmingham — Birmingham University - Russian scientists/

Н.С. Скотникова, кандидат философских наук
Самарский государственный аэрокосмический университет
Самарский государственный медицинский университет
Самара, РФ

С Бирмингемским университетом связана судьба русского ученого Н.М. Бахтина. В музее университета остались архивы Николая Михайловича Бахтина, прошедшего трагическую эволюцию от белоэмигранта до левого интеллигента, служившего СССР. На фоне эволюции университета в английском городе Бирмингеме рассматривается коллизия трагического конфликта братьев Н.М. и М.М. Бахтиных.

Ключевые слова: Бирмингем, Бирмингемский университет, "левые" философы, наследие Н.М. Бахтина, современный урбанизм.

*N.S. Skotnikova, The candidate of philosophical Sciences
Samara state aerospace University
Samara state medical University
Samara, RF*

With Birmingham University linked the fate of the Russian scientist N. M. Bakhtin. In the Museum of the University remained the archives of Nikolai Bakhtin, past the tragic evolution of emigrant to the left intelligentsia, who served in the USSR. On the background of the evolution of the University in the English city of Birmingham is considered a conflict of tragic conflict brothers N.M. and M.M. Bakhtins.

Keywords: Birmingham, University of Birmingham, the "left" philosophers, the heritage of N. Bakhtin, modern urbanism.

Переосмысление с точностью «до наоборот» разрывает связи между прошлой практикой и настоящей, в том числе, между поколениями и внутри семей. Такие трагические повороты нередки в культуре России XX века. Удивительно, что в этом случае они развернулись на городской сцене английского города Бирмингема и хорошо известного в мире Бирмингемского университета.

О том, что Бирмингем – второй по величине город Великобритании с населением более 1 млн. человек является крупнейшим из восьми региональных промышленных центров страны, можно прочитать во всех туристических справочниках. Самое существенное, это то, что Бирмингем - это крупный культурный центр Великобритании: знаменитый симфонический оркестр и Королевский балет, Бирмингемский музей и картинная галерея, архитектурные памятники XVIII, XIX веков и шедевры современной архитектурной мысли. Примечательно, что Картинная галерея Барберовского института изобразительных искусств признана одной из лучших в мире малых галерей, в кол-

лекции которой представлены шедевры Дега, Гейнсборо, Моне, Ренуара, Тернера и других величайших художников.

Для нас особенно важным является указать на то, что и галерея, и концертный зал Барберовского института изобразительных искусств располагаются на территории кампуса Университета Бирмингема. В этом видится лучшее подтверждение европейских традиций «взаимопорождений» города – страны – университета. Так, университет, основанный городом, является центром культуры и образования в стране и во многом определяет имидж города.

Общеизвестен тот факт, что биография Университета Бирмингема началась в 1900 году, когда граждане города изъявили желание открыть собственный университет по подготовке квалифицированных кадров для нужд промышленных предприятий. Сегодня Университет Бирмингема входит в пятерку ведущих университетов Великобритании, в котором одинаково сильно представлены гуманитарные, общественные науки, медицина, педагогика и право. В настоящее время это один из сильнейших научных университетов Великобритании. Он является членом групп Universitas 21 и Russell и входит в пятерку лучших научных заведений страны: согласно национальной программе оценки качества исследовательской деятельности (RAE 2008) 90 % исследований университета Бирмингема являются международно-признанными благодаря своей оригинальности, значимости и точности. В настоящее время в Бирмингемском университете обучается более 26 000 человек, около 4 тысяч студентов из 150 стран мира.

Имеются связи и с Россией, и с отечественной историей и культурой. Русские преподаватели – отнюдь не редкость в западных университетах. Начало международному обмену кадрами было положено еще в XIX веке. После революции 1917 года приток ученых, которые эмигрировали из Советской России, был самым значительным. Как и в других странах, в Великобритании была создана русская академическая группа, которую возглавил патофизиолог В.Г. Коренчевский. В нее входили: философы Н.М. Бахтин, Н.М. Зернов, Н.Д. Городецкий, историки П.Г. Виноградов, М.И. Ростовцев, Н.Е. Андреев, литературный критик Г.П. Струве, византолог Д.Д. Оболенский (4). В академической среде они оказались практически востребованы в канун Второй мировой войны, а также - после нее. Русские ученые обладали не только прекрасной школой и были полезны вузам, но так же оказывались прекрасными интерпретаторами «неоднозначного» союзника. Англия и СССР стали союзниками в борьбе против фашистской Германии в 1941 г.

Судьба советского ученого Михаила Михайловича Бахтина (1895 – 1975) – известна: испытания ссылками, непониманием и вознесение на Олимп признания в самом конце жизни, в 1970-е. Менее известна судьба его брата, с которым они были в юности чрезвычайно близки духовно и профессионально. Николай Михайлович Бахтин (1894 – 1950) испытал все тяготы революционного взрыва: белая армия, эмиграция, Берлин – Париж – Великобритания, где он жил до кончины в 1950 г. Николай Бахтин работал в Бирмингемском Университете с 1938 г. профессором классической филологии, был вдохновенным лектором, продолжал заниматься философией поступка и метафизикой ответственности (5). Был признан Л. Витгенштейном и Исаей Берлиным, о чем пишет Г.Л. Тульчинский (6). Встречаться братья Бахтины не могли. Но парадоксы культурных взрывов в русской культуре развели их и после смерти.

В 1970-е возникла ситуация, когда «советский Бахтин» мог получить архивы брата Он отказался (7). Михаил Бахтин узнал, что Николай, будучи профессором англий-

ского университета, стал сочувствовать сталинизму, вступил в Британскую коммунистическую партию. Г. Тиханов пишет: «У Михаила, оставшегося в Советской России, с годами оставалось все меньше и меньше общего с удушающим режимом; Николай же, начав с вооруженного сопротивления советской власти, постепенно становился все более горячим ее приверженцем. В этой асимметрии, как в кривом зеркале, отразилась не только ирония истории, но и – даже в большей степени – признание выбора Другого как неминуемой границы и горизонта собственных решений. Каждый из братьев втягивал другого в свой мир, в круговорот перемен и превращений, где их подлинная встреча так никогда и не состоялась, хотя предполагалась – всегда» (8).

Научная и педагогическая деятельность русских ученых в университетах Лондона, Оксфорда, Кембриджа, Бирмингема недостаточно изучена и в последние годы становится предметом активных исследований. Наследие «русского зарубежья» является неотъемлемой частью единого научного пространства и нуждается в интеграции (9).

Одним из способов решения этой задачи нам видится организация и проведение стажировок российских преподавателей в западных университетах. Положительный опыт подобных поездок доказывает их эффективность и целесообразность. Один их примеров - Д.А. Редин, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета проходил стажировку в университете Бирмингема в Центре изучения России и Восточной Европы (CREES) с целью ознакомления с состоянием русских исследований.

Что же касается сегодняшних студентов Бирмингемского университета из России, то согласно внутренней статистике, наши соотечественники изучают преимущественно экономику и менеджмент. На уровне бакалавриата студенты University of Birmingham предпочитают изучать международные отношения, международный бизнес, иностранные языки. Среди магистерских программ у россиян популярны естественные науки, компьютерные дисциплины, MBA. /<http://eduabroad.ru/journal/13.04.2011/1/>

Очевидно, что урбанистические проблемы современной жизни ставят перед человеком прагматичные задачи, которые решаются через освоение прикладных, технократических дисциплин. В то время как гуманитарное знание остается областью интересов узкого круга специалистов. Но глобальные проблемы мирового сообщества не могут быть решены вне гуманитарного контекста.

Литература

1. Бурлина Е.Я. Бытие России в зеркале жанров. XIX век. – Lam-Lambertus, Saarbrücken 2011.
2. Бахтин Н.М. Из жизни идей. Статьи, эссе, диалоги. – М.: Лабиринт, 1995.
3. Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. – М.: Прогресс/Культура, 1993.
4. Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (начало XIX-XX вв.): Сб. статей. – М., 1998.
5. Российские ученые за рубежом: Биографический словарь // <http://www.russiagrave.ru/index.php> (обращение: 2012, 07.04).
6. Тульчинский Г.Л. Николай и Михаил Бахтины: консонансы и контрапункты // Вопросы философии. – № 7. – 2000. – С. 83.
7. Тиханов Г. Бахтин в Англии. Дополнение к биографии Н.М. Бахтина и к истории рецепции М.М. Бахтина // Тыняновский сборник. – Вып. 10. – М., 1998. – С. 591-598.
8. Тиханов Г. Миша и Коля: Брат-Другой (пер. с англ. Е. Канищевой и А. Полякова) // НЛО. – 2002. – № 57.
9. Шестаков В.П. Русские в британских университетах. Опыт интеллектуальной истории и культурного обмена. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 316 с.

Из истории мультикультурного наследия России (Тифлис – Петербург – Москва – Ялта – Штутгарт – Гейдельберг) /From history of a multicultural heritage of Russia (Tiflis - Petersburg - Moscow - Yalta - Stuttgart - Heidelberg)/

Е.С. Федорова, доктор культурологии, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, член Комиссии "Традиции музыкальной культуры и современность" в Совете по сохранению культурного и природного наследия России при Президиуме РАН, научный куратор ГОУ ДМШ имени С.И. Танеева
Москва, РФ

Рассказывается о судьбах нескольких поколений российских немцев, оставивших значительный след в истории русской и мировой культуры. Особое место занимает опера "Отче наш", задуманная композитором Георгом фон Альбрехтом в России и завершенная в Германии.

Ключевые слова: история культуры, Альбрехт, мультикультурное наследие.

E.S. Fedorova, Dr. of cultural science, professor Moscow State University of M. Lomonosov, member of the commission "Traditions of musical culture and present" Council for preservation of cultural and natural heritage of Russia at Presidium of the Russian Academy of Sciences, scientific curator of DMSH Public Educational Institution of S.I. Taneev

Moscow, RF

In article it is told about destinies of several generations of the Russian Germans who have left a considerable trace in the history of Russian and world culture. The special place is occupied by the opera "Pater noster" conceived by composer George von Albrecht in Russia and finished in Germany.

Keywords: cultural history, Albrecht, multicultural heritage

*...Но даже мрак – шатер, где меж холстов висящих
Живут, являясь мне бесчисленной толпой,
Родные существа, утраченные мной¹.*

Перед Первой мировой в России, по официальным данным, насчитывалось около двух с половиной миллионов немцев. «Русские немцы», сохраняя этническое своеобразие, не «обескровили» себя этнической замкнутостью², чему благоприятствовал и весь уклад взаимоотношений с ними в российской империи. Потому на слуху любого россиянина множество немецких имен, принадлежащих рус-

¹ Шарль Бодлер в переводе поэта и переводчика Льва Остроумова, друга Георга фон Альбрехта, составителя первого – утерянного – либретто оперы «Отче наш».

² В многонациональной российской культуре на протяжении нескольких веков не иссякал поток втекавших в ее берега чужеземцев. Представители иных культур вынужденно и индивидуально, как попавшие в водную стихию отдельные твердые тела, обтекаясь ею, обогащая культуру и одновременно включаясь в нее как составная частица. Бесспорно, тем милее становился живявшемуся в русскую культуру свой «этнический элемент». Сочетание: включенность в континуум традиционной российской культуры и некая отличность от нее (создававшие вкупе неповторимое своеобразие, «изюминку» многих русских культурных явлений) в основном оказывалось плодотворным для самой традиционной культуры. Ибо не нарушался принцип «культурной оседлости», сформулированный Д.С. Лихачевым и подхваченный и разработанный С.О. Шмидтом. Увы, нельзя тут – к месту – не отметить, что, на наш взгляд, культурологически ситуация нынешних миграционных вливаний, например, в московскую жизнь – диаметрально противоположна. Так, снявшийся с насыженных мест и водворившийся в столицу «рой гастарбайтеров» именно в силу деиндивидуализированности миграционных перемещений, как правило, существует в столице внутри своей замкнутой диаспоры, почти не впитывая элементы доминирующей культуры и неосознанно для себя со временем забывая и свою. Это порождает и агрессивное отношение к доминирующей культуре, и люмпенизацию, и некоторое «одичание» внутри диаспоры и в конечном же итоге не идет на пользу ни стабильному развитию основной российской культурной компоненты, ни самим этническим меньшинствам.

ской культуре: выходцам из немецкой земли не нужно было ценою особых усилий интегрироваться в общественную жизнь, они в соответствии с естественным ходом вещей становились его частью. И плоды их деятельности и творчества никогда не несли отпечаток автономности, культурной маргинальности, а прямо вливались в общий поток российских культурных достижений. Бесспорно, каждому кругу свойствен свой род занятий, мы не будем касаться почтенных ремесленников и купцов, наш очерк связан с четырьмя поколениями семьи Альбрехт, где первое занималось в Тифлисе сельским хозяйством, второе утвердилось в среде петербургского чиновничества, третье несло в себе черты и образ жизни типичных российских интеллигентов, волею судеб и в зависимости от профессиональных нужд и занятий перемещавшихся из Петербурга — в Москву или Ялту, а после революции — в Германию; представитель рода в четвертом поколении, родившийся в Германии, мы смеем утверждать, является носителем не только немецкой, но и русской классической культуры.

Четко очерчены большие ареалы расселения немцев (со своими неизбежными особенностями, которые все же не превращались в обособленность от традиционной компоненты российской культуры): в Поволжье и на Северном Кавказе, южной России, Волыни, Прибалтики, наконец, в Петербурге, а также очевиден огромный немецкий вклад в московскую культурную жизнь, вспомним лишь имена, например, Гедике и Метнера (см., например, [1]). Важно отметить диффузность диаспор российских немцев – при всей определенности их локализации. Особенно это касалось образованных слоев общества, поскольку места рождения и воспитания менялась в связи с поступлением в московский, петербургский, харьковский, казанский и пр. университеты, и об этом следует говорить как о «массовом», конечно, по масштабам того времени, явлении. Интересно отметить краску, специфическую ноту, которая ощущалась в российских немцах в контексте мультикультурного российского пространства: педантичность, аккуратность и упорство в труде «скрепляли» и дополняли усвоенные плоды русской культуры, во-вторых, как упоминалось, менее всех других «иноземцев» они тяготели к образу жизни замкнутых кланов. Известно, что российские немцы занимали высокие государственные посты, участвовали в политической деятельности, оказывались значимыми фигурами в области науки и искусства. Достаточно произвольно «вытащить» несколько имен из сокровищницы русской истории, например, имена министра двора барона Владимира Фредерикса; режиссера Всеволода Мейерхольда; графа Сергея Витте, в разные годы – министра финансов, министра путей сообщения и председателя Совета министров; ведущей актрисы МХАТ Ольги Книппер. Два последних имени связаны с диаспорой российских немцев, проведших детство на Северном Кавказе, где исторически селились в основном швабы. С диаспорой Северного Кавказа связаны и герои нашего очерка.

В чем, собственно, необходимость обособленно рассмотреть историю семьи Альбрехт? Дело в том, что эта история, столь яркая и драматичная, столь же хрестоматийно показательна, так что по ней можно следить не только за судьбами российских немцев конца XIX – середина XX вв., но и за самим ходом российской истории, с которой герои неразрывно связаны.

История Альбрехтов в России началась в середине XIX столетия, когда немецко-колонист [2, 21]³ Иоганн Готлиб Альбрехт проделал путь от Ульма⁴ до Тифлиса, полу-

³ Колонистами являлись немецкие крестьяне, переселявшиеся по приглашению властей в Россию в течение века (с середины XVIII до середины XIX) и наделявшиеся льготами для освоения территорий и хозяйственных занятий на них.

⁴ Земля Баден-Вюртенбург на реке Дунай.

чил во владение виноградники и — упрямый и работающий, преуспел в их культивации. Свидетели описывали его как человека «с живыми, пронизательными глазами и точеными прекрасными чертами лица; барственный и властный, он создавал вокруг себя накаленную атмосферу»⁵. Детей он воспитал в атмосфере «испытанной немецкой строгости». Учась в гимназии, все дети-Альбрехты занимались каждодневной сельской работой, быт их был суровым и аскетичным⁶. Четвертым сыном Иоганна был Давид — названный в честь св. Давида (у подножия горы св. Давида и располагались виноградники).

Давид Альбрехт окончил петербургский университет, оказался способным математиком, стал строгим и принципиальным преподавателем, а человеком был простым, естественным, довольно застенчивым и знающим твердо только пути труда, но он был лишен дара ходить дорожками лести, не признавал «светской изворотливости», которую часто требует жизнь. Эти качества неожиданно сыграли весомую роль, перевернув всю его жизнь: великая княгиня Ольга Николаевна⁷ искала именно такого учителя для своих детей, заботясь, чтобы на их школьные успехи не влияло их высокое происхождение. Позже судьба послала Давиду Альбрехту те обстоятельства, где характер учителя с полной очевидностью проявил качества мужества и верности, оберегая вверенных ему детей [2, 29] — и Альбрехт получил не только дружбу великого князя, но и карьера взлетела резко вверх (хотя он немало о ней не заботился и даже несколько тяготился). Альбрехт инспектировал гимназии и университеты (в том числе и казанский, что позже сыграло роковую роль), выполнял свою работу справедливо и дотошно, снискав подлинное уважение студентов, но и дослужившись до чина тайного советника и получив потомственное дворянство. Он врос в петербургскую жизнь (как раньше встал в жизнь Тифлиса, и знаменательно, что сын-композитор посвятил памяти отца сочинение «Три грузинские песни»), а его дети окружающими стали восприниматься как «петербургские немцы»⁸, помимо того — стали подлинными российскими интеллигентами. Итак, Д.И. Альбрехт сформировался в хорошего, честного и принципиального, чиновника (это то, чего так не хватает современной России), личность его не претерпела искажений на высоком посту. Один эпизод его деятельности⁹ после Октябрьской революции заставил Давида Альбрехта опасаться за судьбу детей и жены: глубоким стариком он нашел в себе силы оторвать от себя семью, уехал на Кавказ, в Туапсе, где было некогда его имение. И действительно вскоре был интернирован в один из первых лагерей для «стариков из бывших», где скончался от голода. Его младший сын Георгий, сердце которого разрывалось от боли, проводил отца на последний в его жизни пароход, и этот скорбный путь остался навсегда незабываемой раной, о которой сын предпочитал не говорить.

Судьба большинства детей Давида Ивановича (а их у него было восемь) сложилась трагически. Один из старших его сыновей, Михаил Давидович Альбрехт, успеш-

⁵ Сведения, приводимые в статье, — результат публикаций текстов из архива профессора гейдельбергского университета, действительного члена Академии Михаила фон Альбрехта, которые он любезно и бескорыстно предоставил ФИЯИР МГУ. Совместная исследовательская работа реализовалась в международном проекте «Возвращение культурного наследия семьи Альбрехт в Россию».

⁶ Например, дети Альбрехты школьную форму берегли необычайно и точчас снимали по выходе из школы, часто ходили босиком; позже отправились пешком поступать в университет. В годы учения без перерывов занимались репетиторством, ходили в столовую по очереди, передавая друг другу единственный костюм [2, 22].

⁷ Жена вел. князя Михаила Николаевича Романова.

⁸ Любопытный эпизод: переехав в Москву, младший сын Георгий (будущий композитор Георг фон Альбрехт), посетив ученика С.И. Танеева — Леонида Сабанеева, услышал следующие слова в свой адрес. «У порога его квартиры старушка, буравя меня глазами-бусинками, приветствовала следующим образом: «А, немец прибыл». — «Откуда Вам пришла в голову такая мысль?» — «Я сужу по акценту». — «У меня петербургское произношение». — «Вот это одно уже наполовину делает Вас немцем» [2, 70].

⁹ По легенде, ему пришлось наказать за подложенную на рельсы бомбу студента Казанского университета В.И. Ульянова [2, 245].

ный инженер путей сообщения и драматург, чьи пьесы вновь увидели свет спустя столетие со времени их написания¹⁰. Многие темы его драматургически произведений оказались и ныне злободневными. «По роду своей деятельности он имел возможность побывать во многих областях родины и познакомиться с жизнью России того времени — от Донбасса до Урала»¹¹, делился впечатлениями с братом Георгием: «о бедности простого народа, его невежестве. Он раскрыл мне глаза на удручающий упадок мнимой «интеллигенции», грязь взяточничества и вымогательства, пьянства и картежничества и неизбежность грозной революции, безжалостное варварство которой он предугадывал» [2, 37]. Точный математический ум в причудливом сочетании с мистическими иррациональными прозрениями открыл Михаилу – задолго до событий 1918 – природу неизбежно надвигающегося катаклизма, сказавшуюся, в частности, в непреодолимом разрыве общественных слоев России (целостное миропонимание писателя легко выстраивается — из мозаики реплик различных персонажей)¹². Обладая неким даром предвидения и осознывая свою обреченность, ясно понимал и предчувствовал, что погибнет, но после революции Россию покидать не хотел и не помышлял о жизни без родины¹³.

Михаил Давидович и после смерти изредка «являлся в снах» младшему любимому брату Георгию, каждый сон оказывался знаком спасения и как бы «выводил из преисподней» – в жизнь: так случилось, когда в начале 20-х, в тюрьме, Георгий ожидал расстрела, но неожиданные хлопоты одной его почитательницы – после революции высокопоставленной – спасли ему жизнь [2, 96-99]. Не только старший брат, приходивший во сне, таинственным образом смягчал долю младшего. Было еще нечто, определяющее солнечную, жизнелюбивую натуру Георгия, столь противоположную сумрачной стихии старшего: а именно — подлинно христианское миропонимание, бурно выстраданное им в пору «ершистого» мужания, которое он взрастил и в уме и в душе (и которое для него естественно уходило корнями в любимую им античность). В годы гражданской войны оказавшись в военном госпитале среди раненых солдат и умирая от неудачной операции, он увидел во сне Богородицу, которую молил оставить его на земле — ему страстно хотелось жить — и услышал утвердительное: «ты будешь жить». Георгий выздоровел и, повинувшись неодолимо предчувствию, покинул госпиталь за день до того, как коммунисты расстреляли раненых солдат прямо в их кроватях...¹⁴ Многие из пережитого тогда интенсивно творчески осмыслилось и – в 1921-м – «нащупало форму» в опере, известную ныне под названием «Отче наш».

¹⁰ Пьесы М.Д. Альбрехта отличаются широким жанровым диапазоном (пьеса-сказка, сатирическая комедия, драма), тонкими стилистическими приемами, многоплановыми подтекстами, глубоким символическим смыслом, живым, богатым и разнообразным языком. См. [3].

¹¹ Альбрехт Михаил фон. Неизвестный поэт и драматург Серебряного века / Мищенко-Ата, цит. соч., С. 5.

¹² «— Нищета, тьма, невежество! Что может сказать народ? Нет таких слов. Слезами и кровью он говорит. Двадцать пять лет я прожил с мужиками, двадцать пять лет я лечил их язвы, видел холеру, видел тиф, цингу, голод, сифилис. Я – старый немецкий студент, я все ждал, когда же он заговорит. За двадцать пять лет я не слышал от мужика ни одного слова на человеческом языке. Так, как мы здесь говорим, так, как мы думаем, такими словами он не говорит. Я его лечил, он меня надвудал. Я ему отдал день за днем двадцать пять лет моей жизни, а он еще старался утащить у меня цыпленка и требовал всегда рубль, когда надо было дать полтинник. Я никогда не спорил, я отдавал все, у меня не было ничего, и я не сердился. А он смеялся и считал меня самым глупым человеком. И мне было тяжело. И только теперь я понял, что напрасно я ждал от них наших слов и наших мыслей. У меня и у него разная душа, и говорит он со мной только кровью и слезами...»

— Нет на свете другого такого атеиста, как русский народ. Церковь ему нужна, чтобы венчать, крестить и хоронить. Религиозные идеи его самые варварские, а люди, мало-мальски хвавшие образования, – полные и обнаженные атеисты...

— В народе такая же наша, такой же развал, как в интеллигенции. Там и атеисты, там и сектанты, и язычники – всего довольно. Скверно только то, что наши течения, интеллигентские, не находят точек соприкосновения с параллельными течениями в народе. Поэтому народу не хватает света, а нам не хватает силы». Цит. соч., пьеса «Развал».

¹³ «Когда генерал Юденич, приближаясь к Петербургу со стороны Финляндии, осаждал столицу, к Михаилу явился незнакомец с вопросом, готов ли он, в случае победы, передать подчиненные ему железные дороги белым и стать министром путей сообщения? Михаил обещал. Однако мнимый посредник оказался провокатором: после отступления Юденича от Петрограда Михаила сразу арестовали. В тюрьме навещать его никому не разрешалось. Позже мы слышали, что заточенных отвезли в Ригу, чтобы передать их англичанам. Когда те не выплатили ожидаемого выкупа, большевики инсценировали «попытку бегства» и расстреляли заточенных» [2, 5].

¹⁴ Цит. соч., С. 90.

Итак, Георгий Альбрехт – петербуржец по образованию и воспитанию (хотя родился в Казани), блестяще окончил Царскосельский лицей и учился на философском отделении историко-филологического факультета Петербургского университета, а позже музыке – у петербуржца Глазунова. Однако же еще отроком, в пору становления, он жила в Москве, учась у Сергея Ивановича Танеева. А несколько лет спустя вживался в быт Москвы, поселившись в коммуналке на Любянке и преподавая теорию музыки и композиции в приконсерваторском училище, называемом тогда «Музыкальным техникум Бауманского района» (и стал членом Союза русских композиторов, что располагался в особняке на Собачьей площадке). В детскую память Георгия Давидовича вошли и Тифлис — воспоминаниями отца, и Туапсе — реальностью счастливого летнего детства. В Ялте композитор провел несколько и плодотворных, и одновременно трагических лет — и оказался основателем Ялтинской консерватории. Проявившийся рано талант Георгия заставил родителей отправить его на несколько лет в Штутгарт, учиться у знаменитого немецкого пианиста и композитора Макса фон Пауэра. Впечатлительная душа музыканта впитала природу и культурные особенности мест его детства и юности, и они навек встраиваются в творческий мир композитора в своей географической определенности: это ясно видно в написанном им и уже упомянутом жизнеописании. Георгий с детства формировался как «музыкальная билингва» – успешно усваивая теоретический и исполнительский язык немецких и русских – ему повезло – выдающихся педагогов. А в в эпоху ранней зрелости прибавилась осознанная потребность – следовать учителю Танееву, собирая и творчески перерабатывая в композиторской практике мелодии разных народов, населяющих Россию... В 1946 г., в разгромленной Германии, в самое, казалось бы, неподходящее время для такого рода сочинений он публикует статью: «Народная музыка: неотъемлемая часть русской музыкальной культуры»¹⁵. Он – с юности, в сущности, гражданин и России и Европы, до старости сохранил свою приверженность к усвоенным на заре жизни принципам и интенсивную душевную независимость от обстоятельств и принятых в данных обстоятельствах мнений. Так, в своем штутгартском семинаре он продолжал проводить в жизнь русские принципы музыкального мастерства; в 30-е – 40-е не только стал, но и действовал как убежденный антифашист. Трагическая любовь к утерянной родине питала музу композитора, именно в том ключе, как выразилось это у ровесницы Альбрехта – Анны Ахматовой: «в жестокой и юной тоске ее чудотворная сила».

В старости он называл себя «погорельцем»: в огнях великого пожара сгорела его счастливая российская судьба, его детство и юность. Как забыть, как простить гибель отца и старшего брата, как жить с этим грузом? По горячим следам пережитой гражданской войны, находясь в Ялте, Г.Д. Альбрехт приступает к музыкальному осмыслению трагедии многих семей России – осмысление продолжается почти два десятилетия: опера «Отче наш или Прощение» завершается в 1938 в Германии. Именно по доносу, касавшемуся подсмотренных кем-то «крамольных листков» оперной увертюры «о белых и красных», Георгий Альбрехт был арестован, едва не расстрелян. И именно желанием завершить оперу он был движим (понимая, что на родине это сделать не удастся), когда отправлялся в 1923 в Штутгарт в эмиграцию (для

¹⁵ «Если мы сравним соотношение между русской профессиональной и народной музыкой и западноевропейской, мы обнаружим глубокое различие. В Западной Европе церковная музыка гораздо сильнее, нежели народная, формировала основу естественного и автономного развития профессиональной музыки. Напротив, русские композиторы до сегодняшнего дня опираются как на форму, так и на содержание народной музыки, которая в России до сих пор полна жизни и творчески родственна композиторам» [2, 210].

умеющих вглядываться в рисунки судьбы – в этом вынужденном исходе действовал тот же промысел, что «вывел его из темницы», уберег от расстрелов).

Содержание оперы таково [4]: у потерпевшей после революции полный житейский крах девушки Марии (имя, конечно, символично) отнимается самое дорогое – родной брат, убитый красным командиром – с ее точки зрения, безусловным злодеем. Христианская молитва кажется ей противоречащей всему устройству мира – она пытается ее читать и... бросает – до тех пор, пока сама не «оставляет» злодею его «неоплатные» (в понимании девушки) «долги» и даже пытается спасти, переодев в рясу убитого брата, вопреки логике житейского мира и в противоречии со здравым смыслом. Вот тогда ей удается дочитать молитву «Отче наш» до конца. Действие развивается вокруг главных героев – Марии, ее брата Павла, бывшего белого офицера, ставшего церковнослужителем, и Василия, красного командира, а в прошлом – молодого человека из общей когда-то для них дореволюционной культурной среды. Идея оперы – поиски возможного единения людей вопреки непримиримым философским, мировоззренческим, жизненным разногласиям XX века. В «разорванном» мире возможно услышать, увидеть друг друга, – пусть на мгновение, – через веру в Христа или, если угодно, через иррациональную и необъяснимую сердечную «слабость», но божественную в высшем понимании милосердия. Для автора нет безусловной правды ни на стороне белых, ни стороне красных, но у каждого и своя правота, и свои грехи. Особым персонажем является политкомиссар Махди – «безжалостный карьерист», демоническая «надвременная» фигура, некий «русский Мефистофель», для которого любые идеологии – пустые оболочки, в них он ловко прячет равнодушное ко всему миру, безмерно самовлюбленное и такое же пустое «я». Только он выигрывает, когда живые, из плоти и крови, и белые, и красные, испытывают боль от непоправимых потерь. Он умышленно немного картонный (его партию исполняет тенор-буффо)¹⁶. «Непробиваемая» и неживая шутейность, от которой «тянет сквознячком с того света», как будто инородная в общей атмосфере печалей, создает в опере острый, парадоксальный трагедийно-гротескный эффект. Нам думается, что этот образ войдет в список вечных достижений мирового искусства.

Композитор завещал поставить оперу в России. Попытки постановок «Отче наш» в Европе заканчивались неудачей – собственно, для автора: всякий раз он усматривал в спектакле «антирусские настроения», нарушался его замысел – трудно прощения и примирения, единения «разобщенных времен и культур». Он прекращал предприятие, однажды совсем отказавшись от затеи и положив рукопись «в стол». Так при жизни Георга фон Альбрехта премьера оперы не состоялась. Однако 19 мая 2011 г. – в год 120-летия со дня рождения композитора – произошел единственный премьерный показ: постановку «Отче наш» осуществил Георгий Исаакян в Перми в рамках «Дягилевских сезонов»¹⁷.

Опера «Отче наш» — по сложности и мастерству композиторской техники, красоте и глубокому эстетическому впечатлению от музыки принадлежит к высокой классике, которая обогатилась инновациями композиторских школ XX века. Альбрехт, по-музыковедчески профессионально освоивший мировое музыкальное наследие, воплотил и сконцентрировал в опере различные пласты русской многонациональной «музыкальной истории», мелодику и строй фольклора, фрагменты антич-

¹⁶ Так называется комический певец в итальянской опере.

¹⁷ Постановку можно увидеть и услышать в интернете (<http://www.youtube.com>).

ной греческой и византийской церковной музыки, лежащих в основе исторического развития русской классики. Композитор проявил себя и как новатор, вступивший в творческий диалог с музыкой Скрябина и Ребикова, Прокофьева, Хиндемита и Стравинского, создав свою музыкальную вселенную, включившую и додекафонические принципы построения музыкального текста, технику обер и унтер-тонов, «зеркальных отображений».

Личность Георга фон Альбрехта и особый творческий путь по-новому очерчивают русское культурное пространство. Кому принадлежит этот музыкальный памятник – Москве, Петербургу, Штутгарту? Всем городам и весям сразу – это одно из тех редких, но значительных явлений, в которых неразрывно слиты немецкая и русская культура. В наборе официальных сведений о нем в музыковедческих справках и биографиях значится: Георг фон Альбрехт – русско-немецкий композитор.

Единственному сыну, рожденному в Штутгарте в 1933 г. и названному Михаэлем¹⁸ в честь старшего брата композитора (о нем выше шла речь), Георг фон Альбрехт и его мать, Варвара Михайловна¹⁹, сумели привить подлинную любовь и подлинное знание русской культуры. Посетил он Россию всего несколько раз, уже в очень зрелые годы, но оказалось, что и поныне: «во сне я говорю по-русски» [2, 243-257]. Он блестяще делает доклады по-русски в МГУ и РГГУ, в петербургском университете, русские коллеги зовут его привычно Михаилом Георгиевичем. Его колоссальное научное наследие по антиковедению общеизвестно, фундаментальные работы переведены на многие европейские языки — в том числе и на русский. Михаэль фон Альбрехт разносторонне одарен, он еще и профессиональный скрипач и музыкальный теоретик, замечательно рисует и обладает прекрасным голосом, так что эпитеты «энциклопедист» и «мировая величина» как будто были придуманы специально для него. Но мы позволили себе коснуться этих многим известных фактов, поскольку на фоне успешности, бесспорной востребованности ученого в западноевропейском пространстве, он оказывается, глубоко интегрирован в русскую культуру. Вскользь упомянув об интересных антиковедческих ракурсах изучения им творчества Тургенева и Пушкина, мы остановимся на двух весомых «культурологических фактах». Гейдельбергский ученый (а он полстолетия живет в этом городе) предпринял эквормитический перевод либретто «Отче наш» (то есть не только рифмованный, но и каждым слогом попадающий в каждый звук музыки), что является, как известно, «высшим пилотажем» и для переводчиков — носителей языка. Скажем, что без этого перевода постановка оперы в России была бы невозможна. Еще более удивительным фактом оказывается и то, что итоги своей жизни — творческую и личную биографию – М. фон Альбрехт решил рассказать на русском языке. Русский язык не стал для него барьером, хоть сколь-нибудь отягощающим передачу самых сложных личных переживаний души. Нет нужды говорить, что книга содержит множество глубоких, оригинальных, остроумных размышлений и наблюдений. Важно то, что она легко читается. Она и предназначена – русскому читателю.

Фрагмент воспоминаний, посвященный России, Михаэль фон Альбрехт заканчивает так: «Языки и музыка — несравненные средства воспитания и взаимного понимания. Изучая их, народы Европы, после тщетных попыток осуществить либо ра-

¹⁸ М. фон Альбрехт – профессор, доктор филологических наук (Гейдельбергский университет, Германия), действительный член Государственной академии Виргилия (Италия: Accademia Nazionale Virgiliana) и Международной академии изучения латинского языка (Academia Latinitati fovendae); почетный доктор университета Аристотеля в Салониках (Греция); лауреат премии Иоганна Генриха Фосса за выдающиеся достижения в области перевода.

¹⁹ Альбрехт (ур. Мищенко) В.М., талантливая пианистка, происходила из старинного дворянского рода Домановичей, связанного родственными узами с Александрой Коллонтай, Игорем Северянином.

венство, либо свободу, смогут открыть вместе третью ценность: братство, которое наконец позволит им воплотить и первые две... Читатель спросит, откуда у меня такой оптимизм?.. Окончательно укрепился он во время моих прогулок по разным городам: счастлив народ той страны, в которой глубокая привязанность к мастерам слова и гармонии — не только частное дело отдельных людей. Стоящие на городских площадях памятники творцам-художникам служат ориентирами даже в повседневной жизни. Наверное, слово «библиотека» или «концертный зал» сами по себе не так много скажут таксисту. Но он сразу поймет: «Туда, где, вскинув руки, сидит Чайковский» или «где неподвижно сидит Достоевский». Прочие знаменитости приходят и уходят, а любимцы Муз остаются незабываемы и помогают нам разбираться в сложной топографии современного мира» [5].

Литература

1. Ломтев Д.Г. Немецкие музыканты в России. – М.: МК Прест, 1999.
2. Альбрехт Георг фон. От народной песни к додекафонии / Пер. Е.С. Федоровой. – М.: Аграф., 2006.
3. Мищенко-Атз [литературный псевдоним М.Д. Альбрехта]. День испытания. – М.: Лабиринт, 2009.
4. Альбрехт Михаэль фон, Федорова Е.С. Опера как литературный жанр: поиски синтеза в искусстве в первой трети XX века. Георг фон Альбрехт. «Отче наш, или Прощение» (1921-1938). – М.: ЦОП ФИЯиР МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007.
5. Альбрехт Михаэль фон. Путешествие моей жизни. – М.: Лабиринт, 2010. – С. 175.

Георг фон Альбрехт

Семья Альбрехтов

Хронотипы будущего у молодежи разных городов Европы (Кёльн, Самара, Берн)

Елизавета Шиллинг, доктор философии, профессор
Институт государственного управления СРВ
Кёльн, ФРГ

Данная статья исследует хронотипы будущего молодежи в городах трех стран, существенно различающихся в своих системах образования и перспективах будущего. Многоаспектный предмет исследования предполагает теоретические модели и различные эмпирические методы. Цель этой статьи - охарактеризовать теоретические основания хронотипов будущего у молодежи в разных странах и городах.

Ключевые слова: хронотип, молодежь, непредсказуемое будущее, город, вуз, работа.

Образ будущего у молодежи (Самара на Волге, Кёльн на Рейне, Берн на Ааре). Современные европейские биографические исследования констатируют серьезность угроз и неопределенности для личности (Wohlrab-Sah 1992; 1993), связанную с коллапсом молодежного рынка труда в Германии (Heinz 2002) и в бывших социалистических странах (Kovacheva 2001) и с ростом различий путей прихода на рынок труда после окончания высшего образования (Kerckhoff 2004). Исследования опыта студентов и молодых специалистов (Reiter 2010; Aitzsch 2010) показывают, что неуверенность и сомнения в своем будущем вызывают беспокойство и ухудшают самочувствие. Особенно периоды перехода (например, переход от обучения к трудовой занятости, изменения в процессе обучения) рассматриваются как потенциальная угроза успешному профессиональному развитию. Эти переходные ситуации («судьбоносные моменты» Giddens, 1991) суть «моменты, в которые необходимо принять определенную последовательность решений или начать осуществлять ряд действий» (стр. 243). Подобная концепция предполагает, что последовательность жизненных этапов и индивидуального развития в форме прямого «непрерывного движения от занимающего все время обучения (как подготовки к карьере) к занимающей все время работе (как развитию карьеры)» может быть рассмотрена как важная социальная парадигма (Greenhaus & Callanan 2006: 477; ср. Leisering 2004: 211ff.). Однако молодые люди, временно прервавшие работу, ненамеренно нарушают эту парадигму и рискуют получить санкции от рынка труда.

Резкий сдвиг, произошедший в постсоветском пространстве России, коренным образом изменил проекции будущего (Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко, Е.Г. Ясин 2009). Нестабильность проявляется во всем. Массовые университетские профессии советского времени – инженеры, учителя, врачи – отталкивают своей социальной незащищенностью и проектируемой нищетой; мир шоу-бизнеса и гламура –

недостижим (Дуков, 2009). Однако будто бы бесполезные для будущей стабильности вузы переполнены (Котельников, 2011). На рынке труда есть потребности в специалистах высокой квалификации: для международных фармакологических, производственных фирм требуются прошедшие специализацию за рубежом и владеющие иностранными языками врачи, программисты, инженеры; востребованы специалисты с двумя-тремя дипломами (например, экономист и юрист). Считается, что хороший вуз воспитывает в человеке ответственный личный тайм-менеджмент, который поможет преодолеть трудности. С таким высшим образованием связывают серьезные надежды. Однако, нестабильная социальная ситуация и отсутствие определенных культурных традиций превращают надежды в заранее прогнозируемое поражение. В современной российской ситуации «хронотип Обломова» переживает еще одну модификацию: он распространен и несовместим с потребностями в модернизации.

Таким образом, встает необходимость проанализировать текущее развитие молодежных представлений о будущем, влияние темпоральной дисциплины и ответственности на карьерный успех молодых людей в разных странах. Было бы особенно интересно изучить, является ли вузовское образование до сих пор важным для молодого поколения и какие хронотипы позволяют реализовать подобные карьерные ценности.

В этой статье будут рассмотрены города трех стран: крупный индустриальный город Самара в центре России, на Средней Волге; немецкий мегаполис Кёльн, располагающийся в центре Западной Европы, на Рейне; четвертый по величине город Швейцарии Берн, на реке Аар. В наших эмпирических исследованиях вузовская молодежь названных городов представляла разные хронотипические парадигмы. Вместе с тем, неуверенность в своем будущем присутствует в каждой из изучаемых стран. Этот процесс усугубляется во всех трех странах, в частности, высокой безработицей (Statistical Yearbook 2010), растущими культурными различиями (Seifert 2005) и разрушением стабильных отношений (Senghaas-Knobloch 2008).

Культурные различия не снимают непредсказуемости будущего. Например, больше не существует устойчивых моделей того, что окончив вуз, человек должен (должен ли?) начать работать по специальности, получить первое повышение или завести семью. Окончив университет, работают по совершенно другой специальности, что стало типичным особенно в России, в связи со сдвигом и диверсификацией ценностей и норм. Складывается «статусный хронотип»: затраченное на вуз время, лучшее в жизни, дает только «корочки» – документ. От данного распределения времени не отказываются, поскольку дорожат полученным статусом и незаменимым опытом социальной коммуникации (круг знакомых, приобретение возможностей, «любовь к геометрии», то есть уважение к академическим знаниям).

С другой стороны, важность ценностей, не связанных с получением высшего образования, таких как семья, партнерство или дружба, растет в России, Швейцарии и Германии. Остается открытым вопрос о том, как молодежь представляет себе планы на будущее и их реализацию. Стоит ли тратить силы и время на образование, которое тебе не пригодится в практической жизни, а даст лишь символическую принадлежность к определенному кругу?

Гендерный аспект описанного хронотипа состоит в том, что в Германии и Швейцарии вырос процент женщин, использующих свое высшее образование и реализовавших свои планы на будущее.

Тем не менее, молодые люди в разных городах и странах, ни смотря, ни на что, отдают свою молодость и связывают свои проекты на будущее с высшим образованием. Несмотря на то, что многие переживают невозможность реализовать свои планы, университетское образование остается важнейшим основанием молодежного хронотипа и представлений о «счастливом будущем» в разных городах Европы.

Неуверенность в будущем. Подготовка молодых людей к поискам своего профессионального места и последовательных шагов, необходимых для профессиональной карьеры, является одной из наиболее важных задач общества в целом, а также вуза и других региональных институтов. В настоящее время этот процесс происходит в условиях индивидуализации проекций будущего и коррозии нормативных ожиданий «хорошей» или «успешной» жизни (ср. Zinn 2010, Reiter 2010). Вместе с тем, предлагаемые различными культурами проекции будущего (хронотипы) смешиваются, гомогенизируются в процессе глобализации. В проекциях будущего современной молодежи присутствует некий глобальный коллаж: люди хотят получать одинаковое образование, работать в сходных профессиональных условиях, иметь высокое качество жизни, в каких бы регионах планеты они не проживали. Однако, конкретная социокультурная ситуация не всегда готова это принять. Молодой человек зачастую ждет «эскалатора», который поможет ему преодолеть неуверенность и трудности, привезет в нужное время и в нужное место. В разных странах и городах быстро растет незащищенность и неудовлетворенность молодых людей жизненной ситуацией. Требуются проекты и методики, обучающие программированию максимального возможного и реалистического профессионального будущего.

Хронотип – это не только абстрактная структура, позволяющая понять влияние культуры на человека, но также тот адекватный образ будущего, с которым человек будет чувствовать себя более защищенным, стабильным и реализованным. Одним из важных инструментов темпоральной адаптации является социально и культурно оправданный, ответственный и мотивированный тайм-менеджмент. Особенно важной проблема обучения планированию времени является для российской молодежи, в социокультурных кодах которой заложено знаменитое «авось», то есть полагание на случайность или чудо. В России (как и в других странах постсоветского пространства (Киященко, Мирская, 2008; Лотман, 2002; Горин, 2009; Воронина, 2009) многочисленные преобразования рыночной экономики являются важными стимулами для поиска нетривиальных и успешных личных программ, в том числе, связанных с темпоральным планированием и темпоральной дисциплиной (Ясин, Лебедева, 2010).

Кросс-национальные различия. В Германии неуверенность молодежи в будущем увеличивается в связи с высоким уровнем безработицы среди молодежи и кардинальным изменением стабильных трудовых отношений. В Швейцарии уровень личной неуверенности студента относительно низок, что связано со стабильными экономическими и социокультурными позициями, низким уровнем безработицы и, возможно, в том числе, с адекватными навыками планирования времени. Однако, подготовка к будущему отличается не только между странами и разными регионами, но также между разными вузами, которые задают программы разной степени устойчивости для своих выпускников.

Несмотря на то, что известны философско-социологические работы, показывающие ценностные различия внутри Западной Европы, а также различия между За-

падной Европой и Россией, и имеются некоторые исследования (см. Leisering 2004, Pohl и Walter 2007), презентующие специфику регионального социокультурного контекста для развития молодежной карьеры, тем не менее, сравнительных данных весьма мало. Предполагаемое кросс-национальное исследование темпоральных структур вузовской молодежи в Германии, Швейцарии и России, посвященное сходным реципиентам и сходной тематике, может расширить глобальные представления о социокультурной карте, или социокультурном ландшафте современной Европы и России: о склонных к инновациям национальных культурах, о региональных политических контекстах, о реальной заинтересованности общества в современных молодых профессионалах. Проект обещает множество других конкретных идей, касающихся, например: различной роли вуза в трех конкретных городах; ориентации отдельно взятого вуза на инновационные специализации; специфические гендерные темпоральные планы, совместимые с успешной реализацией карьерных перспектив женщин и многое другое.

Отсутствие страха перед будущим и перспективами желанной профессиональной карьеры для молодого человека в одних странах и, напротив, разрушенные надежды, неоправданные трудности, возникающие на пути деятельных и ответственных молодых профессионалов в других странах, являются зеркалом общества. Темпоральные измерения, относящиеся к глубинным социокультурным основаниям культуры и человека, позволяют выявить степень реальной ориентированности общества на человека и будущее молодежи.

Переход от системы образования к рынку труда. Несмотря на то, что существует ряд межкультурных исследований молодежной занятости, большинство из них основаны исключительно на опыте США и Западной Европы. Например, исследование Mortimer & Johnson (1998), показывающее важные различия между переходными путями европейской и американской молодежи, не связанной с системой высшего образования. Анализ данных US National Longitudinal Study (Rindfuss et al. 1999) показал нестабильность профессиональных ожиданий, большое влияние культуры, структуры и практик организации труда и важность индивидуальных усилий для интеграции на рынке труда. Европейские исследования (Pohl & Walter 2007, Walter 2006, 2009, Lopes Blasco et al. 2003) в целом подчеркивают важность неформального обучения. Последний пример подобного исследования – текущее исследование Walter et al. (2011), который сравнивает 8 стран Евросоюза по их практике и политике перевода молодых людей от обучения к рынку труда.

Упомянутые исследования предлагают солидный фундамент для концептуализации дальнейшего эмпирического исследования хронотипов будущего у молодежи. Тем не менее они оставляют незатронутыми множество важных вопросов, которые должны стать центральными в планируемом проекте.

Во-первых, ранее не осуществлялось межкультурного и междисциплинарного исследования молодежи из России, Швейцарии и Германии. Во-вторых, большинство предшествовавших исследования концентрировались на школьном этапе и ограничивались только неблагополучными подростками. Относительно благополучные студенты, то есть молодые люди, которые связывают свое будущее с приобретением высокой квалификации, до сих пор не изучались. В-третьих, существующие исследования в основном используют количественные методы или, если они используют качественные методы, изучают только одну культуру. Однако процессы «само-индивидуализации» (Hoerning 1995), которые проходят молодые лю-

ди в момент начала своей карьеры, могут быть лучше выявлены с помощью качественного исследования. Это особенно важно, т.к. эти процессы помогают нам понять скрытые отношения, мотивы и желания. Итак, на данный момент не существует сравнительного лонгитюдного качественного исследования немецких, швейцарских и русских студентов в области биографических и темпоральных исследований, связывающих личный биографический текст с макро-уровнем социума и культуры.

Такое исследование помогло бы описать взаимосвязи между темпоральными структурами культуры (хронотип) на макро и микро-уровне, а именно: личные биографические проекции будущего как значимый элемент хронотипа в интервью студентов разных стран; роль высших школ, других региональных институтов в формировании молодежного хронотипа; глобальные совпадения и региональные различия в хронотипах молодежи разных стран; надежды молодежи и потребности социума в аспекте хронотипа. В рамках такого проекта могут быть разработаны социальные технологии, позволяющие сделать переход между двумя системами – системой образования и рынком труда – более плавным.

Аналитические и концептуальные рамки исследования. Анализ темпоральных структур в разных культурах имеет огромную методологическую базу, в том числе, философскую, культурологическую: (см. О. Шпенглера, Н. Данилевского, М. Бахтина, Н. Лумана). Мы опираемся на выдвинутую М.М. Бахтиным методологию анализа «хронотопа» как темпоральной единицы художественного текста, которую мы, однако, видоизменяем, выходя за пределы анализа художественного текста. Специфический объект и предмет исследования потребовали модификации методов и самого понятия, которое мы определяем не как «хронотоп», но как «хронотип» (см. Л.Г. Иливицкая). Предполагается, что можно зафиксировать не только разные биологические хронотипы («жаворонки», «совы»), но и разные социокультурные, субкультурные хронотипы. Например, немецкая точность – один из традиционно культурных хронотипов, породивших множество конкретных культурных форм тайм-менеджмента (формы учета времени, различных органоайзеров и т.п.).

Анализ биографических работ должен следовать эвристике, разработанной Рейтером (2010: 27 и сл.). Он разработал основы для анализа стратегий, которые помогают людям справиться с ситуациями неопределенности в переходные моменты. Он предлагает три модели психологического отношения к небезопасному будущему.

Модель «Сопряжение» включает в себя поиск значимых и успешных стратегий в прошлом (опыт) и пытается найти сопряжение между этим успешным прошлым и неизвестным будущим. Модель «Освобождение» предполагает положительную оценку неопределенности, которая рассматривается как прогресс в творчестве и самореализации. Эта модель связана «с отчуждением от социального окружения» и ориентацией на нетрадиционные стандарты достижений (там же: 28).

Модель «Траектория» означает минимизацию карьерных целей и фокусировку на текущей рабочей ситуации, семье и / или отсутствие каких-либо попыток произвести существенные изменения. Плохую для себя ситуацию человек пытается представить как можно лучше, начиная относиться к ней как к «нормальной». Методология Рейтера является перспективной основой для эмпирического проекта, направленного на исследование типических стратегий (идеальных типов) биографических представлений молодежи.

Литература

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики: Сб. – М.: Худож. лит, 1975. – С. 234-407. Термин также активно используется в работах Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» и «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса».
2. Воронина Н.И. М.М. Бахтин в современном гуманитарном мире» (2006); Ханс-Ульрих Гумбрехт. Современная история в настоящем меняющемся мире // ИЛО. – № 83. – 2007: <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/329/333/>
3. Иливицкая Л.Г. Время и хронотип: новые подходы и понятия: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Саранск, 2011.
4. Горин Д. Борьба с историческим временем как судьба идеологий в России // Неприкосновенный запас. – 2009. – №1 (63).
5. Лебедева Н.М., Татарко А.Н., Ясин Е.Г. Вектор модернизации России и других развивающихся стран в едином пространстве ценностных измерений. – Высшая школа экономики, 2010. www.slidefinder.net/M/modern_yasun_tatarko_lebedeva/;
6. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Культура как фактор общественного прогресса. – М.: Юстициформ, 2009.
7. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социо-Логос. – М.: Прогресс, 1991.
8. Этнос науки / РАН. Ин-т философии; Ин-т истории естествознания и техники. Отв. ред. Л.П. Киященко и Е.З. Мирская. – М: Academia, 2008. – 544 с. (Коллективная монография: философия и социология науки). – Раздел 3: Бевзенко Л.Д. Стиль жизни: модель успеха в переходных социокультурных ситуациях. Лотман Ю.М. История и типология русской науки. – СПб.: Искусство, 2002.
9. Aritzsch, Birgit (2010): Informal Networks and Risk Coping Strategies in Temporary Organizations: The Case of Media Production in Germany. Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research, 11(1), Art. 4.
10. Clausen, John (1993): American lives. Looking back at the children of the Great Depression. Berkeley: University of California Press.
11. Edmondson, Amy (1999): Psychological Safety and Learning Behavior in Work Teams, Administrative Science Quarterly 44(2): 350-383.
12. Evetts, Julia (2000): Analysing Change in Women's Careers: Culture, Structure and Action Dimensions. Gender, Work and Organization 7 (1): 57-67.
13. Geissler, Birgit & Oechsle, Mechtild (1996): Lebensplanung junger Frauen. Zur widersprüchlichen Modernisierung weiblicher Lebensläufe. Weinheim: Beltz.
14. Giddens, Antony (1991): Modernity and self-identity. Stanford: Stanford University Press.
15. Granovetter, Mark (1995): Getting a job. Chicago: University of Chicago Press.
16. Greenhaus, Jeffrey & Callanan, Gerard A. (2006): Encyclopedia of career development. Thousand Oaks: Sage.
17. Moen, Phyllis & Sweet, Stephen (2004): From 'Work-Family' to 'Flexible Careers'. A life course reframing. Community, Work & Family, 7(2): 209-226.
18. Mortimer, Jeylan T. & Johnson, Monika K. (1998): New perspectives on adolescent work and the transition to adulthood, in: Jessor, R. (ed.): New perspectives on adolescent risk behaviors. New York: Cambridge University Press, pp. 425-496.
19. Heinz, Walter (2002): Transition discontinuities and the biographical shaping of early work careers. Journal of Vocational Behavior 60: 220-240.
20. Heinz, Walter (2004): From Work Trajectories to Negotiated Careers: The Contingent Work Life Course, in: Mortimer, Jeylan & Shanahan, Michael J. (eds.): Handbook of the Life Course. New York: Springer, pp. 185-204.
21. Hitzler, Ronald & Pfadenhauer, Michaela (Eds., 2003): Karrierepolitik. Beiträge zur Rekonstruktion erfolgsorientierten Handelns. Opladen: Leske + Budrich.
22. Hurrelmann, Klaus (2006): Einführung in die Sozialisationsstheorie. Weinheim: Beltz.
23. Hoerning, Erika M. (1995): Biographische Sozialisation. Theoretische und forschungspraktische Verankerung, in: Hoerning, Erika M. (Hrsg.): Biographische Sozialisation. Stuttgart: Lucius & Lucius, S. 1-20.

24. Kels, Peter (2008): *Arbeitsvermögen und Berufsbiographie. Karriereentwicklung im Spannungsfeld zwischen Flexibilisierung und Subjektivierung*. Frankfurt: VS Verlag.
25. Kerckhoff, Alan C. (2004): From Student to Worker, in: Mortimer, Jeylan & Shanahan, Michael J. (eds.): *Handbook of the Life Course*. New York: Springer, pp. 251-267.
26. Kovacheva, Siyka (2001): Flexibilization of Youth Transition in Central and Eastern Europe. *Young* 9(1): 41-60.
27. Leisering, Lutz (2004): Government and the Life Course, in: Mortimer, Jeylan & Shanahan, Michael J. (eds.): *Handbook of the Life Course*. New York: Springer, pp. 205-225.
28. López Blasco, Andreu; McNeish, Wallace; Walter, Andreas (2003): Young people and the contradictions of inclusion: Integrated Transition Policies in Europe. Bristol: Policy Press.
29. Lawrence Harrison, Samuel Huntington (eds.) *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. — New York: Basic Books.
30. Pohl, Axel & Walter, Andreas (2007): Activating the disadvantaged. Variations in addressing youth transitions across Europe, in: *International Journal for Lifelong Education*, 26(5): 533-553.
31. Reiter, Herwig (2008): Dangerous Transitions in the 'New West' – Youth, Work, and Unemployment in Post-Soviet Lithuania. Florence: European University Institute.
32. Reiter, Herwig (2010): Context, Experience, Expectation, and Action – Towards an Empirically Grounded, General Model for Analyzing Biographical Uncertainty. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*, 11(1), Art. 2.
33. Rieger, Elmar & Leibfried, Stephan (2004): *Kultur versus Globalisierung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
34. Rindfuss, Ronald R., Cooksey, Elizabeth C. & Sutterlin, Rebecca L. (1999): Young adult occupational achievement. Early expectations versus behavioral reality. *Work & Occupations*, 26 (2): 220-263.
35. Schilling, Elisabeth (2008): Future Concepts in Russia and Germany. Different approaches to planning in the global society. *21st Century Society*, 3 (2): 131-142.
36. Schoon, Ingrid & Silbereisen, Rainer K. (2009, eds.): *Transitions from School to Work: Globalisation, Individualisation, and Patterns of Diversity*. Cambridge: Cambridge University Press.
37. Seifert, Hartmut (2005): Was bringen die Hartz-Gesetze? In: *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 16: 17-24.
38. Senghaas-Knoblich, Eva (2008): *Wohin driftet die Arbeitswelt?* Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
39. *Statistical Yearbook (2010): Statistisches Bundesamt Deutschland*. www.destatis.de
40. Walter, Andreas (2006): Regimes of Youth Transitions. Choice, flexibility and security in young people's experiences across different European contexts, in: *YOUNG*, 14(2): 119-141.
41. Walter, Andreas (2009): "It was not my choice, you know?" Young people's subjective views and decision making processes in biographical transitions, in: Schoon, Ingrid & Silbereisen, Rainer K. (eds.): *Transitions from School to Work: Globalisation, Individualisation, and Patterns of Diversity*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 121-145.
42. Wohlrab-Sahr, Monika (1992): Über den Umgang mit biographischer Unsicherheit – Implikationen der "Modernisierung der Moderne", in: *Soziale Welt* 43 (2): 217-236.
43. Wohlrab-Sahr, Monika (1993): Biographische Unsicherheit. Formen weiblicher Identität in der "reflexiven Moderne": das Beispiel der ZeitarbeiterInnen. Opladen: Leske + Budrich.
44. Zinn, Jens O. (2010): Biography, Risk and Uncertainty—Is there Common Ground for Biographical Research and Risk Research [59 paragraphs]. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research* (1), Art. 15.

Future Chronotypes of Youth from Different European Cities (Cologne, Samara, Bern)

Elisabeth Schilling, Ph.D., Professor
University of Applied Administrative Sciences NRW
Cologne, Germany

This paper aims to compare the biographical prospects of young people from different professional fields in Germany, Russia and Switzerland and in particular in three cities Cologne, Samara and Bern. The central interests are regional time structures which support or suppress the emergence of certain time concepts. We aim to explore the interrelations between the structures at the macro-sociological and intermediate levels and the chronotypes at the micro-sociological level.

Key words: youth, chronotype, precarity, insecurity, city, work, education

Preparing for job entry and starting one's professional career is one of the most important development tasks of adolescence. Currently this process is taking place against a background of the increasing individualization of life-courses and the corrosion of normative expectations concerning a 'good' or 'successful' life (cf. Zinn 2010, Reiter 2010). Furthermore biographical prospects of different cultures intermix with each other in the process of globalization and build a complex collage. These processes lead to a rising degree of biographical insecurity among young people.

In Germany, this insecurity has been increased by the high rate of youth unemployment and the breakdown of stable employment relationships. In Russia, (as in other post-communist countries; cf. Kovacheva 2001) the transformation to a market economy and numerous economic crises are important generators of biographical insecurity. In contrast to these developments, the level of biographical insecurity is relatively low in Switzerland due to a relatively stable and prospering economic environment.

However, the level of biographical insecurity differs not only between countries, but also between professional fields. This paper therefore aims to compare the biographical prospects of young people from different professional fields (economics and health sciences) in Germany, Russia and Switzerland and introduces an empirical project, which should be conducted by an interdisciplinary and intercultural research team. The central interests are regional time structures which support or suppress the emergence of certain biographical concepts. We aim to explore the interrelations between the structures at the macro-sociological and intermediate levels and the biographical projections at the micro-sociological level.

The aims of the projects are:

– a qualitative survey of adolescents' perception of prospects and possible insecurities in their professional development;

- the design of concepts for youth work in communities and organizations aimed at promoting psychological safety (Edmondson 1999) and social security;
- the development of interventions in the educational system in order to advance the transition from school to the labour market.

We propose a qualitative study with Russian, German and Swiss students of economics and health sciences. In each country we want to interview two subgroups of students: freshmen (1st year) and 'imminent-graduates' (3rd – 5th year, with working experience). We plan to conduct a problem-centred interview with each respondent (approx. 1-1,5 h.) about his/her future plans, professional development, psychological safety and social security, identity, family, social and geographical mobility. We expect the following results:

- a comparative analysis of future prospects and how they change during adolescence in different cultures;
- a systematic description of future insecurities concerning the labour market;
- an evaluation of successful strategies to cope with future insecurities;
- a critical analysis of the positives and shortcomings of the educational system in supporting the transition from school to labour;
- the development of recommendations for the advancement of youth work in communities, of HR-development in organizations and of the collaboration between educational and economic organizations.

Scientific basis. The proposed project will study the biographical uncertainty (concerning psychological safety and social security), coping strategies, occupational risks and prospects of adolescents in three countries which differ substantially in their educational and labour market structures. Due to the complexity of the endeavour it is important to consider theoretical concepts and empirical evidence from a wide array of the social sciences. This includes research on youth unemployment, occupational uncertainty, career development, cross-cultural studies, occupational entry (transition from the educational system to labour market) and socialization.

Contemporary life-course research states the emergence of biographical hazards and uncertainty (Wohlrab-Sahar 1992, 1993) due to the collapse of the youth labour market in Germany (Heinz 2002) and in the former socialist countries (Kovacheva 2001) and a growing diversity of transition paths into the labour market after college (Kerckhoff 2004). Studies on the experiences of students and young professionals (e.g. Reiter 2010, Apitzsch 2010) show that uncertainty and doubts concerning their future cause anxiety and reduced well-being. Especially the periods of transition (e.g. change between education and employment, changes in the course of study) are seen as potential threats to a successful professional development. These transitional situations ('fateful moments'; Giddens, 1991) are 'moments at which consequential decisions have to be taken or courses of action initiated' (ibid: 243). This concept implies that the linearity of life stages and individual development in the form of a straightforward, "lock-step march from (full-time) education (as preparation for one's career) through (full-time) employment (as a career progression)" could be seen as an important social norm (Greenhaus & Callanan 2006: 477; cf. Leisering 2004: 211ff.). Hence, young people who are subject to career breaks unintentionally break this norm and risk sanctions from the labour market. The proposed project will therefore analyse the current development of the youth labour market and its impact on the experiences and career strategies of young people in different countries. It will be especially interesting to investigate the question of whether the social norm of linearity in life and career is still important

for the young generation and which difficulties they experience in following (or not following) it.

The transition between the educational system and the labour market is conceptualized in different theoretical models: while the institutional model stresses the importance of the organized pathways (cf. e.g. Schoon & Silbereisen 2009), the market model emphasises the importance of informal linkages and individual capacities such as planning skills (Clausen 1993), negotiation skills (cf. Heinz 2004, 2002), networking and access to social capital (Granovetter 1995). The two approaches should be regarded as complementary as they highlight different aspects of the interrelated development of the labour market and educational system. Both models focus on the personal skills and resources needed to succeed in a changing occupational environment. The proposed project will therefore investigate if, and how, young people perceive requirements of the labour market and their individual potential to meet them.

While there is a range of cross-cultural studies on youth employment they are almost exclusively based on US- and Western European samples. For instance, the study by Mortimer & Johnson (1998) showed significant differences between transition paths of European and U.S. non-college-bound adolescents. Analyses of the data from the US National Longitudinal Study (Rindfuss et al. 1999) showed the instability of occupational expectations, the high impact of the culture, structure, and practices of the employing organisation and the importance of individual effort for labour market integration. There are also manifold Western European studies on disadvantaged young people and their integration into the labour market (e.g. Pohl & Walter 2007, Walter 2006, 2009, Lopes Blasco et al. 2003). In general these emphasise the importance of informal learning. The latest example of this research is the on-going study by Walter et al. (2011) which compares 8 EU-countries with regard to their practices and policies on the transition of young adults from education to labour market.

While these studies are in some aspects similar to proposed project, there are some important differences. First, a cross-cultural and cross-disciplinary comparison of young people from Russia, Switzerland and Germany has not been realized before. Second, our project concentrates on the post-school phase and does not solely focus on disadvantaged adolescents. Third, existing studies either mainly apply quantitative methods or, if they use qualitative methods, investigate only one culture. However, the processes of 'self-ascertainment' (Hoerning 1995) which have to be accomplished by adolescents in the course of their career entry can better be observed with the help of qualitative research. This is especially important as these processes help us to understand underlying attitudes, motives and desires. In summary, to date there is no comparative, longitudinal and qualitative research with German, Russian and Swiss students in the field of life-course studies and only few comparable qualitative studies in biographical research.

The project promises to achieve a deeper understanding of the concepts, affects and strategies of young people with regard to their career entry and development in different cultural environments.

Project Description. This project aims to analyse and to compare the biographical prospects of students from two professional fields (economics and health sciences) in Germany, Russia and Switzerland. Our main focus is the biographical uncertainty. The overall perspective of the project is formed by the sociology of the life-course, and examines the interplay between institutional structures and biographical prospects.

In its overall design the project follows the actor-oriented approach to youth research (cf. Hurrelmann 2006). Additionally the orientations and the biographical work of adolescents will be related to the social and cultural context of their experiences. This interdisciplinary research should therefore be informed by concepts of ethnographic, cross-cultural and regional research. As we have already stated in the theoretical section of this project proposal (cf. A2.3) our project aims to include research on youth unemployment, occupational uncertainty, career development, cross-cultural studies, occupational entry (transition from the educational system to labour market) and socialization. This puts especial demands on the survey instrument which has to embrace a wide array of questions. This instrument can only be developed by the synergy of the whole project consortium and should be an important methodological outcome of the project.

The biographical uncertainty of adolescents is growing in each country under study. This process has been aggravated inter alia by the high unemployment (Statistical Yearbook 2010), growing cultural diversity (Rieger & Leibfried 2004), new gender ratio (Geissler & Oechsle 1996), social inequality (Seifert 2005) and breakup of stable employment relationships (Senghaas-Knobloch 2008). The growing cultural diversity increases norm insecurity, e.g. concerning the timing in the biography. For instance there is no fixed patterns any more, of when (and if) an individual has to finish school and professional education, start working, get a first promotion, change the employer or set up a family. This problem has turned into a burning issue especially in Russia with the collapse of structures and diversification of norms.

Furthermore, the importance of post-material values like family, partnership or friendship is growing in the Russian Federation, Switzerland and Germany. How adolescents envisage their work-life balance, is still an open question. The same applies to the changes in gender identity. Female and male employees pursue the balance of professional self-fulfilment and family responsibilities. Especially in Germany and in Switzerland the rate of female employment is growing. However the labour markets in Germany and Switzerland still remain highly gender segregated and require time flexibility and availability from employees. In the proposed project we would like to analyse how adolescents plan to realize their future projects, how they perceive their own potential and structural barriers and how they cope if their plans prove impossible to realize.

We suppose that future uncertainty is unequally distributed not only between the countries and genders but also between different occupational fields. While students of economics can be more confident about their professional future, students of social and health related professions are strongly affected by their uncertain future chances (this could be a side effect of the horizontal segregation of the labour market). We assume that by comparing these two professional fields the area of conflict between post-material values and the need for financial security will become especially visible. We assume that whereas the students of social professions emphasize the importance of work-life-balance, the students of economics would opt for a secure workplace.

This project will compare the biographical prospects of young people from two professional fields in three countries. More precisely we propose a qualitative study with Russian, German and Swiss students of economics and health/ social sciences. We intend to create a survey instrument on the basis of theoretical research. With its help we aim to conduct qualitative interviews with students. In each country we would like to interview two subgroups of students: freshmen (1st year) and 'imminent-graduates' (3rd – 5th year, with working experience). This would help us to study how the prospects of

future develop over time. Figure 1 gives a brief overview of the project design. The total sample and each subgroup should contain 50% of women.

General approach and methodology. The study should adopt an empirical qualitative-explorative approach.

The analytic and conceptual framework of the proposed project should follow the idea of Reiter (cf. Reiter 2008) who studied young adults and unemployment in post-Soviet Lithuania (cf. Figure 2).

The main focus of our study are the biographical prospects of adolescents which are suppressed or supported by regional structures. We aim to explore the interrelations between the structures in the macro-sociological and meso-sociological levels and the biographical projections in the micro-sociological level. We plan to conduct with each respondent a qualitative, in-depth, problem-centered interview (approx. 1-1.5 h.) on the topics of future plans, professional development, social security, gender identity, family, social and geographical mobility.

The analysis of the biographical work should follow the heuristics developed by Reiter (2010: 27ff.). He developed a framework to analyse strategies which help individuals to deal with the uncertainty of transitional moments. He offers three patterns of mental attitude towards an insecure future. The pattern of 'continuation' involves looking for meaningful and successful tradition (experience) in the past and trying to establish a contingency between this successful past and an unknown future. The pattern of 'liberation' implies a positive evaluation of uncertainty which is seen as progress in creativity and self-actualization. This pattern is associated 'with estrangement from social background' and orientation towards potentially unconventional standards of achievement (ibid.: 28). The pattern of 'trajectory' means lowering one's career goals and focussing on the current working situation, the family and/or relationships without any attempt to initiate significant changes. The individual tries to make the best of a bad bargain and to come to regard his or her unappealing situation as "normal". Reiter's framework is a promising foundation for the proposed project from which we aim at investigating individuals' biographical work to identify typical strategies (ideal types).

The notion of career orientations and the career self-management strategies of adolescents follows Kels (2008). His research focuses on the interpenetration of career concepts, aspirations and coping strategies of individuals in relation to specific career or life-stages and opportunity structures. Careers are thought to be embedded in different social contexts (social roles and relationships inside and outside work), and time structures (retrospective and prospective reflections on biography and career transitions). Individuals' career aspirations, plans and decisions refer to these social contexts in multiple, intersected dimensions:

- They relate to normative concepts and beliefs about a 'good life', 'work-life-balance', job satisfaction and career success;
- They rely on the access to resources relevant to personal development and progression (gatekeepers, qualifications, training, social networks);
- They are influenced by perceived or experienced boundaries and opportunities (job market and career prospects, qualifications and competencies necessary to gain entrance and to progress, gender segregation and discrimination);
- Life-stages, life-situations and lifestyles have an essential impact on the subjective career definitions and strategies to integrate work and life roles.

Career politics therefore refer to the entire ensemble of individual interpretations, orientations, tactics and strategies for influencing one's professional career in the inter-

play with perceived or experienced opportunities and boundaries for career advancement, recognition, or development in the context of labour markets, occupations and with respect to social relations and life stages (see Evetts 2000: 63; Hitzler/Pfadenhauer 2003; Moen/Sweet 2004; Kels 2008: 226-231). Career politics can be understood as (roughly speaking) reflexive modes coping and mediating with constraints and boundaries individuals are faced with in their career field (profession, occupation, organization) and life situation, pursuing their personal definition of career success.

The proposed project aims a multidimensional analysis. It could be best implemented by the combination of the methods of Kels and Reiter because it would allow a theoretically grounded analysis of the wide range of subjective theories and individual strategies in the social context from the interdisciplinary perspective.

References

1. Apitzsch, Birgit (2010): Informal Networks and Risk Coping Strategies in Temporary Organizations: The Case of Media Production in Germany. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*, 11(1), Art. 4.
2. Clausen, John (1993): *American lives. Looking back at the children of the Great Depression*. Berkeley: University of California Press.
3. Edmondson, Amy (1999): Psychological Safety and Learning Behavior in Work Teams, *Administrative Science Quarterly* 44(2): 350-383.
4. Evetts, Julia (2000): Analysing Change in Women's Careers: Culture, Structure and Action Dimensions. *Gender, Work and Organization* 7 (1): 57-67.
5. Geissler, Birgit & Oechsle, Mechthild (1996): *Lebensplanung junger Frauen. Zur widersprüchlichen Modernisierung weiblicher Lebensläufe*. Weinheim: Beltz.
6. Giddens, Antony (1991): *Modernity and self-identity*. Stanford: Stanford University Press.
7. Granovetter, Mark (1995): *Getting a job*. Chicago: University of Chicago Press.
8. Greenhaus, Jeffrey & Callanan, Gerard A. (2006): *Encyclopedia of career development*. Thousand Oaks: Sage.
9. Moen, Phyllis & Sweet, Stephen (2004): From 'Work-Family' to 'Flexible Careers'. A life course reframing. *Community, Work & Family*, 7(2): 209-226.
10. Mortimer, Jeylan T. & Johnson, Monika K. (1998): New perspectives on adolescent work and the transition to adulthood, in: Jessor, R. (ed.): *New perspectives on adolescent risk behaviors*. New York: Cambridge University Press, pp. 425-496.
11. Heinz, Walter (2002): Transition discontinuities and the biographical shaping of early work careers. *Journal of Vocational Behavior* 60: 220-240.
12. Heinz, Walter (2004): From Work Trajectories to Negotiated Careers: The Contingent Work Life Course, in: Mortimer, Jeylan & Shanahan, Michael J. (eds.): *Handbook of the Life Course*. New York: Springer, pp. 185-204.
13. Hitzler, Ronald & Pfadenhauer, Michaela (Eds., 2003): *Karrierepolitik. Beiträge zur Rekonstruktion erfolgsorientierten Handelns*. Opladen: Leske + Budrich.
14. Hurrelmann, Klaus (2006): *Einführung in die Sozialisationstheorie*. Weinheim: Beltz.
15. Hoerning, Erika M. (1995): Biographische Sozialisation. Theoretische und forschungspraktische Verankerung, in: Hoerning, Erika M. (Hrsg.): *Biographische Sozialisation*. Stuttgart: Lucius & Lucius, S. 1-20.
16. Kels, Peter (2008): *Arbeitsvermögen und Berufsbiographie. Karriereentwicklung im Spannungsfeld zwischen Flexibilisierung und Subjektivierung*. Frankfurt: VS Verlag.
17. Kerckhoff, Alan C. (2004): From Student to Worker, in: Mortimer, Jeylan & Shanahan, Michael J. (eds.): *Handbook of the Life Course*. New York: Springer, pp. 251-267.
18. Kovacheva, Siyka (2001): Flexibilization of Youth Transition in Central and Eastern Europe. *Young* 9(1): 41-60.
19. Leisering, Lutz (2004): Government and the Life Course, in: Mortimer, Jeylan & Shanahan, Michael J. (eds.): *Handbook of the Life Course*. New York: Springer, pp. 205-225.

20. Lópes Blasco, Andreu; McNeish, Wallace; Walter, Andreas (2003): Young people and the contradictions of inclusion: Integrated Transition Policies in Europe. Bristol: Policy Press.
21. Lawrence Harrison, Samuel Huntington (eds.) Culture Matters: How Values Shape Human Progress. — New York: Basic Books.
22. Pohl, Axel & Walter, Andreas (2007): Activating the disadvantaged. Variations in addressing youth transitions across Europe, in: International Journal for Lifelong Education, 26(5): 533-553.
23. Reiter, Herwig (2008): Dangerous Transitions in the 'New West' – Youth, Work, and Unemployment in Post-Soviet Lithuania. Florence: European University Institute.
24. Reiter, Herwig (2010): Context, Experience, Expectation, and Action – Towards an Empirically Grounded, General Model for Analyzing Biographical Uncertainty. Forum Qualitative Sozialforschung/ Forum: Qualitative Social Research, 11(1), Art. 2.
25. Rieger, Elmar & Leibfried, Stephan (2004): Kultur versus Globalisierung. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
26. Rindfuss, Ronald R., Cooksey, Elizabeth C. & Sutterlin, Rebecca L. (1999): Young adult occupational achievement. Early expectations versus behavioral reality. Work & Occupations, 26 (2): 220-263.
27. Schilling, Elisabeth (2008): Future Concepts in Russia and Germany. Different approaches to planning in the global society. 21st Century Society, 3 (2): 131-142.
28. Schoon, Ingrid & Silbereisen, Rainer K. (2009, eds.): Transitions from School to Work: Globalisation, Individualisation, and Patterns of Diversity. Cambridge: Cambridge University Press.
29. Seifert, Hartmut (2005): Was bringen die Hartz-Gesetze? In: Aus Politik und Zeitgeschichte, 16: 17-24.
30. Senghaas-Knoblich, Eva (2008): Wohin driftet die Arbeitswelt? Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
31. Statistical Yearbook (2010): Statistisches Bundesamt Deutschland. www.destatis.de
32. Walter, Andreas (2006): Regimes of Youth Transitions. Choice, flexibility and security in young people's experiences across different European contexts, in: YOUNG, 14(2): 119-141.
33. Walter, Andreas (2009): "It was not my choice, you know?" Young people's subjective views and decision making processes in biographical transitions, in: Schoon, Ingrid & Silbereisen, Rainer K. (eds.): Transitions from School to Work: Globalisation, Individualisation, and Patterns of Diversity. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 121-145.
34. Wohlrab-Sahr, Monika (1992): Über den Umgang mit biographischer Unsicherheit – Implikationen der "Modernisierung der Moderne", in: Soziale Welt 43 (2): 217-236.
35. Wohlrab-Sahr, Monika (1993): Biographische Unsicherheit. Formen weiblicher Identität in der "reflexiven Moderne": das Beispiel der ZeitarbeiterInnen. Opladen: Leske + Budrich.
36. Zinn, Jens O. (2010): Biography, Risk and Uncertainty—Is there Common Ground for Biographical Research and Risk Research [59 paragraphs]. Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research (1), Art. 15.

Семантика городской среды в романах Генриха Бёлля

С.В. Шиндель, кандидат культурологи, доцент
Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина
Саратов, РФ

Статья посвящена определению роли семантики городской среды Кёльна и других рейнских городов в романах немецкого писателя Генриха Бёлля "Бильярд в половине десятого" и "Глазами клоуна".

Ключевые слова: Генрих Бёлль, городская среда, немецкая литература.

В мае 2011 года в немецком культурно-информационном центре имени Гёте в Саратове состоялся семинар «Этнокультурный компонент в изучении немецкого языка». Почетными гостями мероприятия стали Кнут Хайне и Фред Боргнер – 2 учителя, носителя немецкого языка и культуры. На вопрос, «Что есть в Германии, что можно назвать типично немецким явлением?», Кнут Хайне, недолго подумав, ответил: «Кёльн».

И действительно, история Кёльна уходит корнями в глубину веков. 5000 лет назад здесь были древние укрепления кельтов, что подтверждается археологическими находками в районе Линденталь. Однако история Кёльна как постоянного поселения начинается в 38 г. до н. э. Укрепленное поселение было основано Марком Випсанием Агриппой, полководцем императора Августа после переселения на левый берег Рейна дружелюбного римлянам германского племени Убиев. Жившие здесь ранее Эбуроны были разбиты войсками Гая Юлия Цезаря. В 15 г. н. э. в этом посёлке, окружённом дремучими германскими лесами, в семье полководца Германика рождается Агриппина, которая и считается матерью-основательницей города Кёльна. Город называли Колония Агриппины, а к Средневековью осталось только «Колония», на местном простонародном наречии – Кёльн.

Кёльн, с его знаменитым собором, символизирует ту самую рейнско-католическую среду Германии, которую так любил известный писатель Генрих Бёлль и принадлежность к которой всегда стремился подчеркнуть. В статье «О себе самом» Бёлль писал: «Родился в Кельне, 21 декабря 1917 года, в то время, как мой отец, солдат ландштурма, стоял в карауле на мосту; в самый голодный год мировой войны у него родился восьмой ребенок; двое детей умерли еще в младенчестве; я родился в то время, когда мой отец проклинал войну и болвана кайзера, памятник которому он позднее мне показывал» [1, 9].

Кёльн всегда отличался вольнолюбивым духом – это был город, где «государственная власть не воспринималась слишком всерьез, где Гитлера забросали цветочными горшками...», город, который «...своим юмором знаменит не меньше, чем го-

тическим собором. Юмором, пугающим в своем официальном проявлении, но порой великим и мудрым на улице» [1]. Впрочем, в этом юморе таилась и роковая немецкая беспечность. В своих Франкфуртских лекциях Генрих Бёлль вспоминал свои школьные годы: «...я стоял вместе с тысячами кёльнских школьников, выстроенных вдоль тротуаров, когда он (Геринг (прим. автора)) ехал по улицам... я предчувствовал, что гражданское легкомыслие моих земляков сделает их бессильными против неотвратимо надвигающейся беды. Спустя несколько лет... расплачивались по счетам позже – нами, когда мы, к тому времени неожиданно став мужчинами, старались расшифровать постигшую нас всех беду...» [1, 10].

Закончилась война, в декабре 1945 года Генриху Бёллю исполнилось 28 лет; возвратившись в родной город, молодой писатель был поражен – Кёльн был практически стерт с лица земли. Вся жизнь Генриха Бёлля связана с Кёльном: здесь он учился – сначала в народной школе, затем в государственной классической гимназии Кайзера Вильгельма; после войны восстанавливался в Кёльнский университет, и в тоже время работал подсобным рабочим в столярной мастерской своего брата. Здесь у него появились два сына, и здесь же он похоронил отца. В последний год жизни Генрих Бёлль по решению Кёльнского городского Совета стал почетным гражданином города. Земля Северный Рейн-Вестфалия присвоила Бёллю титул профессора. В Кёльне действует архив писателя, который возглавляет его сын – Рене Бёлль, в его фонде хранятся рукописи Бёлля, переписка.

Итак, жизнь писателя была тесно связана с кёльнской землей. Иначе обстоит дело со средой обитания героев его произведений. В статье мы попытаемся «погрузиться» в городскую среду бёллевских персонажей, определить роль ее семантики на примере романов «Бильярд в половине десятого» и «Глазами клоуна».

Уже на первой странице романа «Бильярд в половине десятого» упоминается атмосфера, царящая на Модестгассе: «Паровозный дым, копоть от выхлопных газов и уличная пыль каждый раз давали ей повод достать из ящика шерстяную тряпку и жидкость для чистки меди; ей (Леоноре прим. автора) нравилось коротать время за этим занятием, растягивая удовольствие на четверть, а то и на полчаса [2, 3]. Или другие строки: «...Напротив, в доме 8 по Модестгассе, за пыльными стеклами окон были видны типографские машины, которые неутомимо печатали что-то назидательное на белых листах бумаги» [2, 3]. Показательна в предложении семантическая опозиция – пыльные стекла окон/белые листы бумаги.

Кроме конторы по статистическим расчетам и типографии, на Модестгассе есть еще два объекта, заслуживающие внимания читателя – овощная лавка и мясной павильон Греца: «на улице кипела жизнь; перед овощной лавкой громоздились ящики с апельсинами, помидорами, капустой. А в соседнем доме, перед мясной Греца, два подмастерья вывешивали тушу кабана – темная кабанья кровь капала на асфальт» [2, 18]. Стоит упомянуть еще два присутственных места в романе: кафе «Кронер» и отель «Принц Генрих». Именно в «Принце Генрихе» каждый вечер главный персонаж Фёмель играет в бильярд; красноречива атмосфера самого отеля: «... серый осенний свет, отражаясь от лиловых плюшевых портьер казался почти серебристым; фигуры запоздалых гостей, завтракавших в ресторане отеля были обрамлены портьерами, при этом освещении все выглядело порочным, даже яйца всмятку, а простодушные лица почтенных матрон казались лицами развратных женщин; кельнеры во фраках, в чьих глазах светилась готовность ко всему, напоминали вельзевулов – личных посланцев Асмодея. А ведь они были всего-навсего безобидными членами

профсоюза, усердно изучавшими после работы передовицы в своей профсоюзной газетенке» [2, 68]. Игра в бильярд, упоминание одних и тех же присутственных мест – все это свидетельствует также о неизменности и замкнутости жизненного пространства персонажей. Неслучайно и то, что в романе «Бильярд в половине десятого» библейское осмысление получают экзистенциальные проблемы противостояния добра и зла, жизни и смерти, любви и ненависти. В произведении неизменно присутствуют два мира: один мир принадлежит принявшим причастие буйвола («Sakrament des Buffels»), другой – принявшим причастие агнца («Sakrament des Lammes»). В одном мире «обитают» наци – сторонники зла и насилия, обреченные коричневой чумой на духовную смерть, другой – населяют достойные представители немецкого народа, для которых нацизм – страшное неприемлемое настоящее. При этом разделение на буйволов и агнцев, выбор того или иного причастия сугубо добровольно и происходит в какое-то определенное время. Те роли, которые избрали для себя герои романа, тоже выбраны добровольно; от них можно отказаться...но, единожды выбрав путь, персонажи романа неизменно следует законам выбранного мира/причастия.

В романе часто встречаются слова «Грузовики, подмастерья, монахины...» – они становятся рефреном при описании среды персонажей. Однако в тексте нет никакого указания на то, где, в какой части Германии расположен город, в котором происходит действие, отсутствует его название. В тоже время в тексте приводятся названия небольших населенных пунктов, имеющих косвенное отношение к сюжетной линии романа: Шильгенауэль, Глудум, Блессенфельд... Однако, в реальности таких городов не существует. Можно предположить, что Билефельд – город земельного подчинения на северо-востоке земли Северный Рейн – Вестфалия послужил прообразом Бёллевского Блессенфельда, но это только предположение. Вымышленными являются и названия памятников архитектуры: церковь Святых Севатия и Бонифация, аббатство Святого Антония, церковь Святого Северина, Гонориускирхе. Невольно у читателя возникает ощущение путешествия в виртуальной реальности – по Германии Генриха Бёлля – стране, где «отсутствует» география, но остались декорации для моделирования той или иной среды, в которой разворачивается действие. Достаточно вспомнить слова молодой матери Иоганны Феммель, потерявшей на войне всех своих детей: «Вот, пожалуйста, тысяча девятьсот двадцать восьмой год – мать держит за руку двух красивых сыновей, одному из них тринадцать, другому одиннадцать, рядом стоит отец с сигарой во рту, он улыбается; на заднем плане виднеется не то Эйфелева башня, не то замок святого Ангела, не то Бранденбургские ворота; выбери себе декорацию по вкусу; быть может это берег моря в Остенде или башня Святого Северина, или же киоск, где продается лимонад в Блессенфельдском лесу» [2, 75].

В романе «Глазами клоуна», напротив, уже на первой странице упоминается название города, где происходит действие. Ганс Шнир, комический актер, получивший травму колена, возвращается домой: «Когда я приехал в Бонн, уже стемнело;...» [3, 3]. И далее: «В Бонне все идет не так как повсюду; в этом городе я никогда не выступал, здесь я живу, и такси, которое я подзываю, подвозит меня не в гостиницу, а домой» [3, 5]. Итак, Ганс Шнир, оставшийся фактически без средств к существованию, вынужден обратиться за помощью к самым близким людям – к матери, отцу, брату. Поселившись в отеле, Ганс продолжает размышлять: «В Бонне я родился, знаю здесь каждую собаку; в этом городе живут мои родственники, знакомые, товарищи по

школе. В Бонне у меня родители и брат Лео, который при горячем участии Цюффнера обратился в католичество и изучает сейчас богословие. Родителей мне придется повидать, это совершенно необходимо хотя бы для того, чтобы уладить с ними денежные дела» [3, 7]. Размышления комического актера лишены сентиментальных иллюзий: он возвращается в родной край не для того, чтобы погрузиться в томящую душу ностальгию, а только лишь за тем, чтобы поправить свое материальное положение. Надо сказать о том, что Ганс Шнир – наследник состоятельных родителей – владельцев шахт по добыче бурого угля. Однако уже после беседы по телефону с матерью и скоротечной встречей с отцом, юноша понимает, что помощи ему ждать не откуда. Так, микромир/семья и макромир/Бонн наполнены для Ганса Шнира ощущением неприкаянности, отчуждения, неприютности. «У Бонна – размышляет главный герой – есть своя прелесть, прелесть сонного болота; ведь существуют женщины, чья сонная грация кажется привлекательной. Конечно, Бонну противопоказаны всякие преувеличения, а сейчас этот город преувеличен во всех смыслах. Город, который не выносит утрировки, невозможно изображать на сцене, и уже одно это – редкое качество. Даже дети знают, что боннский климат как бы специально создан для старичков рантье: здесь будто бы существует какая-то связь между давлением воздуха и кровяным давлением» [3, 11]. В Бонне Ганс Шнир останавливается на один день, но даже этого времени достаточно, чтобы появилось желание покинуть его: «Я слишком долго пробыл в Бонне, почти два часа, а боннский воздух, если дышать им такой срок, теряет свои целебные свойства» [3, 41].

Помимо Бонна в произведении упоминаются населенные пункты, в которых главному герою доводилось выступать перед публикой. Это – Бохум, Клеве, Аахен – три города в земле Северный Рейн-Вестфалия. Если соединить их на карте одной линией – получится разносторонний треугольник – фигура, демонстрирующая замкнутость, а если еще учесть тот факт, что гастроли происходили в одних и тех же городах, то можно с уверенностью говорить о неизменности жизненного пространства героя. Кстати, из такого же «треугольника» происходил родом и сам Бёлль: «... Все мои родственники, – признавался писатель – происходили из треугольника Клеве, Аахен, Кёльн, а это, если угодно, католический ландшафт. Земля тут католическая, куры католические, и собаки тоже, и брюква, что тут растет, и все остальное, что тут растет. Я вижу все это в материальном, даже материалистическом духе» [4]. Единственное отличие – в городской триаде Шнира упоминается Бохум, в триаде Бёлля – Кёльн.

Итак, проанализировав тексты двух романов, нам представляется возможным выразить смысл городской среды у Бёлля семантической триадой: неприютность-замкнутость-неизменность. Негативная семантика городской среды в произведениях Бёлля вполне объяснима: такова атмосфера разрушенной страны – послевоенной Германии.

Литература

1. Бёлль Г. О самом себе // Город привычных лиц: рассказы. – М.: Молодая гвардия, 1964. – С. 9.
2. Бёлль Г. Бильярд в половине десятого / Пер. с нем. / Составл. и предисл. П. М. Топера // Избранное. – М.: Радуга, 1988. – С. 205-421.
3. Бёлль Г. Глазами клоуна. – М.: Издательский дом Мещерякова, 2007. – 272 с.
4. Топер П.М. Свидетель и участник обновления / П.М. Топер // Г. Бёлль. Избранные произведения. – М.: Панорама, 1994. – С. 485-493.

Die Bedeutung der städtischen Umgebung in den Romanen von Heinrich Böll

S.W. Schindel, Kandidat der Kulturologie, Dozentin
Staatliche Technische Universität namens Y.A. Gagarin
Saratow, RF

Dieser Artikel widmet sich der Bestimmung der Semantik der städtischen Umgebung in den Romanen „Billard um halb zehn“ und „Ansichten eines Clowns“ des deutschen Schriftstellers Heinrich Böll.

Schlüsselwörter: Heinrich Böll, städtische Umgebung, deutsche Literatur.

Im Mai 2011 fand ein Seminar im Goethe- Kulturinformationszentrum in Saratow zum Thema „ethno-kulturelle Komponente im Studium der deutschen Sprache“ statt. Ehrengäste der Veranstaltung waren Kurt Heine und Fred Borgner. Sie sind Lehrer und Muttersprachler. Auf die Frage, was es in Deutschland geben würde, dass man als typisch deutsche Erscheinung bezeichnen könne, antwortete Kurt Heine ohne lange nachzudenken Köln.

Und tatsächlich reicht die Geschichte Kölns bis in die Tiefen der Jahrhunderte. Vor 5000 Jahren waren hier keltische Festungen, welche durch archäologische Funde im Gebiet Lindenthal bestätigt wurden. Jedoch beginnt die Geschichte Kölns mit beständiger Besiedelung bereits 38 v.Chr. Feste Siedlungen wurden von Marcus Vipsanius Agrippa gegründet. Er war ein Feldherr des Imperators Augustus. Nach der Übersiedlung zum linken Rheinufer befreundete sich der deutsche Stamm der Ubier mit den Römern und baute Festungen. Die früheren Bewohner dieses Gebietes, Eburon, wurden von den Truppen Gaius Julius Cäsar geschlagen. Im 15. Jahrhundert n.Chr. gebar in dieser Siedlung in einem dichten Wald eine Germanin Agrippa, welche als Mutter des Begründers Kölns gilt. Die Stadt wurde Colonia Agrippa genannt, doch bis zum Mittelalter blieb nur Colonia übrig. Diese Bezeichnung wurde in der örtlichen Sprache zu Köln.

Köln mit seinem bekannten Dom symbolisiert genau dieses rheinische, katholische Mitteldeutschland, welches der bekannte Schriftsteller Heinrich Böll so mochte. Und auch diese Zugehörigkeit, welche Böll stets versuchte zu unterstreichen. Über sich selbst schreibt er: «Geboren in Köln, am 21. Dezember 1917, während mein Vater als Landsturmmann Brückenwache schob; im schlimmsten Hungerjahr des Weltkrieges wurde ihm das achte Kind geboren; zwei hatte er schon früh beerdigen müssen; während mein Vater den Krieg verfluchte und den kaiserlichen Narren, den er mir später als Denkmal zeigte».

Köln zeichnete sich immer durch einen freiheitsliebenden Geist aus. Es war eine Stadt, wo weltliche Macht nie so recht ernst genommen worden ist; wo man Hitler mit Blumentöpfen bewarf. Eine Stadt, dessen Humor, so berühmt wie der Dom, in seiner offiziellen Erscheinungsform schreckenerregend, auf der Straße manchmal von Größe und Weisheit. Heinrich Böll war in Köln auf einer Volksschule und später auch auf einem staatlich klassischen Gymnasium des Kaisers Wilhelm. Nach dem Krieg studierte er an der Universität in Köln und arbeitete nebenbei als Hilfsarbeiter in der Schreinerwerkstatt seines Bruders. Hier wurden ihm zwei Söhne geboren und hier hat er seinen Vater beerdigt.

Als der Krieg zu Ende ging, wurde Heinrich Böll im Dezember 1945 28 Jahre alt. Er kehrte in seine Heimatstadt zurück. Der junge Schriftsteller war niedergeschlagen, denn Köln wurde praktisch dem Erdboden gleich gemacht. An die frühere Herrlichkeit erinnerte nur der Kölner Dom: zwei Türme, die sich wie früher über die Stadt erhoben. Es besteht die Meinung, dass die beiden Türme, welche die höchsten Punkte der Stadt waren, den Piloten zur Orientierung dienten, um den Dom vor der Zerstörung zu schützen.

Man sieht, dass das Leben des Schriftstellers Bölls unzerreißbar mit der rheinisch-katholischen Umgebung verbunden war. Und wenn Kafka zu Prag gehört und Thomas Mann zu München, so gehört der Nobelpreisträger Heinrich Böll zu Köln. Auf Entscheidung des Kölner Stadtrates wurde der Autor zum Ehrenbürger der Stadt ernannt und das Bundesland Nordrhein-Westfalen verlieh Böll den Titel des Professors. In seinen Werken schrieb Böll gleichbleibend über Deutschland. Im vorgestellten Artikel versuchen wir nun nicht nur den Lebensraum Bölls zu vertiefen sondern auch den seiner Figuren. Außerdem versuchen wir die Semantik dieser Umgebungen am Beispiel der Romane „Billard um halb zehn“ und „Ansichten eines Clowns“ zu bewerten.

Als erstes wenden wir uns dem Roman „Billard um halb zehn“ zu. Schon auf der ersten Seite des Romans „Billard um halb zehn“ wird an die königliche Atmosphäre in der Modestgasse erinnert: «Eisenbahndämpfe, der Schleim der Auspuffgase, Straßenstaub gaben ihr täglich Grund, den Wollappen und das Putzmittel aus der Schublade zu nehmen, und sie liebte es, diese Putzminuten auf eine viertel, eine halbe Stunde auszudehnen» (1, 5). Oder: «Drüben im Haus Modestgasse 8 konnte sie hinter staubigen Fenstern die stampfenden Druckereimaschinen sehen, die unermüdlich Erbauliches auf weißes Papier druckten» (1, 5). Es zeigt sich ein Vorschlag einer semantischen Opposition in den „staubigen Fenstern“ und dem „weißen Papier“.

Außer dem Amt für Statistik und der Druckerei befinden sich auf der Modestgasse noch zwei Objekte, die die Aufmerksamkeit der Leser verdienen: der Gemüseladen und das Fleischgeschäft der Gretzens. «Lastwagen, Lehrjungen, Nonnen; Leben auf der Straße, Kisten vor Gemüseläden: Apfelsinen, Tomaten, Kohl. Und am Nebenhaus, vor Gretzens Laden, hängten zwei Lehrjungen gerade den Keiler auf, dunkles Wildschweinblut tropfte auf den Asphalt» (1, 5). Weiterhin sind das Cafe „Kroner“ und das Hotel „Prinz Heinrich“ zwei erwähnenswerte Orte.

Im Hotel „Prinz Heinrich“ spielt die Hauptfigur Fähmel jeden Abend Billard. Es herrscht eine sehr vielsagende Atmosphäre im Hotel an sich: «...graues Herbstlicht fiel von dem violetten Samtvorhang fast silbern zurück; von Velourvorhängen eingerahmt, frühstückten verspätete Gäste; selbst die weichgekochten Eier sahen in dieser Beleuchtung lasterhaft aus, biedere Hausfrauengesichter wirkten in diesem Licht verworfen; Kellner, befrackt, mit einverstandenen Augen, sahen aus wie Beelzebubs, Asmodis unmittelbare Abgesandte; und waren doch nur harmlose Gewerkschaftsmitglieder, die nach Feierabend beflissen die Leitartikel ihres Verbandsblättchens lasen;» (1, 21). Auch das Billardspiel ist einer der handelnden Orte. Dies alles bezeugt eine *Unveränderlichkeit* und *Verschlossenheit* des Lebensraumes der handelnden Figuren. Nicht zufällig werden im Roman „Billard um halb zehn“ mit Hilfe von biblischen Gedanken existenzielle Probleme, wie Gutes und Böses, Leben und Tod und Liebe und Hass gegenübergestellt. Im Werk lassen sich zwei unveränderliche Welten finden: Eine Welt gehört zum „Sakrament des Büffels“ und die andere zum „Sakrament des Lammes“. Eine Welt „bewohnen“ die Nazis. Sie sind Anhänger des Bösen und der Gewalt, verdammt zu einem geistlichen Tod. Den anderen Teil bevölkern würdige Vertreter des deutschen Volkes, für welche der

Nazismus schreckliche und unannehmbare Wirklichkeit ist. Dabei ist die Unterscheidung in Büffel und Lämmer und die Wahl des einen oder anderen Sakramentes völlig freiwillig und sie. Im Roman trifft man oft auf die Wörter „Lastwägen, Lehrlinge und Mönche“. Sie werden zu einem Kehrreim bei der Beschreibung der Umwelt der Figuren. Jedoch gibt es keinen einzigen Hinweis darauf in welchem Bundesland sich die Stadt der Handlung befindet, es fehlt die Bezeichnung. Gleichzeitig lassen sich Bezeichnungen von kleinen, örtlichen Punkten finden, welche indirekt eine Beziehung zur Sujetlinie des Romans haben: Schilgenauel, Gludum, Blessefeld. Allerdings existieren diese Orte in der Wirklichkeit nicht. Man könnte vermuten, dass es sich um Bielefeld handelt. Die Stadt, die im Nord-Osten Nordrhein-Westfalens liegt, ähnelt in gewisser Weise der von Böll beschriebenen Stadt Blessefeld. Doch dies ist nur eine Vermutung. Als erfunden erweisen sich auch einige Bezeichnungen der Architekturdenkmäler z.B. Kirche Abtei des Heiligen Antons und die Gonoriuskirche. Ungewollt entsteht bei dem Leser der Eindruck einer Reise in einer virtuellen Realität durch das Deutschland Heinrich Bölls. Eine Reise in ein Land, in dem die Geografie fehlt, doch die Dekoration für eine Modellierung dieser oder jener Umgebung erhalten ist und in dieser Umgebung bewegt sich die Handlung. Daran erinnern auch hinreichend die Worte der jungen Mutter Johanna Fähmel, welche im Krieg alle ihr Kinder verlor: «...bitte: das Jahr 1928 - zwei hübsche Söhne an der Hand der Mutter; der eine dreizehn Jahre, der andere elf; der Vater mit der Zigarre im Mund daneben, lächelnd; im Hintergrund der Eiffelturm - oder ist es die Engelsburg, vielleicht das Brandenburger Tor? - such dir die Kulissee aus; vielleicht auch die Brandung in Ostende oder der Turm von Sankt Severin, die Limonadenbude im Blessefelder Park?» (1, 86).

Allerdings werden im Roman auch real existierende kirchliche Denkmäler genannt. Im Roman wird an die Kirche des Heiligen Bonifatius und Servatius, sowie an die Kirche des Heiligen Severin erinnert. Man kann vorschlagen, dass es sich im ersten Falle um die Kirche des Heiligen Bonifatius handelt. Das Kirchengebäude im neoromantischen Stil wurde von dem Architekten Ludwig Becker entworfen. In den Jahren 1909 bis 1910 wurde sie in Dortmund erbaut. Am Ende des zweiten Weltkrieges wurde die Kirche während der Bombardierungen stark zerstört, doch 1951 begann man das Gebäude zu rekonstruieren.

Die andere Kirche, Kirche des Heiligen Severin, befand sich auf der Severinstraße. Diese Straße war im Mittelalter die Hauptverbindungsstraße von Köln und Bonn. An beiden Seiten dieses Weges befanden sich römische Grabstätten (nicht zufällig werden deshalb vielleicht römische Grabstätten erwähnt). Ein Teil der gefundenen Grabsteine werden im römisch-germanischen Museum in Köln aufbewahrt. Außerdem befinden sich in der Kirche die Reliquien des dritten Kölner Bischofs Severin. In den Jahren des zweiten Weltkrieges während der Bombardierung der Briten wurde die Kirche des Heiligen Severin zerstört. Im März 1953 verlieh Papst Pius XII der Kirche des Heiligen Severin den Titel Basilika minor.

Im Roman „Ansichten eines Clowns“ wird schon auf der ersten Seite der Name der Stadt, in der die Handlung spielt, genannt. «Es war schon dunkel, als ich in Bonn ankam...» (2, 13). Hans Schnier, ein Komiker, welcher durch einen Clown traumatisiert wurde, geht nach Haus: «In Bonn verlief immer alles anders; dort bin ich nie aufgetreten, dort wohne ich, und das herangewinkte Taxi brachte mich nie in ein Hotel, sondern in meine Wohnung» (2, 20).

Hans Schnier ist praktisch ohne existenzsichernde Mittel und ist daher gezwungen seine engsten Verwandten, seine Mutter, seinen Vater und seinen Bruder, um Hilfe zu bitten. Als er nun im Hotel ist, denkt Hans weiter nach: «Ich bin in Bonn geboren und kenne hier viele Leute: Verwandte, Bekannte, ehemalige Mitschüler. Meine Eltern wohnen hier, und mein Bruder Leo,

die unter Züpfner Patenschaft konvertiert ist, studiert hier katholische Theologie. Meine Eltern würde ich notwendigerweise einmal sehen müssen, schon um die Geldgeschichten mit ihnen zu regeln» (2, 26). Die Gedanken des Komikers zeigen sentimentale Illusionen. Er kehrt zurück in sein Heimatland, aber nicht um in einem träumerischen Geist der Nostalgie zu trauern, sondern um seine materielle Situation zu verbessern. An dieser Stelle muss man erwähnen, dass Hans Schnier, der Nachkomme wohlhabender Eltern, Inhaber eines Kohleabbau-schachtes ist. Allerdings schon nach dem Telefongespräch mit seiner Mutter und dem flüchtigen Treffen mit seinem Vater versteht der junge Mann, dass auf ihn keine Hilfe wartet. Somit erfüllt die Mikrowelt Familie und auch die Makrowelt Bonn Hans Schnier mit einer Empfindung der *Hilflosigkeit*, der *Entfremdung* und auch *Einsamkeit*. «Bonn hat immer gewisse Reize gehabt, - meint Hans - schlafrige Reize, so wie es Frauen gibt, von denen ich mir vorstellen kann, da ihre Schlafrigkeit Reize hat. Bonn verträgt natürlich keine Übertreibung, und man hat diese Stadt übertrieben. Eine Stadt, die keine Übertreibung verträgt, kann man nicht darstellen: immerhin eine seltene Eigenschaft. Es wei ja auch jedes Kind, da das Bonner Klima ein Rentnerklima ist, es bestehen da Beziehungen zwischen Luft- und Blutdruck» (2, 93).

In Bonn war Hans Schier einen Tag, doch schon diese Zeit war genug für ihn, um zu wissen, dass er nicht länger dort bleiben wollte: «Ich war schon zu lange in Bonn, fast zwei Stunden, und nach dieser Frist ist die Bonner Luft als Luftveränderung keine Wohltat mehr» (2, 178).

Neben Bonn werden im Werk noch weitere Orte erwähnt, in denen es sich für den Hauptprotagonist ergab vor Publikum aufzutreten. Das waren Bochum, Kleve und Aachen, drei Städte in Nordrhein-Westfalen. Wenn man diese Städte mit einer Linie verbindet, erhält man ein ungleichseitiges Dreieck. Diese Figur demonstriert Verslossenheit und wenn man noch den Fakt bedenkt, dass die Nebenfiguren aus einer dieser Städte kommen, kann man mit Sicherheit über eine Unveränderlichkeit des Lebensraumes des Helden sprechen. Selbst Böll und sein Geschlecht stammen aus diesem katholischen „Dreieck“: Kleve – Aachen – Köln. Der einzige Unterschied besteht darin, dass im Städtedreieck von Schnier Bochum und in dem von Böll Köln zu finden ist.

Das bedeutet in den Romanen „Billard um halb zehn“ und „Ansichten eines Clowns“ spiegelt eine semantische Triade aus *Einsamkeit*, *Verslossenheit* und *Unveränderlichkeit* die Atmosphäre einer städtischen Umgebung in einem zerstörten Land wieder. Ein solches Land war das Nachkriegsdeutschland. Ein Land, dem ein mühsamer Weg der Wiedergeburt bestimmt war, um zu einem modernen Staat zu werden.

Heinrich Böll erkannte immer seine Heimatverbundenheit und bewies diese in der Wirklichkeit. Beginnend in seiner Jugend lehnte er den Eintritt in die Hitlerjugend ab, dann diente er sechs Jahre im Krieg, welchen er hasste und dort wurde er auch vier Mal verletzt. Sein ganzes Nachkriegsleben widmete er dem sittlichen Wiederaufbau Deutschlands. Und so wie Heinrich Böll das Bild der veränderten Heimat in seinen Werken verewigte, so ist das Bild das sich aufopfernden Heinrich Bölls im modernen Deutschland verewigt. In Berlin kann man ein Heinrich-Böll-Denkmal sehen. In Köln gibt es eine Bibliothek über die Geschichte des germanischen Judaismus. Einer der Gründer ist Heinrich Böll. Dort befindet sich auch ein Archiv des Schriftstellers, welches von seinem Sohn Rene Böll geleitet wird. Dort werden seine Handschriften und Briefe ausbewahrt.

Zum Schluss darf man den Heinrich-Böll-Platz in Köln nicht vergessen, welcher zwischen dem Dom und dem Bahnhof liegt. Auf diesem Platz hat 1986 der israelische Architekt Danie

Kravan das Denkmalmonument für die Gefallenen entworfen. Auf den Platz kann man aus Richtung der Promenade über kleine Stufen gehen, vorbei an Wasserbecken und Springbrunnen. Von hier aus eröffnet sich ein wunderschönes Panorama. Über dem Rhein erstreckt sich eine schlanke Metallbrücke mit Pferdefiguren vier bekannter Personen aus der Familie der Hohenzoller. Daher berühren sich im modernen Deutschland die Geschichte und geistliche, unveränderliche Werte: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft. Die Geschichte und Werte, die ohne Heinrich Böll unverstellbar sind.

Literatur

1. Böll H. Billiard um halb zehn. Deutscher Taschenbuch Verlag. Ungekürzte Ausgabe. 1. Auflage April 1974. 12. Auflage Juni 1983: 256.
2. Böll H. Ansichten eines Clowns. Verlag Kiepenheuer & Witsch, Köln. Textbereinigte Ausgabe. 21. Auflage 1997: 238.

СОДЕРЖАНИЕ

II.1. РОССИЯ – ТИПЫ И ОБРАЗЫ ГОРОДОВ	3
Зубаревич Н.В. Крупные города России:	
по материалам мониторинга	4
Воронина Н.И. Полиэтнический город: времена и нравы	8
Гайкин В.А. Особняк на Санаторной – контрапункт новейшей истории	17
Гун Г.Е. Южно-Уральский город как социокультурный феномен	19
Дуков Е.В. Городская культура России: новые веяния	23
Зиновьева О.А. Концепция времени и пространства сталинской Москвы:	
утопия и реальность	28
Злотникова Т.С. Время старого города	34
Иливицкая Л.Г. «Быстрые» и «медленные» города: к постановке проблемы	44
Кобозева З.М. Город и мещане: в поисках утраченного рая	49
Кондаков И.В. Пермь – закрытый город	54
Конева А.В. Трансформация романтического образа	
в разных режимах воображения: «Ленора» – замыслы и воплощения	63
Курина В.А. Образование в городской культуре	68
Лисовец И.М. Актуальные художественные практики	
в трансформации постсоциалистического города	74
Лукашева С.С. Личность исполнителя в городской культурной среде	78
Мигранов М.С. Изменения в общественном сознании	
населения Уфы в первые послевоенные годы	82
Новикова Н.Л. Идентификация человека в координатах	
городского пространства	90
Прудникова В.А. Уровень развития региональных	
образовательных систем: инструменты сравнения	95
Райманн М. Петербург и время. Интервью с Ю.М. Лотманом	101
Сиротина И.Л. Пространства современного города	107
Трубина Е.Г. Мегасобытия как часть популярной культуры	115
Цукер А.М. Массовая музыка как образ времени	122

II. II. «ГЛОБАЛИЯ»: МЕТОДОЛОГИЯ И ОБРАЗ ГОРОДА 137

Бусыгина И.М. Развитие города как проблема общественного договора: европейский опыт и российская практика	138
Голованивская М.К. О методе синтаксического описания территории	141
Абрамова А.С., Чичёва С.Е. Исторический город и идентичность	
Голубков С.А. Маркеры городского пространства, их смысл и функции	148
Грибер Ю.А. Социальная хромодинамика городского пространства	158
Добрякова М., Филатова Е., Гулеватенко И. Книга профессора М.С. Кагана «Град Петров» – в Самаре, Дюссельдорфе, Бонне, Брюсселе: 2002 г.	
Культурологическая теория и имиджевые практики	163
Конев В.А. Многомерность города	168
Костромицкая А.В. Трансформация границ городского пространства: теоретический и практический аспекты	174
Петровский М.С. Город и время: как вы понимаете?	183
Римон Е.Я. Освящение времени: штрихи к описанию хронотипа малого города	187
Саньоль М. Шок в большом городе: Берлин, Париж, Москва, Самара, Лион, Дрезден	194
Скотникова Н.С. Бирмингем – Бирмингемский университет – русские ученые	202
Федорова Е.С. Из истории мультикультурного наследия России (Тифлис – Петербург – Москва – Ялта – Штутгарт – Гейдельберг)	205
Шиллинг Е. Хронотипы будущего у молодежи разных городов Европы (Кельн, Самара, Берн)	213
Шиндель С.В. Семантика городской среды в романах Генриха Бёлля	227

CONTENT

II.I. CITIES OF RUSSIA	3
Zubarevich N.V. Large cities of Russia: on monitoring materials	4
Voronina N.I. Polyethnic City: Times and Ways	8
Gaikin V.A. Mansion at the the Sanatornaya station as a counterpoint of modern history	17
Gun G.E. Southern Ural City as Sociocultural Phenomenon	19
Dukov E.V. City culture of Russia: new trends	23
Zinovieva O.A. The concept of Time and Space in Stalinist Moscow: Utopia and Reality	28
Zlotnikova T.S. Ancient Town's Life Space	34
Ilivitsky L.G. «Fast» and «slow» cities: of the problem statement	44
Kobozeva Z.M. City and groundling: in search of lost paradise	49
Kondakov I.V. Perm as a Closed Town	54
Koneva A.W. Transformation of a romantic image in different modes of imagination: «Lenora» – plans and embodiments	63
Kurina V.A. Education in the urban culture	68
Lisovets I.M. Actual artistic practices are in transformation of postsocialist city	74
Lukasheva S.S. The identity of the performer in urban cultural environment	78
Migranov M.S. Changes in public consciousness of the population of Ufa in the first post-war years	82
Novikova N.L. Human being identification in city space coordinates	90
Prudnikova V.A. Level of the development of the regional educational systems: instruments of comparison	95
Reimann M. St. Petersburg und die Zeit. Interview mit Y.M. Lotmann	101
Sirotnina I.L. Modern city spaces	107
Trubina E.G. Mega-Events as Part of Popular Culture	115
Tsuker A.M. Mass music as image of time	122

II.I. WORLD CITIES	137
Busygina I.M. Development of the city as a problem of the social contract: European experience and Russian practice	138
Golovanivskaya M.K. On the syntax-oriented method of territorial interpretation	141
Abramova A.S., Chichova S.E. The historic city and identity	148
Golubkov S.A. Die Markore des Stadtischen Raumes, ihr Sinn und die Funktion ..	152
Griber Yu.A. Social chromodynamics of urban space	158
Dobriakova M., Filatova E., Gulevatenko I. Das Buch von Professor M. Kagan «Grad Petrov» in Samara, Dusseldorf, Bonn, Brussel: 2002. Kulturwissenschaft und City Branding	163
Konev V.A. Multidimensionality of the city	168
Kostromitskaya A.V. Transformation of city space boundaries: theoretical and practical aspects	174
Petrovsky M.C. City and time: how do you understand?	183
Rimon E.J. Time consecration: strokes to the description chronotype the small city	187
Sagnol M. Der Schock der Großstadt: Paris, Berlin, Moskau	194
Skotnikova N.S. Birmingham – Birmingham University – Russian scientists	202
Fedorova E.S. From history of a multicultural heritage of Russia (Tiflis – Petersburg – Moscow – Yalta – Stuttgart – Heidelberg)	205
Schilling E. Future Chronotypes of Youth from Different European Cities (Cologne, Samara, Bern)	213
Schindel S.W. Die Bedeutung der städtichen Umgebung in den Romanen von Heinrich Böll	227

Приложение

Содержание тома I

Котельников Г.П. Синий – цвет Волги и неба
Щукин Ю.В. Город в городе: пространство студента
Крюков Н.Н. Инновационная работа гуманитарных кафедр
Колсанов А.В. Научно-техническая платформа: понятие, перспективы и имиджи

1.1. ВОЛЖСКИЙ ГОРОД: ОБРАЗ - ИМИДЖ - БРЕНД

Бурлина Е.Я., Иливицкая Л.Г., Кузовенкова Ю.А. Волга и Самара: образы разного времени
Бурлина Е.Я., Иливицкая Л.Г., Кузовенкова Ю.А.
Глазами других и своих: о Волге, Самаре и волжском характере
Алекушин Г.В., Карлина А.А., Репинецкий А.И., Устина Н.А., Цлаф В.М. Историко-рефлексивный метод в стратегических разработках
Барaboшина Н.В. Малый город в России: как сохранить горожан в городе
Браташова С.А. Одиссея раннего Саратова.
Совместные проекты. Самара – Дюссельдорф – Штутгарт – Бохум. К Году Германии в России 2012/13
Вохрышева М.Г. Творческое сотрудничество вузов (Самара – Штутгарт)
Голубинов Я.А. Образ волжского города: от краеведения к регионалистике
Денисов Д.В. Самара и волжские города в районе Самарской Луки с точки зрения мифологии пространства и “широтной” компаративистики
Долонько В.В. Музеи и фестивали актуального искусства в индустриальном российском городе
Ефимова И.Н., Маковейчук А.В. Формирование эффективного имиджа Нижнего Новгорода как фактор развития его межрегиональных и международных экономических, научно-образовательных и культурных связей
Жоголева А.В. Самарские городские пространства эпохи становления постиндустриального общества
Завальный А.Н. Константин Карлович Грот
Завальный А.Н. Образы города и самосознание горожан.
По страницам самарских газет и журналов
Иливицкая Л.Г. Безымянка: в поисках самоидентификации
Костина Н.В. «Островок» в городской цивилизации
Кривопадова Н.Ю. Особенности формирования нового имиджа Самары в первые послереволюционные годы
Кузовенкова Ю.А. Три образа Самары – три эпохи города
Лейбград С.М. Самара – родина слонов (беглые литературные заметки о городе литературных беглых)
Лысова Н.Ю. Волжский исторический город в отечественной живописи XIX – начала XXI в.
Лысова Н.Ю., Бокурадзе Д.С.
Театральное пространство как содержательная грань городской среды
Орлова О.Н. Функции современного городского пейзажа на материалах Ярославля, Казани, Самары
Рафикова К.В. Музей как “место памяти” города
Римон Е.Я. На Волге широкой
Ростова А.В., Желнина Е.В. Отношение жителей моногорода к инновациям
Рущинская И.И. Образы поволжских городов в региональных путеводителях второй половины XIX – начала XX в.: особенности самопрезентации
Соломина И.Ю. Социальная память города: формы запоминания и забвения
Чернова В.А. Образы Самары в живописи «семидесятников»

I.II. ГОРОД МОЛОДЕЖИ И ВРЕМЯ МОЛОДЕЖИ В ГОРОДЕ

«Модерн», «пиво», «футбол» и «космос».

Имиджевые проекты молодежи. Креативные группы и идентификация

Структура времени студентов в городе

“Музей Волги” в Самаре

I.III. 1992 – 2012: ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Бурлина Е.Я., Голубинов Я.А. Самара: 1992 – 2012.

Конференция “Мифы провинциальной культуры”

Самара, 2 мая 1992 г. Международный симпозиум

“Мифы провинциальной культуры” (аналитический обзор)

Content vol. I

Kotelnikov G.P. Dark blue – color of Volga and the sky

Schukin Yu.V. City in the city: space of the student

Kryukov N.N. The innovative work of Humanitarian Chairs

Kolsanov A.V. Scientific and technological platform: concept, reality and prospects

I.I. CITIES ON THE VOLGA

Burlina E.J., Ilivitsky L.G., Kuzovenkova Y.A. The Volga and Samara: images of different time

Burlina E.J., Ilivitsky L.G., Kuzovenkova Y.A. Looking with eyes of the others and with your own ones:

The Volga, Samara and the Volga character

Aleksushin G.V., Karlina A.A., Repinetsky A.I., Ustina N.A., Tslaf V.M.

Historical-reflective method in strategy working out

Baraboshina N.V. Small town in Russia: how to keep the citizens in the city

Bratashova S.A. Odyssey of early Saratov

The joint projects Samara – Dusseldorf – Stuttgart – Bochum.

For the Year of Germany in Russia 2012/13

Vokhrysheva M.G. Creative Cooperation of High Schools (Samara – Stuttgart)

Golubinov Y.A. Image of Volga city: from local history view to regional studies

Denissov D.V. Samara und die Wolgastadte rund um den Samara Wolgabogen:

Mythologie des Raumes und “Breiten” – Vergleichsanalyse

Dolonko V.V. Museums and festivals of actual art in the industrial Russian city

Yefimova I.N., Makoveychuk A.V. Effective image formation of Nizhny Novgorod as the factor

of development for its interregional and international economic,

scientific and educational and cultural relations

Zhogoleva A.V. City spaces of Samara in the time of post-industrial society

Zavalny A.N. Konstantin Karlovitch Grot

Zavalny A.N. Images of the city and the identity of citizens.

On pages of newspapers and magazines Samara

Ilivitsky L.G. Bezmyanka: in the search

Kostina N.V. «Island» in urban civilization

Krivopalova N.Y. Peculiarities of forming the new image of Samara city in the first post-evolution years

Kuzovenkova J.A. Three images of Samara – three epochs of the city

Leybgrad S.M. Samara – home of elephants (fluent literature notes about the city of literary fugitives)

Lysova N.Y. Historical City on Volga in the Russian Painting of the XIX – early XXI century

Lysova N.Y., Bokuradze D.S. Theatre space as meaningful fase of urban environment
Orlova O.N. Functions of the modern urban landscape on the materials of Yaroslavl, Kazan and Samara
Rafikova K.V. Museum als Erinnerungsort der Stadt
Rimon E.J. On wide Volga
Rostova A.V., Zhelnina E.V. The relation of inhabitants of monocities to innovations
Rutsinskaya I.I. The peculiarities of self-presentation of Volga cities
in regional guidebooks of the second half of XIX – early XX centuries
Solomina I.Y. Social memory of city: the forms of memorization and forgetfulness
Chernoff V.A. Images of Samara in the painting «seventies»

I.II. YOUTH PROJECTS AVOUT VOLGA AND SAMARA

«Modern», «beer», «football» and «space». Image projects the youth. Creative group and identification
The structure of the time students
“The Museum of Volga” in Samara

I.III. 1992 - 2012: TWENTY YEARS LATER

Burlina E.J., Golubinov Y.A. Samara: 1992 – 2012. From the Conference
“Myths of the provincial culture”
Samara, May 2, 1992. International Symposium “Myths of the provincial culture” (analytical review)

Научное издание

«Город и время»

В 2 томах. Том 2
тематический выпуск
2012 г.

Тираж   экз. Заказ

Авторы проекта:

Е.Я. Бурлина, Л.Г. Иливицкая, Ю.А. Кузовенкова

Город и время

в 2 томах

Интернациональный научный альманах «Life sciences», тематический выпуск 2012 г.

Издание, предпринятое в рамках проекта «Города – страна – Волга. Региональная культура и имидж города»

Предлагаемый читателю сборник **«Город и время»** является тематическим выпуском интернационального научного альманаха «Life sciences», который издают Самарский государственный медицинский университет и Институт Stadt-Land-Globalia в Дюссельдорфе. Альманах – подиум для обмена академическими идеями и практическим опытом. В Год Германии в России подобное совместное издание особенно актуально.

Прежние выпуски (2008 – 2011 гг.) были посвящены инновационным, биомедицинским проблемам и связям российских ученых-медиков с Дюссельдорфом, Эссеном, Ганновером и другими университетскими центрами. Альманах 2012 года рассматривает гуманитарные и имиджевые проблемы города. Альманах «Город и время» состоит из 2 томов.

В 1-м томе представлены работы российских и зарубежных авторов, посвященные образам волжских городов.

Во 2-м томе собраны статьи о городах России и мира. Они написаны университетскими учеными из российских регионов от Самары и Екатеринбурга до Владивостока и Ростова-на-Дону. Известные авторы из Украины, Башкирии, Германии, Израиля, Франции, Швейцарии совместно со своими российскими коллегами обнаруживают общие подходы.

Большое значение имеет темп развития города – **хронотип**. Исследования показывают, что в современном мире есть «быстрые» и «медленные» города. Привлекательность «быстрых» городов особенно высока.

Authors of the project almanac **«City and time»** were Elena Burlina, Larissa Ilivizkaya, Julia Kuzovenkova. This almanach «City and time» is a thematic issue of international scientific Almanac «Life sciences», published by Samara State Medical University and the Institute «Stadt-Land-Globalia» in Düsseldorf. Almanac is a platform for exchange of academic ideas and practical experiences. In the year of «Germany in Russia» this publication is particularly up-to-date.

Earlier editions (2008 – 2011) were devoted to innovation, biomedical problems and cooperation between Russian medical scientists to Düsseldorf, Essen, Hanover and other university centers. Almanac «The city and time» consists of 2 volumes.

In the first volume presents the works of Russian and foreign authors, specially devoted to images of cities on the Volga.

In the second volume collects articles on Russian cities and the world. They are written by scientists from different Russian regions: from Samara to Yekaterinburg and from Vladivostok to Rostov-on-Don. The distinguished authors from Ukraine, Bashkiria, Germany, Israel, France, Switzerland, together with their Russian colleagues find common approaches.

Of great importance is the tempo of development of a city – **the chronotype**. Studies show that in the modern world there are «fast» and «slow» cities. Thereby the attractiveness of the «fast» cities is particularly high.